

Иван Ильин Наши задачи-Том II

Иван Ильин Наши задачи Том II

Предпосылки творческой демократии

То политическое течение, которое, по-видимому, преобладает в современном мире, должно быть обозначено как «фанатизм формальной демократии». Фанатизм – потому, что это течение превратило Свой лозунг в «исповедание веры», в панацею (всеисцеляющее средство), в критерий добра и зла, в предмет слепой верности и присяги; так как надо было выбирать между тоталитарным режимом и формальной демократией, ибо ничего больше нет (тогда как на самом деле есть еще многое другое!). Это есть фанатизм формальной демократии, которая сводит все государственное устройство к форме всеобщего и равного голосования, отвлекаясь от качества человека и от внутреннего достоинства его намерений и целей, примиряясь со свободой злоумышления и предательства, сводя все дело к видимости «бюллетеня» и к арифметике голосов (количество).

Но в действительности такая «демократия» ни от чего не обеспечивает: ни от всеобщей продажности, ни от предательских заговоров, ни от эксплуатации плутами слабых, добрых, темных и глупых, ни от анархии, ни от тирании, ни от тоталитаризма. История (1914-1951) только что дала новые жестокие уроки, присоединившиеся к прежним (из эпохи греко-римской, из эпохи Возрождения и из революций нового времени). Но разве фанатик внемлет урокам исторического опыта? Сколько раз формальные демократии вырождались, теряли свою творческую силу и губили государства! И нам, русским патриотам, совершенно необходимо додуматься в этом вопросе до конца и договориться друг с другом.

Демократический строй далеко не всегда и не везде у места. Он имеет свои необходимые основы или «предпосылки»: если нет их налицо, то ничего, кроме длительного разложения и гибели, демократия не дает.

Каковы же эти предпосылки творческой демократии?

1. Первое: народ должен разуместь свободу, нуждаться в ней, ценить ее, уметь пользоваться ею и бороться за нее. Все это вместе должно быть обозначено, как искусство свободы. Нет его – и демократия обречена.

Дело в том, что свобода совсем не состоит в «развязании» граждан или в «разнуздании» народа, но в замене «внешней связанности», идущей «сверху», – внутренней самосвязью, самодисциплиной. Свободный народ сам знает свои права, сам держит себя в пределах чести и закона; он знает, для чего ему дается свобода; он наполняет ее верной творческой инициативой – в религии, самоуправлении, в хозяйстве, в общении, в науке и в искусстве. Он не пойдет за негодами, соблазняющими его «вседозволенностью», но заставит их замолчать. Он не позволит тоталитаристам отнять у него свободу, но сумеет отстоять ее.

Народ, лишенный искусства свободы, будет достигнут двумя классическими опасностями: анархией и деспотией.

Если он воспримет свободу, как вседозволенность и начнет злоупотреблять ею (попирать все законы, вторгаться в чужие жилища, грабить чужое имущество, убивать своих действительных или мнимых врагов, разрушать, жечь и громить), то настанет анархия, которая сначала поведет страну и государство к гибели, а потом сменится тиранией – иногда своей, внутренней; иногда иностранной, завоевательной.

Если же он не поймет, на что ему нужна свобода, и не сумеет ею воспользоваться, то он отдаст ее любому авантюристу за обещания частного или классового прироста. Он продаст ее тому деспоту, который сумеет разжечь его страсти, организовать свой беззащитный кадр, увлечь людей несбыточными планами и «наградить» толпу «хлебом и зрелищами». Тогда демократия погибнет. История свидетельствует об этом бесчисленное множество раз.

Не ясно ли, что первая опасность (анархия) настигла Россию в 1917 году – и осуществителем ее был Владимир Ульянов, и что вторая опасность (деспотия) настигла Германию в 1933 году – и осуществителем ее был Адольф Гитлер?

2. Второй предпосылкой творческой демократии является достаточно высокий уровень правосознания.

В каждом из нас есть две силы, обычно противостоящие друг другу: сила инстинкта и сила духа. Инстинкт, взятый сам по себе и не обузданный духом, – есть волк в человеке: он хищен, коварен и жесток. Но он хитрее и изворотливее лесного волка. Человек голого инстинкта – не ведает ни веры, ни совести, ни жалости, ни чести; он посмеивается над честностью, презирает доброту, не верит ни в какие принципы. Для него все хорошо, что ему выгодно. Он ищет богатства и власти. Он именно таков, каким его с восторгом и преклонением описал Фридрих Ницше в своем антихристианском произведении «Воля к власти», где Ницше призывает к «верховному зверю», «к единому» и злему человеку с «веселым брюхом», с грубым и диким нравом, к безбожному наслаждению.

Бездуховному инстинкту противостоит дух в человеке, начало сердца, разумной воли, ответственного предстояния и совести. Дух проявляется в жажде священного, в искании Бога, в способности к самообладанию и к деятельной любви. Правосознание есть одно из основных его проявлений: «я есмь личность с духовным достоинством и правами, я знаю, что мне можно, должно и чего нельзя; и такую же свободную и ответственную личность я вижу в каждом другом человеке».

Человек, имеющий здоровое правосознание, есть свободный субъект прав; он имеет волю к лояльности (законопослушанию), он умеет блюсти и свои, и чужие полномочия, обязанности и запретности; он есть живая опора правопорядка, самоуправления, армии и государства. Человек, лишенный правосознания, подобен зверю и ведет себя, как волк. Человек, способный только к повиновению из страха, превращается в волка, как только отпадает страх. Человек без чувства ответственности и чести – не способен ни к личному, ни к общественному самоуправлению, а потому не способен и к демократии.

Если в народе нет здравого правосознания, то демократический строй превращается в решето злоупотреблений и преступлений. Беспринципные и пронырливые люди оказываются продажными, знают это друг про друга и покрывают друг друга: люди творят предательство, наживаются на этом и называют это «демократией». Спасти их и их страну от гибели может только строгий авторитарный (отнюдь не тоталитарный!) режим.

3. Третьей предпосылкой является хозяйственная самостоятельность гражданина. Я

разумею при этом не богатство, и не предпринимательство, и не земельную собственность, но личную способность и общественную возможность кормить свою семью честным, хотя бы и наемным трудом. Свободный гражданин должен чувствовать себя в жизни самостоятельным работником, не извергнутым из жизни своей страны, но органически включенным в реальный жизнеоборот. Только тот, кто чувствует себя самокормильцем, приносящим пользу своему народу, имеет основу для независимого суждения в политике для неподкупного волеизъявления и голосования. Он имеет под ногами некую творческую почвенность и в душе тот реальный образ мыслей, который возводит к верному пониманию государственного хозяйства и к верному ощущению государственных польз и нужд. Без этого демократия быстро вырождается в непрерывную схватку беспочвенных рвачей: о государстве и его устройении, о родине и ее спасении не думает никто, потому что все заняты личной добычей.

Человек, лично неспособный к честному труду, есть профессионал темных путей, опасный проныра, мастер плутни, продажный рукогрей. Он живет вне правопорядка и правосознания и потому оказывается политическим идиотом. После проигранных войн, гражданских войн и длительных революций – в стране оказывается неисчислимое множество таких отбившихся от дела авантюристов, как бы созданных для того, чтобы разложить и погубить всякую демократию. Удачливые выходят в «нувориши» (многоденежные выскочки); неудачливые создают готовый наемный кадр для всевозможных «псевдогенералов», для крайних партий, для иностранного шпионажа и разбойных банд.

Человек, не имеющий общественной возможности кормить свою семью честным трудом, есть трагическое явление безработного. Он не повинен в своем несчастье и нередко сам с ужасом следит, как длительная безработица деморализует его и губит. С массовой безработицей справиться чрезвычайно трудно, ибо она вызывается сложными причинами: хозяйственными кризисами, перенаселением, экономической отсталостью страны, разрушительными войнами и революциями. А эти причины легче поддаются гениальной инициативе одного человека, если таковой найдется, чем парламентской разноголосице.

На обоих этих путях демократия гибнет от обилия в стране черни, отвыкшей от честного труда и жаждущей подачек, развлечений и авантюр. Историк, конечно, вспомнит вырождение древнеримской демократии, разложение итальянской гражданской общины в эпоху Возрождения, войну Белой и Алой розы в Англии, русскую Смуту, тридцатилетнюю войну в Германии и первую французскую революцию; он вспомнит еще семь миллионов безработных в предгитлеровской Германии, учет состояния некоторых держав в современной Европе – и присоединит к этому прогноз для послебольшевистской России.

* * *

Устанавливая основные предпосылки живой и творческой демократии, мы должны далее указать на следующее:

4. Есть минимальный уровень образования и осведомленности, вне которого всякое голосование становится своею собственной карикатурою. Здесь нужна не элементарная грамота, которая позволяет человеку вместо «приложения руки», вымазанной чернилами, нарисовать буквами свою фамилию. Здесь нужно понимание самого выборного процесса и предлагаемых программ, умная оценка кандидатов, понимание государственного и экономического строя страны и его нужд, верное видение политических, международных и военных опасностей; и, конечно, приобщенность к источникам правдивых сведений.

Баба Авдотья рассказывала в 1917 году о своем участии в избрании «учредительного собрания»: «Пришла я этта в волость, на крыльце люди толпятся; спрашивают – ты на выборы? на выборы... – что, откеда? – говорю: Авдотья Митрошкина, с Погорелых Выселок, – отыскали они на бумажке, чего-й-то отметили, а мне на ладонь крест поставили мелом, иди, говорят, домой, проголосила; ну, я и пошла»... Так социалисты-революционеры составляли свое «большинство» в «учредилке». Недостаточно и такого образования, чтобы

принять правильно выписанный чек от партийного секретаря, поджидающего «грамотных избирателей» перед входом к урнам...

Есть уровень необразованности, малообразованности и неосведомленности, при котором голосует не народ, а обманываемая толпа; и из этого возникает не демократия, а охлократия (правление темной толпы). И нужно быть совсем наивным, чтобы воображать, будто люди, которым обманно морочили головы 30-40 лет, завтра станут «сознательными гражданами», способными разобраться в государственном вреде и политической пользе: стоит только провозгласить «свободу» и «равенство» – и все сейчас же объявят себя сторонниками республики и федерации, Керенского и Федотова, ибо «верно» поймут «благо» государства...

5. Но и этого мало: необходим политический опыт, которого в будущей России будут лишены и более образованные слои, и менее образованные массы.

Надо вдуматься и представить себе все отчетливо. Тридцать – сорок лет подряд голодом, страхом и пыткой людей отучали от самостоятельного мышления, от политической и хозяйственной инициативы, от ответственного решения; и с утра до вечера, от рождения до смерти людям завивали души мертвыми и ложными схемами вульгарного марксизма и пошлостями «диамата». Каких граждан, каких демократов готовила этим коммунистическая власть? Не граждан, а рабов, тоталитарного государства; не политиков, а до смерти напуганных карьеристов; не деятелей, а пролаз и доносчиков – готовил советский режим; людей, совершенно лишенных государственного кругозора и честного, – да, именно, честного, – опыта и самостоятельного, – да, именно, самостоятельного, – разумения.

Человек, пролежавший в тюрьме тридцать лет, заморенный в цепях, разучившийся стоять и ходить, – какой же он участник спортивного состязания? А демократия есть именно политическое спортивное состязание... Этого человека надо под руки водить, а не наваливать на него десятипудовые мешки ответственности...

Какая наивность, какая безответственность, какая историческая слепота нужны для того, чтобы воображать, будто навыки тоталитарного приказчика и тоталитарного поденщика могут создать на что-нибудь способную «демократию»... Как низко расценивают современные «демократы родом из России» – тот режим, которому они присягают! Годы, годы должны пройти до тех пор, пока русский человек опомнится, стряхнет с себя эти унижительные навыки и, встав во весь рост, найдет опять свой уклад, свое достоинство, свою русскую самостоятельность и свою независимую талантливую сметку.

Есть такая политическая неопытность, при которой «народное самоуправление» невозможно и при которой демократия может быть только фальсифицирована, как при позорной памяти «учредилке» 1917 года. На это-то, конечно, и возлагаются надежды.

6. А между тем настоящая, творческая демократия предполагает в человеке еще целый ряд свойств и способностей, без которых она становится обманым лицедейством и разбазариванием национального достояния.

Участнику демократического строя необходимы личный характер и преданность родине, черты, обеспечивающие в нем определенность воззрения, неподкупность, ответственность и гражданское мужество. Нет этого – и он пустое место, картонный кирпич в стене, гнилое бревно, проржавевшее кольцо в цепи, заранее обеспеченный предатель. Демократический режим, в котором такие люди преобладают, – не рушится только тогда, когда некому толкнуть его. Бесхарактерные люди неспособны ни к какому благому начинанию; они только кажутся людьми; они мнимые величины. Граждане, научившиеся интернационализму, суть граждане всех остальных государств, только не своего собственного. Голосователи, не имеющие определенных воззрений и не умеющие их отстаивать, подобны тем резиновым игрушкам-зверюшкам, которых надувают сзади и из коих потом чужой воздух выходит с писком, а сами они валятся на бок. Что же сказать о продажных? Ведь деньги-то будут только у иностранцев; а нищему – и вменить его продажность трудно. Человека, лишенного чувства ответственности, совсем нельзя подпускать ни к какому публичному делу: все погубит, словчится и скроется в толпе за ее

многоголовой неуловимостью. А гражданское мужество есть сущее условие жизни – для всего демократа, во всякой демократии.

Напрасно было бы указывать нам на историю западных народов. Уже в силу одного того, что это была иная история. И еще в силу того, что ни один из западных народов не искал спасения в демократии после 30-40-летнего тоталитаризма. И особенно в силу того, что то, что одному народу может быть и здорово, то может принести другому смерть! И как же не спросить себя: почему так трудно дается демократия балканским народам, азиатским народам и южно-американским народам? Спасала ли демократия Испанию или губила? Почему Германия, начиная историю своей демократии сто лет назад, кончила тоталитарным крушением? Почему демократический режим, разыгрываемый по всем правилам парламента, никак не вывезет из оврага современную Францию, несмотря на ее политический опыт, цивилизованность и гражданственность? И в чем проявилась целебность демократии в современной Польше, Чехии, Венгрии и Румынии? Не следует ли раз навсегда оставить победоносный тон, аргументируя демократическим опытом на западе?

И пусть не найдется ни одного клеветника среди эмигрантских публицистов, который решится, вопреки всему, приписать нам скрытую симпатию к тоталитарному режиму. Мы видели левый тоталитаризм и правый тоталитаризм; мы испытали на себе оба режима вплоть до арестов, допросов, угроз, запретов, и даже более того. Мы имели возможность изучить оба режима до дна и относимся с нескрываемым нравственным и политическим отвращением к обоим.

Но о демократии мы мыслим гораздо выше и лучше, чем господа формальные демократы. И утверждаем следующее: страна, лишенная необходимых предпосылок для здоровой творческой демократии, не должна вводить у себя этого режима до тех пор, пока эти основные предпосылки не будут созданы. До тех же пор введение демократического строя может быть только гибельным для этой страны.

О грядущей диктатуре

Если таковы необходимые предпосылки творческой демократии (см. «Н.З.» с. 5, 8), то ясно, что при отсутствии их демократия перестает быть творческой государственной формой, а становится разлагающей. Желать ли нам для России такого разлагающего бесформия? Конечно, нет. Вся задача наша будет состоять на первых порах в том, чтобы сократить возможно более период неизбежного хаоса, который разольется в России после падения тоталитарного коммунизма. Нелепый и жизненно зловредный зажим был слишком длителен; террор, применявшийся им, был слишком жесток и беспощаден; несправедливость была безмерна; насилие было вызывающе; ставка все время делалась на бессовестных садистов, которые покупали подлецов, заговаривали глупцов и искореняли драгоценных русских людей. Негодование «загонялось внутрь», протесты заливались кровью. Как только люди почуют, что «режиму конец», так все закипит.

В чем выразится это «кипение»? Стоит ли это описывать? Одно можно сказать: искоренение лучших русских людей – оставляло жизнь и свободу худшим; система страха, пресмыкательства, лжи, лести и насилия снижала систематически нравственный уровень и вызывала на поверхность душ древние осадки жестокости, наследие татар. Надо предвидеть страшное, чего не остановят никакие уговариватели, что окажется непосильным для всех непротивленцев, как таковых. Сократить период самочинной мести, бесчинной расправы и соответствующего нового разрушения – сможет только национальная диктатура, опирающаяся на верные войсковые части и быстро выделяющая из народа наверх кадры трезвых и честных патриотов. Попытка же немедленно ввести «демократию» затянет это хаотическое кипение на непредвиденное время и будет стоить жизни огромному количеству людей, как виновных, так и невинных.

Кто этого не желает, тот должен требовать немедленной национальной диктатуры. Да, ответят мне, но – это диктатура должна быть «демократическая»! Это понятие может иметь три различных значения.

1. «Демократическая диктатура» может означать, во-первых, что диктатором должен быть партийный демократ.

Ждать добра от такого диктатора в России нет никаких оснований. Видели мы «всю полноту власти» в руках таких демократов: дивились на их красноречие, слышали их категорические отказы от усмирения погромов, видели, как они «защищали» свое учредительное собрание и как они бесследно скрылись за границу. Эти люди рождены для рассуждений, дискуссий, резолюций, интриг, газетных статей и бегства. Это люди позы, а не воли; люди пера, а не власти; люди сантимента, импонирующие только самим себе. А диктатору, спасающему страну от хаоса, необходимы: воля, сдерживаемая чувством ответственности, грозное импониование и всяческое мужество, военное и гражданское. Русские формальные демократы совсем не созданы для России, им место в Дании, в Голландии, в Румынии; их умственный горизонт совсем неподходящ для великой державы; их трепет за «чистоту» своих сентиментально-свободолюбивых одежд – противогосударствен; их склонность ко всяческой амнистии и к международной солидарности, их приверженность к традиционным лозунгам и отжившим схемам, их наивная уверенность в том, что народная масса состоит везде и всегда из прирожденных и благонамеренных демократов, – все это делает их водительство в послебольшевистской России чрезвычайно опасным и безнадежным. Среди них нет ни одного Носке, который справился в Германии с переворотом Каппа; ни одного Мока, как во Франции, ни одного Шельбы, как в Италии, ни одного Салазара, как в Португалии. И если в Соединенных Штатах этого не видят, то люди там просто слепы.

2. «Демократическая диктатура» может означать, во-первых, что дело будет передано в руки немногочисленного коллегиального органа (директории), который будет поставлен в подчинение многочисленному коллегиальному органу (парламент по кооптации, набранный из всех февральских зубров с присоединением распропагандированной эмигрантской молодежи и перебежавших коммунистов).

От такой «диктатуры» можно ждать только одного: самого скорого провала. Коллегиальная диктатура есть вообще внутреннее противоречие. Ибо сущность диктатуры в кратчайшем решении и в полновластии решающего. Для этого необходима одна, личная и сильная воля. Диктатура есть по существу своему учреждение военно-образное: это есть своего рода политическое полководчество, требующее глазомера, быстроты, приказа и повиновения. У семи нянек дитя бывает без глаза. Медицина не поручает операцию коллективному органу. Гофкригсрат есть заведение просто провальное. Дискуссия как бы создана для растраты времени и упущения всех возможностей. Коллегиальность органа означает – многоволие, несогласие и безволие; и всегда – бегство от ответственности.

Никакой коллегиальный орган не овладеет хаосом, ибо он сам по себе уже заключает начало распада. В нормальной государственной жизни, при здоровом политическом строе и при наличности неограниченного времени – это начало распада может быть преодолено с успехом в заседаниях, прениях, голосованиях, уговорах и переговорах. Но в час опасности, беды, смятения и необходимости мгновенных решений-приказов – коллегиальная диктатура есть последняя из нелепостей. Требовать коллегиальной диктатуры может только тот, кто боится диктатуры вообще и потому старается утопить ее в коллегиальности.

Римляне знали спасительность единовластия и не боялись диктатуры, давая ей полные, но срочные и целевые правомочия. Диктатура имеет прямое историческое призвание – остановить разложение, загородить дорогу хаосу, прервать политический, хозяйственный и моральный распад страны. И вот есть в истории такие периоды, когда бояться единоличной диктатуры значит тянуть к хаосу и содействовать разложению.

3. Но «демократическая диктатура» может иметь еще одно значение, а именно: во главе становится единоличный диктатор, делающий ставку на духовную силу и на качество

спасаемого им народа.

Не подлежит никакому сомнению, что Россия сможет возродиться и расцвести только тогда, когда в это дело вольется русская народная сила в ее лучших персональных представителях, – вся, сколько ее есть. Народы России, отрезвившиеся в унижениях, одумавшиеся в многолетней каторге коммунизма, постигнувшие, какой великий обман скрывается за лозунгом «государственного самоопределения национальностей» (обман, ведущий к дроблению, ослаблению и порабощению с тыла!), должны встать от одра, стряхнуть с себя паралич большевизма, братски объединить свои силы и воссоздать единую Россию. И притом так, чтобы все чувствовали себя не заморышами и рабами, застрашиваемыми из бюрократически тоталитарного центра, а верными и самостоятельными гражданами Российской Империи. Верными – но не рабами или холопами, а верными сынами и субъектами публичных прав. Самостоятельными – но не сепаратистами, или революционерами, или разбойниками, или предателями (ведь они тоже «самостоятельны»...), но свободными строителями, трудниками, слугами, гражданами и воинами.

Эту ставку на свободную и благую силу русского народа должен сделать будущий диктатор. При этом качеству и таланту должна быть открыта дорога вверх с самого низа. Необходимый отбор людей должен определяться не классом, не сословием, не богатством, не пронырливостью, не закулисными нашествиями или интригами и не навязыванием со стороны иностранцев, – а качеством человека: умом, честностью, верностью, творческой способностью и волею. России нужны люди совестливые и храбрые, а не партийные выдвиженцы и не наймиты иноземцев...

И если демократию понимать в этом смысле, в смысле всенародного самовложения, всенародного служения, творческой самостоятельности во имя России и качественного отбора вверх, – то поистине трудно будет найти порядочного человека, христианина, государственно мыслящего патриота, который не сказал бы вместе со всеми: «да, в этом смысле и я тоже демократ». И будущая Россия – или осуществит это и явит подлинную творческую народную силу, или расплывется, распадется и ее не будет. Мы веруем в первое; господа расчленители явно добиваются второго.

Итак, национальный диктатор должен будет:

1. сократить и остановить хаос;
2. немедленно начать качественный отбор людей;
3. наладить трудовой и производственный порядок;
4. если нужно будет, оборонить Россию от врагов и расхитителей;
5. поставить Россию на ту дорогу, которая ведет к свободе, к росту правосознания, к государственному самоуправлению, величию и расцвету национальной культуры.

Можно ли думать, что такой национальный диктатор выйдет из нашей эмиграции? Нет, на это нет никаких шансов. Здесь не должно быть иллюзий. И если, не приведи Бог, Россия оказалась бы завоеванной иностранцами, то эти последние посадили бы или своего иностранного тирана, или эмигрантскую коллегиальную диктатуру – для вящего позорного провала.

Ставка на количество

Когда читаешь статьи и программы современных русских зарубежных партий, то невольно удивляешься на ту торопливую беспечность, с которой они все (или почти все) спешат засвидетельствовать о своей «вере» в формальную демократию и «потребовать» для России западнодемократического строя.

Мотивы их, в сущности, понятны: 1. Они отвергают тоталитарный режим (и в этом они правы); но противопоставить ему они не умеют ничего, кроме западной формальной демократии (а это близоруко и беспомощно). 2. Они ищут опору у иностранных партий, закулисных организаций и тому подобной, заведомо нерусской или противорусской среды

(что всегда опасно или прямо губительно), а там без присяги формально-демократическому строю и разговаривать не хотят; вот и приходится приспособляться. 3. Только такой, формально-демократический строй обеспечивает им всем надежду на политическое фигурирование в будущем, а эмигрантская партия только и живет этой надеждой («я буду министром, ты будешь губернатором, он-она будут сенаторами»...). 4. Они все еще живут предрассудком, будто всякая демократия гарантирует человеку «права» и «свободу» и будто вне демократии «нет культуры» (то и другое опровергается историей).

Читая их журналы и газеты, понимаешь все это и все-таки удивляешься. Ведь «демократия» есть предмет не веры, а опытного знания. Что же, опыт тридцатилетней эмиграции, а нередко и шестидесяти-семидесятилетней жизни – не научил русских политиков, что демократия не есть величина однозначная и всюду сама себе равная? Неужели они доселе не поняли, что демократия не есть просто «государственная форма», которую можно нахлобучить любому народу, «сойдет-пойдет, не прямо, так набекрень»?.. Ведь демократия предполагает у народа хозяйственную самостоятельность гражданина, высокий уровень массового правосознания, личный характер, определенность политического понимания и воззрения, гражданское мужество и в особенности опытное понимание государственного дела (см. «Н.З.», с. 5, 8). Как же это они не уразумели, что западноевропейская формальная демократия – не есть ни единственная, ни лучшая разновидность демократии? .

России надо не заимствовать и не подражать, а искать и находить свое, только для нее подходящее. Нам, русским людям, надеяться не на кого; и бремя наше мы должны поднимать и нести сами. Не можем же мы надеяться на то, что какие-то другие, нерусские люди сумеют понять своеобразие России, постигнуть ее душу, ее дух, ее веру, ее природные трудности и внутренние (душевно-духовные!) недочеты и изобрести для России тот новый политический строй, который ей необходим... Иностранцы не знают России и не понимают ее; они боятся ее и собираются навязать нам свой политический штамп в расчете, что он разложит и обессилит Русское Государство.

А России действительно необходимо совсем особое и иное.

Автор этих строк нисколько не сомневается (и давно уже не сомневался), что народу подобает участвовать в политической жизни своего государства: это необходимо государству для единения, это может быть очень полезно правительству для осведомления и контроля, это важно, достойно и воспитующе для самого народа. Это имеет великое – духовное, нравственное, политическое, хозяйственное и военное значение. Но форма этого участия и степень этого участия должны соответствовать умственному и нравственному уровню народа, а также личным способностям и духовной зрелости человека. Вся задача состоит в том, чтобы научиться верно распознавать эти способности и верно распределять эти права. А эту задачу нельзя ни замалчивать, ни обходить.

Прошло то время, когда Ульянов-Ленин, этот рвений представитель русского политического радикализма, уверял, что «каждая кухарка» способна управлять государством. Уже в 1921-1922 годах он открыто выговаривал: «Мы люди вроде того как бы полудикие», «ни одного шага не умеющие делать со своими правами и со своею властью»; «нам необходимо прежде всего учиться читать, писать и понимать прочитанное»; нас «государством управлять в тюрьмах не учили» и т.д. Уже тогда этот умный авантюрист понял; что наболтал глупостей, что личная непорядочность и массовая некультурность коммунистов губит советское государство и что политика требует качества. Но ставка на беспринципного и безбожного коммуниста была уже сделана и ему оставалось выделять кверху негодный человеческий материал и губить качественных русских людей. Сталин продолжал это дело с еще большей свирепостью.

Совсем не считаться с качеством голосующего человека все-таки невозможно; и это молчаливо признается как общее правило всеми конструкциями и всеми партиями. Именно поэтому малолетним и невеликовозрастным избирательное право не предоставляется (еще неспособны); сумасшедшие также не голосуют и не избираются (уже неспособны);

уголовные преступники утрачивают на время или навсегда публичные права (доказали свою негодность). Вспомним еще и о женщинах, которым недавно «демократичнейшая» Швейцария в целом ряде кантонов снова отказала в избирательных правах, и притом в порядке всенародного голосования «референдума» (женщины имеют свое, неполитическое призвание).

Это означает, что есть категория людей, признаваемых неспособными и непризванными строить государство своим изволением; и еще, – что в разных государствах эти категории людей определяются различно.

Но вслед за тем у фанатиков формальной демократии начинается слепо-наивный и ничем не оправдываемый оптимизм; а может быть, и так, что эти люди не хотят видеть реальную жизнь и ее опасности... Все, все, все остальные признаются политически зрелыми гражданами, полноправными голосователями, компетентными судьями пользы и вреда, политического «добра» и «зла»: все они «признаны» распоряжаться законодательством, национальным воспитанием, обороной государства, благом народа, свободой, культурой и хозяйством страны – и притом независимо от того, какое невежество, какая деморализация и порочность, какая глупость, какой ограниченный кругозор и какие предательские замыслы живут в их душах...

Фанатики формальной демократии стремятся даже всемерно расширить право голосования: они жаждут признать политический авторитет за всяким взрослым-не-сумасшедшим, призвать к свободе некомпетентного и злокозненного суждения и допустить к урнам возможно больше количество обывателей.

Прежде всего – всех женщин, невзирая на органически верный принцип разделения труда («ты блюдешь дом, а я – на службе»; «ты строишь семейную жизнь, а я государство»); не считаясь с образованием женщин и их естественным, органическим бременем (деторождение); и совсем не оберегая их женственное достоинство, их высшее нравственное, духовное и религиозное призвание. Им надо выгнать всех женщин на митинги, на улицу, на трибуну, заставить их судить и рассуждать за пределами их подготовленности, вовлечь их в партийные раздоры, в политическую клевету, в ругань и драки (ибо теперь дерутся и в парламентах, и в сенатах!); им надо разложить множество браков и семей – партийно-политическим страстным разногласием между мужем и женой.

Затем они стремятся отодвинуть как можно дальше возрастной предел голосования: «Почему 21 год, а не 20? Почему не, 19? Почему не 18? Кто зарабатывает свой хлеб, тот взрослый гражданин. Самостоятельный заработок есть признак политической зрелости!»... Ну, что же, многие юноши и девушки зарабатывают себе на жизнь уже в школе: иной второклассник репетирует двух пригостишек, да так потом и кормится через всю гимназию. Кто не вспомнит десятилетних «папиросников» на улице? трактирных и лифтовых «пикколо»? В Западной Европе нередко пяти- и семилетние дети разносят по домам газеты... а в некоторых странах труд малолетних применяется в мастерских и на фабриках... А советские беспризорные несомненно сами зарабатывают себе на жизнь...

В революционной России господа «февралисты» пошли еще дальше: в марте 1917 года, на революционных радостях и в знак братского умиления, – они освободили из тюрем всех уголовных и дали им право голоса, о чем не без негодования и не без презрения свидетельствует начальник Всероссийского Уголовного розыска, умный и даровитый Аркадий Францевич Кошко (ныне покойный). Ну что ж, тюрьма – хорошая школа жизни, и «невинные страдальцы» (мошенники, грабители и убийцы) имели полное основание войти в радость февральского, а потом октябрьского режима и проявить свою «гражданственность»... И действительно, проявили!

«Обидели» только сумасшедших и обошли детскую...

Забыли дать свободу помешанным... Или, по крайней мере, произвести революционную проверку и демократическую чистку среди них, чтобы оставить вне голосования одних буйных и идиотов... Помилуйте, среди душевнобольных так много добрых и даровитых людей! Душевнобольными были поэт Батюшков, благороднейший Глеб

Успенский, даровитый Гаршин, гениальный Врубель, поэт Кельдерлин, романтик Шуман и столь популярный среди мистических дам стихописатель Райнер Мария Рильке... Да, наконец, сам Дмитрий Иванович Писарев, нигилистические заслуги коего общепризнаны и воспеты даже в энциклопедических словарях, – сидел в сумасшедшем доме, потому что вообразил себя «богом»... (факт!). Как же можно лишать сумасшедших права голоса – огульно?

Да и детей не следовало бы обижать: у них души чистые, доверчивые и добрые; они наверное стали бы голосовать за «справедливость» – все: галчата, волчата, пыжики, рыжики и все остальные...

К сожалению, надо признать, что это тяготение к расширению голосующего кадра считается у фанатиков формальной демократии сущим проявлением «демократичности» или прямо ее критерием: чем большее количество людей имеет право голоса, тем «демократичнее» данный режим... Ибо они исходят из ложного воззрения, будто человек «воистину» участвует в государственной жизни тогда и именно тем, что от времени до времени всовывает в государственную «урну» установленный билетик, чтобы высказаться по вопросу, в котором он мало или ничего не понимает, и выдать свое личное, классовое или партийное вожделение за всенародную и государственную пользу...

О политической порочности и слепоте

Когда наблюдаешь из года в год политическую жизнь в формальных демократиях запад, то изумляешься тому, до какой степени здесь начало количества подавило и вытеснило требования качества. Откуда эта уверенность, что государственное дело настолько элементарно, просто, общедоступно и легко постижимо, что для него не требуется никаких квалификаций – ни умственных, ни нравственных, ни политических? Сапожник долго учится сапожному делу, а в политике политическая подготовка якобы не нужна. Горшечник без умения ничего не стоит, а в государственных делах якобы понимает первый встречный, достигший двадцати лет и явно не буйствующий в сумасшествии, хотя бы его политическая компетентность равнялась нулю. Посмотрите, какую аналитическую силу суждения развивает рабочий из электрической мастерской; когда ему надо установить, почему у вас «перегорела пробка», он созерцает всю вашу квартиру, прослеживает путь проводов, мысленно, а потом и технически изолирует каждый выключатель и каждую лампу... И добивается своего. Он этому учился. Он владеет своим предметом. Он понимает, знает, судит и ответственно служит. А государственное дело бесконечно сложнее; политика бесконечно ответственнее; и горизонт здесь необходим совсем не квартирного масштаба...

И вдруг оказывается, что государство есть дело улицы. Подобно тому, как по улице всякий может ходить, всем позволено, все для этого хороши, так и в политике – качества не нужно. Тут никакой «компетентности» не надо: ни анализа, ни синтеза, ни сведений, ни понимания, ни ответственности; «ходи» – и все тут. Впрочем, и это иллюзия, ибо цивилизация на каждом ходу напоминает нам, что ходить по улице – есть целое искусство, а то как раз окажешься в больнице или в морге. Но судить в политике – выбирать, избираться, примыкать к партиям, требовать, сговариваться, в выгодную минуту промолчать, в другую минуту солгать, нырнуть, угодить и пролезть – это все доступно всякому, это дано всем «от природы», для этого ни качества, ни квалификации не требуется.

И вот политика, безразличная к качеству людей, качественно снижается; и начинается государственное разложение.

Подумать только: согласно догмату формальной демократии, право голоса должно неотъемлемо принадлежать всем, кто прожил на свете необходимое число лет, кто не попал в сумасшедший дом и кто не осужден за тяжкое уголовное преступление с лишением прав. Все компетентны в делах справедливости, свободы, хозяйства, техники, семьи, школы, академии, церкви, суда, армии и национального спасения...

Неужели все? Конечно все!! Сомневаться в этом могут только «враги демократии», «реакционеры», «фашисты», «тоталитаристы» и прочие «подозрительные» или «отверженные» люди.

Допустим, что это так, и сделаем выводы. Причислим к честным и компетентным гражданам и остальных. Вот они: все не пойманные воры, пройдохи-спекулянты, заведомые интернационалисты, дезертиры, продажные изменники родины, внезапно исчезающие дипломаты, детопокупатели, растлители, пьяницы, курители опиума, рабы кокаина, содержатели и содержательницы публичных домов, профессиональные контрабандисты, гангстеры, апаши, сутенеры, шулера, сводники и сводни, конокрады, ростовщики, политические и неполитические заговорщики всех сортов и калибров, взяточники, аморальные проныры...

Словом, все то нравственное гнилье, все те общественные подонки, которые все вместе образуют политическую чернь. Эта та самая городская чернь, которую Карлейль потрясающе изобразил в своей «Истории французской революции»; та самая чернь, которая, растерзав тело мадам Ламбаль, целый день носила по городу на шесте ее половые органы; та самая чернь, которую в Англии художественно обрисовал Шекспир (в Исторических Хрониках), а в русской революции закрепили с таким мастерством Шмелев и Коровин (в книге о Шаляпине). В подвалах Чеки я часами слушал взволнованные излияния этой черни, всех этих «анархистов-комбинаторов», жутких полуматросов, выпущенных Керенским из тюрем свирепых убийц, спившихся полунинтеллигентов, садистов, пройдох, примкнувших к коммунистам и уже у них проворовавшихся... Излияния, в коих правда и ложь, гнусное хвостовство и неправдоподобный цинизм смешивались в отвратительное единство. Я запоминал на всю жизнь программный гимн первых лет: «Бога нет, царя не надо, мы урядника убьем, податей платить не будем и в солдаты не пойдем»... Таковы были все эти «зеленые», «махновцы» и вся прочая разбойная «атаманщина», показавшая себя в 1917-1921 годах в России...

А в будущей России на основаниях «всеобщего и равного» голосования к ним присоединятся – чекисты-энкаведисты-смершники, профессиональные доносчики, изолгавшиеся советские карьеристы, активные безбожники, коменданты концлагерей, разрыватели могил (в погоне за золотыми зубами), ограбители трупов, продавцы котлет из человеческого мяса (1921-1932-1933), «бывшие» урки, пронырливые «иерочекисты», наемные шпионы иностранных держав и все прочие погубители России.

Формальная демократия никогда не посмеет лишить их права голоса. Все они будут признаны «полноправными» гражданами, «высококвалифицированными» в деле спасения России, воспитателями русского народа. Тем более будут признаны избирательные права за теми, кого следует отнести не к черни, а к массе политических слепцов! Люди, не понимающие смысла свободы, долга, служения и ответственности; люди, решительно не понимающие государства, его жизни и его интересов; люди, не знающие русского прошлого и не могущие разуть исторические задачи России; люди с горизонтом деревушки, шалаша, советской землянки, сакли, чума, юрты... Куда поведут они, слепые, нашу страну, если не в разложение и не в яму? Правда, со слепого не взыщешь, но не безумно ли доверять ему водительство?

Все это отнюдь не означает, что людей политически порочных и политически слепых надо «лишать всех прав»... Но это означает, что предоставляемые им публичные права должны быть соразмерны их государственному горизонту и их политической силе суждения. Публичные права суть права, дарующие человеку участие в решениях государства и в созидании и осуществлении его власти. Нелепо давать «права власти» людям порочным и слепым, нелепо и губительно. Нелепо провозглашать такую свободу, которая развязывает в государстве порочные и слепые силы; нелепо и губительно. То, что здесь необходимо и спасительно – это не «лишение всех прав», не превращение человека в «раба» или в «вещь», а ограничение его публичной дееспособности, такое ограничение, которое соответствует его духовной дефективности и в то же время урезает силу его порочного или слепого духа.

Что это означает и как это осуществимо?

Что есть право голоса?

Право голоса есть признание за человеком силы суждений и силы решения в государственных делах.

Как возможно «признавать» эту силу суждения за человеком, у которого ее на самом деле нет? «Ее нет, а мы сделаем вид, будто она имеется»... «Этот человек не понимает, что такое государство, право, свобода, справедливость, честь, совесть, родина, вера, дух и культура, но мы притворимся, будто он все это понимает и будто его суждение что-то весит и означает»... Такое притворство невозможно нигде, – ни в технике, ни в ремесле, ни в медицине, ни в сельском хозяйстве, ибо повсюду такой образ действия повлечет за собою наказание, у неумелого неуча аэроплан загорится, поезд сойдет с рельс, автомобиль опрокинется, сшитый сапог развалится, больные будут умирать, семена не взойдут, коровы перестанут доиться, лошади будут перепорчены. Но в политике это притворство было принято и стало осуществляться. Это «ничего», что человека спрашивают о благе государства, а он отвечает о пользе своего кармана и о выгодах своего класса. Ему предоставили судить о праве, а он стал организовывать такие силовые центры, которые хороши только для нажима на весь остальной народ (профессиональные союзы, закулисные заговоры, тоталитарные партии, «Викжель» и т. д.). Ему доверили блюсти творческую свободу, а он предпочел продать ее диктаторам (все равно каким – левым или правым) за «хлеб» и за «зрелища»... Его спросили о справедливости, а он провозгласил равенство, т.е. величайшую несправедливость и величайшее насилие. Ему доверили вопрос о чести, совести и вере, а он провозгласил право на бесчестие, свободу от совести и гонение на верующих.

Осмелится ли кто-нибудь сказать, что мы «преувеличиваем»? Никто, конечно: ибо если бы нашелся такой, то он выдал бы себя с головою, какого лагерь он агент и пропагандист.

Давно пора сказать и утвердить: тоталитарный строй не случайное явление, он родился из качественного снижения и духовного вырождения демократии. Вера в количество снизила качество. Лицемерное притворство в вопросе о силе суждения и решения – отдало власть в руки политической черни, а политическая чернь пошла, как всегда, за демагогами и тиражами, продала им свободу и право и привела к кризису наших дней.

Когда я говорю о черни, то я связываю это понятие отнюдь не с черным трудом, не с бедностью или «неродовитостью», а с низостью души. Эту низость души можно найти во всех социальных слоях, особенно в наше время, когда появилась образованная и полуобразованная чернь, – а благородство души живет и проявляется нередко в бедняках, изнемогающих от черного труда. К черни принадлежат люди злой и порочной воли; люди без чести и совести; люди с мертвым нравственным и социальным чувством; люди беспринципные в своей хищности; люди порочных профессий.

«Нельзя так рассуждать, – скажут нам: – Лишать права голоса можно только на основании достоверных формальных признаков, а не на основании сердцеведения, а мы не нашли юридических оснований для того, чтобы отличить чернь от нечерни!» Отвечаю оппонентам: «Вы уподобляетесь человеку, который сказал бы: так как я не умею отличать чумную крысу от нечумной, то предлагаю предоставить свободу циркулирования всем крысам, как таковым; или еще: я не знаю достоверных формальных признаков дифтеритной бактерии, поэтому отвергаю всякую дезинфекцию; и моего сына, заболевшего дифтеритом, – не лечу: боюсь огорчить не только дифтеритную палочку, но и какую-нибудь невинную бактерию... Провозгласим же свободу и равенство всех бактерий!!! Итак, пусть процветают люди порочной воли!..» И еще скажут нам: «Вы говорите о государственной и политической слепоте; но как же распознать ее? вы признаете слепыми других людей, а эти другие признают слепыми вас и меня... Где достоверный и формальный признак?». Отвечаю оппонентам: «Так как мы не умеем еще распознать, кто слеп и кто зрячь в политике, то и исследовать этот вопрос не надо: признать всех зрячими и предаться на волю судьбы!

Как-нибудь все утрясется... Ведь это все равно, как если бы вы предложили: лучше не углубляться в вопрос о физическом зрении, все равно ничего не узнаем, давайте лучше насажаем слепых на паровозы, аэропланы, автомобили, поручим им дело живописи и дело артиллерии»... Итак, пусть политические слепцы ведут государство!.. Пришел исторический час, когда люди или откажутся от подобных рассуждений или вступят окончательно на путь гибели цивилизации и культуры. Право голоса дает участие в государственной власти, а государственная власть ныне утратила свои границы, забыла свои пределы и выработала такие приемы властвования, порабощения и подавления личности, которых не знала даже католическая инквизиция. Государственная власть овладела такими техническими, химическими и психологическими (психиатрическими) умениями, которые делают ее духовно-опасною и бесконечно ответственною силою. Тоталитарное государство, вооруженное радиоволною, воздухоплаванием, атомною бомбою, газовыми камерами, подкожным впрыскиванием ядов и гипнотическим внушением – сделалось страшною и губительною сверхсилою. Нельзя отдавать эти страшные средства в руки безответственных авантюристов, в руки политических властолюбцев, в руки ожесточившихся партий, в руки империалистически-буйных народов.

В наши дни все думают и говорят о «третьей атомной войне». Но такая война может и не состояться, и притом именно потому, что все ее предвидят и все ее опасаются. Но дальнейшее политическое развитие может пойти совсем иначе, по путям еще более страшным.

Установим три основные тенденции в современной политике.

1. Развитие в сторону заговоров и переворотов. Южная Америка является практическим рассадником этого способа приходиться к власти уже на протяжении 150 лет. Тридцать четыре года тому назад коммунисты взяли эту практику в свои руки; они выработали с тех пор целую практическую доктрину, изложили ее в резолюциях исполкома Коминтерна и с тех пор применяют ее во всем мире.

Техника заговора и переворота разработана теперь как никогда, причем ставка делается всегда на худшие элементы страны, на авантюристов, неудачников, честолюбцев, властолюбцев, завистников, продажных, предателей, извращенных и садистов. Давно уже работают подпольные школы, в которых систематически преподаются этим мрачным людям приемы этого темного дела...

2. Профессиональные союзы, с самого начала своего помышлявшие не о государстве, а о классовом интересе и ведшие политику количества, давления и силы, – постепенно научились прибегать к политической забастовке. Железнодорожники поняли, что они могут остановить весь транспорт страны; заговор электрорабочих может остановить ток и движение и погрузить страну в темноту; заговор углекопов – прервать все углеснабжение и отопление; забастовка банковских служащих остановит нормальное движение торговли и финансов и т. д.

Психология заговора овладела синдикатами рабочих и служащих. Она перекинулась и в военные круги, если не прямо в армию. Вспомним германский «Стальной Шлем»; вспомним, что итальянский фашизм возник из «ячеек соратников» (фашио ди комбатименто); вспомним о союзе «ветеранов» в Соединенных Штатах. В Южной Америке заговоры то и дело вспыхивают именно в армиях.

Принципу демократического «большинства» противостал новый принцип: заговор инициативного меньшинства. Эти меньшинства постепенно научаются у коммунистов технике заговора и переворота и начинают понимать, что воля к власти, энергия напора, козыряние забастовкой и иные угрозы могут весить больше, чем подсчитанное большинство пассивных голосов.

3. Этому противостоит на стороне демократических правительств слепая вера в мнимую лояльность граждан, в количестве и подсчет, а также вера в почти, неограниченную свободу слова, печати, организации, агитации, партийной и профессиональной пропаганды. Иными словами: культ «акратии»; т. е. полувласти и безвластия.

Современное государство обладает потенциально страшной силой. Но осуществляет актуально слабостатье. В это политически слабое или пустое место может вломиться клин чудовищного заговора: профессиональный союз атомных и атомобомбных предприятий соединится с профессиональным союзом авиаторов (кто и чем может помешать этому?) и установит тиранию атомного страха и безудержной порочности. Ибо та страшная сила, которую коммунисты фактически уже развернули в захваченных ими государствах, – не охраняется в слабостатье странах; и примеры множества «атомных» предательств, бегств или «исчезновений» обнаружили это недвусмысленно.

И вряд ли мы ошибемся, если скажем, что коммунисты давно учли это слабо-пустое место и работают в этом направлении.

Этому мы противопоставляем для России тезис: власть должна находиться в руках качественных и сильных. Необходим качественный отбор. Право голоса должно принадлежать верным гражданам, а не предателям, не черни и не слепцам. Участие народа в государственном строительстве должно выражаться в отборе лучших. Необходимо не количественное, а качественное «народопрабство».

Необходимость ограничить публичную дееспособность

Будущее скрыто от человеческого взора. Мы не знаем, как сложится государственная власть в России после большевиков. Но знаем, что если она будет антинациональной и противогосударственной, угодливой по отношению к иностранцам, расчленяющей страну и патриотически безыдейной, то революция не прекратится, а вступит в фазу новой гибели; и тогда все предлагаемое нами будет отсрочено. Но придет час, когда русская национальная власть вступит ради спасения России на указываемые нами пути. Мы не знаем, когда это будет, но мы твердо знаем, чего следует желать для спасения России.

Образование государственной власти должно быть изъято из рук толпы, улицы, черни и передано в руки лучших, государственно и национально мыслящих граждан. Эти граждане, как государственно дееспособные, должны быть выделены в качестве политически зрелого и активно строящего ядра. Всякие дальнейшие выборы и голосования будут осуществляться уже ими, и только ими. Они составят тот трезвый слой, тот государственно мыслящий кадр, который сможет повести народ и страну к вод и страну к возрождению. Все остальные – отнюдь не станут «рабами» и отнюдь не перестанут быть гражданами; но политической активности, права слагать государственную волю, участия в строительстве государственной власти – у них не будет.

Это и обозначается словами: их политическая дееспособность будет ограничена.

Юриспруденция отличает правоспособность человека от его дееспособности. В имущественных отношениях – есть множество лиц, не располагающих дееспособностью, т.е. не имеющих права самостоятельно совершать юридические акты. Уже римские юристы знали и понимали, что малолетних, слабоумных и сумасшедших нельзя включать в нормальный и свободный имущественный оборот. С одной стороны, они несведущи, беспомощны и беззащитны и всякий плут может их соблазнить, надуть, вовлечь в невыгодные сделки и обобрать: необходимо защитить их самих от недобросовестных сограждан и злонамеренных иноземцев. С другой стороны, они не в состоянии отвечать за свои волеизъявления, обещания и обязательства (безответственность!), и вменить им их поведение невозможно (невменяемость); их дееспособность была бы вредна или даже губительна и для них самих и для их сограждан. Поэтому и современное право ставит таких лиц (малолетних, несовершеннолетних, слабоумных, слепых, глухонемых, пьяниц и расточителей) под опеку или попечительство. Они остаются правоспособными и имеют признанные и охраняемые права, но юридических актов совершать не могут.

Так обстоит дело на протяжении тысячелетий, и притом в вопросах личной имущественной пользы, и никто и не думает оспаривать или осуждать обоснованность и справедливость такого порядка. И вдруг в вопросах общественного блага, всенародной

пользы и государственного спасения – мы видим полное забвение всякой осторожности, всякого трезвения и всякого жизненного реализма. Страна, кишашая политически малолетними и несовершеннолетними, государственно слабоумными, патриотически – с ума сшедшими (интернационалисты!), морально слепыми, социально глухонемыми, партийно пьяными и национальными расточителями (расчленители!), – пытается строить свое государство при обязательном участии всех этих заведомо безответственных и неменяемых лиц. Законодательство умалчивает об их политической недееспособности, а сам народ удивляется; что это ему ничего не удастся? И идет на гибель, не понимая того, что с ним происходит.

И вот, подобно тому, как в имущественных делах людей признают недееспособными – в интересах всего общества и самих лишенцев, и никто не вопит об их мнимом бесправи, совершенно так же необходимо признать целый ряд людей политически недееспособными – в интересах всего народа, государства и самих лишенцев. Гражданин и активный гражданин – не одно и то же. Недееспособный гражданин сохраняет все свои законные права: право на государственную защиту, право на территориальное пребывание, общие права инициативы и неприкосновенной личности, право на труд, все социальные права, все имущественные права, все семейные и наследственные права, он сохраняет и все свои публично-правовые обязанности, которыми он преимущественно и строит государство, свое государство (повинности: налоговая, воинская, натуральная и тдр.). Он нисколько не становится «рабом». Он только не имеет права голоса в государственных делах.

Прошло то время, когда люди – то ли по либеральной наивности, то ли по оптимизму, то ли по глупости – верили в «свободную игру добрых и злых сил» (как в личном человеке, так и в государстве) и полагали, что «от злых сил в жизни бывает большая польза». За долгие годы всемирной революции мы могли окончательно убедиться в том, что «свободная игра» добрых и злых сил ведет к победе именно злых сил и что предоставление свободы злу есть или сентиментальная глупость, граничащая с предательством, или лукаво-умышленное злодеяние. Подобно тому, как в хозяйстве либералы постепенно научились тому, что творческое равновесие не дается множеству самочинно хозяйствующих людей, безвольно барахтающихся в собственной жадности, что нерегулируемое хозяйство ведет к противосоциальным явлениям, к перевоплощению капиталов, к перепроизводству, к биржевым крахам, к затяжным кризисам и депрессиям, что частно-инициативное хозяйство надо не подавлять и не искоренять, а организовывать и приобщать к целеобразному регулированию, отнюдь не впадая в социализм, – подобно этому наступает эпоха, когда такое творческое регулирование будет признано необходимым и в политике. Свободу человека, его верований, его убеждений и политических мнений – не надо подавлять, но ее надо воспитывать, оформлять и духовно направлять.

Обыкновенный человек, идя на выборы, несет в себе – и нравственную личность, и обывателя, и патриота, и шкурника, и гражданина, и карьериста, и государственно мыслящего избирателя, и ненасытного классового требователя. «Сверху» ему не говорится ничего из уважения к его «свободе», но со стороны и снизу ему открыто и настойчиво внушают – утвердить в себе классового требователя, обывателя, шкурника и карьериста и забыть все иное. В странах формальной демократии вокруг избирателя жужжат как мухи всевозможные искусители, политические торгаши из разных партий и даже стран, суля, зазывая, волнуя, пугая, колебля, забрасывая пропагандными листочками или предлагая прямую подачку (то «хлебом», то «зрелищами», то просто чеком). Они сулят шкурнику, запугивают обывателя, зазывают карьериста и натравливают классового требователя. В трудном, сложном и чрезвычайно ответственном деле голосования – делается все, чтобы сбить человека и захватить его голос, чтобы снизить политический уровень голосующего, и все это – во имя «свободы».

И вот допускать этот порядок, в коем есть элементы базара, биржи, азарта и спорта, в послереволюционной России – было бы безумно и губительно. Ибо за годы революционного унижения и революционной грязи – шкурничество, карьеризм, классовый образ мысли,

гражданская трусость и продажность получили такое распространение и укоренение, такую силу и до такой степени исказили душу, отодвинули патриота, заглушили гражданина и погасили государственное мышление, что пробудить это потребует особых длительных, воспитывающих усилий со стороны национально-государственной власти. Рано или поздно это удастся. Но спасения можно ждать только от выделения истинно дееспособного кадра от лучших людей.

Как же возможно осуществить это?

Какие выборы нужны России?

Как бы ни сложился дальнейший ход событий в России, никакие общегосударственные выборы не будут возможны в первые годы после падения большевиков, в хаосе не выбирают, в состоянии общего брожения, возвращения, переселения, без оседлости и приписки выборы неосуществимы. Всякая попытка произвести выборы и провозгласить «учредительное собрание» – будет заведомой фальсификацией, партийной подтасовкой, политическим мошенничеством. Заранее ясно, что такая «демократия», начинающая с обмана и фальши, – будет обречена.

Пока национальный диктатор не подберет себе честный и идейный правительственный аппарат, способный честно составить законные избирательные списки, до тех пор говорить о выборах невозможно. Представлять же себе дело так, что какое-то кое-как сбитое, из закулисных щелей понасаженное «полусобрание» провозгласит себя «учредилкой» и объявит в виде избирательного закона «всеобщее, равное и прямое» голосование – значит прямо предвидеть фальсификацию выборов как неизбежную или даже готовить ее как «желательную». Вряд ли кто-нибудь дерзнет на такое историческое позорище...

До всякого составления избирательных списков должен быть проведен генеральный, всенародный перебор граждан. Должен быть прежде всего издан закон, в силу которого право голоса не может принадлежать, помимо несовершеннолетних (мужчин до 25 лет, женщин до 30 лет), слабоумных, сумасшедших, глухонемых, заведомых пьяниц и кокаинистов, еще следующим категориям лиц: интернационалистам – навсегда; рядовым коммунистам – на 20 лет; членам Совнаркома, Политбюро, чеки, ГПУ, НКВД, МВД – навсегда; палачам и полномочным начальникам концлагерей – навсегда; избобленным политическим доносчикам – на 20 лет; уркам – на 10 лет; всем, служившим в иностранной разведке, – на 20 лет; лицам порочных профессий (кои будут перечислены в законе) – на все время их промысла и еще на 30 лет по прекращении такового (к таким профессиям принадлежат: разбойники, дважды присужденные воры, скупщики и укрыватели краденого, конокрады, контрабандисты, содержатели и содержательницы публичных домов, сводни и сводницы, члены террористических партий и организаций, шулера, чернорыночные спекулянты, незаконные ростовщики и т.п.). Этот закон должен быть предан самой широкой гласности, по крайней мере, за год до составления списков.

В предлагаемом всенародном переборе граждан участвует, во-первых, весь народ на местах – по селам, поселкам, заводам, фабрикам и городским участкам; во-вторых, представители центральной власти.

За год до составления списков глава государства собирает на особые съезды губернских начальников и городских начальников, чтобы разъяснить им основную задачу нового перебора и отбора. Здесь вырабатывается единая, общая инструкция, которая передается на места и публикуется во всеобщее сведение. Губернские и городские начальники разъясняют ее своим подчиненным (уездным, участковым и заводским представителям власти), а те разъясняют ее сельским и участковым собраниям.

Внимая этой инструкции, народ должен убедиться и поверить, что коммунистическая революция кончена, что партийный кошмар изжит, что начинается новое, разумное строительство, основанное на любви к России, на добросовестности, чести и честности, на

частной инициативе, на верности лояльному правительству и на отборе лучших людей. Народ должен понять, что от него ждут не партийного притворства, не лжи, не доносов, не взаимного предательства и угодничества перед властью, а составления избирательных списков с устранением всех утративших право на голос.

Это устранение происходит закрытым голосованием на основании общего, еще не избирательного списка жителей, составленного участковым начальником. Голосованию подлежит всякий, против которого подано пять отводящих записок без подписи, но с указанием законного основания для отвода. Например: Семен Семенович Гайдук отводится, как доносчик, или как палач, или как скупщик краденного или как интернационалист. Записки прочитываются вслух, обсуждению не подлежат, протоколируются и тотчас же уничтожаются, отведенный имеет право возразить публично, возражение его не обсуждается, вопрос решается простым большинством при закрытом голосовании.

Во всех случаях, где участковый начальник видит, что негодные элементы не отведены, а ценные элементы отведены, он обязан обжаловать производство перед губернским и городским начальником и добиться повторения процедуры. Там, где будет обнаружено сплоченное коммунистическое большинство и его успешные интриги, участок может быть оставлен совсем без избирательного списка.

Такова первая стадия: всенародный перебор. После него составляются избирательные списки в обычном порядке и со всеми гарантиями законности, справедливости и беспартийности. Эти списки определяют состав политически дееспособных граждан на 10 лет. Именно таковые и только они являются активными гражданами. По миновании сроков и утверждении списков самые выборы производятся в следующем порядке.

Выборы не должны быть «тоталитарными». Всякий, занесенный в списки, имеет право воспользоваться своим правом голоса и не воспользоваться им. Но выборы не должны быть и партийными: никаких партийных программ, плакатов, никакой агитации быть не должно. Выделение лучших должно быть произведено самим народом совершенно свободно и без всяких партийных «обещаний», нажимов, подсказываний и иных фокусов. России необходимы не партийные заговорщики, не партийные шукари и перевертни, а люди реальной жизни и чести. Свобода голосования должна быть гарантирована его тайною.

Выборы должны происходить не на основании партийных предложений и рекомендаций, а по принципу личной известности и уважаемости. Для этого необходимо избирание по участкам или малым округам. При таком порядке будет избрано минимум столько лиц, сколько будет всего избирательных участков (по одному на участок), или же вдвое, втрое и вчетверо больше. Это означает, что в первой стадии будут избираться не члены Государственной Думы, а выборщики, и притом выборщики выборщиков.

Это означает, что желательны отнюдь не прямые выборы, а многостепенные, где на каждой «ступени» возможен спокойный, трезвый, деловой отбор людей со все более серьезным и глубоким осознанием цели и смысла избирания и где партии все более и более утрачивают свое вредное влияние. Примерно, говоря: села выбирают волостных выборщиков, волостные выбирают уездных, уездные губернских, губернские членов Государственной Думы, в городах – малые избирательные участки посылают своих выборщиков в городской округ, окружные – в главное городское собрание, которое и выбирает членов Государственной Думы. Народ должен воспринять «задание наилучших» и, почувствовав себя свободным, должен действительно вложиться в это дело и объединиться на нем.

Это были бы выборы общие (с повышенным качественным и возрастным уровнем), равные (ибо никто не имел бы более одного голоса), тайные (по способу голосования) и многостепенные.

* * *

Итак, я считаю совершенно необходимым осуществление всенародного перебора,

повышение возрастного уровня и строгий, но справедливый и всенародный отвод порочных элементов. Далее я считаю столь же необходимым освобождение народа от тоталитарного нажима сверху и от партийной агитации снизу: цель и задача выборов – отбор лучших – должны быть властно подсказаны народу национальной диктатурой, но в осуществлении этой цели народ должен сохранить свою свободу. Диктатура должна не навязывать, а лишь предлагать народу своих кандидатов. И тем не менее я не считаю ни целесообразным, ни зиждательным предоставление выборного производства на воле случая, пустого количества и закулисной интриги.

Потрясение, пережитое русским народом, было слишком глубоко и длительно. Большевики недаром хвалились своей «твердокаменностью», «рукастостью» и «костоломкостью». За все время своего господства они стремились произвести свою костоломную операцию над каждым русским человеком: поставить его культурно, хозяйственно и морально на колени и сломить ему духовный хребет. Пусть он попробует после этого самостоятельно встать на ноги... В результате революция нанесла правосознанию русского народа такие язвы, с которыми он, предоставленный самому себе, не скоро справится. Но именно поэтому освобождение от ярма не должно повести его к соблазну, идущему от политических партий. Верная задача выборов – отбор лучших – должна быть не просто указана из национального центра (провозглашена), но самое разрешение ее должно встретить помощь и содействие. После тридцати или сорокалетнего политического разврата и террора русский народ, свободно выделяя своих лучших граждан кверху, будет нуждаться в помощи и контроле государственно мыслящего центра. Но эта помощь и этот контроль получают особую силу и значение именно тогда, если такая же помощь и такой же контроль будут оказаны диктатуре со стороны самого народа. Вкладываясь в этот отбор, народ должен иметь возможность исправлять на ходу возможные ошибки помогающей ему власти. Помощь и контроль должны быть одновременными и взаимными, а отбор должен быть совместным и общим.

Чтобы это осуществилось, надо отказаться от слепой веры в количество собранных голосов и в его политическое значение. Надо искать качества и требовать его от избираемых. Ибо в самом деле, от роста числа голосов заблуждение не превращается в истину, авантюрист не становится государственно мудрым человеком, предатель вроде Лавалля не заслуживает доверия. И если бы все, буквально все, потребовали бы в ослеплении политически гибельных мер, то эти меры не стали бы от этого политически спасительными.

Далее, для этого надо отказаться от веры в партийную рекомендацию и искать достоверного и непосредственного знания рекомендуемого кандидата. На самом деле партия выдвигает совсем не лучших людей, а согласных с нею и послушных ей. Европейский политический опыт изобилует примерами, где лучшие люди совсем не выдвигались потому, что они не мыслили партийно, а имели свои личные воззрения, мало того, известна тенденция в европейских демократиях не выдвигать лучших именно потому, что они лучшие, выдающиеся, сильные, энергичные, независимые и потому для демократии якобы «опасные» люди. Достаточно вспомнить политическую карьеру Черчилля, которого долгое время «задвигали» (т.е. не давали ему ходу) за его явное превосходство. Партии не только не непогрешимы, но обычно тенденциозны, односторонни и думают не о государстве в целом, а о себе.

Далее, надо отказаться от механического и арифметического понимания политики, от заглазных и отвлеченных кандидатур, никому не известных, кроме партийного центра, надо вернуться к естественному, органическому общению в политике, при котором личное знание, личное уважение и личное доверие имеют решающее значение. Выборы должны быть не подсовыванием партийных карьеристов партийными карьеристами, а действительным отбором действительно лучших людей. Глупо искать всенародного спасения в безличном механизме, в партийном интриганстве, в нравственно и религиозно безразличном совании записок в урны и подсчете голосов.

Надо отказаться далее от больших избирательных округов с партийными списками и от

так называемых «прямых» (в сущности «кривых» и мертвых) выборов и обратиться к малым округам, где все друг друга хорошо знают, где почти невозможно протереться вперед случайному авантюристу или профессиональному политическому «ныряле». Надо обратиться к выборам вдумчивым, проверяющим и перепроверяющим, к выборам многостепенным, творящим осторожный отбор и дающим ответственное предпочтение.

И в довершение всего надо искать на выборах государственного единения, а не бесконечного дробления в направлении честолюбия и властолюбия. Казалось бы, что могло бы быть справедливее пропорциональной системы? «Сколько голосов собрано, столько и депутатов»... Сама арифметическая «справедливость»! На самом же деле пропорциональная система прямо вызывает к жизни беспочвенный партийный авантюризм. Надо только «приобрести» голоса, захватить в свои ловко расставленные сети побольше наивных и доверчивых глупцов, и «ему», придумавшему соблазнительную программу, место в парламенте будет обеспечено. Само собою разумеется, что возникают не партии, а обрывки, осколки, ошметки партий: ни одна из них неспособна взять власть, повести государство и оградить страну. Но разве это важно мелким честолюбцам и карьеристам? Им важно «выйти в люди», «фигурировать», словчиться на министерский или полуминистерский пост, а для этого существуют «компромиссы» с другими полупартиями и подфракциями. И вот, государственное дело превращается в мелкий базар политических спекулянтов, в неустойчивое равновесие множества групп и группочек, в компромисс политических «нырял» и «протирал». Скажем прямо: в политический разврат.

А между тем, на самом деле люди, творящие политику, призваны искать единства, государственного спасения, некой единой программы, которая необходима государству; они призваны искать общего, единого, того, что у всех сразу или будет, или не будет – права, порядка, сильной армии, неподкупного суда, честной администрации, воспитывающей школы, прочных финансов, хозяйственного и культурного расцвета народа. Политика по самому существу своему означает единение, а не разброд, общее, а не частное (будь то личное или классовое), силу народа, а не изнеможение.

Это единение есть основа государства: единение граждан между собою и единение граждан с властью.

Именно поэтому не правы все те теории и доктрины, которые пытаются уверить нас, будто в основе политики лежит вечная и неизбежная борьба граждан с государственной властью: ибо-де власть означает «нажим» и «гнет», а гражданство означает «свободу» и «независимость». Все эти теории революционного происхождения и анархической природы. Напротив, государство зиждется и держится добровольным признанием власти со стороны граждан, с одной стороны, и уважением и доверием государственной власти к гражданам, с другой стороны. На вражде государство не построить. Из вечной и ненавистной оппозиции граждан могут вырасти только революция, разложение и гибель народа.

Вот почему грядущая Россия нуждается в такой избирательной системе, которая покоится на взаимном сотрудничестве народа и власти, на их сознательном объединении вокруг единой государственной цели.

* * *

Предлагаемая мною здесь избирательная система покоится на ясно сформулированной предпосылке, согласно которой государство есть не корпорация («все снизу») и не учреждение («все сверху»), но сочетание того и другого. Государство есть учреждение, которое ищет в корпоративном духе и в корпоративной форме – народного доверия и прочности и потому чтит свободу своих граждан и добивается их сочувствия и содействия; и в то же время государство есть корпорация, которая ищет в учреждении силы и прочности, и потому чтит авторитет своей власти и не посягает на ее свержение и поругание.

Это органически духовное единение правительства с народом и народа с правительством должно проникать всю избирательную систему с самого низа и создавать

следующий порядок.

Выборы должны быть разделены на небольшие участки, где все друг друга знают и где социально негодные элементы столь же хорошо известны всем, сколь и социально ценные и почтенные люди. Далее, выборы должны быть построены на форме постепенно восходящей «лестницы» (трех- и четырехступенные выборы). Принципиально в отборе лучших должны участвовать две стороны – народ и правительство. Обе участвующие стороны, имеют право предлагать своих кандидатов и одобрять (или не одобрять) чужих кандидатов, конкурируя друг с другом в обретении лучших и проверяя друг друга в выделении подлинно достойных людей.

Поясним это на примере. В каждом селе избираются волостные избиратели, которые потом соберутся в волости. Допустим, что в данном селе надо выбрать четырех избирателей. И вот, сельский сход избирает от себя тоже четырех. Это первая стадия отбора. В тот же день, непосредственно после первой стадии, начальнику уезда предоставляется список четырех избранных кандидатов, из коих он уполномочен и обязан двоих утвердить, а двоих отвести, а сельскому сходу представляется список четырех назначенных кандидатов, из коих сход тайной баллотировкой подтверждает большинством голосов двоих. Если обе стороны сколько-нибудь верны своей задаче, то есть ищут не льстецов, не проныр, не партийных демагогов и не «фашистов», а подлинно лучших людей, то двойная проверка даст необходимые результаты: четверо лучших будут «утверждены» и «подтверждены».

Волостные выборы, проведенные по той же системе, дадут такие же результаты для уезда. Это вторая ступень отбора. Уездные выборы (третья ступень) дадут губернских выборщиков, наконец, в губернии соберутся люди многократно и всесторонне отобранные и отсеянные в смысле морального и политического качества, и они произведут уже в обыкновенном порядке, без вмешательства администрации, свободно и тайно, выборы положенного числа членов «Государственной Думы».

Подобная же процедура выделения лучших будет проведена и в городах, но не в четыре ступени, а в три: выборы по участкам, выборы по городским округам и выборы общегородские.

Такая система выборов вводит в правосознание участников некий новый внутренний мотив: мотив соперничества из-за качества. Каждая сторона получает поощрение выдвинуть бесспорного кандидата, такого, которого нельзя отвести, не оскандалившись; такого, качества которого говорят сами за себя; и при том выдвинуть его надо из данной среды, не «орателя», забежавшего со стороны, не неведомого политического пролазу, а местного, оседлого, известного, заявившего о себе в жизни – и словом, и делом. Да и стоит ли предлагать заведомого проходимца, если ему предстоит заведомое отвержение со стороны другого «партнера»? Не лестно ли самолюбию и честолюбию – предложить таких кандидатов, достоинство которых будет признано единогласно? Правосознание и чувство собственного достоинства каждой из сторон получают особое побуждение и поощрение выдвинуть действительно лучших людей, против которых другая сторона решительно ничего возразить не могла бы: возникает волевое состязание в достоинстве, поиск объективно лучших людей, борьба за безукоризненных кандидатов. Политический «семафор» передвигает «стрелку» с количества на качество, ибо каждая сторона знает, что «негодное» будет отведено. Важным оказывается не партийность кандидата, а его годность, полезность, справедливость, честность, ум, опыт...

В одном случае такое сотрудничество правительства и народа получит значение взаимного совета и подсказа («вот кого надо!»); в другом – смысл исправления («нет, это ошибка!»); в третьем – смысл прямого отвержения («куда нам эдаких?!»); в четвертом – прямой солидаризации («вот и мы таких ищем!»); во всех случаях – смысл взаимной проверки и взаимного содействия в держании единого и общего государственного хребта.

Надо предвидеть, что такой порядок может иметь успех только при двух основных условиях: во-первых, при наличии в стране национально мыслящей и непартийной диктатуры, не впадающей ни в правый, ни в левый тоталитаризм, но дорожающей свободным

отбором лучших людей в стране; во-вторых, при государственном отрезвлении народа. Тоталитаризм погубит корпоративное начало государственности и – или подавит, или исказит народное мнение; государственно не отрезвившийся народ будет бессмысленно ломиться в распадение и анархию и пойдет за теми демагогами, которые погубили Россию в 1917 году. Тогда наша система выборов может дать самые отвратительные и губительные последствия: тоталитарная диктатура будет назначать и утверждать одних крайних правых, а народ будет выбирать и подтверждать одних крайних левых. Качество будет забыто. Крайняя партия восторжествует, и выборы превратятся в гнусное зрелище партийных драк и всеобщего развала.

То, что необходимо России после революции, – это государственно-трезвая и мудрая диктатура и государственно-отрезвивший народ, нашедший свою старую историческую установку: «дело государственное вести честно и грозно»; оставить «криводушие» и «малодушие», «воровской обычай» и «смуту» и понять, что тот, кто «Русь несет розно», – губит сам себя.

Есть такой уровень правосознания, при котором не поможет никакая система выборов: деморализованная чернь вообще неспособна к выборам (т.е. к выделению лучших), она неизбежно выделит худших, и притом за честный прибыток (тот или иной вид коррупции). И подобно этому: если диктатура окажется в руках авантюристов-демагогов, то они «отберут» себе свиту и партию столь же низменную по уровню правосознания, сколь низки они сами. Нет и не может быть такой системы выборов, которая спасла бы государство от негодяев, если негодяйский политический уровень преобладает в стране.

Зато возможны и реальны такие избирательные системы, которые дали бы ход и успех худшим элементам страны, несмотря на то что, общий уровень правосознания гораздо выше этой политической черни. Демагогия и коррупция могут погубить страну при помощи демагогической и коррумпированной системы выборов. И главная послереволюционная опасность России состоит в том, что ей извне (или, Боже избави, изнутри!) будет навязана именно такая губительная система, при которой худшим элементам развязаны руки, а лучшие люди лишены возможности сказать свое свободное слово и не могут быть выдвинуты вперед и наверх.

Дело здесь совсем не в том, чтобы выделить «грамотных»: грамота сама по себе ничего не обеспечивает. Среди русских простых людей, особенно среди крестьян, всегда бывало немало государственно-здоровых и даже мудрых людей, не умеющих ни читать, ни писать: а «грамотеи» нередко сразу выходят в плуты и прохвосты. Здесь дело в выделении государственно-настроенных, а не партийных и не продажных людей. Чернь совсем не есть «чернь» труда и мозолистых рук или чернь малого образования, но чернь воли, сердца и порока.

Невозможно и губительно переносить к нам из Западной Европы идею противогосударственного «спорта в политике», идею частно-заинтересованной толкотни вокруг государственного дела, идею классово-борьбы, всегда чреватой гражданской войной. Невозможно превращать Россию в смертную драку бесчисленных пауков в огромной банке, как этого хотят господа закулисные расчленители! Губительно предоставлять партиям право на заговоры и на подготовку переворотов или распродавать с молотка русскую государственную власть ценою обманчивых обещаний («кто больше?!») – как было на выборах в Учредительное собрание 1917 г.). Все это было бы делом политической слепоты и государственного предательства...

Нет, России нужно совсем иное: организованная ставка на качество. Политическая чернь, политическая слепота и противогосударственная партийность погубят нашу Родину. Нам нужно подлинное выделение государственно-здоровых элементов страны, к какому бы племени, к какой бы народности они ни принадлежали.

Что дает и что отнимает политическая партийность?

Давно ли прошло то время, когда в политической науке считалось, что «партия есть начало свободы» и «первое проявление демократии»? И как все изменилось с тех пор! В самой сущности партии и партийности раскрывалось посягание на диктатуру. И если мы теперь слышим об образовании где-нибудь новой партии, то мы прежде всего спрашиваем, какими путями она думает захватить тоталитарную власть?

Слово «партия» означает часть; только часть целого; не более чем одну часть народа, парламента или государства. Но спросим себя, какая же партия из прежних до-тоталитарных не хотела бы получить все голоса всех избирателей? Либералы? Консерваторы? Демократы? Клерикалы? Националисты? Какая партия не мечтала получить 100% голосов и поглотить всю и всякую «оппозицию»? Оно, конечно, не удавалось: «слепцы», «глупые упрямы», «невежды», «корыстные плуты», «интриганы», – словом, люди дурного сорта, – примыкали к другим партиям, вредили «делу» и шли за оппозицией. Это была неудача, с которой приходилось мириться: ибо аксиомы «свободы» и «терпимости» считались ненаружимыми. Но стоило только усомниться в этих аксиомах, стоило только выговорить сокровенную мечту о 100% и наполнить ее «решительною волею», – и должно было неизбежно обнаружиться совсем иное.

Каждая партия про себя всегда посягала и посягает на всю власть, желает превратить ее в свою монополию. Сущность всякой политической партии в том, что она покушается стать целым: прежние партии делали это в порядке избирательного спорта с соблюдением «правил игры»; ныне появились партии, которые делают это в порядке избирательного террора и мошенничества и притом с попранием (более или менее откровенным) всех правил свободы и лояльности. Захватив монополию, каждая из них становится тоталитарною, подавляет остальные и пытается осуществить свою программу, сколь бы односторонне, нелепа, разорительна или даже чудовищна она ни была. Потомки – близкие или далекие – будут расхлебывать эту нелепую или чудовищную кашу: извращение всей культуры (как в России), распадение и обнищание страны (как в Англии) или полный разгром государства (как в Германии).

Спросим же себя однажды зорко и честно: что же дает и что же отнимает всякая партийность по своему существу?

Основное значение политических партий в том, что они дают несколько готовых программных трафаретов для примыкания голосующей массы. В Англии долгое время существовало два таких трафарета – виги (либералы) и тори (консерваторы); потом, с выступлением социалистов (лейбористы), их стало три; теперь намечается четвертая – левые социалисты, разновидность коммунистов. В Соединенных Штатах существует доселе всего две партийных программы; третья, коммунистическая, еле намечается и ведет подпольное существование. В других странах партийное деление обильнее, сложнее, дифференцированное. И замечательно: чем скуднее это деление, тем легче обретается государственное равновесие; наоборот, чем сложнее и обильнее это деление (как во Франции), тем труднее управление государством. Проще всего этот вопрос разрешается в тоталитарных государствах: одна-единственная партия, одна программа, одна возможность иметь политическое мнение, и эта одна-единственная возможность закреплена террором и подтасовкой бюллетеней; по смыслу же своему – она угашивает всякое свободное, личное мнение, превращает голосование в фальшивую формальность и выдвигает новый «отбор», обычно из худших людей.

Если мы на миг задумаемся в эту скудость партийных образований, то мы изумимся ей; как в такой стране, как Англия, с ее необычайным обилием хозяйственных, национальных, культурных и правовых возможностей, – надо быть или социалистом, или либералом, или консерватором?! Надо выбрать одну из этих трех программных схем – или же остаться за бортом всякой политики! Но ведь живая жизнь изобилует бесчисленным множеством политических возможностей... Где же остальные? Где же политическое созерцание и творчество этого замечательного народа? Но ведь там и трех живых партий нет, ибо

либералы исчезают в безгласии... Значит ты или социалист, или консерватор – или нуль. Иными словами, политические партии имеют своеобразную монополию государственной власти. Что же, все те англичане, которые не «веруют» в гибельное учение социализма и не исповедуют устаревшие догматы ториев, – все они должны или воздержаться от участия в политической жизни, имея свое определенное и, весьма вероятно, умное суждение, или же они должны не мыслить о политике вообще? Что же, политика есть нечто для средних людей, не умеющих думать, или для глупцов? А умные, зоркие, дальновидные, мудрые, но самостоятельные люди – оказываются за бортом?! Так оно и есть. И может быть, нигде это не обнаруживается с такой силой и отчетливостью, как в Германии, где имеется множество умных, но самостоятельных людей, остающихся за бортом партий и отдающих политику в жертву заурядно-подслеповатым людям или же безумным авантюристам...

Итак, партийность дает народу возможность обходиться без самостоятельно-мыслящих людей и «голосовать», не зная, не понимая и не думая. Знаю, что мне возразят: «А без партии невозможно было бы участие народа в политике совсем, ибо об общем единомнении и единогласии могут мечтать только фантазеры, а хаотическое разногласие, где каждый упорно тянет в сторону своего личного мнения, разложило бы государство в один миг, следовательно, партии необходимы!» Внесем поправку: следовательно, партийность может оказаться нужна, как компромисс или как условно целесообразная, но в высшей степени опасная форма организации народно-политического мнения. Вот эту компромиссную природу партийности, эту условность ее целесообразности, эту опасность ее формы – на западе не поняли или забыли и потому вынуждены теперь расплачиваться тоталитаризмом и борьбою с ним.

Без партий, скажут нам, народ не знал бы, за что ему голосовать. Что же, спросим мы, а при наличности партий он знает, за что следует подавать голос? Откуда же он это узнает? Ведь партии предлагают различное, иногда прямо противоположное... Как же решается этот вопрос в народе? Мы должны помнить, что в самой демократической стране света, в Швейцарии, только 14% избирателей принадлежат к партиям, тогда как остальные 86% партиям не верят и не повинуются. Мы не должны забывать, что в Англии «большинство голосов» всегда составляется из колеблющейся, непартийной массы, которую сами демократические газеты называют «наплывом голосов», что можно передать по-русски так: «полая вода избирательщины». Так же обстоит и в других странах...

По-видимому, где-то в глубине души свободолюбивые народы не верят партиям и не полагаются на них. Каждая партия имеет кадр слепых приверженцев, – но и только. Остальная масса прислушивается, приглядывается, не связывает себя партийным обязательством и голосует в последний момент за то, что ей кажется более «привлекательным»!.. Что же, спросим мы, более государственным, более мудрым, более справедливым? Нет, более выгодным, более жизне-облегчительным. Партии сулят; посулы привлекают; привлеченные отдают свой голос, и очередная партия «торжествует».

Партии обыкновенно ссылаются на то, что они «политически осмысливают» суждения массы, «кристаллизуют» общественное мнение, дифференцируют народную толщу и готовят «зрелые суждения». На самом же деле они навязывают политически несведущим и беспомощным обывателям готовые трафареты по всем вопросам, стараются отнять у народа независимое (и, может быть, гораздо более жизненное, практичное, верное и справедливое) мнение и загоняют народную волю и народное чувство в несколько заранее выдуманных «умственных тупиков». Пусть попробует непартийный человек, будь он хоть десяти пядей во лбу, пройти в парламент в любом архидемократическом государстве. Нет, он сначала должен поклониться какому-нибудь партийному идолу, выдуманной политиканами схеме... Он должен сначала поглупеть от вороха чужих политических выдумок, стать членом партийного стада, согласиться быть загнанным на партийное пастбище, а до тех пор он не имеет никаких видов на избрание...

Партия есть союз людей, договорившихся друг с другом о том, каким путем и способом ей лучше всего захватить государственную власть в свои руки. Этот вопрос одни партии

решают легально и лояльно, другие противозаконно и насильственно. Но посягание на полноту власти – присуще всем партиям, за исключением мелких, лишенных всякой перспективы и шансов. Каждая партия тащит за собой к власти своих приверженцев и немедленно начинает их устраивать или «пристраивать», отодвигая «чужих» и выдвигая «своих». Бывает и так, что устраивают «свежих» перебежчиков, но во всяком случае «свои» должны быть устроены и иметь преобладание. «Партийный билет» есть великая сила. И мы можем быть уверены, что этот в сущности монополично-тоталитарный образ действия уже усвоен всеми русскими эмигрантскими партиями, даже и не тоталитарными. Для этого ведутся особые списки, кому какая должность предназначается. И трудно вспомнить без горького смеха, как один ныне покойный эмигрант говорит в 1924 году ныне еще живому эмигранту: «Вы, знаете, поторопитесь, а то губернаторские должности все уже расписаны, да и от вице-губернаторских остается совсем немного!»... «Поторопился ли» предупрежденный, я и доселе не знаю. Но в эмиграции болезнь партийности, – а партийность есть именно политическая болезнь, – с тех пор, за тридцать почти лет, несомненно, и углубилась, и обострилась.

* * *

Подведем итоги. 1. Политическая партийность есть компромисс потому, что она осуществляет некий всенародный самообман: массы, некомпетентные в разрешении государственных вопросов, выступают со всею силою политического авторитета благодаря тому, что политические партии упрощают им и вопросы, и голосование. Это подобно тому, как если бы ребенку предоставили решить, что он предпочитает – хрен, ремень или хвощ, умалчивая о множестве других, несравненно более полезных овощей и восхваляя его ребячий «суверенитет» и его детскую свободу выбора.

2. Политическая партийность есть условно целесообразная форма организации народного мнения. Она обусловлена: а) строгою лояльностью партий, соблюдающих взаимную свободу и не покушающихся на тоталитаризм; б) устранением всего, что хоть сколько-нибудь смахивает на монополизацию партиями общественного мнения, ибо дорога таланту, уму, познанию и характеру должна быть открыта всем помимо партий и независимо от них. Избираться должны не партийные люди, а качественные; и притом именно за их качества, а не за их партийную принадлежность. Поэтому значение условно целесообразных партий должно быть сведено к минимуму.

3. Наконец, эта форма организации народного мнения таит в себе величайшие опасности для всякой свободы и для всякой демократии. Всякая партия есть по самому существу своему заговор, политический заговор, покушающийся на государственную власть. Пусть одни партии предпочитают при этом соблюдать конституцию и не затевают гражданскую войну, их заговор, как частное соглашение, основы которого обсуждаются втайне и мероприятия которого отнюдь не разглашаются во всеулышание, остается политически и уголовно-ненаказуемым заговором. Другие же партии, тоталитарные, действуют как наказуемые заговорщики и всюду, где они имеют успех, этот успех свидетельствует о слабости, нерешительности или безволии наличной государственной власти. Со времени большевиков и национал-социалистов партии стали не то мостом, не то трамплином, ведущим к тоталитарному строю. Люди сговариваются совместно бороться за захват власти или даже монополизировать общественное мнение... добавьте только «любыми средствами», без всякой джентльменской лояльности в игре (fair play) и «как можно скорее» – и вы имеете тоталитарную партию. Стоит только вспомнить, что перед второй войной вся Восточная Европа имела своих диктаторов с партийным фундаментом, и все станет ясным... А Южная Америка с ее вечными переворотами?

Спросим себя однажды, в чем нуждается каждое государство больше всего для своего процветания? В единении. Содействуют ли этому политические партии? Как раз наоборот; они изо всех сил работают над разъединением в народе (пример – современная Франция и

Англия). Они создают схему для политической вражды, так что партийные люди привыкают критиковать, отвергать и поносить все то, что предлагают другие партии, совершенно независимо от того, полезно государству это предлагаемое или нет.

Вот пример из истории России. Как сейчас помню мой разговор с бывшим ректором Московского Университета и редактором «Русских Ведомостей» Александром Аполлоновичем Мануйловым. Это было в 1921 году, когда гражданская война закончилась и он только что вернулся с юга. «Конечно, – сказал он мне, – Столыпин был прав и реформа его была спасительна для России»... – «Помилуйте, А.А., – изумился я – зачем же вы в «Русских Ведомостях» травили и его, и его реформу?!» – «Видите ли, – отвечал он с доброй, но виноватой улыбкой, – у нас в конституционно-демократической партии была тогда директива – отвергать все, что идет от правительства»...

Примеров из западноевропейской жизни приводить не стоит: они имеются везде в изобилии. Понятно, что, создавая схему для политической вражды, партии усиливают государственные раздоры и в сущности готовят гражданскую войну.

Это можно выразить так. Партийность внушает человеку, будто он имеет «готовый» и притом «наилучший» ответ на все, решительно на все вопросы жизни и политики. Невежда начинает считать себя «всезнающим» и «всепонимающим», тогда как на самом деле он мыслит исключительно чужими мыслями, ловко внушенными ему из темной кулисы через посредство газет и жиденьких брошюр. И. вот он уже считает себя вправе «критиковать», отвергать и поносить все непартийное и инопартийное, независимо от реальных государственных польз и нужд. Стране необходима сильная армия, но «наша партия» на стороне «пацифистов», посему «долгой сильную армию». Стране необходимо обновление углекопной техники, но «наша партия» стоит за увеличение жалованья рабочим и деньги направляются в карман рабочему. Стране необходима аграрная реформа, но такие-то партии предпочитают безземельного крестьянина, накапливающего в душе «революционный пыл»... и т. д...

Таким образом, партийность дает человеку возможность, будучи ничем, попытаться стать многим и даже очень многим. Невежды выходят в парламентарии, партийнобилетчики – в «советники» и «директора», ловчили – в министры и капиталисты. Карьера манит и осуществляется.

Каждая партия приглашает избирателя «сделать свою ставку на нее» (как на скачках!) и принять участие именно в ее заговоре. Но лучшие люди государства – умнейшие и честнейшие – отнюдь не сочувствуют таким заговорам и не желают в них участвовать. Зато худшие... Пролазы, карьеристы или прямые мошенники (вроде Ставицкого, Литвинова, Парвуса-Гельфанда или Сырового) готовы сделать свою «ставку» по прямому расчету. Таким образом, идея лучшего гражданина заменяется в демократиях идеей партийно-приписанного, партийно-угодившего и партийно-преуспевшего ловчили, а это решительно не одно и то же. Партийность заслоняет и подменяет качество человека. Мы достаточно насмотрелись на то, какого сорта люди вылезли наверх при большевиках, национал-социалистах и фашистах: они окружали «диктатора» плотной стеной порочности и раболепства, так что самый благородный и благонамеренный из диктаторов начинал морально задыхаться и опускаться в этой атмосфере. Так можно быть уверенным, что если в России после большевиков восторжествует крайне правый (или какой-нибудь иной, межеумочный) тоталитаризм, то в ряды этой партии хлынет всевозможная революционная и пореволюционная чернь, всякие плуты, перебежчики, карьеристы и чужие агенты, люди, измаравшиеся под коммунистами или в эмиграции и желающие реабилитироваться. Как всегда, они будут обнаруживать особенное новопартийное пристрастие, оказывать своим клевретам – «нашим!» – всяческую поддержку в служебных, хозяйственных и житейских делах, и качество нового «отбора» окажется на самом последнем уровне. Партийность как бы прямо создана для того, чтобы отбирать худших, которые образуют какое-то молчаливое «общество взаимопомощи», прикрывают взаимные растраты, худые дела и даже преступления и создают в государстве комплот безответственности и бессовестности.

Этот отбор партийных людей, согласных повторять без конца все глупости партийной догмы и все инсинуации партийного производства, само собой разумеется, отталкивает людей высокого духовного качества, люди первого сорта вообще редко вступают в партии. Партийность прямо гонит лучших людей из политики: такие люди не умеют и не хотят думать чужими мыслями, их повышенное чувство ответственности внушает им прямое отвращение к партийной болтовне и особенно к партийным инсинуациям. И таким образом выходит, что партийное строение государства прямо поощряет пошлость и безответственность политической мысли. И понятно, что чем глубже, дифференцированнее и ответственнее человек, тем труднее ему «выдумать» политическую программу, тем более что партийная программа есть догма, а политика есть жизнь и творчество.

Вот пример партийной инсинуации.

В конце 1927 года я спросил в личной беседе такого выдающегося русского ученого и политика, как Петр Бернгардович Струве: «Скажите, пожалуйста, П.Б., какие данные имелись у Милюкова против Царской семьи, когда он 1 ноября 1916 года произносил в Государственной Думе свою речь о глупости или измене? Ведь эта речь прозвучала по всей стране, как призыв к революции...»

Ответ был недвусмысленный: «У него не было решительно никаких данных»... – «Но в таком случае его речь была прямым призывом к измене Государю и Династии!»...

«Видите ли, – объяснил мне П.Б., который в 1917 году давно уже вышел из конституционно-демократической партии, – центральный комитет партии считал тогда, что в борьбе с Троном показуется (т.е. является целесообразной) прямая политическая инсинуация».

Инсинуацией же называется приписание кому-нибудь таких мыслей, намерений или планов, которых он в действительности совсем не имеет, и притом для того, чтобы испортить ему его доброе имя.

Мы знаем, что послереволюционная Следственная Комиссия увидела себя вынужденной совершенно «реабилитировать» Царскую семью от всех этих клевет и подозрений.

Но партии нужна была инсинуация: центральный комитет партии ее одобрил, и лидер ее, не затрудняя себя ни присягой, ни верностью, ни патриотизмом, ни стыдом, ни совестью, отравил ею сердца у миллионов людей.

Такова природа партийности.

Русскому народу необходимо духовное обновление

В самом деле, что же другое необходимо ему вместо того систематического насилия, которое именуется «социализмом» или «коммунизмом», и вместо того пролганного хаоса, который представляет из себя в большинстве случаев так называемый «демократический строй»? Мы отвергаем и это насилие, и этот хаос. Мы говорим им «нет!». Но этого мало. Отвержение еще ничего не определяет... Человек творит, утверждая, а не отвергая. Мало отвергнуть мерзость коммунизма и удручающую, разлагающе-разорительную глупость социализма: надо обосновать и утвердить частную собственность... Мало вскрыть и доказать тот всенародный самообман, который обычно осуществляется в демократии, надо найти тот здравый исход, который не грозил бы государству ни тиранией, ни тоталитарным строем, ни разложением, идущим от «партийной демократии»... И пусть не говорят нам, что наши предложения фантастичны, утопичны или неосуществимы! Пусть сами ищут, находят и предлагают свое, не «свое» скомпрометированное и губительное, а свое – новое, творческое, жизненно верное. Конечно, легче всего настаивать на провалившейся выдумке: и думать не надо и творчества не требуется; остается только твердить свое, завладевать явно и тайно аппаратом пропаганды, замалчивать или просто пачкать противника и ... валиться в пропасть.

Но мы не желаем и не смеем этого: перед нами великая Россия, ее погибель или

возрождение. И мы отлично знаем, чего именно хотят для нее провалившиеся выдумщики.

Прежде всего, мы не верим и не поверим ни в какую «внешнюю реформу», которая могла бы спасти нас сама по себе, независимо от внутреннего, душевно-духовного изменения человека. Нет такой «избирательной системы», нет такого государственного устройства, нет такого церковного строя, нет такого школьного порядка, которые обещали бы человечеству, и в частности в особенности России, обновление и возрождение, независимо от того, что будет созерцать его воображение и каков будет внутренний уклад его мысли и настроений и каковы будут дела его жизни... Невозможно, чтобы дрянные люди со злою волею обновили и усовершенствовали общественную жизнь. Жадный пустит в ход все средства, продажный все продаст, человек, в коем Бога нет, превратит всю жизнь в тайное и явное преступление. Внешнее само по себе не обеспечивает человеку ни духовности, ни духовного спасения; никакой государственный строй не сообщит человеку ни любви, ни доброты, ни чувства ответственности, ни честности, ни благородства. Истинное обновление идет не от внешнего внутрь, не от формы к содержанию, не от видимости к существу, а обратно. И странно, даже страшно доказывать это через 2000 лет после Рождества Христова; странно потому, что люди, по-видимому, прошли мимо Христианства; страшно потому, что мы не видим, чем и как восстановить и утвердить не принятое откровение.

Все великое и священное идет изнутри – от сердечного созерцания; из глубины, – от постигающей и приемлющей любви; из таинственной духовности инстинкта; от воспламенившейся воли; от узревшего разума; от очистившегося воображения. Если внутри смутно, нечисто, злобно, жадно, скверно, то не поможет никакая внешняя форма, никакой запрет, никакая угроза, никакое «избирательное право», особенно всеобщее, равное и прямое. Знаем, не наше дело учить другие народы. Они сами тысячелетиями делали свою историю, сами уродовали свой духовный акт, содействуя его оскудению и формализации, они сами дошли ныне до духовной пустоты, до духовно бессмысленной техники и самодовлеющего спорта, до так называемого «модернизма», в коем зло выдается за главное, а добро презирается как ненужная сентиментальность; они сами стали жертвою пустой формы – в науке, в политике, в искусстве, в культе машины и во всем прочем. Не нам их учить, не нам их исправлять. Да и самодовольство их сделало бы все наши попытки смешными. Послушайте только, что католические прелаты говорят о «Божьей метле», выметающей Православие из мировой культуры... Прислушайтесь к тому, как протестанты собираются «впервые» внести евангельский свет в «темные дебри восточно-русского язычества»... Вникните в то высокомерие, с которым европейские «цивилизованные» народы обсуждают «совершенство своих конституционных форм», не усматривая ничего особенного ни в том, что кандидат в североамериканские президенты вытирают себе лицо, забросанное гнилыми томатами и тухлыми яйцами, ни в том, что составление работоспособного министерства во Франции становится неразрешимой задачей, ни в том, как парламентская полиция растаскивает побоище господ римских сенаторов, ни в том, какую – деморализацию водворили господ английские социалисты в организации медицинской «помощи» больным... Было время, когда русская интеллигенция считала западный политический строй «образцом» для России. Это время прошло. Мы видели и наблюдали достаточно. Мы научились тому, что истинное строительство есть творчество, а не подражание. Мы увидели истинное лицо запада: сначала в советском коммунизме, потом в европейском социализме и, наконец, в том, что называется «свободным строем», в действительности руководимом из-за кулисы. Верить в свободу этого строя могут только люди политически близорукие или наивно-доверчивые. Ибо свобода совсем не сводится к голосованию всех по всем вопросам; корни ее лежат гораздо глубже, и выражается она в гораздо более существенных проявлениях, духовных, творческих и житейских.

Итак, мы не можем верить, что возрождение и обновление России придет от водворения в ней какой-нибудь другой, некоммунистической, может быть, прямо антикоммунистической формы правления, как таковой.

Мне приходилось встречать людей, непоколебимо уверенных в том, что стоит в России «провозгласить монархию» – и все «пойдет гладко и станет все на место». Слушаешь таких людей и удивляешься: для них история как будто не существует. Ведь монархический строй не может, что называется, «повиснуть в воздухе», необходимы, по крайней мере, две предпосылки, две основы: во-первых, – верное монархическое строение души в народе, которое можно было бы точнее всего выразить словами: надо уметь иметь Царя; и во-вторых, необходимы те социальные силы, которые понесли бы богоданного Государя – преданностью, верностью, служением, честью, честностью и в особенности тем правдоговорением перед лицом Государя, которое необходимо ему самому, как «политический воздух». Имеются ли эти предпосылки в России? Россия ведь имела счастье быть монархией и почему-то развалилась... Почему? Не от того ли, что она разучилась иметь Царя? Не от преобладания ли честолюбивой интриги над верностью и преданностью? Не от того ли, что монархизм карьеры вытеснил монархизм служения? Что же, дело с тех пор усовершенствовалось? И притом значительно? Научились ли русские люди иметь Царя? Или они опять предадут его за свой частный прибыток на растерзание? – Вот о чем следовало бы подумать «провозглашателям». Монархия должна быть подготовлена религиозно, морально и социально; иначе «провозглашение» окажется пустым словом и началом нового разложения...

Но означает ли это, что можно ожидать большого успеха от «провозглашения» республики? Так могут думать только люди, не понимающие, что республика есть всегда выражение особого душевного уклада, что необходимо думать и чувствовать по-республикански для того, чтобы республика возникла, окрепла и удалась. Где же учился и научился русский народ так думать и так чувствовать? У «временного правительства», заговорившего революционную толпу? Или у коммунистов, ловко поставивших революционную толпу на колени? Республиканец превыше всего ставит дело свободы. Где же учился русский народ этому свободолюбию? Не в коммунистических ли каторжных лагерях?... Свобода есть умение сочетать независимость с лояльностью; а между тем, оба эти начала попираются в России уже четвертый десяток лет... Республиканство есть политическое искусство строить государство при рыхлой, зависимой, подкопанной и нерешительной верховной власти. Можно себе представить, что начнется в «республиканской» России после сорока лет тоталитарного строя!...

«Провозгласить» в России республику – значит вернуться к пустому фразерству Временного правительства и повторить гибельный эксперимент того времени в новом, несравненно худшем виде. Государство есть не механизм, а организм, и всякая истинная и прочная форма жизни должна быть подготовлена в нем органически. Добавим к этому только, что в «органическую подготовку» всероссийской республики или множества малых республик – мы не имеем никаких оснований верить: ни исторических, ни географических, ни хозяйственных, ни культурных, ни духовных, ни религиозных. Надо совсем не знать или политически не постигать Россию, чтобы быть русским республиканцем.

Итак, русскому народу необходимо духовное возрождение и обновление.

Отповедь расчленителям

Это была беседа, ведшаяся в довольно пестром обществе. У гостеприимного хозяина собрались представители нескольких народов – был один американец, из сторонников Эйзенхауэра, один либеральный англичанин, один французский бельгиец и двое русских. И, как водится в таких случаях, представители западных народов говорили, как великие знатоки русской истории и русского вопроса, а представители русского народа, отодвинутые, удрученные излагаемым политическим вздором и несколько растерянные от невежественного апломба иностранцев, молчали. Картина для нашего времени типичная и характерная...

Ну что возразить англичанину, утверждающему одним вздохом, что Иоанн Свирепый перерезал всех казанских татар и что Сталин выполняет во всех подробностях «завещание Петра Великого?» Или американцу, который достоверно знает, что русские составляют в России меньшинство и что коммунизм есть единственное, что удерживает Россию от полного распада, так что крушение коммунизма немедленно «разреши́т весь русский вопрос?» Что сказать бельгийцу, который считает полное разоружение Германии, а также независимость Эстонии и Латвии – вернейшей гарантией европейского мира?.. Опытному политику сразу было видно, что весь этот набор исторических нелепостей и выдумок идет из единого колодца – из прессы, вдохновляемой мировой закулисою...

У Кузьмы Пруткова есть мудрый совет: «рассуждай только о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют». Но ныне настало время, когда мировую политику повели люди, коих понятия для этого великого и сложного дела абсолютно недостаточны, не знают исторических фактов, не разумеют причин и следствий, не имеют политического опыта, не видят знамений, не предвидят опасностей и, главное, ничего не зная, воображают себя «прекрасно осведомленными»... Какого добра и спасения можно ждать от них?

Может быть, эта беседа так и застыла бы на произнесенных нелепостях, если бы один из наших соотечественников, человек с энергией и юмором, не предложил бы общий и основной вывод.

«Я думаю, – сказал он, – что выражу наше общее мнение, если скажу, что мир должен искать в настоящее время спасения – во всеобщем расчленении. Ведь сущность свободы состоит в самостоятельном изволении человека, а сущность демократии – в самоуправлении каждого народа по его собственным понятиям и воззрениям. Поэтому каждый истинный либерал и каждый настоящий демократ должен требовать самостоятельности и самоуправления для всех народов, племен и общин мира. В этом, после всего здесь только что высказанного, никто из присутствующих не захочет, да и не решится возразить мне»...

Такого вывода никто не ожидал, и на несколько мгновений воцарилось растерянное молчание...

Он продолжал:

«Все люди свободны, и все народы мира равны. Чем африканские Ботокуды, Дуалы, Бодиманы, Мбанги, Баджобы, Дибомы или Ниоконы хуже и ниже других людей? Откуда взялось это воззрение, что Африка есть ничья земля, которую каждый желающий может оккупировать? Откуда эта точка зрения, что арабы марокканские, алжирские, тунисские, ливийские и другие, с их древней и высокой культурой, являются народом низшей расы, которая нуждается во властном протектировании и должна покоряться внедрившимся европейцам? Почему Египту так трудно вернуть себе свою самостоятельность? Почему Индия, страна древней и своеобразно-глубокой культуры, так долго принадлежала не сама себе, а англичанам? Вспомним это классическое нападение англичан на голландских буров, воспроизведенное позже Италией в Абиссинии... Какое попрание свободы! Какой антидемократический способ действий! Но Муссолини и не притворялся демократом, а с фашистской прямоотой вырезал неудобное ему население... Откроем карту Австралии и Индокитая и спросим себя (как последовательные либералы и демократы), что означает это расхищение чужого добра? Почему Южная Америка может быть в виде системы самостоятельных государств, вечно занятых революционными переворотами, тогда как Африка являет собою сущую чересполосицу захватных владений? Одно из двух: или либерализм, демократизм и свободное политическое расчленение вселенной, или колониальная система, попирающая законы либерализма и демократии!»

Трудно представить себе, как вскипели иностранцы, еле давшие договорить представителю национальной России. Больше всего сердился англичанин, весь красный от гнева, он повторял все один и тот же вопрос: «Вы, что же, хотите разложить весь Английский Эмпайр?!» – «Что же, по-вашему, – допрашивал бельгиец, – Германии надо опять предоставить вооружиться и напасть на беззащитных соседей?!» И только один американец что-то молча соображал и, наконец, вынув записную книжку, начал заносить в

нее какие-то заметки, вероятно, заподозрив русского оратора в тайном коммунизме... Хозяин не вмешивался в беседу, он только любезно и несколько таинственно улыбался.

Когда буря немного улеглась, наш единомышленник продолжил развивать свое возражение.

«Будем же хоть немного справедливы! Если вы считаете, что национальная Россия (которую только совершенно неосведомленные люди могут смешивать с коммунистическим государством Сталина), что она захватила не принадлежащие ей территории и что этому надо положить конец ее расчленением, то спросим же себя, на каком основании Англия владеет испанским Гибралтаром, голландской Южной Африкой, Занзибаром, Кенией, Угандой, Лабрадором и бесчисленным множеством других, захваченных ею земель и гаваней? Почему Англия не присвоила себе доселе ни острова Эзеля, ни Кронштадта, ни Соловецких островов, ни Владивостока?! Вся так называемая мировая «колонизация» есть ведь не что иное, как захват не принадлежащих земель и портов... Вы расхватили всю земную поверхность по кускам и не видите теперь, что мир заражен болезнью распада. Смотрите: уже отделяются колонии, доминионы и территории от Англии, от Франции, от Голландии и от других государств. Историческая эпоха колонизации идет к концу. Коммунистическая пропаганда вот уже 35 лет работает в этом направлении, и вы не сумели противопоставить ей ничего. Колонизатор объявлен классовым врагом и угнетателем, подлежащим свержению. И что же вы делаете? Вместо того чтобы понять революционно-коммунистический смысл этого расчленения, т.е. угрожающую вам всем гибель, – ибо вчера поднялись китайцы, индусы и малайцы, сегодня организуются арабы, чтобы сбросить ваше иго, завтра поднимутся негры, – и вы будете изгнаны из всех ваших колоний, – вместо этого вы заимствуете лозунг расчленения и распада у большевиков и готовитесь внести его осуществление – не в Советскую страну, это вам не удастся, а в освобождающуюся национальную Россию, чтобы ослабить ее, и без того измученную и истощенную революцией. Вы собираетесь разрешить «русский вопрос» психозом государственного распыления и не думаете о том, как отзовется этот процесс в остальном мире. Если одна шестая часть вселенной будет охвачена процессом послереволюционного распада и закипит в расчленении, то вы можете быть совершенно уверены в том, что остальные пять шестых, подготовленных к тому же самому – и проснувшимся беспредметным национализмом, и религиозным брожением, и коммунистической пропагандой, – распадаются неудержимо. Ваш лозунг расчленения России есть не что иное, – как воспринятая вами большевистская зараза и углубление революции!»...

Американец поднял брови, остановил свой взгляд на ораторе и что-то коротко зачеркнул в своей записной книжке.

«Ныне дальнейшее углубление революции есть чистое безумие. Ваше спасение в замирении востока, а не в разжигании гражданских войн на всем пространстве от Риги и Варшавы до Владивостока и Гонконга. Вам необходимы платежеспособные рынки для сбыта, рынки, которые могли бы вам заменить отпадающие колонии, а вы затеваете великую политическую, хозяйственную и военную разруху и обнищание востока. Расчленив национальную Россию, вы задохнетесь в ваших фабриках, капиталах и продукциях от недостатка сбыта и начнете мечтать о единой, лояльной и платежеспособной России. И вы можете быть уверены: она восстановится, но только преодолев (дипломатически, хозяйственно и военно) навязываемые ей вами соблазны распада».

«Вы все время упрекаете Императорскую Россию в захвате не принадлежащих ей территорий, так, как если бы такой захват составлял вашу привилегию и монополию, и притом на протяжении всех континентов. Но назовите мне хоть одну колонию, захваченную Россией на чуждом ей континенте! Франция свободна в захвате Индокитая с двадцатитрехмиллионным населением или африканских пространств в размере половины всей России; Бельгия, Португалия, Голландия, Англия – все свободны налагать руку на далекие и чуждые им земли и племена. Но Императорская Россия совершенно неповинна в этом. Ее территория не набрана отовсюду оккупациями или парфорсными охотами; они

сопринадлежат».

«Это значит, что они, пространственно прилегая друг к другу и географически сливаясь друг с другом, политически, хозяйственно и культурно нуждаются друг в друге. Их объединил не произвол меча и не каприз завоевателя, а медленное органическое развитие населяющих ее народов. Это происходило на протяжении веков. Соседние народы знакомились друг с другом, учились понимать и восполнять друг друга, и естественно, что наиболее одаренный, христианский и культурный народ, русский народ, руководил этим делом. Но никогда, запомните это, никогда русские не практиковали денационализацию других, малых и некультурных племен; впервые после германцев за это дело взялись коммунисты, эти доктринеры западного марксизма».

«Возьмите исторический атлас девятого века и попробуйте составить список тех славянских народов, которые занимали всю восточную половину Западной Европы от Дании до Далмации: абодриты, лионы, лютичи, редарии, укры, хевеллы, сорбы и многие, многие другие. Где они все? Все или вырезаны или денационализированы германцами; и даже имена их не упоминаются, разве только в путеводителе напишут: «остатки языческой эпохи». Потом возьмите статистику русского населения и подивитесь на этот спор с количества племен, сохраненных императорской Россией: одни ученые насчитывают 160 малых племен, а другие 166. Россия никого не денационализировала, никого не искореняла, всех блюла, всем оставляла национальную свободу».

В 1916 году я лечил свои легкие на Кавказе, в Теберде, и жил в пансионе у князя местного народа карачаев. Его фамилия была Крым-Шамхалов. Его дед заключил вечный мир и присоединение с императором Николаем I, а внук его Мурзакуль Баксанук Пашаевич, магометанин по вере, полковник русской армии, весь израненный в японской войне, не находил себе места от тоски о том, что раны его не позволяют ему участвовать в первой мировой войне против германцев. Добавлю только, что ныне весь народ карачаев вырезан большевиками за неприятие коммунизма. А немецкие колонисты на Украине, на Волге и в Сибири? Они переселились в Россию в конце XVIII века числом несколько десятков тысяч, а к XX веку их было уже 1200000, и все они сохранили свою веру и даже свои диалекты (саксонский, виртембергский и другие), и все разбогатели. И притом именно благодаря тому, что Россия укрыла их в своих пространственных недрах и соблюла их свободу. Искоренять их взялись только большевики, и не за германство их, а за антикоммунизм».

«И что вы нам твердите о латышах и эстонцах? Это Императорская Россия сохранила эти и многие другие народы от гибели. И все эти народы отлично знают, что противостоять германцам они по своей военной слабости не могут, а раз захваченные германцами, они будут насильственно денационализированы подобно западным славянам».

Я понимаю, что вы не хотите вооружать германцев. Как только они вооружатся, они вновь сделают попытку завладеть Украиной, ее зерном, ее железом, ее углем, прорваться к волжской и кавказской нефти и присвоить себе мировую гегемонию; но разоруженная Германия есть открытый для коммунистов европейский фронт. В чем же дело?.. В вашей военной слабости и в нежелании военно укрепить настолько, чтобы не опасаться ни коммунистов, ни немцев. Вы хотите владеть по-прежнему миром, не обороняя его подобающим образом, и это вам не удастся»...

Тут американец встал, чтобы проститься с хозяином, и беседа оборвалась. Но уезжая, он записал имя и адрес оратора и сказал ему отдельно несколько слов, явно условливаясь о дальнейшем свидании.

На что рассчитывают Советы?

Внимательные наблюдатели в Европе не раз отмечали за последние годы, что угроза «европейской оккупации» с востока приносилась всегда нарочито внятными полупешотом и притом в разных странах одновременно и обыкновенно людьми советской ориентации или

прямыми агентами. «В 1950 году все равно все будет кончено», или «оккупация назначена на 1951 год», или еще иначе «1952 год все решит». Единство источника этих сведений всегда было ясно: люди шептались, грозили и пугали новой мировой войной по недвусмысленному распоряжению с востока. Пресса европейских стран подхватывала эти – слухи, массы отзывались то легкой паникой, то депрессией, в парламентах шел глухой ропот, необходимость «готовиться» и «вооружаться» становилась бесспорной. Особенно при газетном подсчете «ужаснейших» советских армий.

Вооружалась ли Европа? Неохотно, плохо, лениво, с надеждой на Соединенные Штаты, с явным страхом перед Германией, – но все-таки процесс развивался в Америке, где действительно инвестируются в вооружение огромные суммы. А там вдруг в стране советов случился очень громкий взрыв... Что это значит?!.. И те же источники отвечали полупшепотом: «Это был последний опыт, очень удачный; начинается массовая продукция»...

Наблюдателю думалось: странно и стратегически глупо; когда и где, кроме легендарного Святослава, завоеватель предупреждал недругов – «иду на вы»? А эти – предупреждают? Ясно, что им важно не предупредить, а спровоцировать, как всегда; они грозят потому, что не могут выполнить свою угрозу, а если бы могли, то давно уже выполнили бы. Все их деяния провокационны и имеют значение диверсии: война в Греции, борьба за Берлин, бряцание оружием то в Чехии, то в Персии и, наконец, Корея и Индокитай. Но в чем же эта провокация?

Реальное соотношение сил в возможной третьей мировой войне – известно коммунистам лучше, чем кому бы то ни было: ибо они знают хорошо свои советские силы и возможности, очень ловко скрывая их от других, а сверх того, благодаря своему необычайно организованному шпионажу, агенты которого сидят в министерствах всех остальных стран, они знают точно все необходимое и о других. И первое, что они знают, это затруднения нападающего.

Нападающий должен быть твердо уверен в своей армии: именно, что она пойдет всюду и на все, что она будет добиваться победы во что бы то ни стало и «ложиться костями». Уверена ли советчика в своей так называемой «красной армии»? Нисколько. Еще Достоевский указывал на то, что русский солдат борется совсем иначе за свою землю, чем за чужую. Опыт массовой сдачи в плен уже известен советским солдатам; известен и опыт «отступления без брошенного оружия»... А коммунистически-партийные части, которые стали бы драться и за чужую землю? Их необходимо беречь для более серьезных партийных надобностей. Да и многочисленны ли эти «свои верные»? Уложив их в бою, чем заменить их? Далее, нападающий должен иметь численное преобладание втрое, и совсем не только в подсчете солдат (напр., авиация, атомная бомба...). Такого преобладания у советов нет; будет ли когда-нибудь? Пока не сокрушится западный «буржуазный» строй – вряд ли... Нападающий выступает явным «виновником» войны, а третья мировая война обещает быть ужасной; советы же всегда нуждаются в популярности, в успехе у широких масс. Словом, положение нападающего – труднейшее и невыгоднейшее.

Гораздо умнее и выгоднее спровоцировать нападение на себя. Это нападение («интервенция») предсказано во всех резолюциях коминтерна и в партийной догме – как «неизбежное», а в необходимость завоевать весь мир и в непримиримость, несовместимость двух порядков – «буржуазно-свободного» и коммунистически-принудительного – советчики веруют фанатически... Поэтому неизбежный конфликт должен быть спровоцирован в наивыгоднейший для коммунистов исторический момент. Провоцируется же он так. Надо усиливать коммунистическую пропаганду в стане врагов, все время грозить и вести себя вызывающе: чем наглее, тем лучше. Потеряют же провоцируемые однажды терпение и поймут, что им приходится выбирать между разложением заживо и решительным ответным ударом, а такой ответный удар и есть предвиденная и предсказанная «интервенция»...

Однако возразит кто-нибудь, коммунистам совсем невыгодно, чтобы западные державы «вооружались»... Отвлеченно говоря, это возражение кажется верным: не легче ли взять

безоружных «голыми руками»? Не надо бы «грозить» и «пугать», а неожиданно оккупировать и причислить к коммунистическому бедламу.

Но те, кто знают доктрину и практику коммунистов, никогда не забывают, что коммунисты верят в «гнию» гораздо больше, чем в «бой». У них бой должен быть всегда хорошо подготовлен внутренним гноением и гниением врага. А в Европе и в Америке за пять лет оказалось, что массы к перевороту не способны; и воля утомлена войною; и «кадры» переворотчиков недостаточны; и в коммунизм, как всеустраивающий фактор, западные массы плохо верят, и силы порядка оказывают сопротивление, и разоблачения вернувшихся пленных убедительны, и к порядку и честному труду тянет... Словом, мировое разложение все еще недостаточно и мировая революция не созрела.

Необходим огромный хозяйственный кризис, всегда предсказывавшийся Марксами, Лениными и их подголосками. Капитализм должен запутаться в своих собственных тенетах и тем создать революционную конъюнктуру: безработицу, полевение масс, голод и разложение. Чтобы бить и разбить, надо сгноить, и притом так, чтобы война была начата самим «гниющим буржуазным миром», интервенцией запада на восток, а не оккупацией запада с востока. Тогда советчики опять поднимут крик об опасности для России, о необходимости оборонять ее земли во что бы то ни стало, воздвигнуть «хоругви» псевдоправославной церкви, произнесут великие русские имена, потребуют клятв и пустят полным ходом машину псевдопатриотизма... А сами будут готовы перенести столицу советчины в Алма-Ату и лететь с авиабомбами на Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго и Лондон.

Но для этого необходим вожделенный мировой хозяйственный кризис. Нужно «перепроизводство», «перевоспложение форм капитала» и, главное, отсутствие рынка. Все это и осуществляется в массивных затратах на вооружение. Капиталы «инвестируются» огромные, а сбыта, рынка для такой «продукции» нет, если не считать самую войну или продажу оружия в европейские отстающие страны. Иными словами: угроза третьей мировой войной прямо вталкивает «буржуазный» мир в кризис перепроизводства, прямо вводит его в революционную конъюнктуру. Подумать только: в каждом парламенте ожесточенная дискуссия о добывании кредитов на вооружение, о размерах сумм, о новых налогах, причем коммунисты, конечно, выступают в качестве «идейных пацифистов» – в результате партийный и классовый раздор во всей стране. А потом осуществление принятой программы: мировая пресса не может не сообщить, где именно и какая именно фабрика оружия будет строиться и каковы будут размеры ее продукции. И все это, конечно, заносится советчиками на их карты и планы... Тем временем прикровенные коммунисты внедряются в самое это новое заведение... А какие великолепные возможности протестов, забастовок, демагогического лганья, миролюбивых заверений, антибуржуазных разоблачений, подкупа и исчезновения «атомных ученых». Ибо общее правило коммунистов гласит: побеждай не своей силой, а чужой слабостью и чужим разложением; оружие только учитывает успехи чужого гниения.

К этому присоединяются вопросы национальный и колониальный. Программа советского «псевдо-национализма» общеизвестна; расшевеливается в народах жажда своеобразия и самостоятельности, независимо от того, способны они к тому или нет; она связывается с коммунизмом, как с якобы единственной формой возможного «освобождения»; начинается революционное движение, завершающееся коммунистическим тоталитаризмом и денационализацией «освободившегося» народа. Это, конечно, может и не везде удался; но, например, в Китае, кажется, удалось, ибо революционный Китай стал орудием мирового коммунизма. А что ожидает иранцев, афганцев, курдов и многих других? А негров?

И наконец, вопрос колониальный. Все колониальные «империи» должны быть разложены, расщеплены, развалены. Процесс этот уже успешно идет в Англии, в Голландии (Ява), во Франции; он должен захватить Бельгию, Испанию, Португалию и другие страны. Правило единое и старинное: «разделяй и повелевай». Колониальная эпоха истории заканчивается «посрамлением», восстанием и распадом. Должны остаться не колонии, а части единого тоталитарного государства Советской Социалистической Республики, по

глупости принимаемой иностранцами доселе за Россию.

Итак, надо до тех пор «гноить» буржуазный мир, пока он не развалится или же не начнет интервенцию. Если он развалится, тогда он будет «присоединен» к СССР по частям. Если же он начнет интервенцию, то к этому моменту должны отпасть от него все колонии, «освободиться» все «порабощенные» народы, рабочие – должны поднять коммунистическое восстание в тылу у «нападающих», забастовки железнодорожников и военных заводов должны остановить нападение, и интервенция провалится. Нужна не война, а революция. Собственная военная сила, безусловно, необходима, но гораздо важнее и нужнее чужая слабость... В первые годы после второй войны (1946-1948) коммунисты все еще надеялись на то, что «революционная конъюнктура» уже создалась, что она выросла из самой войны. В дальнейшем они поняли, что Азия революционно более созрела, и, подобно пушкинскому Балде, они вытащили из мешка зайца, «меньшого брата» (Китай), предлагая американцам «обогнать» сначала его. Диверсия удалась, но, к их немалому раздражению, она не обессилила американцев, не истощила их, не дискредитировала их, а разыгралась «вничью». Американцы не выдали им Азию, но отнюдь не отказались от Европы...

Тогда пришлось «сбавить тон». Куда девались грубые выходки тупого Молотова? Где угрозы советского «робота» – Громыки? Истощилось пусторечие самодовольного Вышинского, где-то залечивающего свою политическую язву желудка... На сцене появился любезный Малик, а в Москву поехал «беседовать» и отсрочивать доверенный Трумэна Кеннан, владеющий русским языком. То, что сейчас происходит, может быть обозначено, как попытка мировой кулисы отложить третью мировую войну. И иногда кажется, что это в интересах обеих сторон: ибо коммунисты «недогноили» мира, а демократии «недовооружились»; и обе стороны предвидят, что этот «последний и решительный бой» может оставить после себя во всем мире одни развалины. А пока что – коммунисты намерены торговать с западом, ввозить оттуда все, что им не хватает (особенно машины и атомбомбных ученых!), с тем, однако, чтобы в нужную и полезную им минуту заговорить с западом опять грубо-провокационным тоном. Надо помнить, что они искони презирали запад с его беспросветной наивностью в вопросах, касающихся России, и с его любопытным в истории человечества самомнением...

При этом необходимо учитывать, однако, следующее. Советское государство, вооружаясь, остается тоталитарным государством; оно не подчиняется законам свободного рынка и свободного народа. Оно вкладывает в вооружение свои капиталы, сохраняя их за собою и не нуждаясь в согласии общественного мнения терпеть убытки, а также в согласии рабочих масс понижать без конца уровень жизни. Советское государство обладает финансовой возможностью списывать убытки, разоряться и содержать свой народ на каторжном уровне голода и безгласия...

Но «буржуазные» и демократические государства не имеют этой возможности. Они подчинены законам свободного рынка и доходности предприятий. Инвестировать капитал без оборота и без дохода значит для них вызвать хозяйственный кризис, не иметь рынка значит не иметь сбыта, значит создавать устаревающую и никому не нужную заваль, терять не только доход, но и капитал. Наряду с этим имеется государственно-нестесненная пресса, парламенты, выборы, возможность стачек и забастовок. Эти государства суть не бюрократические механизмы и не концлагеря, но организмы с живым и свободно осмысливаемым (хозяйственным и политическим) оборотом. Инвестировать капиталы из года в год в устаревающие виды оружия – здесь невозможно; перепроизводство завали вызовет здесь неминуемо массовую безработицу со всеми ее последствиями.

Поэтому в вооружении враждебные стороны не равновободны. И это учитывают коммунисты. «Каторга» грозит, и «свобода» вынуждена вооружаться. Но вооружившаяся «свобода» не может по «каторжному» списывать в расход и созданное оружие и людей: оружие должно будет найти свое применение, а люди – новый труд и заработок. В этом и состоит та провокация интервенции, о которой мы упоминали вначале: нападающий (коммунизм) пытается притвориться невинно преследуемым; революционный громила

пытается поставить свободные государства в положение погромщика и насильника.

Здесь западным государствам предстоят такие положения и затруднения, из которых им не выйти без великих и мудрых государственных людей...

Нас учит жизнь

Она нас учит постоянно: все время ставит проблемы и обличает ошибки их разрешения. И если только наблюдать и иметь верные – духовные, совестные и политические – мерила, то жизнь превращается в настоящую школу. Эти уроки мы должны сохранить для грядущей России.

1. Великая беда демократического мира состоит в недостатке больших людей с государственным умом и сильным характером, скажем прямо, наподобие Уинстона Черчилля и Макартура: когда ставится этот вопрос, – имеются ли они и как их отыскать, – то опытные люди тотчас же с восхищением называют Черчилля и затем смолкают в растерянности, и уже на вопрос о том, кто же в случае несчастья заменит его среди английских консерваторов, недоуменно разводят руками. Переходят к Соединенным Штатам, никогда не называют Трумэна, с опасением отмахиваются от Тафта, прямо указывают на политическую наивность Эйзенхауэра, не решаются назвать ни Стессена, ни Дьюи, зато с восхищением отзываются только об одном лукаво устранившем от дел великане Макартуре. И затем перебирают одно государство за другим и ежеминутно затрудняются. Конечно, называют в Португалии Салазара, но о его мировом горизонте и значении не умеют сказать что-нибудь. Выдвигают в Испании каудильо Франко, но с оговоркою, что военное и политическое умение он обнаружил, а хозяйственно оздоровить свою страну не сумел. Кое-кто упоминает об искусно лавирующих иезуитах – в Германии об Аденауэре и в Италии о де Гаспери, но политическую идею их формулировать не берутся. Кое-кто пытается назвать генерала де Голля, но в чем его государственная идея и политическое искусство, выразить не умеют. За Тито и за Пероном признают силу воли, с улыбкой допуская таковую и за супругою сего последнего, но государственная идея их и даже идейность их управления серьезно не обсуждается. Одно время казалось, что в Бельгии выдвигается сильный и разумный государственный человек (Шпаак), но уличное поведение его в вопросе о возвращении короля обнаружило размеры его политического смысла и такта.

Итак, где же они, большие государственные люди демократических государств. Люди, которые знали бы не только то, что совершается в их партийно-парламентской деревне, но разумели бы и тот мировой кризис, в который вовлечено их государство и из которого они призваны вывести свою страну живою и жизнеспособною, а не в состоянии политических и культурных развалин? Почему не видно и не слышно их голоса? Неужели их просто нет?.. Где новые Кавуры. Бисмарки, Дизраэли? Где люди, которых можно было бы, не кривя душой, назвать рядом с Вашингтоном и Столыпиным?

Выскажем прежде всего нашу уверенность в том, что такие люди имеются и ныне. Несомненно, что религиозное оскудение человечества, его духовное разложение и деморализация последних десятилетий затруднили их политический расцвет. Традиции христианской веры, личной чести, национальной культуры и искреннего патриотизма поблекли и поколебались. Все реже находятся такие семьи, которые, свято блюдя эти традиции, могли бы крепить и выращивать большие характеры. Это, во-первых.

Во-вторых, – выродился и снизился уровень образования: та полуобразованность, о которой пророчески писал Достоевский в «Бесах», размножилась, стала системою и всплыла наверх, она определяет ныне уровень парламентов, журналов и газет, книг и брошюр. Она «дает сбыв», а сбывающему безразлично продавать «иллюстрированную» пустоту, фельетонную пошлость, эротическую непристойность или вранье сомнительного авантюриста: ему надо только, чтобы его издание «шло». Человечество утратило смысл и цель жизни и всецело ушло в разработку средств (техника) и в добывание денег.

В-третьих, большие закулисные организации научились «работать» закулисным

обманом и демагогически одурачивать массового обывателя. Говорится и обещается одно, а делается и осуществляется совершенно другое. А для этого делания люди с сильным характером не нужны и опасны, люди с самостоятельной мыслью неприемлемы и вредны, большие люди совсем одиозны. Демократия вообще не любит больших людей. И это вполне понятно. Наряду с большим – средний чувствует себя неинтересным получеловеком, а маленький – совсем уничтоженным. Иногда выговаривают это прямо. Говорят: «Все превосходное непереносимо, надо задержать его восхождение, надо сделать его смешным, непривлекательным, изолировать его, замолчать его, противопоставить ему выхваляемую бездарность и пошлость, а если нужно и возможно, то пустить о нем клевету (хотя бы по способу оперного Дон Базилио)». И все это не преувеличение. Все это живая политическая практика, которую однажды открыто формулировал на страницах милюковской газеты («Последние Новости») один из ее руководящих сотрудников. Только клевету он не упомянул, но зато инсинуация цвела в этой газете и в политике ее редактора: изошрялись и преуспевали...

Итак, демократия принципиально и систематически работает над тем, чтобы в политике не было сильных и самостоятельных людей; чтобы они не появлялись; чтобы отбить у них охоту вмешиваться в государственные дела. Она предпочитает покорных закулисе глупцов. Вспомним для примера английских министров, руководящих страной перед второй мировой войной: Макдональда, оставившего английский средиземный флот с одним единственным снарядом на каждую пушку, и Чемберлена, объявившего, по возвращении своем из Мюнхена, что европейский мир обеспечен на 25 лет... Упомянуть ли о нынешних социалистических мудрецах во главе с Эттли?

Мы не сомневаемся в том, что западные европейцы и ныне имеют своих крупных и мудрых людей. Но эти люди отстранены от государственных дел силою количества, партийности и закулисной интриги. Сумеют ли, успеют ли и, главное, захотят ли их выдвинуть европейские народы в грозный час истории? А если не захотят, не сумеют или не успеют, то окажутся в рабстве у худших.

2. Искушение Германии. Население Германии исчислялось по переписи 1933 года в 66.020.000 по подсчету 1937 года – 67.670.000. По официальным данным (статистика боннского центра), Германия потеряла во время второй мировой войны – около 3 миллионов солдат убитыми и около 500000 штатских, погибших от бомб внутри страны. Раненные на войне исчисляются цифрой в 2 миллиона. К этому надо присоединить германских евреев, уничтоженных Гитлером; их было (считая одних только некрещеных) около 500000 и трудно допустить, чтобы многим из них удалось спастись за пределы досягаемости. Учитывая, далее, систематическое погубление германских пленных в Советии, дрящееся и поныне, а также расправы над населением восточной (оккупированной) Германии, надо думать, что война обошлась немцам не менее чем в 6 миллионов погибших и в 3-4 миллиона изувеченных людей. Необходимо вспомнить о разрушенных городах, о разоренных состояниях, о страшном снижении уровня жизни, о множестве непоправимо погибших предприятий и, наконец, о тех колоссальных репарациях, которых требует с германцев Израиль. Надо принять еще во внимание положение восточной, оккупированной Германии с ее многими миллионами жителей, судьбу ее беженцев, ее промышленности, ее земледелия, ее школ и университетов.

Строго говоря, та Германия, которая подготовила и столь успешно проводила первую мировую войну (1914-1918), Германия с ее мировыми колониями (2 миллиона кв. км., 12 млн. жителей), утраченными ею тогда же, включившая в себя целый ряд областей, отошедших после войны к Франции (Эльзас и Лотарингия), к Польше, Литве, Бельгии, Дании и Чехии (всего 6,5 млн. населения), не существует с 1919 года. Первая попытка германцев захватить Прибалтику и особенно Украину с ее зерном, скотоводством, железом, углем и подступами к нефти сорвалась тогда, и первое покушение на европейско-азиатскую гегемонию не удалось. Это не помешало Германии ровно через двадцать лет собраться с силами, подготовить в тишине большую армию и произвести вторую такую же попытку,

итоги которой мы только что привели (1939-1945).

Ныне Германия, даже в том виде, в котором она предстоит на карте, со всеми ее новыми утратами, разрушениями, с ее оскудением и унижением, снова окажется центром всеобщего внимания и даже таинственных надежд. Европейские победители двух войн (Франция и Англия) – не то не могут, не то не хотят, а, может быть, и не могут, и не хотят – списать убытки и протори, встать на ноги, вооружиться и заговорить с коммунистами подобающим языком. Они утомлены, болеют социализмом и синдикализмом и робко оглядываются на Соединенные Штаты. А военные руководители Соединенных Штатов начинают верно понимать, что невооруженная Германия, лишённая армии и штаба, являет собою нечто вроде триумфальной арки для советов с надписью: «Добро пожаловать»...

Вооружить Германию было бы возможно и даже весьма небезопасно для Америки, но эта значило бы пробудить в германской душе соблазн третьего похода на восток. Стратегически говоря, вооружение Германии кажется не только осмысленным, но и необходимым, но политически и хозяйственно говоря, оно чревато для всей Европы чрезвычайными последствиями. Наивные люди предложат договориться с немцами «на честное слово», «мы вас вооружим, а вы обещаете слушаться нас и только оборонять Европу». Но те, кто знает германский характер, утверждают, что разоруженный и оскудевший немец разговаривает совсем иначе и говорит совсем иное, чем вооруженный и процветающий германец.

Иными словами: в Соединенных Штатах кое-кто подумывает о том, не поручить ли немцам произвести «чистку» на востоке? Ну, хотя бы в виде «авангарда мировой демократии»...

Найти из этого запутанного и осложненного мирового положения умный выход, может быть, и возможно, но только большому и мудрому государственному человеку. А как найти его при современном положении дел, описанном выше, когда выдвигается человеческая «мелочь» и отодвигаются великие деятели? Еще греческий философ Гераклит говаривал: «один стоит мне десяти тысяч, если он наилучший!»...

О возрождении России

Когда русские патриоты говорят о возрождении России, то они представляют себе обычно восстановление достойной государственной формы, возобновление осмысленного хозяйства, основанного на частной собственности, и возрождение свободной русской культуры.

Кажется, что вот, рухнет тоталитарный режим, прекратится вмешательство коммунистического государства во все сферы человеческой жизни, возродится вольная, творческая инициатива – и Россия встанет, как долго спавший богатырь...

Мы совершенно не сомневаемся в том, что все указанное необходимо и что оно будет полезно и значительно, но постоянно с грустью думаем о том, что всего этого мало, что есть еще нечто, значительнейшее и глубочайшее, такое, что здесь не упомянуто, но что составляет самое естество человеческого бытия: это личные качества и тяготения человека, это то, как он поведет себя в личной жизни, и еще глубже: это вера, его совесть и верность, это его характер, это то, что он способен совершить в общественной жизни и чего он не может не сделать. Словом, дело совсем не сводится к внешнему порядку, строю и «успеху» жизни, но к внутреннему укладу, строю и характеру человека. При внешнем приличии, порядке и свободе общественной жизни человек может растить в себе безбожного, бессовестного и бесстыдного предателя, продажного пролазу, напуганного и трепещущего подхалима, – словом, жалкое и жалости достойное существо, на котором ни государства, ни тем более великой и славной духовной культуры не построишь. Чем больше порочности будет гнездиться за ширмами парламента и всех учреждений, тем ближе государство будет к смуте и разрухе, тем непосильнее будут ему исторические испытания. И если этой продажности и порочности будет много, если русские люди будут мерить в жизни все

личной жадностью, а не предметным достоинством, – то как возродим Россию? Что противопоставим напору внешних сил, стремящихся насадить коррупцию и разложить наше отечество? Как справимся с соблазнами озлобления, мести, фактического захвата (грабежа), лжи, доноса и, главное, продажности? А если не справимся с этими тяготениями и соблазнами, то не возродим Россию, а предадим ее мировой закулисе и разбазарим ее на мировом рынке...

Россия рухнула на наших глазах не потому, что русский человек был силен во зле, наподобие немцев, а потому что он был слаб в добре, и в роковой час истории (1917) он не сумел извлечь из своего добродушия и утомления, из своей улыбчивой, песенной и ленивой души – ту энергию воли, ту решимость поступка, то искусство организации, то умение сопротивляться злу силою, которых потребовал от него час испытания. Русский человек оказался слабым в добре и подчинился нерусским людям, составляющим в стране ничтожное меньшинство (около 50000 большевиков), но зато оказавшимися сильными во зле, сильными бессовестностью и волею к власти, сильными прямым и свирепым убийством.

И вот, в истории осуществилось невиданное и неслыханное: злое меньшинство, захватив власть, поставило на колени добродушное большинство народа, с тем чтобы переделать его, сломать ему его моральный хребет, окончательно перемешать ему и его детям в душе понятия добра и зла, чести и бесчестия, права и несправия – и приучить его голодом и страхом к безусловной покорности. Эта была систематическая школа зла и предательства, основной принцип которой был сформулирован чекистом Яковом Аграновым в 1921 году: «морально то, что полезно в данный момент международному пролетариату (т.е. большевикам)»... Это была школа, вечно грозящая безработицей, разгромом семьи, ссылкой, концлагерем и смертью. Все были ею захвачены: никто не мог уклониться от нее. Это была школа вечного притворства, лжи и доносительства...

Забудется ли в русской истории тот деревенский комсомолец, который донес на свою мать о «похищении» ею колосьев с «коллективного» поля (хотела его братьям-малышам кашу сварить!)? Мать была расстреляна, а доносчик прославлен, как образец, через всю советскую печать, с воспроизведением его гнусного портрета. Как забудем мы голос московского любимца артиста В.И. Качалова-Шверубовича, требующего смертной казни для невинных людей из прежней промышленной буржуазии?

Вот уже 35 лет, как русские люди, принуждаемые и застрачиваемые советской властью, предают друг друга, чтобы спасти себя самих, присягают марксизму и «диамату», ничего в них не понимая, записываются в партию, которую считают погубительницей их родины, стараются думать и говорить то, что им прикажут, доносят на соседей и сослуживцев под угрозой увольнения со службы, т.е. общесемейного голода; демонстрируют преданность и «пафос», которых не имеют; скрывают свою веру, восхваляя безбожие и безверие, – словом, предают Православие и Россию, служа большевикам и растрачивая последние следы собственных воззрений и убеждений. Правда и ложь смешались воедино. Подписывая ложный протокол допроса, русский человек должен добавить слово «чистосердечно», зная, что все содержание написанного противоречит истине. Добро и зло стали неразличимы: все строится на классовой и личной ненависти, на пошлой и лживой лести без конца и края, на механизме затверженных формул. А за годы войны и официальная церковь была вовлечена в эту систему лжи, о чем гласно засвидетельствовал Экзарх Балтийский Сергей, убитый впоследствии чекистами на большой дороге.

* * *

Мы прекрасно знаем, что та разлившаяся в России большевистская порочность – вынужденная, что почти каждый, поддающийся ей, проходит через более или менее продолжительный период уговоров, угроз, лишений, увольнений, полуссылок, ссылок, арестов, тюрем и, конечно, нарочито придуманных унижений; Для того чтобы сломать хребет у сильного, надо, конечно, больше усилий и времени, нежели у слабого; но сильного

можно и расстрелять.

Мы знаем еще, что в России есть люди настолько сильные, что они вырабатывают себе как бы маску, обличие мнимой лояльности в лице и в словах, они бывали и за границей, их можно увидеть и внутри России. Но что именно они думают и чувствуют, об этом не знает никто, даже гепеук про гепеука.

Мы знаем, наконец, что в России есть и определенные герои духа, связанные так или иначе с тайною Церковью, не приемлющей «патриарха» Алексия с его молитвами о «вожде» Иосифе Виссарионовиче и об успехах его всемирного злодейства. Этих героев мы умеем и чтить, и ценить, и не сомневаемся в их религиозном и историческом значении, на них и из них возродится истинная Православная церковь, которая сумеет дать отпор и католикам, и безбожникам, и протестантам, и их бесчисленным сектам.

Итак, деморализация, водворившаяся ныне в России – есть не свободная, а навязанная, этого мы не должны забывать. Русский народ не сам оскудел качествами души, но был ограблен посредством страха, голода и унижений. Ростки добра и чутье ко злу живы в нем по-прежнему, мы имеем множество живых доказательств для этого. И когда мы читаем в сообщениях возвратившегося оттуда польского еврея, как он, будучи библиотекарем, сначала чтобы прокормиться, а потом, чтобы оградить себя от доносов, вырывал из книг страницы и продавал их на курево, то мы не сомневаемся, что добровольно – он никогда не обошелся бы так ни с Торой, ни с Талмудом, да и вообще ни с одной книгой, заслуживающей этого имени. Люди в Советии вынуждены воровать, чтобы не умереть, женщины – предаваться гнусным ласкам коммуниста, чтобы прокормить свою мать и детей, все должны публично проявлять чувства, которых они никогда не имели. И все это иностранцы приписывают «русским», так, как если бы самое качество русскости оставалось свободным и как если бы Россия оставалась свободным национальным пространством на земле...

Однако нам важны сейчас не заблуждения и не хищные намерения иностранцев (все равно, каких!), а состояние русской души и русского духа. Это состояние должно быть обозначено, как униженное и развращенное. Отрицать это возможно, только утратив живое чувство добра и зла. Заstraшенность всегда унижает человека и развращает его. Но именно поэтому она ставит ему первую и основную задачу: осознать эту униженность и признать эту развращенность. Это должно осуществиться в великом и всенародном акте покаяния.

Мы разумеем, что говорим, и видим все великие трудности этого священного дела. Но русский народ не сможет возродиться, не очистившись, и не сможет очиститься, не признав из глубины своего сердца свое нынешнее состояние униженным и развращенным. В России унижены все не-коммунисты, ибо они не смеют – думать вслух и действовать по свободному убеждению, мало того, они вообще, совсем теряют способность иметь убеждение – или же уходят в «тайную церковь». Они унижены тем, что от страха должны превратить свою жизнь в сплошное притворство и лицемерие и работать на своих заstraщивателей (врагов России!..) И вряд ли есть много таких, которые, нося эту маску, хранят в глубине души чистый и верный акт самостоятельной личной убежденности, или, скажем еще больше и священнее, – акт свободной веры.

В сущности говоря, свободная вера в советском государстве есть состояние запрещенное, нелегальное и нелояльное, так же как и свободное убеждение и свободное слово. Это не нуждается в доказательстве, это достоверно известно каждому, кто, будучи способен к свободной вере, к свободному убеждению и свободному слову, пытался осуществить эти драгоценные состояния в разрезе с господствующим и общеобязательным мировоззрением... Судьба его бывала предрешена. И кто в этом сомневается, тот пусть прочтет замечательные исповеднические книги священника Отца Михаила Полонского... А без свободной веры и без свободных убеждений жизнь неизбежно превращается в унижающее и развращающее рабство.

Итак, русский народ нуждается в покаянии и очищении. Десятки лет сущедиавольского большевизма – уже очистили одних и затоптали в грязь других. И вот, очистившиеся должны помочь не очистившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу

добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого – Россию не возродить и величия ее не воссоздать. Без этого русское государство, после неминуемого падения большевизма, расплзется в хлябь и в грязь.

И напрасно кто-нибудь стал бы утверждать, что этот процесс стал возможным и даже уже начался после предательского конкордата между большевиками и так называемой «патриаршей церковью». Этот конкордат мог только запереть те священные двери, которые ведут в глубину души к слезному покаянию и волевому очищению. Чудовищно предлагать русскому человеку доверие к чекистам и полу чекистам! Раствленно думать и говорить о том, что таинство покаяния может совершаться перед антихристом. Бессмысленно тешить себя иллюзиями нравственного очищения перед «предстоящим» и победоносным дьяволом. Покаяние есть установление священной и чистой связи с Господом, а не с сатаной и с его (безразлично – верными ли неверными) слугами.

Все трудности этого покаянного очищения должны быть продуманы и преодолены: у религиозных людей в порядке церковном (по исповеданиям), у нерелигиозных людей – в порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой, и затем в порядке личного совестного делания. Надо понять и продумать до конца природу того растлевающего яда, которым орудуют коммунисты; все возможности и силы государства перенапряжены и использованы до конца для того, чтобы сделать людей лживыми и трусливыми рабами. И вот, этого лживого и трусливого раба русский человек должен отыскать в себе, проследить во всех закоулках своей души и извергнуть его так, как подобает человеку свободному, достойному и духовному. Без этого Россия не возродится.

Церковь и жизнь

Казалось бы, что может быть для верующего человека естественнее и бесспорнее, чем приобщение человеческой жизни к церковности и введение Благодати, несущей и строящей Церковь, в самые недра жизни? Казалось бы, можно ставить не вопрос о желательности и драгоценности этого сближения, а лишь о формах и способах его осуществления... И тем не менее эта проблема гораздо труднее и сложнее, чем это кажется. Мало того, неверное разрешение ее таит в себе великие опасности и для Церкви и для жизни, и люди, не продумавшие этих трудностей и сложностей, могут все исказить и навредить.

Прежде всего понятие «жизни» включает в себя необъятное множество людей (ныне жителей на земле считается около двух с половиной миллиардов), из коих множество принадлежит к различным церковным союзам, а другое множество, формально пребывающее в той или иной церкви («зарегистрированное»...), утратило всякую веру, а следовательно, и церковную принадлежность. Как же возможно осуществить «оцерковление жизни» с такими людьми? Далее, кто желает «оцерковления», тот, наверное, имеет в виду единый процесс и единую «Церковь» и вряд ли будет склонен сочувствовать и содействовать подчинению всей жизни всех людей тем другим церковным обществам, которые отвергают его собственную «церковь» как ложную, еретическую и погибельную. Можно, конечно, закрыть себе глаза на это множество церковных обществ и объявить все иные «церкви» мнимыми, в сущности, не существующими, вредной или даже губительной фальсификацией, но такое намеренное неведение, такое отрицание нисколько не разрешит проблему и не укажет никаких путей, ведущих к сближению церкви и жизни.

Статистические данные конца тридцатых годов (1937) исчисляют, что католиков имеется на свете около 400 млн., протестантов (всех толков) 208 млн., греко-православных 165 млн., других христиан 14 млн., иудеев (до второй мировой войны) около 15 млн., магометан 310 млн., буддистов 227 млн., конфуцианцев и «предкопоклонников» 300 млн., таоистов 30 млн., шинтоистов 20 млн., индуистов (Сикки и Джайны) около 280 млн., примитивных культов около 100 млн. и, наконец, свободомыслящих, атеистов и безрелигиозных людей (внецерковных, внеисповедных, «безбожников») по самому

скромному подсчету около 60 млн. О каком же едином «оцерковлении» может идти речь? Кто будет сочувствовать и содействовать ему? И ради чего? А в эту статистику включены далеко не все религии! Что же, все «иные» религии и церкви следует упразднить и ввести одну-единую? Которую? Скажем прямо, что те, кто ставят вопрос так, просто не знают истории человечества и не понимают самой глубокой сущности религии и религиозности... И так же наивно думать, что католики способны поставить идею «оцерковления вообще» выше идеи католичества... или что протестанты будут содействовать оцерковлению жизни у магометан, православных и огнепоклонников... или что шинтоисты захотят православного оцерковления всей жизни...

Итак, при первом же соприкосновении с жизнью идея единого оцерковления оказывается иллюзией, а соответствующая ей программа – заблуждением. Не следует ставить этот вопрос в едином мировом масштабе. Многообразие религиозного опыта, догматических учений и церковной организации таково, что эта проблема оказывается мнимой и неразрешимой: сами верующие не позволяют друг другу ни поставить, ни разрешить ее, ибо начнется всемирная религиозная резня.

Следовательно, говорить об «оцерковлении жизни» возможно только в пределах отдельных религий и исповеданий. Отдельное, своеобразное «оцерковление» может оказаться осуществимым (или неосуществимым) в пределах джайнизма, отдельное – в пределах лютеранства, особое – в пределах шинтоизма, своеобразное – в магометанстве, иное – в католичестве, иное – в православии. И поэтому нам, православным, следует оставить в стороне иные религии – и исповедания и спросить себя о возможности и желательности оцерковления жизни у православных народов.

И вот, первое, что необходимо установить: при неверном понимании вопроса – и Православной Церкви, и жизни православных народов может грозить опасность церковного тоталитаризма.

В самом деле, когда мы говорим об оцерковлении жизни, то мы должны иметь в виду два пути: 1. Жизнь свободно воспримет благодатный дух Церкви. 2. Церковь воспримет все по существу своему нецерковные задачи жизни и вложится в их разрешение.

1. Первый путь кажется естественным и самоочевидным, чем больше религиозной благодати в жизни, тем жизнь будет качественно выше, тем ближе к совершению и осуществлению будет второе прошение молитвы Господней: «да придет царствие Твое». Условием же этого пути является лишь одно: сама церковь должна блюсти Дух свой и обретаться на высоте. Нет этого – и останется одна церковная видимость, иллюзия, сущий соблазн и разложение. Люди будут называть «Церковью» то, что этого названия не заслуживает, и ожидать Благодати как бы из пустого сосуда. Утрата чистоты сердца и молитвенного горения, искажение христианского духа, порочность духовенства, всяческая продажность и интрига «святокупство», явное или тайное торжество лжи и все другое соответственное – все это может лишить церковную организацию Света, Силы и Благодати и помешать всякому «оцерковлению» человеческой жизни. Всемирная история знает целые эпохи такого упадка, и последствия его были уже не раз вскрыты и описаны.

Таков в основных чертах первый путь.

2. Но есть еще второй путь «оцерковления жизни». Он состоит в том, что церковь вступает в жизнь, как властное и всеобъемлющее начало и начинает осуществлять своего рода церковный тоталитаризм. История знает тому живые примеры (вспомним хотя бы Савонаролу во Флоренции и Кальвина в Женеве), но вряд ли удастся найти такой пример, который оправдал бы это посягание.

Начнем с того, что при строе церковного тоталитаризма все нецерковные и иноцерковные люди оказываются в положении жизненных «изгоев». Полноправными членами общества и государства являются только люди определенного исповедания и церковной приверженности. Вся власть в делах жизни принадлежит церкви; а церковь дает полноправие только одним своим членам и притом покорным членам. Церковно-верующие получают своего рода привилегию или даже монополию бытия, «церковность» – дает им

жизненную «премию». Отсюда в истории человечества возникало стремление неверующих симулировать веру, чтобы не «остаться за бортом», готовность притворяться ради жизненной «премии», в результате возникало что-то вроде церковного «фашизма». Люди определенного исповедания образовывали как бы центральное и исключительное ядро общества и государства, клерикальную «аристократию», всемогущую и всеуправляющую «знать», быть может, наполовину из лжецов и симулянтов. Путь вел через религиозную ложь к власти, и церковное разложение становилось неминуемым.

В то же самое время церковь становилась как бы «всем во всем»: она распространяла свою власть на всю жизнь человека и пыталась нести совершенно неудобноносимое для нее бремя государственности. Понятно, что тот, кто за что-нибудь борется, тот за то и отвечает, – за успех и неуспех, за порядок и за хаос, за расцвет народного хозяйства и за его упадок, за подъем национальной духовности и за ее разложение. Тоталитарная церковь остается подчиненной этому закону ответственности. Вытесняя и заменяя свою власть государством, она берет на себя все его функции и всю его ответственность. Она должна не только вникать в вопросы политики и хозяйства, но разрешать их, отвечая за все и всякие последствия. Тоталитарная церковь должна содержать армию и полицию (внешнюю, уголовную и политическую), оружейные заводы, «разведку» и «контрразведку». Она должна организовать суд, строить тюрьмы и совершать казни (вспомним Инквизицию и казнь Сервета у Кальвина), она должна вести войны и заключать мир, она должна усмирять беспорядки, собирать налоги, созидать флот, изощряться на всех кривых путях дипломатии, она должна прокладывать каналы и железные дороги, организовать биржу, регулировать проституцию, мало того, ей придется подчинить себе науку (вспомним историю Галилея!), искусство во всех его отраслях – от литературы до живописи (вспомним картины Боттичели, сожженные Савонаролою), от комедии до балета. Иными словами, тоталитарная церковь должна будет окунуться с головой в тот поток мирских соблазнов и мирской грязи, в которых плывет человеческая жизнь. Само собою разумеется, что она должна будет добиваться успеха в этих соблазнах и в этой грязи... Ибо всякий политический, хозяйственный и военный неуспех будет ударом по тоталитарной церкви, компрометирующим ее, в сущности, все еще Церковное дело...

И в результате всего этого – ее благодатное служение (служение Благодати и служение Благодатью) отойдет на дальний план, сократится или прекратится совсем.

Тоталитарная церковь есть нечто духовно-неверное и в высшем смысле противоестественное. Ибо дело церкви – есть дело любви и свободы, а не принуждения. Она призвана религиозно воспитывать людей в свободе и к свободе, умилять сердца, очищать их, радовать их добровольным и радостным обращением, а не побуждать людей к симулированию не испытываемой ими веры. Она должна быть верна великому религиозному закону «синэргии», т. е. свободного «сотворчества» Духа Божия и духа человеческого в жизни людей. Это неверно – заменять человеческую, лично духовную жажду Божественного – «премиями» и принуждениями тоталитарной церковной власти. Это противоестественно – строить религию и религиозную жизнь людей не на любви, а на страхе и расчете.

Поэтому тоталитарное тяготение совсем не должно иметь места в сердцах духовенства и в делах церкви. Ибо цельность веры и религии, – эта высшая драгоценность духа, – должна распускаться как цветок в душе человека, а не навязываться ему в качестве авторитарных велений, сопровождаемых угрозами и страхом: религиозная цельность не может быть предписана и навязана, она может быть только свободно выношена человеком под влиянием свободно воспринятой Благодати. Она подобно пению, и именно поэтому пение имеет такое большое значение и применение в церковном богослужении. Пение сердца невынудимо. И это необходимо всегда помнить.

Именно поэтому невынудимо и самое «оцерковление» жизни. Оно может расцвести только свободно и будет искажено и погублено всякими тоталитарными замыслами и попытками. Естественно, что церкви есть до всего дело в жизни людей, но это «дело» не есть дело принудительной власти, все равно – открыто выступающей с угрозами и казнями или

прикровенно организуемой интригами и закулисным нажимом. Церковь призвана молиться, совершать таинства, очищать души, беречь откровение и возжигать сердца. Но она отнюдь не призвана отнимать у людей свободу самостоятельного созерцания, выбора, решения и творчества.

Мало того, она призвана отпускать людей в мир для мирского и мирового труда, излучать живую религиозность в этот труд, осмысливать его перед лицом Божиим и предоставляя людям свободу вдохновения, наполнять это вдохновение духом христианской Благодати (см. «Н.З.», т. 1, с. 283).

И невольно вспоминается мне беседа моя с Архиепископом Латвии Иоанном Поммером, впоследствии священномучеником, человеком высокой мудрости и духовной силы. Он рассказывал мне как один католический прелат публично спросил его, «почему это Православная Церковь не занимается благотворительностью, завещанную на всем в Евангелии?». И как он ответил ему: «дело Православной Церкви есть не дело стяжания и перераспределения земных благ, что ведет к ложному накоплению и ложному миссионерству, но дело пробуждения живых человеческих сердец к любви, милосердию и благотворительности... В России благотворительность цвела, как редко где, но исходила из личной живой доброты, пробужденной духом Православия»... Ибо Церковь призвана излучать благодать в сердца верующих, а не участвовать в земных расчетах земной толкотни...

Именно в этом обнаруживается, что «оцерковление жизни» имеет более глубокий и таинственный смысл, чем это многие думают. «Оцерковление» не сводимо к «ритуализации». Оно есть больше всего и прежде всего христианское одухотворение человеческого сердца, а потом уже – все остальное. Церковь, как носительница и хранительница Христова откровения, есть живое огнище, а не властное водительство, она есть источник любви и благодатного совета, а не педантический нажим на человеческую жизнь, она есть зов, а не приказ. Она не призвана отворачивать людей от мира, как в буддизме, но, напротив, отпускать их в мир, как носителей преподанного им Духа, для того, чтобы не мир «обмиршал» их, а чтобы они его одухотворяли.

И в этом главное.

Таков был путь Православия в России за последние два века. Так, в особенности XIX век дал России дивный расцвет духовной культуры. И расцвет этот был создан людьми, «окормленными» духом Православия, но творившими совершенно свободно, «отпущенными» в мир для свободного созерцания и труда. Они уносили дарованный им дух в своих сердцах, но не ведали ни церковного тоталитаризма, ни даже непосредственного клерикального руководства, ибо поучения и советы русских старцев (хотя бы Оптиной Пустыни) очищали, углубляли и умудряли человеческие души, но никогда не претендовали на авторитарное руководство русским творческим талантом. И если мы пройдем мыслью от Пушкина, к Лермонтову, Гоголю, Тютчеву, Л.Н. Толстому, А.К. Толстому, Достоевскому, Тургеневу, Лескову, Чехову, – то мы увидим гениальное цветение русского духа из корней Православия, но не под руководством церкви. И то же самое увидим мы в других ответвлениях русского искусства, в русской – науке, в русском право-творчестве, в русской медицине, в русской педагогике и во всем. Православная церковь молилась, учила и благодатствовала, а в прочем оставляла русским людям инициативу труда и созерцания.

Думаем и надеемся, что так будет и впредь.

Надо готовить грядущую Россию

Уже не раз ставился в эмиграции вопрос о том, возможно ли теперь же начертать будущую русскую «конституцию», т.е. изложить в форме ряда законопроектов государственное устройство будущей России? Я думаю, что это сейчас неосуществимо, и притом потому, что у нас нет конкретных данных: мы не знаем времени (когда это будет?), пространства (при какой территории), национального состава будущей России, ее

социального строения, состояния народного правосознания, ее экономического и международного положения. «Конституция» была бы выводом из двух посылок: первая – принципиальные основы, которые мы считаем верными и необходимыми; вторая – конкретные данные; вывод – «конституция». Но второй посылки у нас нет, и потому вывод не возможен. Но о некоторых принципиальных основах можно и должно договаривать теперь же.

1. И вот прежде всего установим, что в отличие от дореволюционной русской интеллигенции, считавшейся с одними отвлеченными «идеалами», наши поколения должны мыслить реалистически и исторически, для того чтобы не впасть в мечтательно-отвлеченные нежизненные программы наподобие анархистов всех оттенков – (от Кропоткина до Родичева), или конституционалистов-демократов (от Кокошкина до Милюкова), или всевозможных социалистических партий. Мыслить реалистически – значит исходить от русской исторической, национальной, державной и психологической данности в том виде, как она унаследована нами. Мы не можем вместе с Петром Кропоткиным проповедовать свободный передел имущества на площади (все домашнее барахло сваливается в одну кучу, и каждый по своему усмотрению берет себе беспрепятственно, что ему приглянется). Но мы не можем и верить вместе с Родичевым, что как только монархия падет, так «пойдет все гладко и станет все на место» оттого, что все обнимутся свободно и братски... Мы не можем вместе с умеренными либералами требовать для России «английской конституции», ибо наш климат, наш характер, наша история, наше правосознание, наш территориальный состав, наше образование и наша вера – совсем иные, чем в Англии. Но мы не можем и верить вместе с Ф.Ф. Кокошкиным, который пользовался в немецком ученом мире величайшим уважением, будто Россия найдет свое спасение во всеобщем и равном избирательном праве и свое единение в федеративном расчленении. Политика не фантазия и не утопия, и фантазирующий политик занимается вредным делом. Опыт нашего поколения достаточен для того, чтобы оставить эти химеры раз навсегда.

2. Установим далее, что все государственные рецепты, идеи и лозунги за последние 30 лет омертвели, выветрились или исказились. Мы ничего не должны и не смеем принимать на веру, все подлежит пересмотру, новому пониманию, углубленной критике, новому содержательному наполнению. Понятия свободы, равенства, народоправства, избирательного права, республики, монархии, федерации, социализма – понимались доселе формально, в отрыве от правосознания и его аксиом, в отрыве от народного душевного уклада и от национальных задач государства. Считалось, а на западе и доньше обычно считается, что свобода и равенство суть бесспорные идеалы, что народоправство есть аксиома для всякого «порядочного» человека, что избрание всегда выше и полезнее назначения, что монархия всегда хуже республики, что враг федерации – есть враг рода человеческого, что социализм могут отвергать только сторонники капиталистической эксплуатации и т.д... Мы не можем принимать на веру все эти партийные и часто гибельные предрассудки. Исходить из этого мы не можем, как не можем исходить и из бесспорности обратных положений. Мы должны пересмотреть политические «идеалы» предреволюционной интеллигенции и отвергнуть все несостоятельное. Мы должны отвергнуть самый способ постановки политических вопросов – мечтательно-доктринерский, рассудочно-формальный, интернациональный, искательно-демагогический. Перед нами не «идеал», не «мечта» и не «доктрина», а жизненная задача воссоздания России. И Россию мы должны понимать, как живое, органически-историческое, единственное в своем роде, русско-наследственное государство, с его особою верою, с особыми традициями и нуждами.

3. Но именно поэтому мы не должны гоняться за чужими сверхнациональными отвлеченными формами жизни. Нет и не может быть единой государственной формы, которая оказалась бы наилучшей для всех времен и народов. Политически-зжидительное в одной стране, у одного народа, в одну эпоху, при таком-то климате, темпераменте, хозяйстве – может оказаться разрушительным в других условиях. Поэтому Западная Европа и Америка, не знающие Россию, не имеют ни малейших оснований навязывать нам какие бы то ни было

политические формы, – ни демократические, ни фашистские... Мы готовы повторить это сто раз: Россия не спасется никакими видами западничества – ни старыми, ни новыми. Все политические формы и средства человечества полезно знать и верно разуметь. Но творческая комбинация из них и из других, еще неизвестных, должна быть избрана и создана самой Россией, должна быть подсказана ее собственными задачами, помимо всяких чужих предписаний или своих предрассудков и доктрин. Мы должны понимать и помнить, что всякое давление с запада, откуда бы оно ни исходило, будет преследовать не русские, а чуждые России цели, не исторический интерес, не благо русского народа, а интерес давящей державы и вымогающей организации... Поэтому поведение русских людей и партий, потихоньку сговаривающихся с той или иной иностранной державой или закулисной международной организацией о будущем устройстве России, представляется нам проявлением или безответственного политического легкомыслия, или прямого предательства.

Итак, мы должны считаться только с двумя великими реальностями:

А). С исторически данной Россией, с ее целями и интересами.

Б). С верно понятными и усвоенными аксиомами правосознания и государственности, возвращенными в нас двухтысячелетним христианским опытом.

Будущее русское государственное устройство должно быть живым и верным выводом из русской истории и из этих христианских бесспорных аксиом, но с тем чтобы не стремиться воплотить эти аксиомы вслепую, в меру утопического максимализма, но в меру их исторической вместимости в живую ткань современной русской народной жизни.

4. Особенно же важно теперь извлечь идею государства и политики из той предреволюционной пошлости и из той революционной грязи, в которую эта идея незаметно сошла в западных демократиях и в коммунистическом режиме.

С одной стороны, политика совсем не есть сочетание массовой демагогии и расчетливой закулисной интриги, честолюбивой толкотни и беспринципного компромисса, партийного засилья и бессмысленного голосования вслепую.

С другой стороны, она совсем не сводится к насилию и коварству, к деспотизму и террору, к классовой борьбе и к тоталитарным способам управления.

Политика не есть темное дело презренных плутов. Когда чиновник начинает торговать своим делом, как мы это видим ныне в некоторых крупнейших демократиях мира, или когда он становится прямым разбойником, как это при коммунизме, или наоборот – когда авантюрист и разбойник становятся чиновниками – то государство идет к гибели. На самом же деле политика имеет совсем иные задания, совсем иную природу, совсем иной духовный стержень, а именно: властно внушаемая солидаризация народа, авторитетное воспитание личного, свободного правосознания, оборона страны и духовный расцвет культуры; созидание национального будущего через учет национального прошлого, собранного в национальном настоящем.

Для этого необходимы люди высокой духовной силы, люди первого ранга. Вот почему необходимо высказывать, доказывать и жизненно прививать воззрение, что государственная и политическая деятельность требует не ловкого проходимца, не хитрящего интригана или чего-нибудь еще худшего, но человека с религиозно и нравственно сильным характером, человека качественного и призванного к власти. Она требует высоковолевой, моральной, образовательной и профессиональной квалификации. Это есть дело совсем не общедоступное, не дилетантское, не уличное. Отсюда в высоком смысле аристократическая природа государства, не в сословном, а в духовном смысле, отсюда, значение нравственной и умственной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. Человечество скоро начнет открыто заявлять, что нельзя мириться с политическим выдвиганием прохвоста только на основании того, что он сумел стать угодным закулисе или популярным в массе.

Политика требует качественных людей. Только им будет возможно осуществить все, связанные с политикой компромиссы, не роняя ни себя, ни государственную власть. В

политике бывают необходимы и хитрость, и насилие, подчас жестокость. Но народ чувствует реальную меру необходимости таких компромиссов и прощает мудрую политику многое во имя главного и основного. В политике и государственности есть нечистые стороны и дела, их нельзя отрицать, от них нельзя зарекаться. Но именно поэтому политика требует большой идеи, чистых рук и жертвенного служения.

Зависть как источник бедствий

Наше время принесло людям страдания, скажем прямо, беспрецедентные в истории, и конца этой эпохи еще не видно. И тот, кто даст себе труд вдуматься и вчувствоваться в развертывающиеся за двадцатый век мировые события, тот быстро нащупает их главный источник – человеческую зависть. Эти события как бы подводят итог предшествующим векам – их развитию, их вырождению и их доктринам.

Зависть, конечно, не новое явление в истории. С акта зависти начинается Библия (Каин и Авель), о первоизданном акте зависти повествует египетский миф (злой и коварный Сэт убивает благостного Озириса)... В мире всегда были завистники, ожесточившиеся от всякого чужого преимущества. Но никогда еще в истории зависть не становилась главным движущим фактором, руководящей лжеидеей мирового кризиса. А в наши дни зависть не только осознала себя, но и выговорила себя как доктрину, превратилась в мировой заговор (точнее – в несколько параллельных мировых заговоров!) и выработала программу, систему борьбы и организацию. Она становится основным побуждением народов или как бы тем отравленным воздухом, которым дышит современная масса. Почему? Как это сложилось? Чем это объясняется? Ответить на эти вопросы мы можем здесь только вкратце, с тем чтобы наши читатели и единомышленники сами додумали все до конца...

1. Различие между богатыми и бедными было всегда и будет всегда. Но развитие машинной техники и капиталистического производства – резко противопоставило друг другу все возрастающее богатство одних и все возрастающую зависть других, бедных. Производственная беспомощность бедной массы населения – является первым источником обостренной зависимости; именно – не просто бедность (с нею люди всегда справлялись), а полная хозяйственная беспомощность, безработица, абсолютная зависимость неимущего от имущего. Этого не должно быть никогда и нигде, об этом должна быть постоянная забота государства.

2. Рано или поздно от этого должна была вспыхнуть массовая зависть: «почему ты, а не я? твое, а не мое?» Отсюда и возникло учение о противоположности и непримиримости социальных классов, желание перераспределения имущества, доктрины революционной мести и классового ограбления. Эта доктрина с самого начала отрицала духовный, религиозный и нравственный фактор истории, а признавала только хозяйственно-имущественный, «материальный» фактор. Идея «материи», «материализма» получила затем ложно-философское истолкование, что означало сразу:

а) «на свете реальна только материя», «ни Бога, ни духа нет»;

б) имущественно-хозяйственно-производственные условия («материя») решают все вопросы истории и культуры. Плоские души с формальным мышлением сразу и навсегда удовлетворяются этой ничего не объясняющей пошлостью, и вот из зависти рождается доктрина безбожия и безнравственности – экономический материализм. У людей неволевых и бестемпераментных («меньшевики») все это прикрывается понятием социального равенства, принимаемого за «справедливость»; у волевых и аморальных людей слагается учение тоталитарного большевизма-коммунизма.

3. Отсюда возникла и современная доктрина социализма-коммунизма. Личный дух рассматривается как начало антисоциального произвола и анархии. Надо передать все – в полное ведение и распоряжение государства. Но во главе государства становится вместо прежней элиты – новая элита, элита зависти и экономического материализма. Она все отбирает, все перераспределяет и все организует из единого тоталитарного центра. Она

дышит классовой идеей, классовой завистью и ненавистью, мстостью и расправой. Социализм по самой природе своей завистлив, тоталитарен и террористичен, а – коммунизм отличается от него только тем, что он проявляет эти особенности открыто, беззастенчиво и свирепо.

4. Этим определяется и характер новой «элиты». Она поднимается снизу и проходит школу чужемыслия и слепой покорности. Это суть люди с величайшими претензиями (продиктованными слепой завистью) – они притязают на всепонимание, всеумение и всемогущество, и в то же время это – люди лично и духовно нисколько не оформленные, у них нет ни религии, ни совести, ни правосознания, ни художественного вкуса, ни очевидности. Говоря словами Аристотеля, это – «рабы от природы, которые достаточно причастны уму, чтобы понимать чужие мысли» (Маркса, Ленина, Сталина), «но недостаточно, чтобы иметь свои»... Они их и не имеют: повторяют без конца затвержденные чужие формулы и влагают в них свой неисчерпаемый заряд зависти и карьеризма.

5. Так слагается и протекает современный мировой переворот: всплывают новые силы – новые диктаторы, новые классы, новые нации. Эти диктаторы принадлежат к полуинтеллигенции (см. пункт б), думают упрощающе, не ведают ни правосознания, ни чувства ответственности, но одержимы волею к необузданной власти. Эти новые классы не имеют ни малейшего представления о религии, о духе и о культуре, они ценят только технику и власть и покупают себе власть ценою холопского подчинения, сами заstraщенные, они умеют править только страхом, из зависти рожденные, они разумеют только то, что ее насыщает. Эти новые национальности, не имеющие истории, не выносившие ни творческого созерцания, ни духовного акта, раздвигают и разлагают культурных соседей, с тем чтобы их место и водворить духовно-культурную пустоту – свое ничтожество – на место прежних духовных садов и виноградников. Мир делится и дробится, от этого слабеет и выходит навстречу величайшей опасности в состоянии бессилия.

* * *

6. Всем этим процессом руководит та социальная среда, которая от начала была лучшим рассадником зависти: это мировая полуинтеллигенция.

Полуинтеллигент есть человек весьма типичный для нашего времени. Он не имеет законченного образования, но наслушался и начитался достаточно, чтобы импонировать другим «умственной словесностью». В сущности, он не знает и не имеет ничего, но отнюдь не знает, где кончаются его знание и умение. Он не имеет своих мыслей, но заstraщивает себя и других чужими штампованными формулами, а когда он пытается высказать что-нибудь самостоятельное, то сразу обнаруживает свое убожество. Сложность и утонченность мира как Предмета совершенно недоступна ему: для него все просто, все доступно, все решается сплеча и с амплонбом. Главный орган его – это чувственное восприятие, обработанное плоским рассудком. Духа он не ведаёт, над религией посмеивается, в совесть не верит, честность есть для него «понятие относительное». Зато он верит в технику, в силу лжи и интриги, в позволенность порока. «Полунаука, – пишет Достоевский, самый страшный, бич человечества, хуже мора, голода и войны. Полунаука – это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, перед которым все преклонилось с любовью и с суеверием, до сих пор немислимым, перед которым трепещет даже сама Наука и постыдно потакает ему» («Бесы»).

И при этом он знает о своей полуинтеллигентности: он обижен ею, он не прощает ее другим, он завидует, мстит и добивается во всем первенства: он ненасытно честолюбив и властолюбив. И легко усваивает и практикует искусство – играть на чужой, на массовой зависти.

Таково большинство революционеров. Достоевский показал «подпольную» жизнь такой души – ее бешеную обидчивость и уязвляющееся самолюбие. Коммунизм развернул это царство пошлости и безбожия, обезьяньего подражания и самодовольного «изображения».

7. Именно в этой среде созрела химера всеобщего равенства и предрассудок всеобщей свободы.

Именно здесь идея справедливости была подменена «уравниванием»: вот она французская революция, требовавшая сноса всех колоколен, как оскорбляющих чувство равенства; вот она иронически-гениальная формула германского поэта Эйхендорфа: срезать верхи, пока все не станут оборванцами; вот лозунг Степана Разина; «чтобы всяк всякому был равен». Доктрина, направленная сразу против Бога, против природы и против справедливости. Вещие строки записаны у Достоевского в «Бесах»: «Рабы должны быть равны... Не надо образования, довольно науки!.. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание; мы пустим пьянство, сплетни, донос, мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство»...

Здесь же зародилась и созрела лжеидея недуховной свободы: не свободы веры и Богосозерцания, а свободы безбожия; не свободы совести, а свободы от совести – от ответственности, от духа, от вкуса, от правосознания. Все это мешало зависти и завистнику; и все это было низвергнуто. Свобода стала разнузданностью в нравах, бесформенностью в искусстве, тоталитарностью в политике (свобода власти и произвола).

8. Все это привело к величайшему религиозному кризису, известному в человеческой истории. Люди не «утратили Бога», как было в эпоху падения язычества, а ополчились на самую идею Бога, они стремятся скомпрометировать и разложить религиозный акт души, они готовы искоренить на земле всех верующих. В истории человечества меркнут и исчезают чувства священного, тайны, созерцания, благоговения, ответственности, греха и зла. Остается одна пошлость и одно злодейство. Фридрих Ницше возвеличил эти остатки культуры и призвал людей к дерзающему преступлению.

9. Замечательно, что этому соответствует рост человеческого народонаселения во всех частях света. Количество людей исчисляется уже миллиардами. Плотность населения все возрастает. Города становятся какими-то «Вавилонами» и разрастаются вширь без меры. Это обостряет конкуренцию и многозаботливость жизни, это разжигает зависть и жажду обогащения на любых путях. Мало того, это ведет к истребительным международным войнам, которые равносильны самоистреблению человечества. Вопрос перенаселения земли разрешается по способу массового убийства – войнами и революциями. И там, где медицина и гигиена находят все новые способы оградить человечество от болезней и эпидемий и продлить человеческую жизнь, там вступает в свои права процесс массового убийства людей: класс против класса, государство против государства.

10. Понятно, как воздействует на рост социальной зависти технический прогресс. Невозможное становится возможным: пространство побеждается, воздух завоевывается, комфорт избаловывает людей, развлечения умножаются и принимают все новые формы, претенциозность и зависть все возрастают, а демократический строй поощряет людское самомнение, переоценку своей особы и склонность не брезгать никакими путями и средствами для достижения желанного. Теперь всякий рабочий имеет велосипед, всякий лавочник – автомобиль, всякая кухарка – свой несмолкающий радиоаппарат. Всякой лягушке предносится облик еще не достигнутого по ее размерам вола (Крылов), всякому «гитлеру» снится диктатура, всякая горничная собирается в кругосветное путешествие, всякий лодырь имеет право отравлять вам жизнь своей мотоциклеткой. Техника снижает духовный уровень жизни по всей линии: шум импонирует массе, радиовыкрики и грампластинки становятся все пошлее, «кино» демагогирует толпу, товары снижаются в качестве, падение газетного уровня пугает и удручает. Земные «утехи» и «развлечения» манят людей. Жажда наслаждений растет, а с нею вместе и воля к богатству и власти. Трезвые удержки слабеют, мудрая мера утрачивается, порок не отталкивает, современный человек верит в свою окончательную смертность, но не верит в свое бессмертие и в вечную жизнь, и самая молодость кажется ему кратким и непрочным даром. Поэтому он торопится, ему «некогда». Обманчивые радости естества кажутся ему главными или даже единственными. И вот он

спешит улучшить и использовать свою «земную конъюнктуру», он боится «упустить» и «не успеть». Совесть его смолкает, честью он не дорожит. Он начинает ломить без стыда и «оправдывает» свою дерзость нравственным релятивизмом («все условно»). Расталкивая друг друга, люди добиваются «лучшего» и «большего» и затаптывают слабых и беззащитных насмерть. И уже трудно бывает отличить – человека от зверя, партию от шайки, парламентария от взяточника-авантюриста, народ от черни. Люди нашего времени утрачивают духовный хребет: они одержимы завистью и жадностью.

Вот откуда эти новые в истории образы порочности: политических разбойников, профессиональных предателей, партийных палачей, садистов государственности, врагов благочестия, артистов клеветы, истребителей праведности, откровенных лжецов, закулисных властолюбцев и т.д. . .

Кое-что об основных законах будущей России

Если бы после всего того, что было высказано нами в «Наших Задачах» от номера 1 до номера 156, мы попытались формулировать некоторые принципиальные основы будущего русского государственного устройства, то лишь с тою оговоркою, что это устройство мы отказываемся мыслить себе, как республиканское. Республику, все равно унитарную или федеративную, мы не считаем государственную форму, способную восстановить Россию, дать ей творческую свободу и культурно-духовный расцвет. И если мы не упоминаем об этом прямо в ближайших выпусках «Наших Задач», то лишь потому, что считаем необходимым дать углубленное исследование вопроса о государственной форме и, в частности, о духовном существе монархического начала.

Мы можем, однако, сделать опыт формулирования тех принципиальных основ, которые говорят, во-первых, о Российском Государстве вообще и, во-вторых, о Правах и Обязанностях Русских Граждан. С этого мы и начинаем.

О Российском Государстве

Ст. 1. В порядке Божьего изволения возникшее, Божьим Промыслом в веках вемое, Российское Государство утверждается как установление по духу своему христианское и национальное, призванное ко хранению и осуществлению закона правды в жизни российских народов.

Ст. 2. Российское Государство есть правовое единство, священное, исторически преемственное, властное и действенное. Оно покоится на братском единении русских людей, на их верности Богу, Отечеству, государственной власти и закону.

Ст.3. Российское Государство едино и нераздельно. Оно имеет единый состав граждан, определяемый законом; единую, законом очерченную территорию, единую государственную власть, строение коей устанавливается основным законом, единый свод законов, в который включаются и все местные своды.

Всякое произвольное выхождение граждан из состава государства, всякое произвольное расчленение территории, всякое образование самостоятельной или новой государственной власти, всякое произвольное создание новых, основных или обыкновенных законов – объявляется заранее недействительным и наказуется по всей строгости уголовного закона как измена или предательство.

Ст. 4. Российское Государство есть правовой союз. Каждый русский гражданин имеет свои неприкосновенные права, свои установленные обязанности, свои ненарушимые запретности, все это устанавливается законом, ограждается властью и судом. Всякое беззаконие, превышение власти, вымогательство и произвол преследуются. Праву подчинены все без исключений. Основы правопорядка обязательны для всех.

Ст. 5. Российское Государство есть единство священное, ибо оно объединяет людей не

только внешне, но и внутренне, не токмо за страх, но и за совесть, не токмо перед лицом всех людей, но и перед лицом Божиим. Российское Государство служит делу Божьему на земле: оно ограждает и обслуживает жизнь русского национального духа в его единстве и в его всенародной и общенародной совокупности.

Ст. 6. Российское Государство есть единство исторически-преемственное. Оно основано нашими предками; оно утверждено всенародными жертвами, приносившимися отечеству под водительством русских Князей и Государей; оно не может прекратиться и не прекращается никакими временными смутами, восстаниями, вторжениями и засилиями.

Ст. 7. Российское Государство есть единство властное, т.е. публично-правовое, и притом верховное. Оно само создает свою верховную власть, не подчиненную никакой внешней силе, никакой иной власти, явной или тайной, никакой иной державе. Русская государственная власть призвана править и повелевать: она властвует по праву и обязана в пределах права опираться на силу.

Ст. 8. Российское Государство есть единство действенное. Это означает, что русские граждане призваны к правовой свободе и самостоятельному творчеству, к добровольной законопослушности (лояльности), к верной, незасорной семейной жизни, к свободному труду и частной собственности. Они суть субъекты права. Они повинны вкладывать в государственное дело свой почин, свое сердце, волю и разум. Они должны всеми способами, как лучше, промышленяты о своем отечестве и о пользе своего народа. Они обязаны содействовать всем благим и правым начинаниям своей власти.

Ст. 9. Российское Государство связывает людей в братский союз. Русский русскому брат и помощник, всегда, везде и во всем. Всякая взаимная неправда возбраняется. Всякое взаимное притеснение преступно. Всякая злостная эксплуатация наказуема по закону. Всякое оставление в беде предосудительно и позорно. Все за одного – один за всех.

Ст. 10. Российское Государство связывает русских людей с отечеством и между собою преимущественно, а в случае столкновения с другими союзами – исключительно. Поэтому двойное подданство недопустимо; оно воспрещается и наказуется, как измена. Также воспрещается всякая принадлежность граждан к каким бы то ни было международным (интернациональным) объединениям.

Ст. 11. Российское Государство связывает всех своих граждан единою патриотическою солидарностью: общим отечеством, общей целью, общей властью, общим правопорядком. Общее выше частного. Частные интересы должны уступать, подчиняться, служить средством для высшей цели (ст. 4). Русский гражданин повинен своему отечеству служением и жертвенностью; он повинен своим согражданам уважением, миролюбием и сотрудничеством.

Ст. 12. Всякое деление русских граждан на враждебные политические станы объявляется вредным, предосудительным и в случаях, особо предусмотренных, – наказуемым срочною или бессрочною утратою публичной правоспособности. Борьба за классовые, партийные и корпоративные интересы позволительно лишь постольку, поскольку эти интересы соответствуют единому и общему благу народа и государства.

Ст. 13. Русский суд призван быть правым, справедливым, милостивым, скорым и равным. Русский судья, всегда укрепляя себя в законе Божием, ведает в решениях своих два источника: закон Российского Государства и свое совестное правосознание. Он не может ни кривить душою, ни угождать предержавшим властям.

Ст. 14. Русский государственный чин есть звание честное и ответственное, милостивое и строгое. Творящий кривду или растрату разрушает отечество и позорит себя. Российское чиновничество обязуется помнить, что оно призвано строить и украшать свою родину.

Ст. 15. Солдатом именуется всякий военнотружущий, от рядового до старшего генерала. Русский солдат есть звание высокое и почетное. Он представляет всероссийское народное единство, русскую государственную волю, силу и честь. Армия есть кость от кости народной, кровь от крови его, дух от его духа. Служащий в русской армии, – пожизненно или временно, – осуществляет почетное право верного за отечество стояния и приобщается

национальной славе. Воинское знамя есть священная хоругвь всего российского народа. Военный инвалид – почетное лицо в государстве.

Ст. 16. Русский язык есть язык общегосударственный. Он обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях допускается только наряду с русским языком: оно обязательно во всех общинах с иноязычным большинством и определяется особыми законами и указами. Так можно было бы формулировать основные аксиомы всероссийского государственного порядка и единения.

Так можно было бы формулировать основные аксиомы всероссийского государственного порядка и единения.

О правах и обязанностях Российских Граждан.

Если бы кто-нибудь поставил вопрос, какими свойствами должен обладать настоящий гражданин и что следует воспитывать в будущих русских гражданах, то мы ответили бы так.

Первое, что отличает настоящего гражданина – есть свойственное ему чувство собственного духовного достоинства: он чтит духовное начало в самом себе (свою религиозность, свою совесть, свой разум, свою честь, свои убеждения, свое художественное чутье, христиански говоря, – свое человеческое усыновление Богу), и в силу этого он чтит самого себя, как искру божественного Огня, и не совершает ничего бесчестного, безбожного, бессовестного, унижающего и роняющего его духовную природу.

Второе, что отличает настоящего гражданина, – это его внутренняя свобода, превращенная в самостоятельную дисциплину. Он есть некий ответственный, самоуправляющийся волевой центр, он есть тот истинный субъект права, которому подобает быть свободным внутренне и потому принимать участие в государственных делах. Такому гражданину подобает уважение и доверие. Он есть как бы камень государственности: носитель верности и самообладания; гражданственный характер.

Третье, что отличает настоящего гражданина, – это есть то взаимное уважение и доверие, которое связывает его с другими согражданами и с его государственной властью. Не уважать свою власть – есть не признак «критического ума» и «свободы мысли», это есть сущее несчастье, грозящее предательством и разложением. Не доверять своим согражданам значит подозревать или прямо презирать их; политическое единение становится невозможным. Если же власть не уважает своих граждан и не доверяет им, то она вынуждена править не свободой и верностью, а страхом и гнетом, и творческая сила ее оказывается подорванной и обреченной.

И, наконец, четвертое, что отличает настоящего гражданина, – это есть умение его превращать свою свободу в добровольную лояльность. А это значит – переживать и осуществлять свои публично-правовые права, как вмененные самому себе обязанности, а свои публично-правовые обязанности, как свои драгоценные и почетные права. Это не парадокс и не игра словами. Там, где гражданин имеет свободу слова и печати, он должен испытывать ее, как призвание быть граждански – мужественным стоятелем за правду и справедливость, и тогда свобода его будет на высоте. Там, где он имеет право голоса, он никогда не предастся абсентеизму и партийной интриге. Внесение налога он будет переживать как свое почетное право пополнить государственную казну; воинскую повинность как свое почетное право отстаивать свой народ с оружием в руках и т. д... Чем больше этого разума и этого умения в гражданах, тем выше уровень их правосознания и тем прочнее их государство.

Принимая все это во внимание, мы могли бы попытаться дать такие формулы для выражения основ будущей русской гражданственности.

Ст. 1. Российское гражданство есть звание почетное и обязывающее. Носящий сие звание повинен верностью отечеству и государству, верховной власти и законам страны.

Ст. 2. Приобретение и утрата прав российского гражданства определяется особым

законом. Во всех случаях перехода иностранцев в российское гражданство ими приносится торжественная и публичная присяга России, как отечеству, русским основным законам, русской верховной власти и русской армии. Сия присяга сопровождается подпиской о несостоянии в двойном подданстве. Подписка должна быть скреплена и удостоверена подписью пяти русских граждан, пользующихся доверием русского министерства иностранных дел принадлежности.

Ст. 3. Право свободной веры есть право священное и неприкосновенное. Оно принадлежит всем российским гражданам и не умаляется ни при каких наказаниях, ни при каких ограничениях публичной правоспособности.

Ст. 4. Вооруженная защита отечества и государства есть не только священная обязанность, но и почетное право каждого русского гражданина. Лишение этого почетного права по суду принадлежит к позорнейшим наказаниям и сопровождается утратою всякой публичной правоспособности (право голоса, право общественной и государственной службы и др.). Мужское население подлежит призыву в войска согласно установлениям закона. Права и обязанности женщин в деле обороны страны определяются особым законом.

Ст. 5. Российские граждане обязаны платить установленные законом налоги и пошлины. Сия обязанность есть по смыслу своему почетное право участия в создании и пополнении отечественной казны. Злостные недоимщики лишаются по суду и закону известных публичных прав. Налог, установленный государством, указывает каждому гражданину не наибольшую, а наименьшую долю его участия. Каждое превышение этой наименьшей доли составляет отечественную заслугу гражданина и влечет за собою почетные последствия, определяемые особым законом.

Ст. 6. Российские граждане обязаны также отбывать все иные повинности, возлагаемые на них законом. Всякое проявление почина, добровольчества и жертвенности составляет и здесь отечественную заслугу и влечет за собою предусматриваемые особым законом почетные последствия.

Ст. 7. Все русские граждане, не ограниченные в своих правах по закону или по суду, равны перед законом. Российский правопорядок не знает сословий, которые сообщали бы своим членам неосновательные преимущества или ограничения в правах или изымали своих членов из-под действия основных и общих законов.

Ст. 8. Только российские граждане могут занимать военные и гражданские должности в России. Граждане иных государств могут приглашаться на службу лишь временно, по договору найма, при условии подписания торжественного обязательства никак и ни в чем не вредить интересам Российского Государства.

Ст. 9. В борьбе с политической смутою, разбоем, неприятельским вторжением или чрезвычайными народными бедствиями Глава Государства имеет право объявлять известные категории лиц, как из российских граждан, так и из числа иностранцев, – вне закона. Объявление это печатается в газетах и расклеивается в присутственных местах. Оно действительно в течение одного месяца и должно быть возобновлено в том же порядке.

Лица, объявленные вне закона, подлежат немедленному аресту и суровому, ускоренному судопроизводству, определяемому особым законом. С момента объявления их вне закона они утрачивают все субъективные публичные права, кроме особо оговоренных.

Ст. 10. Никто не может подлежать преследованию, суду и наказанию иначе как на точном основании закона, изданного и обнародованного до совершения поступка, и лишь в порядке, в законе определенном. Сие не распространяется на лиц, объявленных вне закона.

Ст. 11. Никто не может быть задержан, взят под стражу или иным образом лишен свободы иначе как в случаях, в законе определенных, и с соблюдением правил, им предписанных. Сие не распространяется на лиц, объявленных вне закона.

Ст. 12: Всякое задержанное лицо в городах и других местах пребывания судебной власти должно быть в течение двадцати четырех часов, а в прочих местностях Государства не позднее чем в течение трех суток со времени задержания – или освобождено, или представлено судебной власти, судебная же власть, по рассмотрении обвинения, или

освобождает задержанного, или постановляет, с изложением оснований, о дальнейшем содержании его под стражей. Сие не распространяется на лиц, объявленных вне закона.

Ст. 13. Жилище каждого российского гражданина неприкосновенно. Производство в жилище обыска или выемки без согласия хозяина допускается не иначе как в случаях и в порядке, определяемых законом. Сие распространяется и на лиц, объявленных вне закона.

Ст. 14. Никто не может быть судим иным судом, кроме того, коему дело его по закону подлежит. Изъятия из этого правила допускаются только в порядке закона о чрезвычайном и военном положении. Лица, объявленные вне закона, судятся особым судом, нарочито для сего в порядке закона составляемым.

Ст. 15. Русские граждане, достигшие гражданского совершеннолетия (20 лет), могут в общих пределах, установленных законом, свободно избирать и менять местожительства и занятия, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства. Ограничения в сих правах, как для русских граждан, так и для иностранцев, устанавливаются особыми законами.

Ст. 16. Собственность – неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимого и движимого имущества допускается только тогда, когда сие оказывается необходимым для какой-нибудь государственной пользы. Оно совершается только в законном порядке и притом за справедливое вознаграждение, учитывающее и особые, доказанные интересы лица.

Ст. 17. Российские граждане имеют право устраивать собрания в целях, не противных религии, нравственности, отечеству и законам, мирно и без оружия. Законом определяются условия, при которых могут происходить собрания, порядок их закрытия, а равно и ограничения мест для собраний. Всякое собрание, в котором произнесен призыв к неповиновению властям и законам или ко взаимной вражде граждан между собою, становится с этого момента противозаконным сборищем, участие в коем наказуемо по суду утратою публичных прав. Участие в собрании с огнестрельным или холодным оружием без особого разрешения носить таковое приравнивается к попытке начать вооруженное восстание.

Ст. 18. В пределах, установленных Основными Законами и особым законом, каждый может высказывать устно или письменно свои мысли, а равно распространять их в письменном или печатном виде.

Ст. 19. Российские граждане имеют право образовывать неполитические общества и союзы в целях, не противных Основным и иным законам государства. Каждое образуемое общество или союз должен быть зарегистрирован в законном порядке с предъявлением устава и с откровенным изложением целей. Тайные общества и союзы воспрещаются. Они, так же как и их участники, заранее объявляются вне закона. Условия образования обществ и союзов, порядок их действий, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как и порядок их закрытия, определяются особым законом.

Ст. 20. Российские граждане имеют право образовывать также и политические партии, подлежащие обязательной регистрации. Партии противообщественные, противогосударственные и революционные воспрещаются. Противозаконное образование их и участие в них наказуется по закону и суду, всякое судебное осуждение за это влечет за собою, помимо наказания, еще и полную утрату публичных прав. Членам партии воспрещается всякая государственная и общественно-публичная служба, а также избрание или назначение в законотворческие органы. Всякий назначаемый на такую службу, избираемый или назначаемый в такие органы должен выйти из партии и дать торжественное обязательство сообразоваться в своей деятельности не с указаниями своей бывшей партии, а с пользою отечества и государства, а также с голосом своего неподкупного правосознания и своей совести.

Ст. 21. Российские граждане имеют право единолично или совместно обращаться к государственным властям с письменным изложением своих просьб и пожеланий. Совместное обращение допустимо только от лица зарегистрированного общества или союза

через его правление или особую депутацию.

Ст. 22. Тайна переписки неприкосновенна. Закон определяет, какие чиновники ответственны за нарушение тайны писем, доверенных почте. Почтовая тайна не распространяется на переписку лиц, умаленных по суду в публичных правах или объявленных вне закона.

Ст. 23. За нарушение прав граждан должностные лица подлежат гражданской и уголовной ответственности на общем основании, причем для привлечения их к суду не требуется согласия их начальства.

Ст. 24. Иностранцы, пребывающие в России, пользуются гражданскими правами на основании действующих законов международного частного права. Из публичных прав им предоставляется свобода веры, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, неприкосновенность собственности и право петиций. Их подсудность, право передвижения и промысла, право собраний, право слова и печати, право союзов подлежат особым законам и указам. В особенности им воспрещается под страхом высылки из страны публичное произнесение, письменное распространение или печатное опубликование суждений о России, о ее внутренних и внешних делах.

Ст. 25. Действие сих постановлений о правах граждан не распространяется на граждан, состоящих на действительной военной службе, а также на всех граждан находящихся в местностях, объявленных на чрезвычайном или военном положении. Порядок этого объявления и сущность изъятия из этих постановлений определяется особым законом.

Ст. 26. Все бывшие члены коммунистической партии, по каким бы основаниям и мотивам они в нее ни входили и сколько бы времени они в ней ни оставались, исключаются на 20 лет из политической жизни; в течение этого срока они не имеют права занимать какие бы то ни было должности на государственной и общественно-публичной службе, печататься, избирать и избираться. Отступления от этого возможны только в порядке личной аболиции по личному прошению на имя главы государства.

Ст. 27. Никто из российских граждан не имеет права принимать от иностранных представительств или правителей никаких назначений, отличий, титулов или пожалований.

Ст. 28. Каждый российский гражданин, осведомленный о чьем-либо злом умысле против жизни, здоровья, чести или имущества кого-либо из своих сограждан, обязан предупредить угрожаемого об опасности. Оба вместе имеют право обратиться за защитой к органам полицейского управления. В случаях особой важности предупреждающий имеет право самостоятельно сообщить полиции об имеющейся опасности. Такие заявления протоколируются и подписываются сообщителем. Во всех случаях обнаруживающейся заведомой лжи, клеветы, шантажа и т. д. полиция обязана предать сей протокол гласности в порядке напечатания в Полицейских ведомостях и затем привлечь виновного к судебной ответственности.

Ст. 29. Каждый политический донос протоколируется за подписью доносителя и с его точным адресом. Безымянные политические доносы воспрещаются. Они не могут иметь никаких правовых последствий. Если автор такого доноса будет обнаружен, то он предается суду по обвинению в нарушении ст. 9. Первого Раздела, в случае осуждения он лишается публичных прав на десять лет.

Ст. 30. Каждый политический донос без исключения в течение трех дней предъявляется тому, против кого он направлен. Имя доносителя должно быть ему названо. Возражение его протоколируется. В случае его желанья ему дается очная ставка с доносителем, по желанью – в присутствии трех избранных им свидетелей.

Ст. 31. Бремя доказательства лежит на доносителе, а не на том, против кого донос направлен.

Ст. 32. Если предметом доноса является деяние, юридически не предусмотренное и ненаказуемое, то дело прекращается. Если же деяние предусмотрено или наказуемо, то в случае подтверждения доноса или недостаточного опровержения его – дело передается мировому судье. Мировой судья судит не только о деянии и о содеявшем его, но и о

донесителе. Донесший хотя бы верно, но из личной вражды, или по злобе, или же заведомо ложно обвиняется в нарушении ст. 9 Первого Раздела, в случае осуждения он лишается публичных прав на 10 лет.

* * *

Так, приблизительно, можно было бы представить себе те формулы, которые могли бы определить права и обязанности Российских Граждан. Основной смысл их в следующем: гражданам не предоставляется свобода зла, бесчестия и предательства, доноса и шиканы; но им обеспечивается свобода патриотической инициативы, соответствующая их духовному достоинству. Благие силы, направленные к добру и спасению, должны быть не связаны, а развязаны.

Почему сокрушился в России монархический строй?

Прошло 35 лет с тех пор как в России – так неожиданно, так быстро, в несколько дней, и притом столь трагически и столь беспомощно – сокрушился, отменился и угас монархический строй. Распалась тысячелетняя твердыня. Исчезла государственная форма, державно державшая и строившая национальную Россию. Священная основа национального бытия подверглась разложению, поруганию и злодейскому искоренению. И Династия не стала бороться за свой трон. Трон пал, и никто тогда не поднял и не развернул упавшего знамени, никто не встал под ним открыто, никто не встал за него публично. Как если бы никогда и не было дано присяги, как если бы угасли все священные обязательства монархии – и наверху, и внизу. Честных, и храбрых, и верных было немало, но воля у них была как бы в параличе и кадры их были рассеяны по всей стране. И началась отчаянная и гибельная авантюра, делящаяся и до сего дня, и конца ей еще не видно.

И вот за все эти 35 лет я не знаю ни одной попытки осветить это трагическое крушение, объяснить этот государственный обвал, указать те исторические причины и те политические ошибки, которые привели Россию к такому крушению. Ибо – скажем это открыто и недвусмысленно, – крушение монархии было крушением самой России, отпала тысячелетняя государственная форма, но водворилась не «российская республика», как о том мечтала революционная полуинтеллигенция левых партий, а развернулось всероссийское бесчестие, предсказанное Достоевским, и оскудение духа, а на этом духовном оскудении, на этом бесчестии и разложении вырос государственный Анчар большевизма, пророчески предвиденный Пушкиным, – больное и противоестественное древо зла, рассылающее по ветру свой яд всему миру на гибель.

В 1917 роду русский народ впал в состояние черни, а история человечества показывает, что чернь всегда обуздывается деспотами и тиранами. В этом году, который шестнадцатилетний Лермонтов почти за 100 лет перед тем пророчески обозначил как «России черный год», русский народ развязался, рассыпался, перестал служить великому национальному делу – и проснулся под владычеством интернационалистов. История как бы вслух произнесла некий закон: в России возможны или единовластие, или хаос; к республиканскому строю Россия неспособна. Или еще точнее: бытие России требует единовластия – или религиозно и национально укрепленного единовластия чести, верности и служения, т.е. монархии, или же единовластия безбожного, бессовестного, бесчестного, и притом антинационального и интернационального, т. е. тирании.

И возвращаясь мыслью, воображением и сердцем к дореволюционному времени, когда Россия, оставаясь Россией, органически и в то же время стихийно росла и цвела, мы не можем не спросить себя: как же это тогда – и в тесном династическом кругу, и среди чиновничества, и среди интеллигенции, и в народной массе – как же это тогда люди не видели, что крушение монархии будет крушением самой России? Как не видели они той спасительной политической формы, которая одна только и могла вести и строить русскую

жизнь и беречь русскую культуру? Что это было за ослепление? Чего не хватало русским людям для того, чтобы мужественно пережить трудную годину и сохранить религиозно священную и исторически оправдавшую себя государственную форму? Чего не хватало – политического предвидения и разума, или верности, или дисциплины, или терпения?

Ибо, в самом деле, мы твердо уверены в том, что если бы Государь Император предвидел неизбежный хаос, яд большевизма и дальнейшую судьбу России, то он не отрекся бы, а если бы отрекся, то обеспечил бы сначала законное престолонаследие и не отдал бы народ в подчинение тому государственно-беспомощному и заранее «обойденному слева» пустому месту, которое называлось Временным правительством. И в русских обывателях проснулось бы гражданственное начало, и русское крестьянство держалось бы иначе. Но предвидения не было, и государственное начало проснулось сразу лишь в героическом меньшинстве, решившем сопротивляться до конца... Из него и образовались белые армии.

Чего же не хватало в России? Почему тысячелетняя форма государственного спасения и национально-политического самоутверждения могла исчезнуть с такой катастрофической легкостью от первого же порыва народного, уличного и солдатского бунта?

Ответим: России не хватало крепкого и верного монархического правосознания. Правосознания – не в смысле «рассуждения» только и «понимания» только, но в том глубоком и целостном значении, о котором теперь должна быть наша главная забота: правосознания – чувства, правосознания – доверия, правосознания – ответственности, правосознания – действенной воли, правосознания – дисциплины, правосознания – характера, правосознания – религиозной веры.

Монархическое правосознание было поколеблено во всей России. Оно было затемнено или вытеснено в широких кругах русской интеллигенции, отчасти и русского чиновничества и даже русского генералитета, – анархо-демократическими иллюзиями и республиканским образом мыслей, насаждавшимися и распространявшимися мировой закулисою с самой французской революции. Оно имело в простонародной душе своего вечного конкурента – тягу к анархии и к самочинному устройению... Вследствие этого оно, по-видимому, поколебало и властную уверенность в самой царствующей Династии.

* * *

Начнем с народной массы. На протяжении всей русской истории русское простонародье никогда не теряло склонности – противопоставить обременительному закону свой собственный, незаконный или противозаконный, почин. «До Бога высоко, до Царя далеко»; надо управляться самим, надо разрешать себе больше, чем разрешает власть, надо не бояться правонарушения и преступления и самому «переменять свою участь». Терпению есть предел. Дисциплина хороша лишь в меру. Русь велика и равнинна. Надо бежать вдаль, искать «свободной» жизни и устраиваться по-новому. И в течение всей русской истории Холопий Приказ должен был работать не покладая рук.

Люди сбрасывали государственное тягло: «постылое тягло на мир полегло»... И уходили «на волю», в степи и леса. Вот откуда это множество «людей вольных, гулящих», о которых повествуют летописи, людей без оседлости, без органической хозяйственности, но тем не менее кормящихся. Вот откуда эти «удалые добрые молодцы», с атаманами в бархатных кафтанах и с закопанными богатствами, о них слагались легенды и пелись песни, даже и доселе, а ныне уже и по всему свету (песня о Разине, песня о Кудеяре...). И не было в старину твердой грани между разбойниками и казаками, эта грань появлялась лишь тогда, когда «вольные люди» приобретали оседлость и имущество, когда начиналось огосударствление «удалых добрых молодцев» и когда храброе казачество заселяло и обороняло русские окраины. Тогда анархия постепенно принимала закон и подданство и в силу веры и совести возвращалась к монархической верности.

Именно так думали про себя и чувствовали русские народные массы: порядок – от Царя, спасать и строить Русь может только царская власть. «Горе тому царству, коим

владеют многие»; «лучше грозный царь, чем семибоярщина». Но анархия, развязание, разнуздание, посягание и погром создают более выгодную возможность. Отсюда эти бунты с разбойниками или самозванными возглавителями. От времени до времени поднимался всенародный бунт (Смута, Разиновщина, Пугачевщина, Ленинщина), когда находился Григорий, или Степан, или Емельян, или Ильич («Пугачев с университетским образованием»), которые разрешали или прямо предписывали анархию посяганий и погромов. И разинские воззвания «иду истребить всякое чиновачалие и власть и сделать так, чтобы всяк всякому был равен»; и пугачевские прокламации; и ленинское «грабь награбленное» – явления одного смысла и порядка. Приходила власть, призывавшая к бунту и грабежу, некий «царь» или поддельный, самозванный, мнимый «лжецарь» узаконял анархию и имущественный передел – и правосознание русского народа, поддаваясь смуте, «кривизне» и «воровству», справляло праздник безвластия, мести и самообогащения. Дурные силы брали верх, а русская история переживала великий провал.

Вот это и случилось в России в 1917 году. Грозная война с грозными неудачами поколебала доверие к военному командованию, а потому и к трону. Крестьянская деревня переживала эпоху аграрного перенаселения и великой реформы Столыпина. Вопрос земельного приращения стал источником всекрестьянской напряженной тревоги. И вдруг отречение двух Государей от Престола угасило присягу, и верность, и всяческое правосознание, а левые партии – призывающий к грабежу Ленин, рассылающий двусмысленно-погромные циркуляры министр Виктор Чернов, открыто исповедующий и практикующий государственное непротивление министр Александр Керенский, и все их агитаторы, рассеянные по всей стране, – понесли развязанному солдату, матросу и крестьянину право на беспорядок, право на самовластие, право на дезертирство, право на захват чужого имущества, все те бесправные, разрушительные, мнимые права, о которых русский простолюдин всегда мечтал в своем анархически-бунтарском инстинкте и которые теперь вдруг давались ему сверху. Соблазн бесчестия и вседозволенности стал слишком велик, и катастрофа сделалась неизбежной.

Монархический лик русского простонародного правосознания как бы поблек и исчез в смуте, а вперед выступила страшная и кровавая харя всероссийской анархии.

Напрасно было бы сомневаться в том, что русское правосознание действительно имело свой монархический лик, которым и держалось русское государство. Желая убедиться в этом пусть обратится хотя бы к тому богатству государственной мудрости и монархического чувства, которое накоплено в русских простонародных поговорках и пословицах (см. у Даля, Снегирева, Иллюстрова, Максимова и других), и притом за века. Припомним кое-что из этого духовного богатства, с лишком сто лет обессиливавшего пропаганду народовольцев», «черно-передельцев» и других разрушителей России.

«Без бога свет не стоит, без Царя земля не правится». «Что Бог на небе, что Царь на земле». «Без Царя земля вдова». «Без Царя народ сирота». «Богом да Царем Русь крепка». «Сердце царево в руке Божией». «Одному Богу Государь ответ держит». «Царские глаза далеко видят». «Близ Царя – близ чести и смерти». «При солнце тепло, а при Государе добро». «Ни солнышку на всех не угреть, ни Царю на всех не угодить». «Царь добр, да слуги злы». «Царские милости в боярское решето сеются». «Не от Царя угнетенье, а от любимцев царских». «Воля Царя – закон». «Где Царь тут и правда». «Нет больше милосердия, как в сердце царевом». «У Царя колокол по всей России». «Благо Царей – в правде судей». «Народ думает, а Царь ведает». «Как весь народ вздохнет, до Царя дойдет». «Царь да нищий – без товарищей». «В слепом царстве кривой Царь». «Царский глаз далече сягает»...

Не довольно ли? Уже слышен нам тысячелетний государственный опыт русского народа, умевшего верить своим Царям, чтить их, любить их и служить им верою и правдою. Но Государь отреклись от трона, и в народном сердце угасла присяга. Лик народной верности, ответственности и грозного служения отвернулся, и вперед выступила харя предателя, преступника и озлобленного раба. От монархии к анархии, от анархии к порабощению антихристом, на долгие годы смуты и тирании. Таков был соблазн русского

простонародья.

* * *

Перейдем теперь к рассмотрению русского интеллигентского правосознания.

Говоря о русской интеллигенции следует иметь в виду не просто «верхний» общественный строй, как сравнительно более образованный (в старину – боярство и служилое сословие), но тот кадр, который так или иначе приобщился академии и академическому образованию. История этого кадра начинается в России, в сущности говоря, с Ломоносова и с Московского Университета. Социальные верхи старого времени, конечно, имели своих монархически-лояльных и своих монархически-нелояльных представителей, но прежняя нелояльность сводилась к тому, что бояре и особенно «княжата», не забывшие своего удельного княжения и достоинства, «подыскивались на царство». Это было не республиканство, а особого рода «монархизм в свою пользу», к которому так остро-подозрительно относился Иоанн Грозный и который впоследствии дал наиболее показательный и отрицательный плод в лице князя Василия Шуйского, боярина, достаточно «умного» для любой интриги, но совершенно лишённого «дара государить».

Та русская интеллигенция, которую мы имеем в виду, медленно созревала при императрицах Елизавете и Екатерине Второй, ее заграничными «профессорами» были энциклопедисты, Вольтер и Руссо, ее практической школой была первая французская революция, ее политическими выступлениями были предательское убийство Императора Павла и заговор декабристов. Этим определилось ее направление, в этом сложилась ее традиция, и от этой политической традиции она и поныне не освободилась до конца. Это направление было революционно-республиканское, со своей стороны подготовленное революционно-монархической традицией xviii века (дворянские перевороты 1730, 1740, 1741 и 1742 годов). Однако традиция xviii века («революционно» возвести на трон новую царицу) получила новое направление: Руссо с Вольтером и Робеспьер с Дантоном убедили русских интеллигентов того времени, что республика означает «свободу» и что поэтому она выше монархии...

Отсюда эта беспочвенная мечта строить Россию без Царя во главе. Первым осуществлением этой мечты должно было стать освобождение русского крестьянства без земли, как это проектировали декабристы, оно неминуемо пролетаризировало бы и ожесточило бы всероссийское крестьянство и возобновило бы разиновщину и пугачевщину в невиданных еще размерах. Император Николай i удержал Россию на краю гибели и спас ее от нового «бессмысленного и беспощадного бунта». Мало того, он дал русской интеллигенции срок, чтобы одуматься, приобрести национально-государственный смысл и вложиться в подготовленные им реформы Императора Александра ii. Пушкин осуществил эту необходимую эволюцию огосударствления русского правосознания – первый, в самом себе и для себя и для других. Через 10 лет после его смерти ту же эволюцию пережил Достоевский, увидевший на каторге дно всероссийского простонародья, отвернувшийся от республиканства и социализма и отчетливо показавший русскому народу – и его верный национально-монархический лик (в «Дневнике писателя»), и его внерелигиозные соблазны и опасности, и его анархо-криминальную рожу («Бесы»).

Постепенно сложилась и окрепла монархически лояльная русская интеллигенция, окружившая Александра II Освободителя и осуществившая его реформы. Но именно эти реформы, столь блестяще доказавшие творческие силы верно окруженного русского Государя, – ожесточили не передумавших республиканцев и революционеров и побудили их во что бы то ни стало искать путей к западному подражанию. «Западники» были лояльным аванпостом этого течения, народовольцы и им подобные организации пошли в открытую на террор, Бакунин с Нечаевым образовали крайнюю левую этого движения, которая подобно Петру Верховенскому («Бесы») искала братания с уголовным миром. Последовал целый ряд покушений на драгоценную жизнь Царя-Освободителя: выстрелами, подкопом дворца,

взрывом поезда и, наконец, бомбами. Напрасно было бы объяснять это тем, что господа «народовольцы» считали новые реформы «недостаточными» и добивались их углубления. Совсем нет. Здесь дело шло о монархии: ее творческие успехи, ее во многих отношениях демократические реформы, ее растущая в народе популярность – все это было нестерпимо для революционеров-республиканцев-социалистов из подпольных кругов; им надо было вбить клин недоверия, страха и компрометирования между Царем и народом. Реформа в их глазах пресекала и обессиливала революцию. Перемены должны были идти не через Царя и не от Царя, а помимо него и против него, эти перемены не должны были привлекать сердца народа к Царю, ибо это тормозило в глазах одной части революционеров революционную республику, в глазах другой части – анархию черного передела. Все это было движением революционного максимализма, который впоследствии, на переломе XX века, развернулся в виде большевизма.

* * *

Было бы несправедливо и исторически неверно смешивать воедино таких умеренных «западников», как Грановский и Тургенев, с неумеренными западниками наподобие Герцена, было бы еще несправедливее объявлять Герцена «ранним большевиком». Но идейно и духовно водораздел шел именно здесь. Верить ли в спасительную монархию для России? Строить ли Россию, верно помогая ее Государям, через них и от их лица?

Или же считать монархию главным препятствием русского прогресса и требовать для России «последовательного и полного народоправства», т.е. учредительного собрания, выборов по четырехчленной формуле, республики, федерации и т.д. И этот водораздел был с особенной ясностью и совершенно недвусмысленно сформулирован одним из виднейших политических идеологов «февраля» Ф.Ф. Кокошкиным, противопоставившим «старую ненавистную монархию» той республике, которая «бесспорно в наших глазах не может не быть наилучшей формой правления» («Республика», с. 12-13). Такова была затаенная мысль конституционно-демократической партии: монархический строй, даже и парламентарный, был для «кадетов» с самого начала «не чем иным, как компромиссом» (там же, с. 7), и Ф.Ф. Кокошкин признает даже, что они «стояли на почве социалистического мировоззрения» (там же, с.6).

Все это, вместе взятое, и определяет собою тот водораздел, о котором мы упомянули выше. Искренно лояльной – монархической интеллигенции, которая за последние годы перед революцией группировалась вокруг Столыпина и его аграрной реформы и о которой заграничные наблюдатели этой реформы (напр., берлинский знаток профессор Зеринг) давали такой блестящий отзыв, противостояла тайно нелояльная интеллигенция, для которой республика была «бесспорно наилучшей формой правления». Монархия была для них временно необходимым средством, тактически приемлемой переходной ступенью. Они как будто только и ждали того, чтобы пробил час ее исчезновения или свержения. И вот, дождались... Но они, конечно, не только и не просто «ждали», а делали все возможное, чтобы политически изолировать Царя и его верных помощников и скомпрометировать все их строительство. Вот откуда категорический отказ «кадетских» лидеров от переговоров о вступлении в состав царского министерства, вот откуда их борьба против Столыпина и его реформы, вот откуда клеветническая речь Милюкова в ноябре 1916 года («глупость или предательство»). Вот почему в отречении Государя они увидели не всероссийскую катастрофу, а час «освобождения» России от «ненавистного режима», час перехода к «наилучшей форме правления»!..

Замечательно, что это русское предреволюционное республиканство охватывало не только весь левый сектор «общественности», но и часть более правого. Русская радикальная интеллигенция вряд ли смогла бы назвать в своих рядах какого-нибудь монархиста, разве только Илью Фондаминского, но уже в эпоху эмиграции... И как же он шокировал своими настроениями и речами весь остальной левый сектор эмиграции, ставивший себе в особую

заслугу топтание «на старых позициях». Что же касается предреволюционного времени, то можно уверенно сказать: левее конституционно-демократической партии вся русская интеллигенция, а особенно полуинтеллигенция, считала монархию «отжившей» формой правления. И если бы кто-нибудь захотел от нас доказательств, то нам было бы достаточно указать на так называвшиеся «юмористические журналы» 1905-1906 годов: они все были полны стишками, памфлетами и карикатурами, так или иначе восхвалявшими цареубийство или прямо призывавшими к нему (о, конечно, прикровенно, но в дерзко-прозрачных намеках!) Журнальчики эти брались публичкой нарасхват и комментировались на всех перекрестках. Был один враг: Государь и Династия, и этот враг должен был быть скомпрометирован; лишен доверия и уважения и поставлен под угрозу изгнания или убиения.

Спросим же: почему вся эта политически неопытная, близорукая и полуобразованная толпа – республиканствовала? Почему? Где и в чем они видели республиканские способности и добродетели русского народа? О чем они думали? На что надеялись? Ответ может быть только один: «на западе республика возможна и устрояюща, почему же она у нас была бы невозможна? республика есть (по слову Ф.Ф. Кокошкина) наилучший способ правления, к тому же он нас сразу же и усовершенствует»... Нам нет надобности отвечать на этот ребячий лепет: история уже дала на него ответ, и при том страшный ответ.

Одинаково и правее «кадетов» имелись республиканские фигуры вроде А.И. Гучкова, своевременно воспевавшего младотурецкий переворот и считавшего себя призванным провести нечто подобное и в России. Это, конечно, не было случайностью: издание пресловутого «Приказа № 1» по армии, вышедшего в бытность его военным министром Временного правительства и им никак и нигде не отмененного и не дезавуированного; не была случайностью и его поездка в Ставку для принятия отречения из рук Государя.

Психологически можно понять, что последние назначения министров многим не казались убедительными и что влияние известной зловещей фигуры, вращавшейся в сферах, могло многих и тревожить и возмущать. Но фигура эта уже исчезла, а вместе с нею и опасность, ею обусловленная. А идея о том, что Императорский Трон ничем не заменим в России, что Государю невозможно отречься и что нужно помогать ему до конца и не покидать его с самого начала – была многим, по-видимому, чужда.

Вот, что мы можем установить по вопросу о политическом правосознании русской интеллигенции предреволюционного времени. Она промотала, проболтала, продешевила свою верность монархической России, она не сберегла, а опошшила свое правосознание. И с ребячьим легкомыслием воображала и себя, и русское простонародье республикански созревшим народом.

Трагедию изолированного Царя она совершенно не могла постигнуть и осмыслить, как трагедию гибнущей России.

* * *

Итак, монархия в России сокрушилась – так неожиданно, так быстро, так трагически беспомощно потому, что настоящего крепкого монархического правосознания в стране не было. В трудный, решающий час истории верные, убежденные монархисты оказались вдали от Государя не сплоченными, рассеянными и бессильными, а бутафорский «многомиллионный Союз Русского Народа», в стойкости которого крайне правые вожаки ложно уверяли Государя, оказался существующим лишь на бумаге.

Все это не могло не отразиться на самочувствии Государя и правящей Династии. Близился час, когда Государь мог почувствовать себя изолированным, преданным и бессильным, когда могла понадобиться борьба за Трон, а сил для этой борьбы могло не оказаться. И час этот пробил.

Это не есть ни осуждение, ни обвинение. Но прошло 35 лет, и ради восстановления монархии в России мы обязаны выговорить историческую правду. Царствующая русская

Династия покинула свой престол тогда, в 1917 году, не вступая в борьбу за него, а борьба за него была бы борьбой за спасение национальной России. Конечно, это оставление Престола имело свои психологические и нравственные основания. Ему предшествовало длительное и притом агрессивно оформленное давление революционного террора, то поддерживаемого, то прикрываемого республикански настроенной частью интеллигенции. Покушения на благостного реформатора Александра II, закончившиеся злодейским убийством его, могли сами по себе поколебать в Династии веру в ее миссию и доверие ее к русской интеллигенции. Убийство Великого Князя Сергея Александровича и прямые угрозы цареубийством в нелегальной и даже легальной («юмористической»!) прессе – должны были обновить это ощущение. Упорное противодействие левых Дум, «Выборгское воззвание» и убийство П.А. Столыпина в присутствии Государя – все это говорило языком недоверия к Престолу, языком ненависти и угрозы. А между тем, никакого отпора этим угрозам, никакой бескорыстно-монархической мобилизации общественности, никакого искреннего, организованного порыва к Престолу в стране не наблюдалось. Русский народный монархизм оставался пассивным и не давал Династии живого ощущения – доверия, любви, поддержки, весомости и единения. При таком положении дел воля Государя могла почувствовать себя изолированной, одинокой, бессильной или даже, как внушали генералы главного командования, – прямой помехой в деле национального единения и спасения.

Помимо этого, в первом отречении от Престола и во втором отказе немедленно принять власть – было столько живого патриотизма, опасения вызвать гражданскую войну на фронте и в тылу, столько царственного бескорыстия, скромности в учете своих личных сил и христианского прития своей трагической судьбы («день Иова многострадального» – был днем рождения Государя, о чем Государь часто вспоминал), что язык не повертывается сказать слово суда или упрека. И тем не менее историческая правда должна быть выговорена – во имя будущего.

В своем замечательном исследовании, легитимно-обоснованном и лаконически-точном («Императорский Всероссийский Престол», Париж, 1922), сенатор Корево ставит вопрос о том, имел ли Государь Император Николай II право отречься от трона, и дает такой ответ: «В российских основных законах отречение царствующего Императора вовсе не предусматривается. Отречение до занятия Престола считается возможным, но принципиально лишь тогда, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании престола», и когда царствующий Государь разрешает и санкционирует такое отречение. «С религиозной же точки зрения отречение Монарха Помазанника Божия является противоречащим акту Священного Его Коронования и Миропомазания» (с. 26-38-42).

Далее сенатор Корево указывает на то, что Государь передал право на престол Великому Князю Михаилу Александровичу, «не удостоверясь в его на то согласии» (с. 41), т. е. не обеспечив в труднейший час истории непрерывность законного престолонаследия.

Право отречения за наследника Корево, по справедливости, отвергает совершенно, он считает главным и основным условием законности отречения, чтобы «за сим не предстояло никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола», а отречение за наследника не могло не создать таких затруднений (с. 29-30). Корево признает, что Великий Князь Михаил Александрович вступил на престол в час отречения Государя, что он от престола прямо не отказался, но немедленного восприятия верховной власти тоже не осуществил и обусловил такое восприятие «волею великого народа», имеющего высказаться в Учредительном Собрании. И вот, Корево прав, когда характеризует все это, как «полное нарушение Основных Законов», и в объяснение такого нарушения он ссылается на «революционное насилие и измену» (с. 42, 125).

* * *

В действительности дело обстоит так, что и Государь и Великий Князь отреклись не

просто от «права» на престол, но от своей религиозно освященной, монархической и династической обязанности блюсти престол, властно править, спасти свой народ в час величайшей опасности и возвращать его на путь верности, ответственности и повиновения своему законному Государю. Нам трудно ныне понять, что двум последним государям нашей правящей династии – Николаю Второму и Михаилу Второму – никто из их окружения (военного или штатского) не сказал в виде верноподданнического совета, что у них в силу русских Основных Законов, коим они присягали и кои составляют самый основной и строгий строй монархического государства, – нет права на отречение от престола в час великой национальной опасности и при совершенной необеспеченности в дальнейшем наследовании. Объяснить отсутствие такого совета изменою, утомлением, растерянностью людей можно. Но этих объяснений мало: в глубине событий, за всем этим скрывается и открывается отсутствие крепкого и верного монархического правосознания – в высших кругах армии и бюрократии. Если была измена, то Государь был вправе уволить изменников и призвать верных; и дальнейшая гражданская война показала, что такие верные имелись и что они пошли бы на все. Но те, кто советовали Государю и Михаилу Александровичу отречься, должны были знать и понимать, что они действуют уже не как монархисты, а как республиканцы.

И вот состоялось личное решение Государя: он отрекся за себя и за наследника. Быть членом династии – значит иметь не только субъективное право на трон (в законном порядке), а священную обязанность спасти и вести свой народ и для этого приводить его к чувству ответственности, к чувству ранга, к законному повиновению. Династическое звание есть призвание к власти и обязательство служить властью.

Одна из аксиом правосознания состоит вообще в том, что от публично-правовых обязанностей одностороннее отречение самого обязанного невозможно: именно эта аксиома и признана в российских Основных Законах. В труднейшие часы исторической жизни Монарх блюдет свою власть и властью ищет национального спасения. Вспомним Петра Великого в часы стрелецких бунтов или в то время, когда «внезапно Карл поворотил и перенес войну в Украину», или во время Прутского сидения и несчастья. Вспомним Императора Николая i, шествующего по улицам Петербурга навстречу восставшим декабристам... Отрекся ли бы от власти Царь Алексей Михайлович во время разинского восстания? Отрекся ли бы Петр Великий, уступая бунту стрельцов? Императрица Екатерина – во время пугачевского восстания? Император Александр iii – при каких бы то ни было обстоятельствах?..

Но за последние десятилетия уверенное и властное самочувствие российской правящей Династии как будто бы поколебалось. Быть может, революционный напор ослабил у нее веру в свое призвание, поколебал в ней волю к власти и веру в силу царского звания, как будто бы ослабело чувство, что Престол обязывает, что Престол и верность ему суть начала национально-спасительные и что каждый член Династии может стать однажды органом этого спасения и должен готовить себя к этому судьбоносному часу, спасая свою жизнь не из робости, а в уверенности, что законное преемство трона должно быть во что бы то ни стало обеспечено.

Вот откуда это историческое событие: Династия в лице двух Государей не стала напрягать энергию своей воли и власти, отошла от престола и решила не бороться за него. Она выбрала путь непротивления и, страшно сказать, пошла на смерть для того, чтобы не вызывать гражданской войны, которую пришлось вести одному народу без Царя и не за Царя...

Когда созерцаешь эту живую трагедию нашей Династии, то сердце останавливается и говорить о ней становится трудно. Только молча, про себя, вспоминаешь слова Писания: «яко овца на заклание ведеса и яко агнец непорочен прямо стригущаго его безгласен»...

Все это есть не осуждение и не обвинение, но лишь признание юридической, исторической и религиозной правды. Народ был освобожден от присяги и предоставлен на волю своих соблазнительей. В открытую дверь хлынул поток окаяннейшего в истории

напористого соблазна, и те, которые вливали этот соблазн, желали власти над Россией во что бы то ни стало. Они готовы были проиграть великую войну, править террором, ограбить всех и истребить правящую Династию не за какую-либо «вину», а для того чтобы погасить в стране окончательно всякое монархическое правосознание.

Грядущая история покажет, удалось им это или нет.

А на нас, на поколении русских людей, скорбью и мукой переживших эту революцию, лежит обязанность просить себя, в чем же состоит сущность здорового, крепкого и глубокого монархического правосознания и как нам возродить его в России. (См. «Н.З.», с 181, 184).

О предметности и продажности

Если бы надо было выразить и закрепить одним словом сущность современной мировой смуты, то я произнес бы слово продажность. Чем больше эта смута углубляется и укореняется, тем более люди отвыкают от служения и тем чаще и беззастенчивее они помышляют о добыче. Раз, заразившись этим, человек постепенно привыкает сосредоточиваться не на Деле и не на Предмете, а интересоваться своею личною «пользою», своим материальным прибытком или иным лично-житейским выигрышем. Важнейшим вопросом его жизни становится свой успех, свое «приращение», свое преуспеяние. Иногда он прикрывает эту свою заботу, главную заботу своего существования, – словами о «классовом интересе», или о «партийном успехе», или «удачных делах», есть и соответствующие доктрины, начиная от «экономического материализма» (самое важное – это обладание орудиями производства и классовый интерес пролетариата) и кончая «меркантилизмом» (самое важное – это выгодная конъюнктура и торговое процветание страны). Но доктрина является для большинства ненужной роскошью или бременем: это большинство не теоретизирует, а просто «практикует», спрашивая про себя, «а какая мне от этого польза?»...

Чем бы человек не занимался, что бы он ни делал, где бы ни служил – он руководится своими внутренними мотивами, и не может не сознавать ту цель, ради которой он делает свое дело. И вот, во всяком благом деле есть некоторое высшее, сверхличное задание, предметная цель, придающая высший смысл всему тому, что Пушкин обозначал словами «жизни мышья беготня», и указующая человеку, что и как надлежит ему делать. Это и есть то Дело, которым воистину стоит жить, за которое стоит бороться даже до смерти и за которое стоит и умереть. Человек, проникающийся этим смыслом, работающий во имя этого Дела, чувствует себя предстоящим, ответственным, включившимся и включенным в некий предметный «кадр» и «фронт». То, что он делает, оказывается уже не службой, а служением. Он носит в своем сердце идею и знает, что такое идейный пафос, т.е. вдохновение, подъемлющее личные силы и расширяющее личные возможности. Он сразу поймет, если мы скажем, что служение окрыляет его, или если мы вспомним восклицание Суворова: «господа офицеры, какой восторг!»... В устах Суворова это слово «восторг» отнюдь не было ни преувеличением, ни аффектацией: оно точно выражало то самое, что он разумел и переживал сам, и что он хотел передать другим... – окрыленный подъем души, созерцающей совершенство. То, что составляет самую сущность Христианства.

Напрасно думать, что «совершенство» есть праздное слово, что оно неосуществимо в земной жизни и свидетельствует лишь о наивности человека, который его произносит и принимает всерьез. «Что там говорить о совершенстве? Все мы люди слабые, грешные, страстные и уже по одному этому удобопревратные ко злу... Совершенных людей нет, не было и не бывает. А кто мнит себя совершенным, тот впал в соблазн гордости и самопревознесения»... Такие речи мне не раз случалось слышать в Западной Европе и притом именно из уст инославного духовенства. И каждый раз я удивленно спрашивал наставлявшего меня пастора: «зачем же сказано в Евангелии – будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный?» (Мтф. 5.48, срв. Луки 6.35-36). И каждый раз за этим

следовала растерянная пауза.

Мой возражатель явно не разумел чего-то самого важного и глубокого, а именно: полнота совершенства, конечно, доступна единому Господу; но воля к совершенству, но требование «самого лучшего» от самого себя, – в каждый отдельный миг своего служения, – есть то самое драгоценное Евангельское солнце, которое было оставлено нам Сыном Божиим и от лучей которого человеческая совесть обновилась и стала христианскою совестью. Конечно, так: совершенных людей нет, не было и не бывает. Но совестная воля неустанно зовет человека к исканию, обретению и осуществлению самого лучшего, совершенного душевного строя и доступно наилучшего исхода из каждого жизненного положения. Она зовет к тому, чтобы увидеть высший смысл своей жизни, чтобы найти себе сверхличное задание, свою предметную цель, чтобы преобразить «дела» в «Дело» и «службу» в Служение; чтобы всегда чувствовать себя ответственным и предстоящим, включившимся и включенным в духовно-предметный «кадр» и «фронт»; чтобы приобщиться счастью идейного пафоса и тому окрыленному подъему души, который дается ей именно от созерцания совершенства.

Это означает, что религиозность человека отнюдь не кончается вместе с воскресным богослужением, а разворачивается в жизни и захватывает всю его деятельность. И первое, что она делает, – она обновляет внутренние мотивы, т.е. движущие силы его жизни. Она противопоставляет психологию предметного служения – психологии личного успеха и добыче. Он делает человека непродажным, но целостно-предметным.

Под продажностью и подкупностью совсем не следует понимать измену идее за деньги. Такая измена есть лишь наиболее грубая форма продажности: человек забывает о служении и кривит душой за личный денежный прирост. Это то, что называется «взяткою» или «поборами» на службе, а в Западной Европе и Америке – «коррупцией», о которой с доказательствами в руках так часто и прямо говорил недавно в своих речах новый президент Эйзенхауэр. Человек имеет известные публично-правовые полномочия и обязанности; и вместо того чтобы править долг службы – или, как говорили на Руси в старину, «дело Царево вести честно и грозно», – он поступает так, как ему в данный момент выгоднее. Бесчисленные русские пословицы, – острые и верные, – не устают клеймить продажных воевод, судей, подьячих и дьяков. За злоупотребления, вымогательства, поборы и взятки Петр Великий учил своих ближайших вельмож – дубинкою, сохранившеюся и до наших дней (в нарвском Петровском дворце). Но в России это было остатком или пережитком эпохи общегосударственных затруднений (бесконечные оборонительные войны!), когда казна не могла платить надлежащее жалованье и прибегала к «системе кормления». Медленно изживалась эта порочная установка; медленно, но мерно. Уже к началу XX века дореволюционная Россия не знала взяток – ни в суде, ни в управлении, ни тем более в дипломатии или в школе (единичные случаи порочности были исключением). И иностранцы совершенно напрасно рассказывали друг другу о том, будто «в России все продажно».

Но теперь... Теперь, когда мы пережили революцию в России с ее стихией своекорыстного предательства и чуть не повальной продажности; когда мы видели, как революционная смута разливалась по всему миру; когда по нашей жизни прокатился каток правого тоталитаризма, а потом еще более тяжелый и страшный каток второй мировой войны, – мы должны понять и выговорить, что жажда личной добычи таится во всех народах, и в низах, и в верхах; что болезнь продажности распространяется по свету, как сущая эпидемия и что «личной добычей», привлекающей, разлагающей и развращающей, является совсем не только золото и «валюта», но и личный успех, личная карьера, всяческое политическое и журнальное «выдвижение», почет, власть и закулисное влияние. Словом, – все то, что поднимает человека над толпою, давая ему возможность «фигурировать», возноситься и наслаждаться. За все это современный человек слишком часто готов забыть свою умолкнувшую совесть, порвать со своим духовным достоинством и со своею честью, выдать врагам государственную тайну, получать в качестве дипломата двойное и тройное жалованье от других держав, бесчестно клеветать и демагогировать на выборах и всячески, –

изобретательно, бесстыдно и ненасытно, – пользоваться «выгодной конъюнктурой». И все это в то время, когда в мире появился назойливый покупатель продажных людей с неистощимым кошельком. Современный человек перестал верить в Бога и именно потому так легко и так охотно продает свою душу дьяволу.

Современная смута превращается в своего рода эпидемию прежде всего и больше всего потому, что современное человечество утрачивает религиозное понимание жизни и религиозное отношение к ней. Оно не чувствует духовности и не ищет ее. Оно не видит Бога и не измеряет себя Его лучами. Поэтому оно теряет чувство собственного духовного достоинства, совесть и честь, и вообще все высшее духовно-божественное измерение жизни. Оно разучается отличать добро от зла и честное от бесчестного. Современный человек все более впадает в «аутизм» (от греческого слова «аутос» – сам), т.е. в «самокультивирование»: ему важно и драгоценно только собственное вожделение, удовольствие, преуспевание. Он живет в двух измерениях: инстинкта и самосознания, третье измерение, – главное, духовное, религиозное, – перестает для него существовать. Для него все есть товар, который надо успешно обменять на житейский успех. Отсюда – его продажность. Отсюда же все эти современные типы: ловчащиеся господинчики, скользкие нырялы, перевертны, приспособляющиеся хамелеоны, бессовестные журналисты, продажные ученые, политики «без хребта», политики беззастенчивого напора, партийные интриганы, шпионы и доносчики... Он всегда там, где выгоднее; развивает то воззрение, которого требует его деньгодатель или устроитель его карьеры; он готов говорить «за хорошего коммуниста», через год проповедовать «христианское движение», через два года наняться в национал-социалисты, через три года работать в союзнической разведке, и кто знает, далеко ли ему еще до участия в черной мессе или до тайного инославного ордена.

При этом надо еще иметь в виду «благоприятствующие» условия нашей эпохи. Чем тяжелее жизнь, чем хуже и ниже уровень питания и жилища, тем труднее человеку блюсти честь и совесть, тем навязчивее становятся жизненные «компромиссы», тем незаметнее для самого себя человек переступает грань продажности. И еще: чем трусливее человек, чем он жаднее и честолюбивее, тем легче ему переступить эту грань бесчестия и предательства. А тут еще эта дразнящая техника, этот заманчивый комфорт, эта повышенная нервность, жаждающая развлечений, острых ощущений, неизведанных удовольствий. К этому присоединяется – безработица, грозящая всем и настигающая столь многих, и не только в силу экономических кризисов и беженства, но прежде всего в силу перенаселения во многих странах и государствах. И в довершение – соблазны и угрозы тоталитаризма, то левого, то правого; оба одинаково требуют не думающей и не чувствующей покорности и готовности на любое предписанное злодейство; оба обещают и лгут; оба соблазняют и обманывают; оба грозят и приводят свои угрозы в исполнение.

В результате миром завладевает эпидемия продажности. На наших глазах люди, которых мы считали идейными и стойкими, начинают политически двурушничать, приспособляться из-за денег и фигурирования, придумывать двусмысленные лозунги и всячески затушевывать черту, отделяющую добро от зла и верность от предательства.

А между тем национальной России необходимо совсем, совсем иное! И правы, тысячу раз правы те, которые предпочитают скудную жизнь и молчаливое одиночество – криводушью и продажности, ибо в них, именно в их предметном, неподкупном стоянии, живет и готовится грядущая Россия...

О русском правописании

Дивное орудие создал себе русский народ, – орудие мысли, орудие душевного и духовного выражения, орудие устного и письменного общения, орудие литературы, поэзии и театра, орудие права и государственности, – наш чудесный, могучий и глубокомысленный русский язык. Всякий иноземный язык будет им уловлен и на нем выражен, а его условить –

и выразить не сможет ни один. Он выразит точно – и легчайшее и глубочайшее, и обыденную вещь и религиозное парение, и – безысходное уныние и беззаветное веселье, и лаконический чекан и зримую деталь, и неизреченную музыку, и едкий юмор, и нежную лирическую мечту. Вот что о нем писал Гоголь: «Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и право, иное название еще драгоценнее самой вещи»... И еще: «Сам необыкновенный язык наш есть еще тайна... Язык, который сам по себе уже поэт»... О нем воскликнул однажды Тургенев: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

А новое поколение его не уберегло... Не только тем, что наполнило его неслышанно-уродливыми, «глухонемыми» (как выразился Шмелев), бессмысленными словами, слепленными из обломков и обмылков революционной пошлости, но еще особенно тем, что растерзало; изуродовало и снизило его письменное обличие. И эту искажающую, смысл убивающую, разрушительную для языка манеру писать объявило «новым» «правописанием». Тогда как на самом деле эта безграмотная манера нарушает самые основные законы всякого языка. И это не пустые жалобы «реакционера», как утверждают иные эмигрантские неучи, а сущая правда, подлежащая строгому показателю.

Всякий язык есть явление не простое, а сложное; но в этой сложности все в языке взаимно связано и обусловлено, все слито воедино, все органически сращено. Так и вынашивает его каждый народ, следуя одной инстинктивной цели – верно выразить и верно понять выражение. И вот именно эту цель революционное кривописание не только не соблюдает, но грубо и всемерно, вызываясь попирает.

Язык есть прежде всего живой исток звуков, издаваемых гортанью, ртом и носом и слышимых ухом. Обозначим этот звуковой – слуховой состав языка словом «фонема».

Эти звуки в отличие от звуков, издаваемых животными, членораздельны: иногда, как в русском, итальянском и французском языках, отчетливы и чеканны, иногда, как в английском языке, неотчетливы, но слитны и расплывчаты. Членораздельность эта подчинена особым законам, которыми ведает грамматика; она различает звуки (гласные и согласные), слоги и слова, а в словах корни и их приращений (префиксы – впереди корня, аффиксы и суффиксы – позади корня); она различает еще роды и числа, склонения (падежи) и спряжения (у глаголов: времена, числа, наклонения и виды); она различает далее части речи (имя существительное, прилагательное, местоимение, глагол и т.д.), а по смысловой связи слов – части предложения (подлежащее, сказуемое, определение, дополнение, обстоятельственные слова и т.д.). Все это вместе образует учение о формах языка и потому может быть обозначено словом «морфема».

Само собой разумеется, что и фонема и морфема служат смыслу, который они стараются верно и точно выразить и которым они внутренне насыщены. Бессмысленные звуки – не образуют языка. Бессмысленные суффиксы, падежи, спряжения, местоимения, глаголы и предлоги, дополнения – не слагают ни речи, ни литературы. Здесь все живет для смысла, т.е. ради того, чтобы верно обозначить разумеемое, точно его выразить и верно понять. Человек даже стонет и вздыхает не зря и не бессмысленно. Но если и стон его, и вздох его полны выражения, если они суть знаки его внутренней жизни, то тем более его членораздельная речь, – именуемая, разумеющая, указующая, мыслящая, обобщающая, доказывающая, рассказывающая, восклицающая, чувствующая и воображающая, – полна живого смысла, жизненно драгоценного и ответственного. Весь язык служит этому смыслу, т.е. тому, что он хочет сказать и сообщить и что мы назовем «семемою». Она есть самое важное в языке. Ею все определяется. Возьмем хотя бы падежи: каждый из них имеет иной смысл и передает о предмете что-то свое особое. Именительный: предмет берется сам по себе, вне отношений к другим предметам; родительный: выражает принадлежность одного предмета – другому; дательный: указывает на приближающее действие; в винительном падеже ставится имя того объекта, на который направлено действие; в творительном падеже

ставится имя орудия; местный или предложный падеж указывает на обстоятельства и на направление действий. И так, дело идет через всю грамматику...

К фонеме, морфеме семеме присоединяется, наконец запись: слова могут быть не только фонетически произнесены, но еще и начертаны буквами, тогда произносящий человек может отсутствовать, а речь его, если только она верно записана, может быть прочтена, фонетически воспроизведена и верно понята целым множеством людей, владеющих этим языком. Именно так возникает вопрос правописания. Какое же «писание» есть верное или правое?

Отвечаем: то, которое точно передает не только фонему, насыщенную смыслом, и не только морфему, насыщенную смыслом, но прежде всего и больше всего самую семему. И скверное или кривое «писание» будет то, которое не соблюдает ни фонему, ни морфему, ни семему. А вот именно в этом и повинно революционное кривописание: оно устраняет целые буквы, искажает этим смысл и запутывает читателя, оно устраняет в местоимениях и прилагательных (множественного числа) различия между мужским и женским родом и затрудняет этим верное понимание текста, оно обесмысливает сравнительную степень у прилагательных и тем вызывает сущие недоумения при чтении и т. д., и т. п.

Удостоверимся во всем этом на живых примерах. Вообще говоря, одна-единственная буква может совсем изменить смысл слова. Например: «не всякий совершенный (т.е. сделанный) поступок есть совершенный (т.е. безупречный) поступок». Погасите это буквенное различие, поставьте в обоих случаях «е» или «о» – и вы утратите глубокий нравственный смысл этого изречения. «Он сказал, что будет (т.е. придет), да вот что-то не будит (т.е. не прерывает мой сон)». Такое же значение имеет и ударение: его перемещение радикально меняет смысл слова: «ты дорога мне, большая дорога». И так вся ткань языка чрезвычайно впечатлительна и имеет огромное смысловое значение.

Это особенно выясняется на омонимах, т.е. на словах с одинаковой фонемой, но с различным смыслом. Здесь спасение только одно: необходимо различное (дифференцированное) начертание. Это закон для всех языков. И чем больше в языке омонимов, тем важнее соблюдать верное писание. Так, французское слово «вэр» обозначает: «червяка» (ver), «стих» (vers), «стекло-стакан» (verre), «зеленый» (vert) и предлог «на, при, к, около» (vers). Попробуйте «упростить» это разнописание и вы внесете в язык идиотскую путаницу. Словом «мэр» француз обозначает «море» (mer), «мать» (mere) и «городского голову» (maire). Словом «фэр» – «делать» (faire) «отделку, мастерство» (faire), «железо» (fer) и «щипчики для стекла» (ferre). Словом «вуа» – «голос» (voix), «дорогу» (voie), «воз» (voie), «я вижу» (vois), «смотри» (vois). Словом «кор» – «тело» (corps), «мозоль» (cor) и «волторну или рог» (cor). Отсюда уже видно, что различное начертание слова спасает язык от бессмыслицы, а при недостатке его бессмыслица оказывается у порога. Подобное мы находим и в немецком языке. Словом «мален» немец обозначает «писать криками, воображать» (malen) и «молоть» (mahlen). Но там, где начертание не меняется, грозит недоразумение: «sein» означает «быть» и (чье?) «его»; «sie» означает «вы» и «она» – и недоразумения, могущие возникнуть из этого одного смешения, бесчисленны. Немецкое слово «schauer» имеет пять различных значений при совершенно одинаковом начертании, оно обозначает – «портовый рабочий», «созерцатель», «страх», «внезапный ливень» и «навес». Это есть настоящий образец того, как начертание и фонема могут отставать от смысла, а это означает, что язык не справляется со своей задачей.

И вот, русский язык при старой орфографии победоносно справлялся со своими «омонимами», вырабатывая для них различные начертания. Но революционное кривописание погубило эту драгоценную языковую работу целых поколений: оно сделало все возможное, чтобы напустить в русский язык как можно больше бессмыслицы и недоразумений. И русский народ не может и не должен мириться со вторжением этого варварского упрощения.

Новая «орфография» отменила буку «і». И вот различие между «миром» (вселенной) и «миром» (покоем, тишиной, не войной) исчезло; заодно погибла и ижица, и православные

люди стали принимать «миро- помазание» (что совершенно неосуществимо, ибо их не помазуют ни вселенной, ни покоем).

Затем новая орфография отменила букву «Ъ», и бессмыслица пронеслась по русскому языку и по русской литературе опустошающим смерчем. Неисчислимы омонимы стали в начертании неразличимы; и тот, кто раз это увидит и поймет, тот придет в ужас при виде этого потока безграмотности, вливающегося в русскую литературу и в русскую культуру, и никогда не примирится с революционным кривописанием.

Мы различаем «сам» (собственнолично) и «самый» (точно указанный, тождественный). Родительный падеж от «сам» – «самого», винительный падеж – «самого». А от «самый» – «самого». «Я видел его самого, но показалось мне, что я вижу не того же самого»... (письмо из современной Югославии). В кривописании это драгоценное различие гибнет: оно знает только одну форму склонения: «самого»... Мы склоняем: «она», «ея», «ей», «ее», «ею», «о ней». Кривописание не желает различать всех падежей: родит, пад. и винит, пад. пишутся одинаково «ее». «Кто же растоптал нам в саду наши чудесные клумбы? Это сделала ее коза» (вместо «ея» соседкина коза); бессмыслица. «Я любил ее собаку!» Не означает ли это, что женщина была нравом своим вроде собаки, но я ее все-таки не мог разлюбить. Какой трагический роман!... Или это, может быть, означает, что я охотно играл с ее собачонкой? Но тогда надо писать ея, а не ее! «Кто ввел у нас это бессмысленное правописание? Это сделала ее партия» (вместе «ея», партия революции). Что значит фраза: «это ее вещи»? Ничего. Бессмыслица. «Надо видеть разумность мира и предстоять ее Творцу»... Что это означает? Ничего, весь смысл тезиса искажен и воцарилась бессмыслица. Разумность мира! Ея Творцу!

Новое кривописание не различает мужской род и женский род в окончании прилагательных (множеств, числа) и местоимений. Вот два образца создаваемой бессмыслицы. Из ученого трактата: «В истории существовали разные математики, физики и механики» (теории? люди?!); некоторые из них пользовались большою известностью, но породили много заблуждений»... Читатель так до конца и не знает, что же, собственно, имеется в виду – разные науки или разные ученые... Из Дневника А.Ф. Тютчевой: «Я всегда находила мужчин гораздо менее внушительными и странными, чем женщин: они (кто? мужчины или женщины?) более доброжелательны»... Минуты три ломает читатель себе голову – кто же менее доброжелателен и кто более? И недопоняв, пытается читать дальше. «Мужчины, просящие на улицах милостыню, суть «нищие», а женщины? Они не нищие; они тоже нищие».

Это означает: грамматическое и смысловое различие падежей и родов остается: а орфографическое выражение этих различий угашается. Это равносильно смешению падежей, субъектов и объектов, мужчин и женщин... Так сеются недоразумения, недоумения, бессмыслицы; умножается и сгущается смута в умах. Зачем? Кому это нужно? России? Нет, конечно, но для мировой революции это полезно, нужно и важно.

Однако обратимся к обстоятельному и наглядному исчислению тех смысловых ран, которые нанесены русской литературе «новой орфографией». Исчерпать всего здесь нельзя, но кое-что существенное необходимо привести.

О наших орфографических ранах

Если мы оставим в стороне множество других бессмыслиц, внесенных так называемой «новой орфографией», а сосредоточимся только на тех, которые вдвинуты в русскую культуру произвольной отменой буквы «Ъ», то мы увидим следующее. Вот типические примеры этого безобразия.

В связи с отсутствием в Интернете возможности отображения славянской буквы «ять» – она обозначена здесь большим твердым знаком «Ъ».

1. Смысл: общее воздержание в пище истощило наши запасы.

- Правописание: «всЪ Ъли да Ъли, вот все и вышло».
Кривописание: «все ели да ели, вот все и вышло».
Бесмыслица: преобладание хвойных деревьев привело к всеобщему уходу.
2. Смысл: меловая пыль осталась в комнате сором; пришлось долго подметать.
Правописание: «осЪл мЪл пылью на полу; я долго мел просыпанный мЪл».
Кривописание: «осел мел пылью на полу; я долго мел просыпанный мел».
Бесмыслица: мы мели вдвоем, сначала осел, потом я, а чего ради мы так старались – неизвестно, источник сора не указан.
3. Смысл: лето было теплое, и полеты были приятные.
Правописание: «теплым лЪтом я наслаждался приятным полетом».
Кривописание: «теплым летом я наслаждался приятным летом».
Бесмыслица: когда происходили полеты неизвестно, но тепло было приятно.
4. Смысл телеграммы: я ранен, рану залечиваю, прибуду на аэроплане.
Текст в правописании: «лЪчу рану лечу».
В кривописании: «лечу рану лечу».
Бесмыслица: адресат не знал, что подумать.
5. Смысл телеграммы: продовольствие найдено, везу его с собою.
Правописание: «Ъду везу Ъду».
Кривописание: «еду везу еду».
Бесмыслица: адресат долго размышлял, потом бросил телеграмму в корзину.
6. Смысл: надо уметь не только изучать архивы, но и правильно вести их.
Правописание: «Курсы по архивовЪдЪнию и архивоведению».
Кривописание: «Курсы по архивоведению и архивоведению».
Бесмыслица: куда же это они хотят уводить все архивы?
7. Смысл: до звезды не полагается есть, а один грешный человек съел гречневый хлебец.
Правописание: «Один грЪшник не ударжался и отвЪдал грешничка».
Кривописание: «один грешник не удержался и отведал грешничка».
Бесмыслица: хлебец хлеба отведал? или грешник предался людоедству?
8. Смысл: есть иррациональные пути, ведущие к восприятию Бога.
Правописание: «Бог познается в вЪдЪнии и в невЪдЪнии».
Кривописание: «бог познается в ведении и в неведении».
Бесмыслица: языческий бог (с малой буквы) то ведет, то не ведет и через это познается.
9. Смысл: я не могу указать точно время этого события, это было когда-то давно.
Правописание: «Скажи, когда же это было?» «Отстань, некогда»...
Кривописание: «Отстань, некогда».
Бесмыслица: у меня нет досуга, чтобы ответить на твой вопрос.
10. Смысл: выплакавшись наверху на лестнице, он уже не плакал, когда спустился вниз.
Правописание: «он слЪз ко мнЪ уже без слез».
Кривописание: «он слез сюда уже без слез».
Бесмыслица: слез сюда – ничего не значит; слез без слез непредставимо!
11. Смысл: у нас имеется еще продовольствие...
Правописание: «пока у нас еще есть, что Ъсть»...
Кривописание: «пока еще у нас есть, что есть»...
Бесмыслица: мы имеем то, что имеется в наличности.
12. Смысл: человек с горя напился, явно предпочитая шампанское.
Правописание: «и утешение нашел я в этой пЪнЪ упоительной».
Кривописание: «и утешение нашел я в этой пене упоительной».
Бесмыслица: слово «пеня» означает укор, штраф; как утешиться упоительным штрафом?

13. Смысл: в революции хуже всего эта всеобщая ненависть и ограбление.

Правописание: «если бы не всѢ ненавидели, если бы не все отняли, а то всѢ и все».

Кривописание: «если бы не все ненавидели, если бы не все отняли, а то все и все».

Бессмыслица: состав ненавидящих субъектов подменен составом ненавидимых объектов, последние слова «все и все» – просто бессмысленны.

Однако всего не исчислишь. Пусть читатель сам доберется до смысла в следующих речениях: «чем больше тем, тем лучше»; «мне не всякий ведомый ведом»; «те ему и говорят: вот те на!»; «рыбка уже в уже»; «религиозное ведение не чуждо символам»; «лесник левша лесу взял, лесной волос привязал, да в лесу лису за лесного дядю принял и лесу в лесу потерял»; «я налево, а слева лев»; «я смело взялся за дело, но ветром все уже смело»... Врач говорит: «лечу да поздно», а летчик: «лечу да поздно»... «На горе других цветов не было», «собака на сене лежит, сама не ест и другим не дает» (тут, по-видимому, опечатка, надо писать Сена или Сеня с большой буквы, в первом случае надо пожалеть мокрую собаку, во втором бедного Семена). «Стенание за стеной вызвало у меня стеснение в сердце»... Но не довольно ли?

Есть и общие правила. Например: слова, начинающиеся с «не» – ничего не отрицают, а устанавливают только неопределенность: «некий, некоторый, несколько, некогда», а слова, начинающиеся с «не», – отрицают: «нелепый, неграмотный, нечестный, некогда». Еще: вопросы «куда?» и «где?» требуют различных падежей, отмена буквы «Ѣ» убивает это правило. Куда? «На ложе», «на поле», «в поле», «в море» (винит, падеж). Где? «На ложе», «на поле битвы», «в море» (предложный падеж). Пуля попала ему в сердце (вин. пад.), в его сердце печаль (предл. пад.). Еще: «чем» есть творительный падеж от «что», о «чем» есть предлож. падеж от «что», смешение падежей есть занятие грамматически разрушительное. Еще: «синей» есть сравнительная степень от «синий» (волны синей стали); «синей» есть родительный падеж от прилагательного «синий» (волны синей стали, но разве сталь есть образец синевы?)

Борьба за букву «Ѣ» ведется в России уже более 300 лет. Мы будем продолжать эту борьбу. В 1648 году, в Москве, с благословения церковной власти была издана грамматика, где в предисловии доказывалось, что «необходимо наперед самим учителям различать «ять» с «естем» и не писать одного вместо другого», что «грамматическое любомудрие смыслу сердец наших просветительно» и без него «кто и мняся ведети, ничтоже весть», что грамматика есть «руководитель неблажен во всякое благочестие, вождь ко благовидному смотрению и предивному и неприступному богословию, блаженные и всечестнейшие философии открытие и всенародное проразумение» (см.: Ключевский «Очерки и речи», с. 412).

Этот мудрый подход к грамматике объясняется тем, что в то время формально-отвлеченная филология, пренебрегающая главным, живым смыслом языка, – еще не выработалась и не успела разложить и умертвить культуру слова. С тех же пор это извращение и несчастье захватило науку языка (как и другие науки) и в результате интерес к предметному смыслу уступил свое место соображениям чисто историческим (как, например, у Я. Грота) и демагогическим, как у сочинителей нового кривописания.

От этого пострадала и страдает вся русская культура. Вот доказательства.

Молитва: «Горе имеем сердца» (вместо горѢ, ввысь, кверху, к Богу). «Мир мирови твоему даруй». «О мире всего мира». «Да празднует же мир, видимый же весь и невидимый».

Богословие. «Я пришел не судить мир, но спасти мир» (Иоан. 12.47). Исаак Сириянин: «миром называю страсти, которые порождаются от парения ума». «Мысль о смерти родит пренебрежение к миру» (там же). «Всеведение Божие». Василий Великий: «Мир есть художественное произведение».

Философия. Все проблемы мира, мироздания, мировоззрения; микрокосма, макрокосма; знания и ведения и многие другие, с ними связанные, обесмысленны и погибли. Ни одного философа отныне нельзя грамотно перевести на русский язык. Этика,

онтология, космология, антропология – лишены крыльев слова!

Наука. «Они все плодятся» (вместо всЪ). «В России много рек» (вместо рЪк). «От сырости возникает прение» (вместо «прЪние», кто же с кем спорит от сырости?). «Он не мог собрать вена» (вместо вЪна), «лечу вены по венскому способу» (вм. лЪчу, вм. вЪнскому). «У вас опухла железа, в организме железа не хватает».

Стратегия. «Сведение о сведении дивизий еще не поступило». «Однородные вести редко приходят». «Все на палубу!» (вм. всЪ). «Откуда вести? Откуда вести?» (в первом случае – вЪсти, во втором – вести). «Это не подлежит вашему ведению».

Политика. Из коммунистических стенограмм. Троцкий на XI съезде: «В Западной Европе если победит ее пролетариат» (вм. ея).

Зиновьев там же: «международный рабочий класс осел» (вместо осЪл). На XI съезде: «не все еще понимают и не все еще верят» (вм. всЪ). Там же, речь Гусева: «будем ставить точки над и» (вм. і). Речь Курского на XV съезде: «работа по статистике, должна быть поставлена у нас на «Ъ». Голоса с мест: «читали все» (вм. всЪ). «Наша цель – завоевать мир» (вм. міръ). Конституция РСФСР статья 3: «к ведению органов» (вм. вЪдЪнию). Из газеты «Новое Русское слово» от 12.1.1942: «Мы – все. Наш верховный главнокомандующий, президент Рузвельт, может быть уверен, что за ним идем мы все!»

Погибшие русские пословицы. «У богатого мужика – все в долгу (вм. всЪ), у богатого барина – все в долгу». «Лес лесом, а бес бесом». «Сперва дележ, а после телеш». «Какая же честь, если нечего есть». «На мир беда, а воеводе нажиток». «И глух и нем, греха не вем». «Перед судом все равны, все без откуда виноваты». «Мир на дело сошелся – виноватого опить». «Вор попал, а мир пропал». «Дошел тать в цель, ведут его на рель». «Ищи на казне, что на орле, на первом крыле». «Очи ушей вернее». «Кто в море не тонул да детей не рожал, тот от сердца богу не маливался».

Искаженные русские классики. Бессмысленны все стихотворения, поющие о мире и мироздании, исчислить их невозможно. Вот образцы. Пушкин: «И мощная рука к нему с дарами мира. / Не простирается из-за пределов мира». Лермонтов: «Но я без страха жду довременный конец. / Давно пора мне мир увидеть новый». Тютчев: «Есть некий час всемирного молчанья». «На мир таинственный духов». «С миром дремлющим смешай». «Счастлив, кто посетил сей мир» и др. Баратынский: «Твой мир, увы, могилы мир печальный»... «На что вы, дни! Юдольный мир явленья / Свои не изменит! / Все ведомы, и только повторенья / Грядущее сулит».

А вот и иные искажения. Говоря о «младых девах», Пушкин рифмует «стране» и «оне», по кривописанию эта рифма гибнет («они» вм. оне). «Ее ланиты оживлялись» (вм. ея). «Ее ничтожность разумею» (вм. ея). Тютчев рифмует «ея» и «я» («Исторглось из груди ее – И новый мир увидел я»). О мечтах: «Пускай в душевной глубине – И всходят и зайдут они». У Мейнунда гибнет целое стихотворение, вдохновленное Виктором Гюго и вдохновившее Рахманинова на прелестный романс: «Спросили они (мужчины) «...оне отвечали» (женская мудрость, утоляющая мужское недоумение). По кривописанию – «они» спрашивают и «они» же отвечают.

У Пушкина: «Все говорят нет правды на земле»... «Делибаш уже на пике» (пике – есть особая хлопчатобумажная ткань, вм. пикЪ). Из письма Гоголя к И.И. Дмитриеву: «в дороге занимало меня только небо, которое, по мере приближения к югу, становилось синее и синее» (вм. синЪе). Гоголь пишет Языкову: «отныне взор твой должен быть светло и бодро вознеси горе» (вм. горЪ); «немки... все, сколько ни есть, вяжут чулок», «в пище есть побольше мясного» (вм. Ъсть), «благословенный воздух ее ужедохнул» (вм. ея); «причина... вне... нашего ведения»... Достоевский: «думал... вернуться, но удержался от неведения» (вм. невЪдЪния). Мусоргский: «горе вознестися» (вм. горЪ). Лесков: «а козочку я подоил и ее молочком начал дитя питать». Бальмонт: «ты легкая волна, играющая в море» (вм. «в чем?» – «во что» – так играют в теннис, в шахматы, в море). Айвазовский назвал свою картину «На морЪ» (где?), из этого сделано «На море» (куда?).

Ко всему этому надо добавить, что новое кривописание искажает и подрывает ту

драгоценную внутреннюю работу, которую каждый из нас проделывает над осмысливанием словесных корней. Прочтя слово «вЪщй», мы ассоциируем по смыслу к «вЪщунья», «вЪдЪти», «вЪдЪние», но прочтя слово «вещй» мы будем ассоциировать в бессмыслицу к «вещь», «вещественный». Что значит «вещй Олег»? Ничего не значит? Прочтя слово «пение», мы будем ассоциировать к «пень», «пеня», «пенька», «пентюх»... Ближайшая ассоциация к «намерение» будет «мерин», к «присмирив» – «рев», к «бессовестный» – «бес» и «вести», к «беда» – «бедуину», «бидон», «бедлам», к «тело» – «телок», «телиться», к «поместье» – «мести», «месть», но отнюдь не к место, к «левша» – «лев» и «вошь»... И так через всю смысловую работу ассоциаций, которою живет и творится всякий язык.

Зачем все эти искажения? Для чего это умопомрачающее снижение? Кому нужна эта смута в мысли и в языковом творчестве?

Ответ может быть только один: все это нужно врагам национальной России. Им, именно им, и только им.

Борьба за колонии

Начинают прозревать... Но как медленно, как неохотно!.. Недавно исполнилось 35 лет с тех пор, как коммунисты завладели российским плацдармом и приступили к организации мировой революции. Первый съезд III Интернационала состоялся в марте 1919 года. Тезисы Ленина «о национальном и колониальном вопросе» были опубликованы летом 1920 года на втором Съезде III Интернационала. И затем, из года в год на дальнейших съездах и на «планарных» заседаниях Исполнительного Комитета III Интернационала (1923-1924-1928, 1929-1934) разрабатывался во всех деталях план революции в полуколониальных и колониальных странах, план расширения и универсализации мировой революции. И весь этот план, изложенный в виде тезисов и директив, печатался, переводился на всевозможные языки и распространялся по всему свету. Не заметить эту работу было невозможно, не принимать ее всерьез было величайшей политической глупостью, не делать соответствующих выводов можно было только от близорукости и легкомыслия. Добыть эту «литературу» ничего не стоило. А осведомленные и дальнорукые антикоммунисты делали все возможное, чтобы поставить эту работу в фокус международного внимания.

Но политические руководители западных демократий не хотели ни видеть, ни разуметь. Народы, не учатся на чужом опыте, им нужен свой собственный. Но и тогда, когда начинает развертываться свой опыт, они воспринимают его медленно, близоруко, беспомощно, бестолково; остаются при старых предрассудках; верят своим болтунам и не верят чужим свидетелям, даже правдивейшим, представляющим неопровержимые доказательства. Что видел, о чем думал, чего хотел Рузвельт, сдавая коммунистам во время войны всю так называемую «междуевропейскую» систему малых государств, начиная от Эстонии и кончая Болгарией и Югославией? Как мог Черчилль верить успокоительным сообщениям своего неосведомленного и неопытного сына о Тито и о Моше Пиаде? Как мог Трумэн делать все возможное, чтобы очернить Чан Кайши и сдать Китай коммунистам? Что это было за странное «миролюбие», за которое ныне предполагается дать ему Нобелевскую премию мира? Как могли европейские и американские политики не заметить того, что готовилось в Китае, Индии, Индокитае, Австралии, Персии и Африке? Еще в 1928 году на xv съезде советской компартии Бухарин ликовал по поводу того, что китайские крестьяне, подстрекаемые коммунистами, начали растерзывать сотнями китайских землевладельцев, а из залы ему кричали «мало, надо больше» (см. стенограмму!). Еще в 1934 году в № 17 от 10 июня журнал iii Интернационала сообщал о коммунистической платформе, выработанной для Кореи. Восстание в Корее готовилось открыто 16 лет, а когда оно разразилось, то западные политики не хотели верить глазам своим и донныне не придумали, как быть и что делать... Но зато они, кажется, начинают теперь догадываться, что готовится еще и многое иное.

Итак, план лишить западные государства их колониальных владений и

полуколониальных рынков был формулирован Лениным 32 года тому назад.

Этот план, как и весь замысел мировой революции, состоит из двух частей, из большевистского разложения и коммунистического порабощения. Большевизм манит «свободой», «освобождением», политической и национальной самостоятельностью. Он впивается в слабые места человеческой души, в чувства обиженности, лишенности, зависимости, голода и холода, национального порабощения – и сулит все обратное, в то же время он расшатывает все удержки, колеблет все верования, издевается над моралью, религией и правосознанием. Он будит разнузданную слепую страсть, зависть, ненависть, жажду мщения, он указывает «виновников», требует их ликвидации, добивается анархии и кровопролития. Поддающийся ему разнуздывается, разнузданный глупеет, он живет страстью, а не волею и не умом, безвольный и безумный, он готов к порабощению и действительно коммунистически порабощается. Ибо коммунизм быстро подавляет слепую массу, ее безвольную и безумную «свободу», и водворяет на ее место тоталитарный строй. Большевизм есть брожение, коммунизм есть консолидация. Большевизм есть «школа», подготавливающая к обезличению и рабству: тот, кто себе все позволяет, теряет свой хребет, человек без хребта есть обреченное существо, он обречен на тоталитарное повиновение, на рабство. Китай есть показательная лаборатория.

На чем именно удастся коммунисту разнуздать человека, или класс, или целый народ, – это ему безразлично. Он будет проповедывать национальную независимость, чтобы затем задавить и погасить ее; он будет призывать к экспроприации земель, с тем чтобы в дальнейшем экспроприировать земли у наивных захватчиков-крестьян; он будет проповедывать «миролюбие» для того, чтобы обезоружить народ, до глупости возлюбивший мир; он будет требовать высшей денежной платы для рабочих, с тем чтобы потом понизить их реальную заработную плату до катастрофического уровня.

Итак, коммунистам нужны массовое недовольство и массовая наивность. Такую наивность они надеялись найти в Европе и просчитались. Тогда они перебрались в Азию, где запас недовольства гораздо больше и уровень наивности совершенно первобытен. И не взяв политическим штурмом Европу, они повели национальный штурм на ее азиатские и африканские колонии и полуколонии (см. «Н.З.», Т. 1, С. 68).

Кто раскроет мировую карту, на которой обозначены колонии и «сферы влияния» европейских держав, тот сразу поймет замысел коммунистов. Европа была в XIX в. промышленным центром. Этот центр нуждался сразу в сырье и в рынках для сбыта. И то и другое надо было обеспечивать себе; это обеспечение достигалось большей или меньшей «оккупацией», – то военной, то концессионной, то культурно-политической. Крупная промышленность пролетаризировала ведущую страну (метрополию), и подчиненные страны становились ей необходимы. Колонии и полуколонии были нарасхват. Они стали источником европейского богатства, как бы хозяйственным фундаментом европейского процветания. Взорвать этот фундамент значило бы ввергнуть Европу в тягчайший и длительный экономический кризис, с производственным застоєм, безработицей и революционным брожением. И вот, колониальная политика большевиков работает именно над этим с 1920 года. Европа не готова для коммунизма, утрата колоний должна подготовить ее к коммунизму и к идущему за ним порабощению.

Надо признать при этом, что колониальная пропаганда большевиков встречается со все растущим стремлением колониальных народов к политической самостоятельности. Начиная от большого Китая и кончая небольшими арабскими и негритянскими племенами – народы начинают мечтать о национальной самостоятельности и политической независимости. И трагикомедия наших дней состоит в том, что именно интернационалисты выступают в качестве национальных демагогов, агитаторов и руководителей. Подготавливая повсюду коммунистическую денационализацию, большевики всплывают везде, – от Кореи и Сиам до Марокко и до Кении, – в качестве организаторов «национально-освободительной» борьбы, а слепые народы и народцы внемлют им, как носителям «нового слова» и проповедникам национального возрождения. И почти ни один из этих «освобождающихся» народов и

народцев не понимает той опасности, которая ему грозит. Ибо каждому из этих народов предстоит финансовая беспомощность, промышленная немощь и военная беззащитность перед лицом организованных и вооруженных коммунистических сил. С ними происходит приблизительно то самое, что Версальский мир 1918-1919 года водворил в Европе, превратив ее в ворох беззащитных государственных клочков, ожидающих своего завоевателя... Что будут делать все эти Сиамы, Пакистаны, Ираны, Ираки, Сирии, Египты, Тунисы, Абиссинии, Нигерии и Камеруны, если Европа и Соединенные Штаты предоставят их на волю судьбы и случая? Что будет с их «национальным подъемом», с их «политической независимостью», с их «демократизацией»? Как будут обороняться их маленькие и неопытные армии, лишенные военной промышленности и финансовой мощи? Или они думают, подобно «февральским» головоотяпам, что государства вообще создаются «провозглашениями», обороняются «декларациями» и процветают от «резолуций»?!

Народы не учатся на чужом опыте. Не учатся и культурные народы, еще менее того умнеют от чужого опыта примитивные народы. Колонии хотят стать сами себе метрополиями и не понимают, что им грозит одна-единая коммунистически-тоталитарная метрополия, готовящаяся поглотить их. Колониальные народы все подсчитывают свои «убытки», – что они теряли, что выносили, чего не имели. Но они забывают, что они получали и что они потеряют, оторвавшись от своих метрополий. А получали они от метрополий не только готовые продукты и не только опиум и алкоголь, но еще все те неосознанные, но жизненно бесценные блага, которые отличают свободную государственность от тоталитарного режима. Достаточно вспомнить, что представляла из себя изолировавшаяся Япония в 1854 году, когда Гончаров писал свои поучительные мемуары из Нагасаки (см. «Фрегат Паллада», т. ii), и чем она явилась через 50 лет европейского обучения, в 1904 году на полях Маньчжурии. И кто сравнит эти две Японии, тот сразу и навсегда поймет, сколь драгоценны были дары европейской цивилизации, изливавшейся в колонии и полуколонии.

Примитивные народы Азии и Африки считали себя «порабощенными», но в действительности они не были рабами, и что такое рабство, им может и хочет показать впервые коммунистический мировой центр. Стоит им только соблазниться преждевременной, неподготовленной и незащищенной свободой, стоит им только оторваться от своих метрополий, выросших на основе права частной собственности и свободной гражданственности, стоит им только рассыпаться наподобие «версальской Европы» в порох мелких и импотентных государств, – участь их будет решена. Мы не идеализируем ни политики англичан в Индии, ни «капитуляций» в Китае и Египте, создававших для иностранцев особую подсудность в полуколониальном государстве, ни «парфорсных охот», ни манеры захватывать себе «опорные пункты» без согласия или с вынужденным согласием туземцев. Мы утверждаем только, что всякая колония или полуколония, «освободившись» от «европейского гнета» и изведав «коммунистическую свободу» с горечью будет вспоминать о своем наивном доверии к сынам погибели.

А между тем работа международного коммунистического центра, доселе именуемого у не проснувшихся европейцев «Россией», неутомимо продолжается. Готовится революционирование Индии, Персии, арабского мира и, в заключение, негритянского населения на всех континентах. Пора бы, кажется, проснуться и понять. Или, может быть, западные демократии втайне сочувствуют «освобождению малых народов» и покорно идут за мировыми разлагателями в пропасть большевизма?

Борьба между Советией и Израилем

За последние месяцы газеты всех стран полны известий о вызывающем обхождении советско-коммунистической власти с евреями. Тот, кто внимательно следил и следит: за этими известиями, действительно выносит впечатление о состоявшемся разрыве и начавшейся вражде. Нередко приходится читать негодующие статьи о возродившейся

традиции нацизма и о новоявленном «антисемитизме». Об этом пишет вся иностранная «демократическая» пресса, на этом настаивает и последний выпуск «Социалистического Вестника» (январь, 1953).

Невольно вспоминается то время, когда советская власть сочла возможным и желательным выделить евреям отдельное национальное полугосударство на Дальнем Востоке под названием Биробиджан, причем знатоки вопроса тогда же еще утверждали, что выбор местности и климата превращает весь этот выдел в пустой и бесплодный жест, из которого ничего не выйдет. И еще вспоминаются те два десятилетия, в течение которых в «Советии» всякое открытое осуждение евреев заносилось в рубрику наказуемого антисемитизма, т.е. недостатка настоящего и последовательного «интернационализма», – и сурово каралось. А теперь?

Теперь еврей, как таковой, взят в «Советии» под сомнение и подозрение, всякий еврей, жительствующий на русской территории или в оккупированных малых государствах, должен быть готов к тому, что от него с часа на час потребуют каких-то сверхсметных и сверхсильных доказательств его коммунистической приверженности или же что его подвергнут сразу аресту с пытками и с вынуждением самых неправдоподобных «чистосердечных признаний» в не совершенных им «злодеяниях». Пражский процесс, в котором из 13 обвиняемых было 11 евреев, – нельзя, впрочем, считать поворотом в этом деле, ибо эта атмосфера накапливалась давно и в Праге она только разразилась «показательным процессом». С тех пор последовал удар по «лейб-врачам» коммунистической головки в Москве и удар по институту судебной медицины в Петербурге, причем всюду демонстративно назывались еврейские фамилии и провозглашалось якобы состоявшееся раскрытие связи этих, доселе доверенных лиц с международными и, в частности, американскими еврейскими организациями («Джойнт»). Началось бегство евреев на запад, о чем подробно сообщали из Берлина. Над советским евреем повис настоящий террор в тех самых формах, которые были доселе выработаны применительно к другим, не еврейским народам. На этот террор еврейские конспиративные организации ответили 9 февраля с. г. – взрывом бомбы в советском посольстве Тель-Авива, бомбы, повредившей здание посольства и ранившей одного совчиновника и двух совдам. Через три дня после этого Советия порвала дипломатические сношения с Израилем, отправила из Москвы израильское посольство и отозвала свое. Израильская же радикальная молодежь открыто заявила, что намерена продолжать свои террористические отмищения...

Надо предвидеть, что вражда на этом не кончится, но будет развиваться и далее. В Советии имеется невступно два миллиона евреев, которым бежать некуда и которых коммунистическая власть может превратить в «заложников». Многие из них могут оказаться в тягостном положении: от коммунистически «лояльных» евреев могут потребовать доносов на «нелояльных», их могут принудительно включить в систему преследований, пыток и казней их соплеменников. Разрыв может постепенно превратиться в пропасть, и последствия этого террористического ожесточения сейчас просто не предусматриваемы.

Тем важнее для нас верно понять те основы, из которых вырос этот конфликт, и дать себе отчет в сущности этого разногласия и этой борьбы.

Прежде всего было бы совсем неверно и несоответственно толковать это нападение коммунистов на евреев, как возрождение «гитлеровского антисемитизма». Некоторые газеты доходят до того, что пишут об «арийском параграфе в России», затемняя этим самую сущность явления: ибо Советия – не Россия и никакого «арийского параграфа» там нет, такие демагогические выдумки только уведут от истины. Писать и говорить так могут только люди, не осведомленные о нацизме и его «проповеди». Антисемитизм гитлеровцев знает высшую расу (арийцы или германцы!), более или менее низшие расы (все прочие народы!) и погибельную расу (евреи!): высшая раса призвана подмять под себя все низшие расы и истребить с лица земли погибельную. Эта программа излагалась в книгах и журналах и выражалась «популярно» в целом ряде циничных лозунгов и поговорок: «еврейство погибни!» (по-немецки гораздо грубее), «во что верует еврей – безразлично, самая раса его

неприлична» (перевод смягчает ругательную грубость немецкого оригинала). Эту расовую ненависть свою гитлеровские вожди развивали с такой фантазирующей свирепой последовательностью, что чтение их статей и просмотр их книг производит нередко впечатление невменяемости или прямого сумасшествия (Розенберг, Штрейжер). Здесь не было ни совести, ни разума, ни исторических знаний, ни справедливости, садизм Аушвица явился последовательным проявлением этого аффектированного безумия.

Никакой такой расовой ненависти и доктрины у советских коммунистов нет и не было. Для них приемлем человек любой расы, если он только усердно участвует в их коммунистических «предприятиях» или тоталитарно раболепствует. Но если нет – тогда они объявляют его «врагом народа» или «предателем социалистической родины». Для коммунистов люди делятся не на расы, а на «классы»; но и это не совсем точно. Они знают в мире одно главное деление: за них, за их мировое господство, за тоталитарно-коммунистическое порабощение, и против них, и кто не за них, тот им враг. И враги их подлежат изоляции, или принудительно-каторжному труду, или истреблению. Может быть так, что они будут истреблять целые нации (так называемый «геноцид», племенное искоренение), но не за расовые свойства их, а за их коммунистическую нелояльность. Вот на этом и произошел их разрыв с евреями.

Они истребили цвет польского офицерства в Катыни: было ли это проявлением «антиполонизма»? Нет, ибо не казненная польская масса была порабощена и использована. Они расправляются с эстонцами, латышами и литовцами: увозят, доканывают, истребляют – антикоммунистов и сепаратистов этих наций, но «антиэстонизма», «антилатвизма», «антилитовизма» никто в этом не усматривает. Они попытались искоренить в порядке «геноцида» – приволжских немцев, крымских татар, ингушей, чеченцев, карачаев; однако не по расовым соображениям, а за упорный антикоммунизм, за героическую нелояльность, проявленную этими племенами. Так погибли до этих племен десятки миллионов непокорных русских, и русские патриоты недаром считают коммунистов своими врагами; но расового «антирусизма» мы им не приписываем, ибо это было бы искажением исторической действительности, политической выдумкой. Только покоришься им – и ты приемлем; только предайся им до унижения, до подлости – и ты хорош. А «раса» им безразлична, румын и китаец, англичанин и малаец, монгол и негр, семит и угроалтаец, индус и кавказец – все хороши, как коммунисты, и все истребляются, как антикоммунисты.

Тот, кто хочет верно понять разрыв между коммунистами и евреями, должен оставить разговоры о «гитлеровском антисемитизме», совсем не всякое насилие есть «расовое» насилие; вражда знает и другие источники, ненависть рождается и из других побуждений. Врач, который сводит все болезни к одной-единственной причине, ставит неверные диагнозы. Если холера и воспаление мозга одинаково могут погубить человека, то это не означает, что они составляют одну и ту же болезнь. Люди могут не любить меня и вредить мне по самым различным основаниям, и мне в голову не придет мысль о том, что они все питают отвращение к моей русскости.

На самом же деле происходит следующее. Коммунисты поставили дилемму: «с нами – или против нас». С нами – значит за тоталитарный строй, за верховную власть коммунистов в мире, за отказ от национального чувства, от государственной самостоятельности, от частной собственности, от демократического строя, от семьи и от свободы. И вот они много лет считали, что евреи по всем этим пунктам за них, ныне же они убедились в том, что огромное большинство евреев не с ними и не за них, и началось сведение счетов. Это была длительная иллюзия. Для объяснения этой иллюзии достаточно указать на интервью с одним видным и, влиятельным сионистом, год тому назад приведенное во всех газетах. В этом интервале было прямо сказано, что евреев напрасно считают социалистами и коммунистами, правда, они выступали и будут впредь выступать в качестве революционеров всюду, где их будут лишать равноправия, так было и в России, но, добившись равноправия, они будут отстаивать свободу и демократию. Однако тоталитаристам мало «революционности», им нужна коммунистическая революционность, им нужны не «попутчики», а покорные рабы,

они хотят не национализма, а международного всесмешения, они стремятся к мировому всевластию, и поэтому Израиль, как независимое, демократическое государство, есть в их глазах «бунтовщик». Против этого бунтовщика «хороши» все и всякие меры, особенно же агитация среди арабов, включая и организационную, и денежную, и аммуниционную помощь им, но прежде всего – необходимы клевета и террор...

Здесь евреями был допущен ряд неосторожностей. Слишком страстно и многолюдно приветствовали московские евреи первое посольство Израиля, прибывшее в Москву: впечатление было такое, что «свои» радуются «своим», а для тоталитарной полиции это было даже не «подозрительно», а показательно. Явно независимо и самостоятельно поставило себя Израильское государство, отнюдь не приравнивая себя к прочим сателлитам. Всюду обнаружилась массовая тяга евреев из Советии, Чехии, Польши, Венгрии и Румынии в Палестину, и коммунисты увидели в этом недвусмысленное предпочтение, что и соответствовало действительности. Компартия Израиля оказалась в жалком меньшинстве. Американские еврей-миллионеры заняли лояльную позицию – за Америку и против коммунизма. Вспомним еще, что в 1948 году раввин Бенджамин Шульц создал в Соединенных Штатах еврейскую антикоммунистическую лигу, основной тезис которой гласит, что сионизм и коммунизм несовместимы: по словам Шульца, этот тезис соответствует воззрениям подавляющего большинства американских евреев... Лига эта растет численно и имеет успех. И в довершение всего мировой съезд сионистов, руководимый израильским президентом Вейцманом, принял весьма определенное постановление. Этот съезд, собравшийся в Швейцарии по окончании войны, вынес резолюцию, согласно которой всякий еврей, где бы он ни находился, есть прежде всего гражданин израильского государства, обязанный ему повиновением и услугами. В свое время эта резолюция вызвала острую реакцию даже в самых либерально-демократических газетах Швейцарии, реакцию, которая, впрочем, была скоро заглушена и приведена к молчанию.

Вот настоящий корень и источник новой, небывалой вражды: дилемма «или – или» поставлена ныне и перед евреями; и они имели независимость и мужество, – после погубления Гитлером 5600000 евреев, – избрать путь национальной и демократической самостоятельности. Коммунисты враждуют и губят их именно за это, а не в силу «антисемитизма». Именно поэтому еврей-ренегаты, предпочитающие коммунистическую Советию своему национальному государству, продолжают занимать у коммунистов высокие посты: не говоря о Советии, где процветает, например, семья Кагановичей, укажем на то, что в Венгрии министром обороны, министром просвещения, начальником тайной полиции состоят венгерские евреи. Подобное этому мы видим и в Польше, и в Чехии, и в других государствах-сателлитах. Дело не в «расе», а в политической, социальной и культурной независимости Израиля и всех евреев, которых он причислил к себе на последнем мировом съезде сионистов. Разговор же об антисемитизме, сколь он ни удобен для компрометирующей пропаганды, только упрощает и затемняет дело...

Надо надеяться, что предстоящий в марте сего 1953 года новый всемирный съезд сионистов, рассмотрев вопрос об «антисемитизме» советских коммунистов, найдет в себе мужество высказать историческую правду.

Кризис современного социализма

Жизнь есть опыт, и учит она нас прежде всего трезвому опыту. Она учит нас, что все отвлеченные доктрины, не выросшие из такого опыта, суть праздные выдумки, ведущие к неудачам и крушению. Здесь непозволительно ссылаться на «благие намерения» или на «идеализм»... На самом деле есть два вида идеализма: один глубокий, почвенный, здоровый и творческий, вырастающий из духовного, религиозного и жизненного опыта, а другой – мелкий, беспочвенный, химерический и доктринальный, который не созерцает, а фантазирует, который «знает» такое, что он решительно не знает, и заменяет опытную уверенность –

нетерпимой самоуверенностью. Русской интеллигенции в XIX и в XX веке не хватало истинного идеализма; она жила химерическими доктринами и именно вследствие этого пришла к революции и социализму.

В дореволюционное время среди русского студенчества считалось, что тот, кто все время отдает науке или искусству и в сущности говоря накапливает и бережет духовный и жизненно-реальный опыт, а от «общественности» и «политики» сторонится, тот «академист», «карьерист», «шкурник» и «реакционер». Он, по словам поэта Некрасова, принадлежит к «ликующим, праздно болтающим, обагряющим руки в крови». «Настоящий» студент призван прежде всего желать и требовать политического и социального обновления. Он должен иметь «идеал» и содействовать какой-нибудь определенной партии. Но идеал – «один», другого нет. Это «социализм». Что такое «социализм», из чего он исходит, к чему ведет, как осуществляется, – этого не знал никто. Да и что тут надо знать? Социализм – это, по выражению одного пустомели, выведенного Островским, – «все высокое и прекрасное», мало того – это осуществление справедливости, а справедливость, всеконечно, требует равенства; а если осуществить «справедливое равенство», то начнется братство, свобода и всякое благорастворение воздухов... В это надо верить, за это надо бороться, и «честный» человек непременно стремится «в стан погибающих за великое дело любви»...

В действительности первый признак ответственного и вдумчивого человека состоит в том, что он умеет различать, во что надо веровать и чего нельзя принимать на веру. Именно этого русская радикальная интеллигенция никогда не умела. Ей, с самого Вольтера, все казалось, что в религии вера неуместна, а верить надо в радикальные политические лозунги. «Просвещенный» человек не может принимать всерьез Евангелие, учение Христа и традицию Церкви, если он это делает, то он или «чудак», которому можно дать снисхождение, или «корыстный лицемер», которого надо осмеять и разоблачить. «Просвещенный» человек должен прилепиться сердцем, воображением, мыслью и волею – к тезисам западного демократизма, республиканства и, конечно, социализма. Он должен благоговейно читать пошлости Писарева, наивности Чернышевского, сентиментальные вирши Некрасова, сумбуры Михайловского и Лаврова, невежественные глупости народофильских брошюр и мертвую, абстрактную трескотню марксистской литературы. В это надо верить; и по вере – делать; а для дела – жертвовать.

Кто имел хоть какое-нибудь представление о социализме до 1917?! Никто. Как представляли себе социальную революцию ее вожди? Вот, например, князь П.А. Кропоткин, вождь анархического коммунизма, всеевропейски известный своею проповедью индивидуального террора против буржуазии... Сколько убийств было совершено с его одобрения! Вспомним хотя бы свирепое и бессмысленное убийство Императрицы Елизаветы Австрийской в Женеве (1898), итальянского короля Гумберта (1900), португальского короля Дон Карлоса и его наследника Луи Филиппа (1907)... Вспомним убийство целого ряда президентов республик: французского, Сади Карно (1894), уругвайского, Борда (1897), гватемальского, Барриса (1898), доминиканского, Эро (1899), североамериканского, Маккинли (1901)... Это все дела рук анархистов-коммунистов, объяснявших свои злодеяния, как «пропаганду фактом»... А эти бомбы, бросавшиеся ими же в кафе и театры, полные народа! «Если ты сидишь с сытой буржуазией, то и погибни вместе с нею» (Ревашоль, Вальян и другие провозвестники противоестественной химеры...).

И во имя чего все это делалось? Что предносилось Кропоткину, когда он призывал к коммунизму? Он представлял себе дело так: собираются граждане, отменяют всякую власть, отменяют частную собственность и затем вытаскивают из квартир все свое и чужое имущество и складывают его на площади; образуется огромный ворох (*le tas*), гряда всякого добра, из каковой гряды каждый имеет право взять в свое личное пользование то, что ему нужно (*pris au tas*). Каждому по потребностям, а в смысле труда – с каждого по способностям. Источник зла (власть!) устранен. Немедленно расцветает повальное братство и начинается эпоха свободной «взаимопомощи среди людей и животных» (заглавие одной из его книг). Можно представить себе, как «прозревал» этот престарелый «пророк»

анархо-коммунизма, когда он при большевиках вернулся в Россию и поселился в Москве на Новинском бульваре!... Благодушный старичок со светскими манерами приходил в сущее отчаяние от всего, что делалось в России, он пытался даже уговаривать Ленина и, не преуспев в этом деле, поспешил скорее скончаться... Похоронили его с почетом, как «героя революции»...

А разве далек был от этого Керенский, выпустивший из тюрем в марте 1917 года всю уголовную шпану и пытавшийся вести мировую войну на уговорах и при солдатском митинговании? А прочие эсеры, сумевшие захватить большинство в Учредительном собрании при помощи самой беззастенчивой всероссийской демагогии, но не умевшие создать никакого отряда для защиты от щелкающей затворами ружей матросни...

Но если так думала и поступала «элита» русской революции, то чего же было ждать от волнующегося студенчества? А это значит, что русская радикальная интеллигенция, мечтавшая и вопившая о «социализме», не имела о нем ни малейшего представления. А тут еще эта не то наивно-глупая, не то демагогически-лживая фраза Карла Маркса, обещавшего, что с водворением социализма сама собою отпадет государственная организация... Он-то о чем думал? Он-то что себе представлял? Или он умалчивал о том, что думал, и вслух произносил другое? И не за ним ли вслед смертельно больной Ленин, создавший в 1917 году Чеку и требовавший крови, пробормотал, что социализм – это «кооперация плюс электрификация»?.. Пробормотал и впал в полную невменяемость от прогрессивного паралича...

Вот этот исход мы и предсказываем для социализма: он рожден «прогрессивным параличом», поразившим дух, разум и инстинкт радикальной интеллигенции, и приведет он к «прогрессивному параличу» хозяйственного инстинкта и духовной культуры. Человечеству нужно социальное устройство, а не социалистическое: ибо последнее по самому существу своему антисоциально.

Жизнь есть опыт, и учит она нас прежде всего ответственному опыту. И когда человечество вынашивает – мыслью, воображением, волею и верою – какую-нибудь социальную химеру, то разоблачить и преодолеть ее может только опыт. Ныне это и происходит во всех странах, захваченных социализмом или коммунизмом. Трудно массе отказаться от вековой мечты, трудно дать воле, окостеневшей в вековых резолюциях и организациях, новое направление, трудно, уверовав, разувериться. И людям социалистической химеры – и вождям, и массам – все еще кажется, что произошло какое-то «недоразумение», что где-то что-то неверно истолковали, исказили и ошибаются: ведь «идеал» гласил – свобода, демократия, равенство, общность (социализм); какой же это социализм, если нет ни свободы, ни демократии, ни равенства? Нет, надо по-прежнему верить, что социализм это «все высокое и прекрасное»: обилие, всеобщие сытость и комфорт, равенство, братство, гуманность... Вот как в Англии «лэбэристы» так хорошо (было) завели: всем бесплатные очки, парики, челюсти, корсеты, резиновые удобства. Вот это был социализм: при свободном всеобщем голосовании – исключение частной инициативы, водворение повсюду нового социалистического чиновничества, захват больших предприятий, миллион контролеров и обер-контролеров и всюду – очки и парики, парики и корсеты – бесплатно.

Но именно опыт ведет к пересмотру. И пересмотр этот ныне начался повсеместно... конечно, за исключением таких деятелей, как Бивэн в Англии, Шумахер в Германии, Ненни в Италии, Абрамович со Шварцем в «Социалистическом Вестнике», по мнению которых, все сделанное – «удалось» и надо только продолжать «полным ходом». Эти так до самой смерти не поймут, что социализм уже разоблачен и провалился и что «полный ход» неизбежно приведет или к крайнему левому или к крайнему правому деспотизму.

* * *

Более вдумчивые и осторожные давно уже (еще в 1947 году) начали сомневаться и

делать оговорки. Такова, напр., была достопримечательная статья «эсера» Григория Аронсона в XVII книге налевомыслящего «Нового Журнала»: «Путь к социализму оказался мучительным». Есть реальная опасность, что «демократический социализм» внезапно обнаружит «свое внутреннее бессилие»... «Нельзя забывать, как демократия слаба и как легко она может пасть жертвой узурпации»... «В целом ряде стран наблюдается весьма слабый уровень демократического сознания народных масс, в среде которых весьма распространены тяготение к диктатуре, эсхатологические верования, переоценка роли насилия, нигилизм по отношению к праву и презрение к свободе»... «Почти повсюду демократия слаба и неустойчива»... «И вот возникает вопрос: «не взорвет ли социализация – демократию?» Ибо «благодаря проведению национализации – неимоверно возрастает мощь государства. Прерогативы власти получают чрезвычайное усиление благодаря тому, что в ее руках сосредоточиваются огромные национально-экономические ресурсы». И таким образом, «страшный призрак тоталитарного государства, этого... опасного врага свободы и социализма... подкарауливает современных социализаторов»...

А между тем, по Карлу Марксу, «обобществление средств и орудий производства, социализация – является альфой и омегой социализма»...

Не значит ли это, что марксизм погубит свободу и демократию? Мы полагаем, что это неизбежно, ибо самое естество социализма требует тоталитарного строя. Парики-то, очки и корсеты на первых порах дадут, но потом – потом снимут кожу. Аронсон вспоминает очень уместно любопытную предсмертную оговорку Каутского; «Если бы нам доказали, что освобождение пролетариата и человечества целесообразнее всего может быть достигнуто на основе частной собственности на средства производства, как это допускал Прудон, то мы должны были бы выбросить социализм за борт»... И вот, смысл нашей эпохи в том, что исторический опыт приступил к такому доказательству, вернее сказать, дал его. Как интересно читать у Аронсона такое признание: «обобществление средств и орудий производства отнюдь не является неперенным и главным признаком социализма в реальности» и «слишком решительный загиб в этом направлении может жестоко отомстить за себя»...

Это означает, что умнейшие из социалистов начинают понимать опасность социализма, а может быть, и его несостоятельность и подготавливать отбой... Давно пора! Но надо помнить, что эта больная «идея» снится фантазерам не первое тысячелетие... Что она никем из наших современников не создана творчески, а воспринята из чужих рук, что она стала чем-то вроде религиозного догмата, проповедуемого и с крыш, и в подвалах, и успела создать в массах, неспособных к самостоятельному суждению, сущий психоз... За все это мы и расплачиваемся. И как будто начинаем умнеть. Напрасно говорит поговорка, что «крепкость задним умом» будто бы присуща именно русскому человеку. Несправедливо это! Западный европеец тоже «задним умом крепок». Вот доказательства.

Рабочие союзы в Англии издавна были драгоценным оплотом «лэбэристов» (социалистической партии); рабочий, голосующий за либералов или за консерваторов, был в Англии самобытным исключением. Но вот недавно (в начале января 1953 г.) рабочие союзы отказались от совместной с социалистами выработки единой избирательной программы для следующих выборов, и некоторые представители тредюнионов прямо высказались в том смысле, то они не ждут от социализации предприятий блага для рабочих и что огосударствление угольных копей не дало рабочим того, чего они ожидали. Они прямо указали на то, что государство не справляется с социализацией, что частные предприниматели работают лучше огосударствленных и что обещание дальнейшей социализации не прибавит левым на выборах ни одного голоса. Третий квартал 1952 года дал в угольных копиях дефицит в 5 миллионов фунтов стерлингов, т.е. дефицит в 2 шиллинга на каждую тонну, а транспортная комиссия грозит дефицитом в 21 миллион фунтов. Англия «объелась» социализмом, и Бивзну остается только бушевать и возмущаться. Но он оказался задвинутым и в пределах своей социалистической партии, а Эттли, бывший премьер, открыто признал, что в будущем всякая новая «социализация» должна быть осторожно

рассмотрена и взвешена с точки зрения общегосударственного интереса и возможного времени. Тем временем стальная промышленность в Англии и транспорт возвращены в частные; руки, и можно с уверенностью сказать, что социализм в Англии нанес сам себе такие тяжелые удары, каких не могла нанести ему никакая отвлеченная полемика консерваторов. Осуществление дало опыт, опыт оказался отрезвляющим...

К этому надо присоединить социалистический опыт в захваченной коммунистами Восточной Европе. Продовольственное оскудение идет здесь рука об руку с невыполнением промышленных заданий и с антисоциальным режимом, подавляющим рабочих и крестьян. Коммунисты ищут «виноватых» и... находят их: 1) саботаж кулаков и интеллигенции; 2) сбрасываемые американцами с воздуха картофельные жуки; 3) интриги «израильтян»; 4) недостаток террористического радикализма в министерских мероприятиях. Но поляки, чехи, венгры, румыны и болгары думают иначе: они на опыте постигают, что есть социализм, и делают выводы на будущее время.

Не поучительны ли данные сельского хозяйства в Восточной Германии? Уже осенью 1952 года здесь было насчитано свыше 200000 гектаров бесхозной, т.е. заброшенной земли. Крестьяне, трудолюбивые собственники и искусные хозяева, бегут от коллективизации. С 1 января до 15 февраля 1953 года на запад бежало 2507 хозяйственных крестьян. А коммунисты открыто говорят о необходимости «уничтожить крестьянское сословие», как таковое. Школа социализма оказалась суровой и беспощадной, но в то же время – отрезвляющей и оздоравливающей. Свободный Берлин должен ежедневно принимать от 2000 до 3000 беглецов из порабощенной Германии, в том числе рабочих, крестьян, немецких совчиновников, совполицейских, соввоенных, сов-социалистов и евреев. Социализм в его настоящем, тоталитарном осуществлении оказался чем-то вроде чумы или урагана, и выводы навязываются людям сами собой.

Эти выводы начинает делать уже и Иосиф Броз, носящий кличку «Тито» (по-сербски: «Тайна Интернационала Террористична Организация»). Чтобы оценить эту «титоброзную» эволюцию надо знать подвиги его прошлого. Так, уже во время немецкой оккупации он работал над экспроприацией югославских «селяков»: его агенты совершали в пределах богатого крестьянского села провокационные нападения на немецкие части, в ответ на это немецкие войска зажгли село с четырех концов по образцу селения Орадур во Франции, а разоренным и пролетаризированным крестьянам не оставалось ничего иного, как уходить в леса и горы и примыкать к «титоброзной» партизанщине, которая всячески уклонялась от открытой борьбы с немецкими оккупационными войсками. Читая подробные описания этого времени, не знаешь, чему больше удивляться – дальновидности предводителя, свирепости его или дьявольскому замыслу.

Долгие годы длилась в дальнейшем борьба Тито Броза с не поддающимся коллективизации крестьянством Югославии. Ныне этот диктатор понял, что оборонять страну, враждуя с крестьянством, невозможно и что коллективизация хороша лишь за столом в беседах с марксистским идеологом Моше Пияде. Конец февраля принес известие, что впредь социализм решено вводить только «добровольно», медленно и поощрительно. «Искусственные? Образования» дают только отрицательные результаты. Все принудительные колхозы должны быть распущены, останутся только свободные общины и кооперативы. Этому соответствует план ликвидации «бюрократической опеки» в промышленности и торговле. Один из самых свирепых коммунистов нашего времени, Тито Броз, вводит в Югославии что-то вроде нэпа. Наивно было бы здесь «верить» и «надеяться», но о кризисе социализма этот поворот говорит совершенно явственно.

Итак, Европа переживает кризис социализма. Мучительный, унижительный и ломающий по форме. Но, будем надеяться, что серьезный и глубокий по своим последствиям...

Как же это случилось

Если мы попытаемся подвести итоги всему тому, что необходимо сказать против «новой орфографии», то мы произнесем ей окончательный приговор: она должна быть просто отменена в будущем и заменена тем правописанием, которое вынашивалось русским народом с эпохи Кирилла и Мефодия. И это будет не «реакцией», а восстановлением здоровья, смысла и художественности языка.

Напрасно нам стали бы указывать на то, будто бы мы защищаем прежнее правописание их политической вражды к большевизму. Эту инсинуацию произнес когда-то г. Айхенвальд в берлинской газете «Руль». Верно как раз обратное. Если бы новую орфографию ввела русская национальная монархическая власть (чего она, конечно, никогда бы не сделала!), то мы стали бы защищать прежнее правописание с той же энергией; а вот защитники новой орфографии действительно политиканствуют с нею, придавая ей значение «приятя революции», «закапывания рва» или «спуска на полозьях». С другой стороны, если бы коммунисты вернули прежнее правописание (чего они, конечно, никогда не сделают!), то мы отнюдь не стали бы врагами спасенного правописания, ни сторонниками коммунизма. Приписывать нам политизацию всех критериев духовной культуры – есть сразу инсинуация и пошлость. Вопрос же правописания решается не пристрастием и не гневом, а художественным чувством родного языка и ответственной аналитической мыслью.

Мы отлично знаем, что революционное кривописание было введено не большевиками, а Временным правительством. Большевики сами привыкли к прежнему правописанию: все эти Курские, Чубари, Осинские, Бухарины продолжали в своих речах «ставить точки» на отмененное «і» и требовать, чтобы коммунисты все знали на отмененное «Ъ». Даже Ленин писал и говорил в том смысле, что старое правописание имело основание различать «мір» и «миръ» (изд. 1923 г. т. XVIII, ч. 1, с. 367). Нет, это дело рук проф. А.А. Мануйлова («министра просвещения») и О.П. Герасимова («товарищ министра просвещения»). Помню, как я в 1921 году в упор поставил Мануйлову вопрос, зачем он ввел это уродство, помню, как он, не думая защищать содеянное, беспомощно сослался на настойчивое требование Герасимова. Помню, как я в 1919 году поставил тот же вопрос Герасимову и как он, сославшись на Академию Наук, разразился такою грубою вспышкой гнева, что я повернулся и ушел из комнаты, не желая спускать моему гостю такие выходки. Лишь позднее узнал я, членом какой международной организации был Герасимов.

Что же касается Академии Наук, то новая орфография была выдумана теми ее членами, которые, не чувствуя художественности и смысловой органичности языка, предавались формальной филологии. Эта формализация есть язва всей современной культуры: утратив веру, а с нею и духовную почву, оторвавшись от содержательных корней бытия, современные «деятели» выдвинули формальную живопись, формальную музыку, формальный театр (Мейерхольд), формальную юриспруденцию, формальную демократию, формальную филологию. И вот, новая орфография есть продукт формальной филологии и формальной демократии, т. е. демагогия. В Академии Наук совсем не было общего согласия по вопросу о новой орфографии, а была энергичная группа формалистов, толковавших правописание, как нечто условное, относительное, беспочвенное, механическое, почти произвольное, не связанное ни со смыслом, ни с художественностью, ни даже с историей языка и народа. Знаю случайно, как они собирали подписи под своей выдумкой, нажимали на академика А.А. Шахматова, который, чтобы отвязаться, дал им свою подпись, а потом, при большевиках, продолжал печатать свое сочинение по старому правописанию. Свидетельствую о том негодовании, с которым относились к этому кривописанию такие ученые знатоки русского языка, как академик Алексей Иванович Соболевский, лекции которого по «Истории русского языка», по словам того же Шахматова, «получили значение последнего слова исторической науки о русском языке у нас и за границей». Свидетельствуют о таком же негодовании всех других московских филологов, из коих знаменитый академик Ф.Е. Корш разразился эпиграммой: «Старине я буду верен, С детства чтить ее привык: Обезичен, обезьерен. – Обезьятен наш язык». Такие ученые, как академик

П.Б. Струве, не называли «новую» орфографию иначе как «гносною»...

Для чего же это кривописание выдумывалось, ради чего вводилось? Публично выдвигали два соображения: «новая орфография» проще и для народа легче... Эти аргументы воспроизводились в эмиграции и такими дилетантами-публицистами, как г. Ю. Айхенвальд. На самом же деле эти аргументы совершенно неосновательны.

Вот данные опыта. Один русский ученый славист, член-корреспондент Российской Академии Наук, рассказывал мне в 1922 году о результатах своего пятилетнего преподавания в гимназии. Он предлагал ученикам: кто хочет, учись по старой орфографии, кто хочет – по новой, требовать буду с одинаковой строгостью! И что же? Процент слабых в среднем счете оказался одинаковым. Оказалось, что трудно вообще правило и его применение, независимо от того, что именно предписывает правило. Напрасно стали бы ссылаться на особые затруднения, вызываемые буквою «Ъ». Эти затруднения были уже преодолены на чисто мнемоническом пути. Уже по всей России циркулировала дешевенькая книжка в стихах и с картинками, где все слова, требующие букву «Ъ», были включены в текст: «Раз белка беса победила (И с тем из плена отпустила) Чтоб он ей отыскал орех. (Но дело было то в апреле) В лесу орехи не созрели» и т. д. Или еще: «С Днепра, с Днепра ли некто Глеб, – Жил в богадельне дед-калека. – Не человек, полчеловека... – Он был и глух, и нем, и слеп – Ел только репу, хрен и редьку»... и т. д. Запомнить эти стишки ничего не стоило; и учителю оставалось только пояснять корнесловие и смысловое...

Один русский ученый говорил мне: «Что они все твердят об облегчении? Пишем мы, образованные, и нам прежнее правописание совсем не трудно, а необразованной массе важно читать и понимать написанное; и тут старое правописание, верно различающее смысл, для чтения и понимания гораздо легче! А новое кривописание сеет только бессмыслицу»...

Что же касается «упрощения», то идея эта сразу противонациональная и противокультурная. Упрощение есть угашение сложности, многообразия, дифференцированности. Почему же это есть благо? Правда, угашение искусственной, бессмысленной, беспредметной сложности дает экономию сил, а растрачивать душевно-духовные силы на мертвые ненужности нелепо. Но «сложность» прежнего правописания глубоко обоснована, она выросла естественно, она полна предметного смысла. Упрощать ее можно только от духовной слепоты; это значит демагогически попирать и разрушать русский язык, это вековое культурное достояние России. Это наглядный пример того, когда «проще» и «легче» означает хуже, грубее, примитивнее, неразвитее, бессмысленнее, или, попросту, – слепое варварство. Пустыня проще леса и города; не опустошит ли нам нашу страну? Мычать коровой гораздо легче, чем писать стихи Пушкина или произносить речи Цицерона; не огласить ли нам российские стогна коровьим мычанием? Для многих порок легче добродетели и сквернословие легче красноречия. Бездельнику беспринципная уступчивость легче идейной выдержки. Вообще проще не быть, чем быть; не заняться ли нам, русским, повальным самоубийством?

Итак, кривописание не легче и не проще, а бессмысленнее. Оно отменяет правила осмысленной записи и вводит другие правила – бессмысленной записи. Оно начало собою революционную анархию. Во всяком культурном делании дорога идея правила, ибо воспитание есть отучение от произвола и приучение к предметности, к смыслу, к совести, к дисциплине, к закону. Правило не есть нечто неизменное, но изменимо оно только при достаточном основании. Произвольное же ломание правила – вредно и противоречит всякому воспитанию, оно сеет анархию и развращает, оно подрывает самый процесс регулирования, совершенствования, самую волю к строю, порядку и смыслу. Здесь произвол ломает самое чувство правила, уважение к нему, доверие к нему и желание следовать ему. Введение же бессмысленных правил есть прямой призыв к произволу и анархии.

Вот именно это и учинило новое кривописание. Здоровая часть русской интеллигенции не приняла его и отвергла. Сделалось два «правописания». Старое стали забывать, новому не научились. Возникло третье правописание – отбросившее твердый знак, но сохранившее ять. Надо ждать четвертого, которое отбросит ять и сохранит твердый знак. Скажем же открыто и

точно: никогда еще русские люди не писали так безграмотно, как теперь; ибо в xvii и в xviii веке – искали верного начертания, но еще не нашли его, а теперь отвергли найденное и разнудали себя орфографически. Тогда еще учились различать «ять» с «естем» и не были уверены, а теперь, ссылаясь на свою малую образованность и на лень, узаконили смысловое всесмещение. «Нам», видите ли, «некогда и трудно» изучать свою русскую, «слишком сложную» орфографию!.. Хорошо, господа легкомысленные лентяи! За это вы будете надрываться над изучением и усвоением гораздо более сложных иностранных орфографий, – французской, английской и немецкой, – чужие языки возьмут у вас все то время, которого у вас «не хватало» на изучение своего, русско-национального, осмысленного правописания, ибо тут иностранные народы не будут принимать во внимание вашу лень, – ваше «некогда» и «трудно». И напрасно кое-кто в эмиграции выдвигает то обстоятельство, что при господстве прежней орфографии были слова со спорным «е» и с неуверенным «Ъ», не проще ли ввиду этого поставить всюду бесспорное «е»? Но ведь есть немало людей с неуверенною мыслью, честностью и нравственностью... Так не проще ли искать ни смысла, ни верности, ни честности, а водворять прямо бессмыслицу, бесчестие и разврат, по крайней мере, все будет определено, ясно, просто и легко... Да, исторически была шаткость, но ее успешно и осмысленно преодолевали, до тех пор пока не решили покончить с культурой языка и провалиться в варварство.

Прав был князь С.Н. Трубецкой, когда писал («Учение о Логосе», с. 5): «слово есть не только способ выражения мысли, но и способ мышления, самообъективирование мысли». Прав был и князь С.М. Волконский, когда настаивал на том, что смешение родов, падежей, степеней сравнения и т. д. вызывает к жизни «возвратное зло»: дурное правописание родит дурное мышление. Замечательнейший знаток русского языка В.И. Даль писал в своем «Толковом Словаре»: «Надо... сохранять такое правописание, которое бы всегда напоминало о роде и племени слова, иначе это будет звук без смысла» (том I, с. 9). И именно в этом единственно верном языковом русле движется новейший исследователь русского правописания И.И. Костючик в своем сочинении «Нашествие варваров на русский язык». «Не реформа была проведена, а искажение, коверкание русского языка, и при этом – умышленное», отрыв русского языка от его церковно-славянских корней, денационализация русского письма, русской этимологии, фонетики, русского мышления...

Шмелев И.С. передает, что один из членов российской орфографической комиссии сказал: «старо это новое правописание, оно искони гнездилося на задних партах, у лентяев и неспособных»... И именно ученые академики поспешили этим безграмотным лентяям на помощь: прервали всенародную творческую борьбу за русский язык, отреклись от ее вековых успехов и завоеваний и революционно снизили уровень русской литературы. Этим они попрали и смысловую, и художественную, и органическую природу языка. Ибо строгое соответствие звука и записи выговариваемому смыслу есть дело художественного всенародного искания иррационального (как всякое искусство!) и органического (как сама народная жизнь!).

И вот в ответ этим рассудочным формалистам и беспочвенникам мы должны сказать: писанный текст не есть дело произвола, он есть живая риза смысла, точный знак разумеемого, художественное выражение духа. Правописание есть продукт многолетней борьбы народа за свой язык, оно есть сосредоточенный итог его семиотики, фонетики, грамматики, символики и аллегоричности – в отношении к предметам и в духовном общении людей. мудро сказал Апостол Павел, что люди, общающиеся друг с другом вне взаимного разумения, суть друг другу варвары (1 кор. 14.11). Не для того русский народ бился над своим языком, чтобы горсточка революционных «академиков» сорвала всю эту работу взаимного духовного разумения.

Правописание имеет свои исторические, конкретные и в то же время философические и национальные основы. Поэтому оно не подлежит произвольному слову, но лишь осторожному, обоснованному преобразованию; совершенствованию, а не разрушению. Пусть же нарушители русской национальной орфографии получат навеки прозвище «друзей

безграмотности» или «сподвижников хаоса»; и пусть первым актом русского национального Министра Просвещения будет восстановление русского национального правописания.

О политическом успехе

(забытые аксиомы)

Изволением Божиим в России умер жестокий тиран, один из самых свирепых деспотов истории, истинный «сын погибели». Окруженный при жизни обязательной для всех и притом до смешного безмерной лестью, он и в болезни и по смерти был предметом невиданных политических и военных почестей и советское «духовенство» чуть ли не всех исповеданий возносило фальшивые и кощунственные молитвы о его «здравии» и «упокоении». Нам, хранящим в себе верные сердца, патриотические помыслы и трезвую память о страданиях русского народа, было духовно неестественно и бесчестно видеть все это извращение политических оценок и суждений. И ныне, когда вся эта соблазнительная «помпа» отшумела и стихла, нам необходимо высказаться по существу обо всей этой смуте и связанных с нею соблазнах.

Спросим же себя: что есть истинный политический успех и какими аксиоматическими основами определяется сущность политики?

Самые опасные предрассудки это те, которые замалчиваются и не выговариваются. Так обстоит особенно в политике, где предрассудки цветут буйно и неискоренимо. И вот первый политический предрассудок должен быть сформулирован так:

«Что такое политики – известно каждому, тут не о чем разговаривать»...

«Известно каждому»... Но откуда же это ему известно? Откуда приходит к людям верное понимание всего того тонкого, сложного и судьбоносного, что таит в себе политика? Что же, это правильное постижение присуще людям «от природы»? Или, может быть, оно дается им во сне? Откуда этот предрассудок, будто каждому человеку «само собой понятно» все то, что открывается только глубокому, дальнозоркому и благородному духу? Не из этого ли предрассудка вырос современный политический кризис? Недаром человечество постепенно приходит к тому убеждению, что наш век есть эпоха величайших политических неудач, известных в мировой истории. И, может быть, уже пора извлечь уроки из этих неудач и подумать о новых путях, ведущих к спасению...

Было бы необычайно интересно и поучительно проследить через всю историю человечества и установить, какие данные, какие предпосылки ведут к настоящему политическому успеху и что надо делать, чтобы добиться в жизни такого подлинного политического успеха? В этой области человеческий опыт чрезвычайно богат и поучителен – от древности и до наших дней... Кто, собственно говоря, имел политический успех? Какими путями он шел к нему? Кто, наоборот, терпел крушение и почему? И, в конце концов, что же такое есть «политический успех» и в чем он состоит?

Установим прежде всего, что в неопределенной и легко вырождающейся сфере «политики» – отдельные люди и целые партии могут иметь кажущийся успех, который в действительности будет фатальным политическим провалом. Люди слишком часто, говоря о политике, разумеют всякие дела, хлопоты и интриги, которые помогают им захватить государственную власть, не останавливаясь ни перед какими подходящими средствами, фокусами, подлостями и преступлениями. Люди думают, что все, что делается ради государственной власти, из-за нее, вокруг нее и от ее лица, – что все это «политика», совершенно независимо от того, каково содержание, какова цель и какова ценность этих деяний. Самая коварная интрига, самое отвратительное преступление, самое гнусное правление – является с этой точки зрения «политикой», если только тут замешана

государственная власть.

Так, история знает людей и партии, которые делали свою скверную и преступную политику, нисколько не заботясь и даже не помышляя об истинных целях и задачах государства, о политическом общении, о благе народа в целом, о судьбах нации, о родине и о ее духовной культуре. Они искали власти, они желали править и повелевать. Иногда они совсем даже не знали, что они будут делать после захвата власти. Иногда они открыто выговаривали, что они преследуют интересы одного-единственного класса и ничего не желают знать о народе в целом или об отечестве. Они бывали готовы жертвовать народом, родиной, ее свободой и культурой – во имя захвата власти и во имя классового злоупотребления ею. Иногда же они обманно прикрывались «социальной программой», с тем чтобы после захвата власти творить свои собственные желания, вождения и интересы... История знает множество авантюристов, честолюбцев, хищников и преступников, овладевающих государственную власть и злоупотребляющих ею. Нужно быть совсем слепым и наивным, чтобы сопричислять эти разбойничьи дела к тому, что мы называем Политикой.

Когда мы видим в Древней Греции в эпоху Пелопонесской войны, как люди высшего класса связываются такими обязательствами: «Клянусь, что я буду вечным врагом народа и что сделаю ему столько зла, сколько смогу» (см. у Аристотеля и Плутарха), то мы отказываемся признать это «политической деятельностью»... Когда в той же Греции властью овладевают повсюду честолюбивые, жадные и легкомысленные тираны, то это не Политика, а гибель политики. Когда в Милете демократы, захватив власть, забирают детей богатого сословия и бросают их под ноги быкам, а аристократы, вернувшись к власти, собирают детей бедного сословия, обмазывают их смолой и сжигают живыми (см. у Гераклита Понтийского), то это не Политика, а ряд позорных злодеяний.

Когда мы изучаем историю таких римских «цезарей», как Тиберий, Калигула, Нерон, Вителлий, Домициан, то мы чувствуем, что задыхаемся от отвращения ко всем их низостям и жестокостям, к их разврату и злодейству, – и нет тех аргументов, которые заставили бы нас признать их деятельность «политической» и «государственной»: она остается криминальной и развратной.

Когда в Италии в XV веке воцаряются тираны, – почти в каждом городе свой, то их злодеяния можно называть «политикой» только по недоразумению. Нет того вероломства, нет той жестокости, нет того ограбления, нет того кощунства, которого бы они ни совершали, нет той противоестественности, перед которой они останавливались бы. Такие имена, как Галеаццо Мария Сфорца, Ферранте Аррагонский, Филипп Мария Висконти, Сигизмунд Малатеста, Эверсо д'Ангвиллари – должны найти себе место в истории мировых преступников, а не в истории Политики. Ибо имеет свои здоровые основы, свои благородные, духовные аксиомы – и тот, кто их попирает, причисляет сам себя к злодеям.

Робеспьер, Кутон и Марат были не политические деятели, а палачи. Тоталитарные деспоты и террористы наших дней позорят политику и злоупотребляют государством; им место среди параноиков, прогрессивных паралитиков и преступников, а не среди политических правителей.

И вот если такие люди «имели успех», если им удавалось захватить в государстве власть и осуществить в своей жизни торжество произвола и своекорыстия, то это означает, что они «преуспели» в своей частной жизни, на горе народу и стране, а сам народ переживал эпоху бедствий и унижений, может быть, прямую политическую катастрофу. С формальной точки зрения их житейская борьба и их карьера имела «политический» характер, потому что они добивались государственной власти и захватывали ее. Но по существу дела их деятельность была антиполитической и противогосударственной. Как авантюристы и карьеристы, они «преуспевали», но как «политики», они осуществляли позорный провал, ибо они губили свой народ в нужде, страхе и унижениях. Их «орудие» – государственный аппарат – имело политический смысл и государственное значение, но их цель попирала всякий политический смысл, и последствия их дел были государственно-разрушительны. Тот

путь, которым они шли, казался им, а может быть, и народной массе – «политическим», но то, что они делали, и способ их деятельности, и создаваемое ими – все это было на самом деле противогосударственно, противообщественно, праворазрушительно, антиполитично и губительно: источник несправедливостей, бесчисленных страданий, ненависти, убийств, развала и разложения.

Все это означает, что Политику нельзя рассматривать формально и расценивать по внешней видимости. Она не есть дикая скачка авантюристов, она не есть погоня преступников за властью. Есть основное и общее правило, согласно которому никакая человеческая деятельность не определяется теми средствами или орудиями, которые она пускает в ход, – ни медицина, ни искусство, ни хозяйство, ни политика. Все определяется и решается тою высшею и предметною жизненною целью, которой призваны служить эти средства. Государственная власть есть лишь средство и орудие, призванное служить некоей высшей цели; и не более того. Дело определяется тем великим, содержательным заданием, которому государственная власть призвана служить и в действительности служит. Политика не есть пустая «форма» или внешний способ, она зависит от цели и задания, так что цель определяет и форму власти и способ ее осуществления. Политика есть сразу: и содержание, и форма. И поэтому истинный политический успех состоит не в том, чтобы завладеть государственною властью, но в том, чтобы верно ее построить и направить ее к верной и высокой цели.

Итак, надо различать истинный политический успех и мнимый. Частный, личный жизненный «успех» тирана – есть мнимый успех. Истинный успех есть публичный успех и расцвет народной жизни. И если кто-нибудь удовлетворяется устройством своей личной карьеры и пренебрегает благополучием народа и расцветом его национальной жизни, то он является предателем своего народа и государственным преступником.

* * *

Итак, что же есть истинная политика?

Политика есть прежде всего служение, – не «карьера», не личный жизненный путь, не удовлетворение, тщеславия, честолюбия и властолюбия. Кто этого не понимает или не приемлет, тот неспособен к истинной политике: он может только извратить ее, опошлить и сделать из нее карикатуру или преступление. И пусть не говорят нам, что «большинство» современных политиков смотрит на дело «иначе»: если это так, то все беды, опасности и гнусности современной «политики» объясняются именно этим.

Служение предполагает в человеке повышенное чувство ответственности и способность забывать о своем личном «успехе-неуспехе» перед лицом Дела.

Истинное Политическое, служение имеет в виду не отдельные группы и не самостоятельные классы, но весь народ в целом. Политика по существу своему не раскладывает людей и не разжигает их страсти, чтобы бросить их друг на друга, напротив, она объединяет людей на том, что им всем обще. Народная жизнь органична, каждая часть нуждается в остальных и служит им, ни одна часть не может и не смеет подавлять остальные, используя их безответственно. Каждый из нас заинтересован самым реальным образом в благополучии каждого из своих сограждан: один, бедствующий без помощи, – ставит всех в положение черствых предателей, один нищий есть угроза всем, один, заболевший чумою, заразит всех, и каждый сумасшедший, каждый запойный пьяница, каждый морфинист есть общая опасность. Поэтому истинная политика утверждает органическую солидарность всех со всеми. И поэтому истинный политический успех доступен только тому, кто живет органическим созерцанием и мышлением.

Такая программа всеобщей органической солидарности ясна далеко не всем, и чем более человек духовно близорук и своекорыстен, тем менее она ему доступна. История знает бесчисленное множество живых примеров того, что массы совсем не желали настоящей политики и соответствующей ей программы, а валили за антиполитическими и

противогосударственными предложениями демагогов. В XIX веке такую разрушительную практику, такой политической разврат формулировал и провозгласил Карл Маркс с его классовой партией и программой...

Но мудрые и верные отнюдь не должны соблазняться этим: они должны блюсти свое понимание и свою программу даже тогда, если это грозит им изоляцией и преследованиями. Надо иметь достаточно гражданского мужества, чтобы справиться и с изоляцией, чтобы принять и преследование, иными словами, чтобы примириться со своим личным политическим неуспехом. Надо быть уверенным, что придет иное время, придут иные отрезвленные и умудренные поколения, которые признают этот кажущийся политический «провал» за истинный политический успех и найдут настоящие верные слова для осуждения политического разврата.

Но если настоящий политик встретит сочувствие у своих современников, тогда он должен вести борьбу и попытаться увлечь на верный путь широкие круги народа. Ибо политика есть искусство объединять людей – приводить к одному знаменателю многоголовые и разнообразные желания людей. Здесь дело не в том, чтобы люди «сговорились друг с другом на чем угодно», ибо они могут согласиться и на антиполитической программе и на противогосударственных основах; сговариваются ведь и разбойники, и экспроприаторы, и террористы, и детопокупатели... Нужно политическое единение – политическое и по форме, и по содержанию: лояльное, правовое, свободное по форме и общенародное, справедливое, органическое и зиждущее по содержанию. И в этом состоит задача истинной политики.

Поэтому политика есть волевое искусство, – искусство социального воления. Надо организовать и верно выразить единую всенародную волю, и притом так, чтобы это единение не растратило по дороге силу совокупного решения. Ибо история знает множество примеров того, где «единение» с виду удавалось, но на самом деле уже не имело за собою реальной волевой силы: попутно делалось так много «нежелательных уступок», заключались направо и налево такие неискренние лукавые «компромиссы», что люди охладевали и только притворялись «согласными»; на самом же деле никто уже не хотел – ни единения, ни его программы, и когда начиналось строительство, то все рушилось как карточный дом. Вот почему политика есть искусство совместного и решительного воления: безвольная политика есть недоразумение или предательство, всегда источник разочарования и бедствий.

Отсюда вытекает, что политика нуждается в свободной и необманной (искренней) воле. Истинное единение покоится на добровольном согласии: люди должны объединяться не по принуждению, не из страха, не по лукавству, и не для взаимного обмана. Чем меньше интриги в политике, тем она здоровее, глубже и продуктивнее. Комлот обманщиков, провокаторов, диверсантов, словом, – людей бесчестных и безответственных никогда не создаст ни здорового государства, ни верной политики. Чем больше в политике конспирации, тем больше в ней лжи и обмана. Чем сильнее влияние таинственной и двусмысленной закулисы, тем больше лжи, предательства и своекорыстия будет в политической атмосфере. Нельзя объединить и согласить всех, это не удастся никогда. Надо объединить лучших, умнейших, способных к ответственному служению, не связанных никакими закулисными «приказами» и «запретами», а это объединение должно позвать за собой разумное большинство общества и народа. И при этом надо всегда помнить, что это «большинство» неспособно творить и создавать, созерцать и строить политику: оно способно только отзываться на идею и поддерживать программу. Всегда все значительные и великие реформы вынашивались инициативным меньшинством и им же проводились в жизнь, а большинство только соглашалось, участвовало и подчинялось. Это отнюдь не означает призыва к тоталитарному строю, самому большому, извращенному и унижительному из всех политических режимов. Но это означает призыв – не переоценивать голос массы в политике, ибо масса не живет органическим созерцанием и мышлением, доступным только лучшему меньшинству, которое и призвано осуществлять его и вовлекать в него массу доказыванием и показыванием...

Для того чтобы создать это единение, лучшие люди народа (т. е. именно те, которые хотят и могут служить общей органической солидарности) должны договориться и согласиться друг с другом, сомкнуть свои ряды и затем приступить к объединению народа. Если лучшие политики страны этого не сделают, то это дело будет вырвано у них противогосударственными антиполитиками. Это значит, что политика требует отбора лучших людей, – прозорливых, ответственных, несущих служение, талантливых организаторов, опытных объединителей. Каждое государство призвано к отбору лучших людей. Народ, которому такой отбор не удастся, идет навстречу смутам и бедствиям. Поэтому все то, что затрудняет, фальсифицирует или подрывает политически-предметный отбор лучших людей, – вредит государству и губит его: всякая властолюбивая конспирация, всякие честолюбиво-партийные интриги, всякая продажность, всякое политическое кумовство, всякая семейная протекция, всякое привлечение государственно-негодных элементов к голосованию, всякое укрывательство, всякое партийное, племенное и исповедное выдвижение негодных элементов... Кто желает истинного политического успеха, тот должен проводить всеми силами предметный отбор лучших людей.

И вот то, что этот отбор может и должен предложить народу, есть осуществимый оптимум в пределах общей органической солидарности. Тут немедленно возникает ряд вопросов: как осуществлять эту цель? какие меры необходимы? какие законы должны быть изданы? и возможно ли немедленно отыскать и осуществить «всеобщую справедливость»? В ответ на эти вопросы необходимо всегда находить и предлагать – наилучший исход из осуществимых. Никогда не следует мечтать о максимуме и ставить себе максимальные задачи: из этого никогда ничего не выйдет, кроме обмана, разочарования, ожесточения и демагогии. Нужен не фантастический максимум, а наилучшее из осуществимого (трезвый оптимизм!).

Это означает сразу: политика невозможна без идеала, политика должна быть трезво-реальной. Нельзя без идеала: он должен осмысливать всякое мероприятие, пронизывать своими лучами и облагораживать всякое решение, звать издали, согреть сердца вблизи...

Политика не должна брести от случая к случаю, штопать наличные дыры, осуществлять безыдейное и беспринципное торгашество, предаваться легкомысленной близорукости. Истинная политика видит ясно свой «идеал» и всегда сохраняет «идеалистический» характер.

И в то же время она должна быть трезво-реальной. Ее трезвый «оптимум» не должен покоиться на иллюзиях и не смеет превращаться в химеру. Но именно сюда ведет полное невежество массы и слепое доктринерство полуобразованных демагогов, и хуже всего бывает, когда такое доктринерство имеет успех у невежественной толпы и когда ему удастся закрепить свою власть системой террора...

Трезвый и умный «оптимум» (наилучшая возможность! наибольшее из осуществимого!) всегда учитывает все реальные возможности данного народа, данный момент времени, наличные душевные, хозяйственные, военные и дипломатические условия. Этот оптимум должен быть исторически обоснованным, почвенным, зорко рассчитанным – реализуемым. Истинная политика – сразу идеалистична и реалистична. Она всегда смотрит вдаль, вперед – на десятилетия или даже на столетия, она не занимается торгашеством по мелочам. И в то же время она всегда ответственна и трезва и не считается с утопиями и противоестественными химерами. Политика без идеи оказывается мелкой, пошлой и бессильной, она всех утомляет и всем надоедает. Политика химеры – есть самообман, она растрчивает силы и разочаровывает народ. Истинная же политика имеет крупные очертания, она значительна и благодетельна, и силы ее возрастают от осуществления, и в то же время она никогда не обманывает, но экономит силы и поощряет народное творчество. Ее судит время, и суждение грядущих поколений всегда оправдывает ее.

* * *

Для того чтобы осуществить в жизни этот возможный «оптимум», политика нуждается в возможно лучшем государственном устройстве и в возможно лучшем замещении правительственных мест.

Государство есть властная организация, но оно есть в то же время еще и организация свободы. Эти два требования, как две координаты, определяют его задачи и его границы. Если не удастся организация власти, то все распадается в беспорядке, все разлагается в анархии, – и государство исчезает в хаосе. Но если государство пренебрегает свободой и перестает служить ей, то начинаются судороги принуждения, насилия и террора, – и государство превращается в великую каторжную тюрьму. Верное разрешение задачи состоит в том, чтобы государство почерпало свою силу из свободы и пользовалось своей силой для поддержания свободы. Иными словами – граждане должны видеть в своей свободе духовную силу, беречь ее и возводить свою духовную свободу и силу к государственной власти. Свобода граждан должна быть верным и могучим источником государственной власти.

Власть призвана повелевать и, если нужно, – принуждать, судить и наказывать. В государстве никогда не должна иссякать импонирующая воля, сила его императива должна быть всегда способна настоять на своем и вызвать повиновение. Но это господство должно непременно обеспечивать гражданам свободу, уважать ее и блюсти ее. Внешняя деятельность государства (устройство порядка, взыскание налогов, законодательство, суд, администрация, организация армии) – не есть нечто самостоятельное и не может держаться, как чисто внешний процесс, как дело «погонщика». Если вся эта деятельность становится чисто внешним делом (вынуждения, выжимания, проталкивания, приговаривания, наказания, «окрики» и казни) – чем-то механическим, нажимом и прижимом, взывающим не к сердцу и духу, а к страху и голоду (как в тоталитарных государствах), то государство рано или поздно терпит крушение и разлагается. Ибо на самом деле государственная жизнь есть выражение внутренних процессов, совершающихся в народной душе, – инстинктивных влечений, мотиваций, волевых решений, импонирувания, самовменения, повиновения, дисциплины, уважения и патриотической любви. Государство и политика живут правосознанием народа и почерпают свою силу и свой успех именно в нем. И здесь важно, – с одной стороны, правосознание лучших людей, с другой стороны, правосознание массы, ее среднего уровня. Держится правосознание – и государство живет; разлагается, мутится, слабеет правосознание – и государство распадается и гибнет. Правосознание же состоит по существу своему в свободной лояльности.

Вот почему всякая истинная политика призвана к воспитанию и организации национального правосознания. Это воспитание должно совершаться в свободной лояльности (не в запугивающем рабстве!) и приучать граждан к свободной лояльности, т. е. к добровольному блюдению права. Поэтому настоящий и мудрый политик должен заботиться о том, чтобы государственное устройство и состав правительства были приемлемы для национального правосознания и действительно вызывали в нем – и сочувствие, и готовность к содействию. Так, если народное правосознание мыслит и чувствует авторитарно, то демократический строй ему просто не удастся. Напротив, правосознание с индивидуалистическим и свободным укладом не вынесет тирании. Нелепо навязывать монархический строй народу, живущему республиканским правосознанием; глупо и губительно вовлекать народ с монархическим правосознанием в республику, которая ему чужда и неестественна. Государственное устройство и правление суть «функции» внутренней жизни народа, ее выражения, ее проявления, ее порождения; они суть функции его правосознания, т. е. духовного уклада во всем его исторически возникшем своеобразии.

Всякий истинный политик знает, что государственная власть живет свободным правосознанием граждан, поэтому она должна давать этой свободе простор для здорового дыхания и выражать эту свободу в жизни. А народ призван заполнять свою свободу лояльностью и видеть в правительстве – свое правительство, ограждающее его свободу и творчески поддерживаемое народом. Поэтому истинная государственная власть призвана не

только «вязать», но и освобождать, и не только освобождать, но и приучать граждан к добровольному самообязыванию. Власть «вяжет», чтобы обеспечивать людям свободу, она освобождает, чтобы люди учились добровольному подчинению и единению.

Однако государственная власть отнюдь не призвана к тому, чтобы развязывать в народе злые силы. Горе народу, если возникнет такая власть, – все равно, будет ли она освобождать зло по глупости или в силу порочности. Свобода не есть разнуздание злых и право на злые дела. Отрицательные силы должны обуздываться и обезвреживаться, иначе они злоупотребят свободой, скомпрометируют ее и погубят. Зло должно быть связано для того, чтобы добро было свободно и безбоязненно развешивало свои силы. Поэтому истинная политика властно связывает и упорядочивает жизнь, чтобы тем освобождать и поощрять лучшие силы народа.

Но и связанные силы зла не должны гибнуть. Истинная политика мудра, осторожна и экономит силы народа. Поэтому ей присуще искусство – щадить отрицательные силы и волевые заряды и находить для них положительное применение, указывая злему, завистнику, разрушителю, преступнику, разбойнику, бунтовщику и предателю возможность одуматься и приняться за положительный труд...

Такова сущность истинной политики. Таков путь, ведущий к истинному политическому успеху.

Политика есть искусство свободы, воспитание самостоятельно творящего субъекта права. Государство, презирающее свободную человеческую личность, подавляющее ее и исключаящее ее – есть тоталитарное государство, учреждение нелепое, противоестественное и преступное, оно заслуживает того, чтобы распасться и погибнуть.

Политика есть искусство права, т. е. умение создавать ясную, жизненную и гибкую правовую норму. Государство, издающее законы темные и непонятные, несправедливые и двусмысленные, нежизненные, педантичные и мертвые – подрывает в народе доверие к праву и лояльность, развязывает произвол и подкупность в правителях и судьях и само подрывает свою прочность.

Политика есть искусство справедливости, т. е. умение вчувствоваться в личное своеобразие людей, умение беречь индивидуального человека. Государство, несущее всем несправедливое уравнивание, не умеющее видеть своеобразие (т. е. естественное неравенство!) живых людей и потому попирающее живую справедливость – накапливает в народе те отрицательные заряды, которые однажды взорвут и погубят его.

Такова сущность истинной политики. Она творится через государственную власть и потому должна держать это орудие в чистоте; государственная власть, став бесчестной, свирепой и жадной, заслуживает свержения и позорной гибели. Политика дает человеку власть, но не для злоупотребления и не для произвола; грязный человек, злоупотребляющий своею властью и произволяющий, – является преступником перед народом. Напротив, истинный политик переживает свое властное полномочие как служение, как обязательство, как бремя и стремится постигнуть и усвоить искусство властвования. И пока его искусство не справилось и не нашло творчески верное разрешение задачи, и пока он сам не освобожден от своего обязательства, он должен нести бремя своего служения, – ответственно и мужественно, – хотя бы дело шло о его личной жизни и смерти. Государственная власть есть не легкая комедия и не маскарад, где снимают маску, когда захочется. Нет, ей присуща трагическая черта: она каждую минуту может превратиться в трагедию, которая захватит и личную жизнь властителя и общую жизнь народа. Поэтому истинный политик обязан рисковать своею жизнью подобно солдату в сражении, и именно поэтому люди робкие и трусливые не призваны к политике.

И вот истинный политический успех доступен только тому, кто берется за дело с ответственностью и любовью...

Нет ничего более жалкого, как бессовестный и безответственный политик: это человек, который желает фигурировать, но не желает отдаться целиком своему призванию, который в своей деятельности всегда не на высоте, который не умеет расплачиваться своею земною личностью, который бежит от своей собственной тени. Это трус по призванию, который не

может иметь политического успеха.

И нет ничего более опасного и вредного, как политик, лишенный сердца; это человек, который лишен главного органа духовной жизни, который не любит ни своего ближнего, ни своего отечества, который не знает верности, этого выражения любви, но способен к ежеминутному предательству, который с самого начала уже предает всякое свое начинание, который не имеет ни одного Божьего луча для управляемой ими страны, циник по призванию, который может иметь «успех» в личной карьере, но никогда не будет иметь истинного политического успеха. Вокруг его имени может подняться исторический шум, который глупцы и злодеи будут принимать за «славу». Вокруг него могут пролиться потоки крови, от него могут произойти катастрофические бедствия и страдания, но творческих путей он не найдет для своего народа.

История знает таких тиранов, но никаких Неронов, никаких Цезарей Борджиа, никаких Маратов не чествовали так, как их чествуют ныне при жизни и по смерти. Современные люди утратили живое чувство добра и зла, они принимают извращения за достижения, низкую интригу за проявление ума, свирепость за героическую волю, противоестественную утопию за великую мировую «программу». Наши современники забыли драгоценные аксиомы политики, права, власти и государства. Они «отменили» дьявола, чтобы предаться ему и поклониться ему...

И величайший, позорнейший провал мировой истории (русскую революцию) они переживают, как величайший политический успех.

Но час недалек и близится отрезвление.

Светлой памяти генерала П.Н.Врангеля

Двадцать пять лет прошло с тех пор, как ушел из жизни последний русский Главнокомандующий, белый воин и рыцарь. Весь энергия, весь накаленность мысли, весь волевой огонь; с единым помыслом о спасении России, с единым служением Родине. Кто знал его, тот никогда его не забудет. Лучи исходили от него. Враги не принимали их. Слепцы не видели их. А те, кто их принимал, те накалялись и заряжались их благородной энергией.

Все, общавшиеся с ним, изумлялись его взору, смотревшему через события и над событиями и видевшему одно главное, одно существенное. Все, над кем он начальствовал, знали его стихию – требовательного служения, вдохновенного предвидения, ответственного и мудрого властвования. А соратники его знали еще его пренебрежение к опасности и смерти, его бурную прямоту, его отвращение ко всякой интриге.

Двадцать пять лет русской истории прошло, – мучительной, трагической, невиданной и неслыханной в веках; истории величайшего злодейства, величайших унижений и тупого, преступно-предательского безразличия со стороны других народов. Двадцать пять лет изгнаннического верностояния, эмигрантского приспособления, обывательского малодушия и закулисных интриг, исходящих от врагов России. Но за эти двадцать пять лет наше знамя, принятое из рук покойного Главнокомандующего, не было ни свернуто, ни брошено, ни предано. И русская национальная традиция, которую он берег и которой он служил, по-прежнему живет в наших сердцах. Это есть древняя, русская традиция, которую всегда строилась и держалась Россия и которой предстоит великое и ответственное будущее. Это есть традиция русского национального рыцарства.

В этом все: идея, программа и путь борьбы. Это главное, единственно верное и единственно нужное. Рыцарственный дух; рыцарская дисциплина; рыцарское единение и рыцарская борьба.

В мире раздор и смута потому, что люди утратили веру в Бога, задушили в себе совесть и отреклись от чести. Все ищут только «своего» и только «для себя»; добытчики промышляют, коварные оплетают, жадные высасывают, ловчилы устраиваются, честолюбцы пролезают, властолюбцы сулят и подминают, интриганы шепчутся в закулисной темноте, трусливые страхуются и перестраховываются... Смута и разложение царят потому, что в

похотливых сердцах нет Престола Божия; в алчных душах нет ответственности и преданности; в черствых нет доброты и милосердия; в гибких и скользких нет воли и прямоты. О Божием деле о Родине, о служении люди забывают и разучаются думать. Откуда же может родиться спасительная идея?

Рыцарственный дух предстоит Престолу Божьему, и в этом трепетном предстоянии почерпает бестрепетность для честного и грозного служения. Господь зовет! Убоюсь ли соблазна и станы?

Рыцарственный человек укрепляет и закаляет свой характер. Он ищет не личного успеха, а предметного служения и утверждает свою честь на служении. В борьбе закаляюсь; в лишениях крепну. Служу России; отвечаю Богу.

Человек рыцарственного уклада не мечтает об «отвлеченном идеале» и не предается сентиментальным фантазиям. Он является верным, сильным и бесстрашным орудием этой идеи, ее служителем навсегда, ее носителем до смерти. Грозная любовь, честная борьба. Моя святыня – мое слово мое дело.

Быть рыцарем – значит утопить свое малое «я» в Великом, но всенародном и подчинить свое личное общему спасению. Любовью ведом, жертвою очищаюсь. Жертвую, но не посягаю, соревную, но не завидую. Все за Родину, все за Родину.

Человек рыцарственного уклада строит свою жизнь на свободном повиновении. Он силен свободным подчинением. Он свободен и в дисциплине. Он подымет бремя своего служения доброю волею; он остается свободным в жизни и в борьбе, и именно потому самое смертное угасание становится у него актом силы.

Рыцарственный человек вносит во все дела свой дух верного и обоснованного ранга, дух неуравновешивающей справедливости и всегда несет слабому защиту, а злomu грозу.

Рыцарственный дух совсем не отвергает частную собственность, но преображает ее щедростью; осмысливает ее как публичную обязанность; живет ею с чувством живой ответственности за себя и за нее; и осуществляет ее, как исконное и конечное достояние своей родины.

Этот дух не впервые зародился в России. Это есть дух православной государственности, ведшей всех сильных и доблестных борцов за Россию – от князей и государей, которых мы можем назвать по именам, до тех верных и героических «простых», имена которых история нам не сохранила, но которые известны Господу, Творцу вселенной и покровителю благих и доблестных. Из древности назовем Владимира Мономаха, Даниила Галицкого и Александра Невского. Из смутного времени назовем Михаила Скопина-Шуйского, бесстрашных письмоносцев Патриарха Гермогена Родиона Мосеева и Романа Пахомова и, конечно Минина и Пожарского. Помыслим о Петре Великом и его достойных сподвижниках; помыслим о Суворове и о всех русских солдатах и офицерах, верных его духу; почтим севастопольцев во главе с Корниловым и Нахимовым; и мысленно склоним наши головы пред всеми героями-патриотами России, павшими в первой мировой войне, в гражданской войне и во второй мировой. Им – вечная память. От них и через них наша традиция. Их дух жил во всех честных и самоотверженных русских людях, образованных и необразованных, военных и штатских, во всех терпеливых стоятелях и верных строителях нашей истории. Их духу принадлежит и будущее России.

Этому духу служил покойный Главнокомандующий, и Россия уже включила его в пантеон своих национальных героев.

25 апреля 1953 г.

Надежды на иностранцев

Плохо человеку, который утратил всякую надежду и ни на что не надеется... Он как бы отрезает себе перспективу в свое будущее; он перестает верить в возможность лучшего; он

ослепляет свой дух и обессиливает свой инстинкт; он отрекается от своего спасения и добровольно «опускается на дно». Нельзя жить без надежды. Это знают врачи и не отнимают ее у больного до самого конца. Это хорошо знают все тонувшие и спасшиеся; все забытые на поле битвы и потом найденные и вырученные; все проходившие через горькую нужду. Людям надежда необходима...

Но есть надежда мудрая и есть надежда глупая; зрячая и слепая; органически верная и беспочвенная; подъемлющая силы и угасающая их. Мудрая, зрячая, органически верная, подъемлющая силы – ведет, укрепляет и спасает; а глупая, слепая, беспочвенная и угасающая силы – питает душу иллюзиями, разочаровывает и нередко прямо губит. И если кто-нибудь был действительно вынужден пройти через все эти виды и оттенки, то это мы, русские люди, не принявшие революцию и временно обессиленные врагами России: мы переживаем это всюду, где бы мы ни находились, за рубежом или под ярмом, на своей недоотнятой «жилплощади», или на Лубянке, или в ссылке... И казалось бы, что мы могли и должны были, пребывая в этом потоке тщетных надежд, научиться настоящему реализму, трезвому учету сил и политической дальнорзости. Научились ли? Не сомневаюсь в том, что многие научились. Но есть и другие «многие», которые этому не научились, да вряд ли когда и научатся: и возраст не благоприятствует, и зуд политического фигурирования ненасытен, и слепота врожденная, да и сила осуждения уж очень невелика. Так и сойдут со сцены, насаживая себе предметно-безнадежные конъюнктуры...

Стоит только вспомнить те шепоты, которыми утешалась и питалась небольшевистская Россия в первые годы революции, овые надеялись на немцев, в действительности мечтавших закрепиться в занятых ими русских пространствах; овые надеялись на французов в Одессе, на самом деле мечтавших только о том, чтобы уехать домой; овые – на чехословаков, подготовлявших при содействии французов (Жанен) и при попустительстве англичан величайшее грабительство и предательство в Сибири (Сыровой); овые на англичан, активно топивших русские корабли под предлогом их революционности и мечтавших о выгодной торговле с советскими «людоедами». Определеннее всех действовал на Дальнем Востоке атаман Семенов, договорившийся с японцами на «таинственных» условиях – японцам призрачная выгода, Семенову призрачная власть. «По этому типу можно было бы называть многие подобные позднейшие соглашения с иностранцами «семеновщиной»: это такая координация, которая скрывает за собой действительную субординацию; это раздел российских риз в отсутствии и при безмолвии России; это антinationальная стряпня под «национальным» флагом; это призрачная выгода иностранной державе и призрачная власть «обещателю»...

И сколько их было за эти 36 лет, таких поисков, как будто бы позволявших «верить» и «надеяться», надеяться и утешаться, утешаться и, главное, фигурировать: Были «шепоты» польские, немецкие, итальянские, французские, английские, даже венгерские, а теперь чуть ли не аргентинские. И все это не «слухи», не «сплетни» и не пустые слова.

Прочтите о польских шепотах хотя бы в воспоминаниях Зинаиды Гиппиус (Мережковский, Философов, Савинков, Деренталь)... И чем кончилось? Поляки «наобещали», «наразрешали», а потом, выкарабкавшись из беды, примирились с большевиками, предали белый Крым и подготовили себе ту конъюнктуру, которая завершилась Катынью, предательством героически восставшей против немцев Варшавы и военной диктатурой под вывеской Рокоссовск9го. Даже с венграми шептались: нашелся генерал с русской фамилией, объявивший себя «туранцем» и докладывавший венгерским парламентариям об «освобождении» «туранских» народностей России при содействии «соплеменных» венгров и о жажде этих народностей обратиться в католическую веру, дали ли ему денег – неизвестно, но венгерский орден патеры ему выхлопотали... Что ж, все-таки профигурировал перед смертью...

А немецкие шепоты?! Вспомним работу «украинского института» в Берлине, вспомним партию «русских национал-социалистов», руководимых самым тупым из онемечившихся эмигрантов и, конечно, национал-социалистической полицией; вспомним статьи самого

развязного публициста в эмиграции, всегда и на все готового, уверявшего и национал-социалистов и нас, будто тоталитарный строй есть в истории России явление обычное. И в то же время вспомним германского партийного «идеолога», полуэстонца Розамяги, называвшего себя Розенбергом, уже набравшего кадр внутрироссийских губернаторов на жаловании (до Вятки, Оренбурга и Тифлиса включительно); и параллельно – вымаривание русских военнопленных, миллионами погибших в тифу, в Голоде и в людоедстве. Шепоты – надежды – слепота – иллюзии – предательство; но зато – фигурирование. Без иллюзий держались только члены РОВС, Власов и группа честных русских офицеров-патриотов вокруг него.

Нельзя умолчать об английских шепотах и упованиях. Вспомним борьбу Северо-Западной армии в 1919 году; обещания англичан и коварное невыполнение их: присылали тяжелые орудия без замков, нестреляющие винтовки, фехтовальные рапиры; бездействовал «обещанный» английский флот; не сражались английские танки. А в тылу Юденичу ставились условия: эстонцы вступят в Петербург и водворят в России федеративную демократию. И сами эстонцы, только что вырученные белыми русскими, предпочитали не помогать им вопреки обещанию, предоставляя им замерзать при отступлении перед Нарвою; а сами уже переговаривались с большевиками о поведении англичан (см. брошюру Кузьмина-Караваева, А.В. Карташева и М.Н. Суворова, 1920, а также у Куприна «Купол Св. Исаакия»).

И впоследствии директива Ллойд Джорджа «торговать можно и с людоедами» отнюдь не исчерпывала свою английскую пробольшевицкую политику. Вспомним только... Вспомним коварную выдачу русских генералов и офицеров с П.Н.Красновым во главе: высокоджентльменский поступок... Вспомним, как по донесениям Черчилля-сына Черчилль-отец признал более выгодным для Англии поддерживать коммуниста Титоброза и предать белого сербского патриота генерала Михайловича. Еще в 1942 году английское радио и английский фильм превозносили героизм Михайловича и его четников; летом 1943 г. началась неожиданная и совершенно беспочвенная «подготовительная» «критика»; а при перемирии с Италией Черчилль потребовал, чтобы итальяно-балканская армия передала все свое вооружение коммунистическим партизанам, которое Тито использовал для истребления сербских патриотов; последовало тегеранское соглашение, а англичане уверяли себя и других, что старый и тогда еще верный агент Сталина, Титоброз, – «либерал, демократ, только и мечтающий превратить Югославию в западную демократию». Напрасно умный и опытный английский разведчик предупреждал Черчилля о коммунистических планах Титоброза... Черчилль ответил ему: «Вы что же, разве хотите после войны осесть в Югославии? Нет! Ну и я тоже нет. Так какое же нам дело до этого?»... А ныне Титоброз, одной рукой приемлющий миллионные субсидии от запада, а другой рукой закупающий драгоценные камни у всех мировых ювелиров, чествуется английской королевской семьей в Лондоне.

А отношения Англии к Китаю?.. Главная работа состояла здесь в том, чтобы спасти обширные английские «инвестиции» в Китае и поддержать вывозную торговлю. Джентльмены любят бизнес и дорожат им. А для этого надо угождать Мао Цзэдуну (т. е. Сталину) и содействовать мировому коммунизму. И вот, директива либерального Ллойд Джорджа возрождается и осуществляется английскими консерваторами.

Серьезный и очень осведомленный корреспондент пишет в начале текущего мая (1953) и Лондона. Напрасно англичане, признавшие коммунистическое правительство в Китае, уверяют, будто «они этим не высказывают никакого одобрения самому режиму. Американцы смотрят на это дело совсем иначе: признание режима есть не просто дело факта, торговли и выгоды, но и дело одобрения. Почему же, спрашивает корреспондент, англичане так долго не признавали правительства Франко в Испании и упорно объясняли это «отвержение» как протест и осуждение? Почему они не признавали правительство Петэна во Франции, которому подчинялась большая часть французской территории? Где здесь логика?»... Но политика явно руководится не логикой, а «психологией» и демагогией наживы. Если

соседняя держава склонна к правой диктатуре, то надо протестовать и демонстрировать, а если к левой диктатуре, то надо приспособляться и думать о наживе. Вот английская директива.

И вот, отношение англичан к Мао Цзэдуну определяет их отношение к Чан Кайши. «Для американцев, – пишет тот же корреспондент, – «националистический генералиссимус Китая есть законный представитель всей страны; но для англичан (так обычно говорят господа в Нижней Палате) Чан Кайши есть совершенно дискредитированный, провалившийся, истаскавшийся реакционер. По мнению англичан, Формозу следовало бы присоединить к китайскому матерiku и подчинить тамошнему режиму... Да и принять красный Китай в Лигу наций, следовало бы давно уже. Мир в Азии есть примирение с коммунистами»...

Если принять все это во внимание, то станет понятным влечение Черчилля к Маленкову и жажда повидаться с ним. А какой-то торопливый лорд Кальверлей уже выдвинул кандидатуру Маленкова на Нобелевскую «премию мира» (32000 долларов); но тогда надо бы дать ученую премию Берии – за спасение невинных врачей, а литературную премию Молотову за его речи и особенно за его умолчания... Конечно, есть опасность, что Маленков не досидит на своем месте до визита «тяготеющего» Черчилля. А между тем от этого тяготения падает яркий и зловещий луч света на все былые соглашения со Сталиным в Тегеране, в Ялте и в Потсдаме. И понятнее становится, почему Англия так упорно держится в стороне от европейского оборонительного союза... Направо «двери заперты»; налево «двери настезь». В Англии призваны править – конечно! – консерваторы, но коммунистическая разруха и обеднение других стран могут быть совсем не убыточны для английского мирового «бизнеса»...

Еще ли не показательны эти формулы? Еще ли не поучительны? Еще ли не прозрели русские «патриоты», склонные к шепоту и фигурированию? Или, может быть, эта зрелая политика, выражаемая в словах «ставка на чужое ослабление, расчленение и обеднение», характерна только для Англии, а другие державы ведут иную политику? Но разве оклеветание Чан Кайши и сдача Китая коммунистам – не определяли собою дальневосточную политику Трумэна? И разве нашлась какая-нибудь держава, которая возражала бы против сдачи Югославии Титоброзу? И разве есть какой-нибудь народ и какое-нибудь правительство на свете, которые поняли бы мудрую политику европейского равновесия, проводившуюся русскими Государями? Разве общественное мнение Запада, руководимое мировою закулисою, научилось где-нибудь отличать Россию от Советии и русских людей от коммунистов? Кому же доверяете вы наши национальные русские интересы, эмигрантские шептуны и фигурирователи?!

* * *

На все наши соображения, тревоги и предвидения уповающие шептуны могут возразить со свойственным им апломбом: «Мы знаем, что мы делаем... Мы знаем и те условия, на которых нам содействуют в расходах и во всяческой пропаганде... Мы спасаем Россию! Мы боремся и сопротивляемся, а наши критики стоят за пассивное непротивление. Конечно, надо предвидеть и такое возражение. Пусть их возражают... «Людам губа не заперта»... Да и свободу слова мы уважаем настолько, что признаем даже свободу глупого и неверного слова...

На рассмотрим же все это обстояние в политическую лупу. С самого начала кое-кто, пожалуй, захочет признать, что если уж «содействуют в расходах» и во всяческой пропаганде, то значит «договорились, или, осторожнее сказать, «кабинетно дошептались» до «единомыслия». Однако и тут необходима оговорка. Дело в том, что политические дотации бывают – предварительные и последующие. Предварительная дается, чтобы легче договориться; это аргумент «вступительный», «располагающий», синица в руках. Последующая дотация дается уже после вступления в соглашение, для осуществления

условий, не как залог грядущей акции, а как реализация ее. Так, например, Титоброз получил от Англии итальянское вооружение в порядке предварительной дотации. Украинский институт в Берлине так и застрял на предварительных дотациях. Но современные субсидии Титоброзу относятся уже к последующим дотациям. Ни логически, ни психологически, ни политически – это не одно и то же, и забывать этого не следует.

Но допустим, что стороны кабинетно дошептались до «единомыслия». Что же, спросим мы, есть ли среди нас столь наивные люди, которые поверили бы, что дотирующие иностранцы постигли и признали русский национальный и великодержавный интерес, приспособили свои планы, интересы и программы к российским, приняли наше как свое и обязались соблюдать, беречь и проводить в будущем всероссийское благо как обязательное для них? Что они «оценили» и «решили жертвенно спасти» Россию, так как Россия верно и жертвенно спасала то славян во время балканской войны семидесятых годов, то Сербию в 1914 году, то Францию и Англию (августовское наступление Самсонова), то Италию после Капоретто (1916, майское наступление Брусилова)?.. Есть ли среди нас столь наивные люди? Если есть, то следовало бы строжайше воспретить им заниматься политикой, чтобы зря не болтали, Россию не предавали и соблазна не сеяли! Знаем мы, что запретить некому, что запретить нельзя; и даже помешать нельзя. Но говорить вслух правду – можно; открыть себе и другим глазам на смысл этих шепотов – должно; а пребывать в ложных иллюзиях нелепо и вредно.

Нет, не было и не будет таких иностранцев, таких чужестранных правительств и держав, которые признали бы государственную верность и международную законность русских национальных интересов и реально помогли бы русской патриотической эмиграции вести борьбу за великодержавную Россию. Есть, были и будут отдельные иностранцы, особенно из тех, которые жили в дореволюционной России, которым наш сердцем открытый и добрый народ успел показать свои внешние и внутренние просторы, успел раскрыть их сердце и сумел перестроить их понимание России и внушить им вместо тупого страха и злого презрения – сочувствие или даже любовь. Есть приобщившиеся русскому Православию, прозревшие в вопросах русского духа, постигшие миссию русской государственности и уразумевшие историю наших национальных трудностей, отсталостей и несовершенств. Но это отдельные люди с непровинциальным горизонтом, с незачерствевшим сердцем, с окрыленным воображением. Мы знаем их, мы ценим их и всегда радуемся, слыша их живое или читая их печатное слово. Но именно вследствие этих своих личных особенностей эти люди не чувствуют себя в своих странах заурядобывателями, штампованными гражданами, антирусскими парламентариями, напористыми дипломатами и агрессивными генералами. В них жива, как и в нас самих, международная честь и совесть; они не называют коммунистов «русскими» и советию «Россией»; они понимают, что русская трагедия двадцатого века есть всемирная трагедия, что дьявольский Мальстром, крутящийся в России, рожден на западе и стремится опять на запад, что пробил исторический час, когда об «аннексиях», «расчленениях» и «бизнесах» прилично думать только Гитлеру и ему подобным хищным слепцам. Они понимают это. Но когда они говорят об этом гласно в своих странах, то они теряют свою «популярность» и политически дезавуируются в своих демократиях. И не с ними, о конечно, не с ними кабинетно шепчутся русские фигурирователи... Они шепчутся с другими, не знающими, не понимающими Россию, но желающими делать политическую карьеру в своей стране; а где, в какой стране может сделать карьеру политик, сочувствующий национальной России? Такова была только королевская Сербия.

Вывод ясен. Во всех кабинетных шептаниях не иностранцы приемлют русские интересы, а договаривающиеся русские эмигранты приспособляются к иностранным деньгодателям, к их воззрениям, одним словом, – к их интересам.

Да, скажут нам, но интересы иностранцев в настоящее время сводятся прежде всего к борьбе с коммунизмом и с коммунистами; и в этих пределах было бы ошибочно уклоняться от сотрудничества с ними.

Отвечаем. Во-первых, самый антикоммунизм иностранцев отнюдь не бесспорен, он двусмыслен и неустойчив. В чем проявился антикоммунизм англичан, начиная с 1917 года и кончая 1953 годом? В том, что они пока еще не пошли за Биваном, но сдают советским коммунистам одну мировую позицию за другую? Да, у себя они не хотят коммунизма, но коммунизм в других странах им кажется не только опасным, но как-то даже «полезным: в одних странах он истребит национальную аристократию и тем обеспечит «демократический режим»; в других странах он подготовит расчленение государства и ликвидирует великодержавность; а впоследствии он всюду откроет пустые и голодные рынки, что так важно для английской вывозной торговли... Замечательно, что даже в Соединенных Штатах мудро-осторожный Эйзенхауэр, высокоосведомленный Гувер и последовательный Маккарти – совсем не считают только что ушедшего Трумэна сколько-нибудь надежным антикоммунистом; этим и объясняется строгая «переборка» всего государственного чиновничества и непрерывающаяся тревога в широких здоровых кругах народа. Ведь были же советники у Рузвельта, внушившие ему симпатию и доверие к величайшему злодею истории, – к так называемому «дяде Джо»... Ведь уцелели же эти сотрудники и при Трумэне... Ведь доходило же дело до того, что чуть не за каждым «кустом» сидел коммунист – от фильма до кафедры и от рабочего союза до атомного дела... А что принесут следующие выборы – это еще вопрос...

Во-вторых, только совсем неопытные журналисты могут воображать и рассказывать, что в государственных и особенно международных делах «единомыслие» может быть построено на отрицании: «Ты против коммунизма и я против коммунизма, вот и отлично: давай дошептываться до единомыслия и братски сотрудничать». Так бывает только в ребяческом воображении у обывателей. На самом же деле имеется в виду совсем иное, а именно: «Что мне твой антикоммунизм, если ты не приемлешь целиком мою положительную программу? Обязуешься ли ты повиновением во всем, что мы укажем? Потребуем демократию – будешь демократом; потребуем расчленения – будешь расчленять; потребуем хозяйственного, финансового, военного, дипломатического порабощения – будешь порабощать свой народ по нашей указке... Нет? Не согласен? Иди, мы найдем более послушных антикоммунистов»... Вспомним английские условия, поставленные в Ревеле Юденичу. Вспомним нацистские требования от коллаборантов: там надо было все проглотить, начиная от антисемитизма и кончая доносами в гестапо, начиная от тоталитарного пафоса и кончая расстрелом русских заложников, начиная от смертных лагерей для русских военнопленных и кончая Аушвицем... Мы знаем, что это привело к бензинной смерти Гитлера и к виселице для Розенберга. Но эта судьба постигла их не потому, что они навязывали своим коллаборантам всю свою программу целиком, а потому, что и программа их и тактика их – были свирепы, нелепы и вызывающи для всей вселенной. Навязывание же своей программы свойственно всем партиям во всех странах. Мыслимо ли, чтобы социалистическое правительство поддержало в другой стране буржуазно-аристократическую контрреволюцию? Можно ли серьезно допустить, что иноземное правительство, желающее расчленить Россию, будет содействовать пропаганде унитаристов, отстаивающих Единую-Неделимую? Республиканское правительство всегда сумеет использовать чужую монархию и будет требовать от нее всех жертв и всей крови; но восстанавливать сокрушившуюся монархию ни один республиканский министр и не подумает, – немислимо, неосуществимо да и опасно: на следующих же выборах забаллотируют...

Иными словами субсидии даются только единомышленникам, т. е. людям, безоговорочно приемлющим политический и международный интерес субсидирующей страны. И не только интерес, но и слепые предрассудки деньгодателя. Надо угодить ассигнующему; надо угождать тому, кто будет «содействовать в расходах», надо обязаться угождать ему до конца.

И эмигрантские шептуны знают это. И потому состязаются друг с другом в угождениях и возмущаются, если кабинетное шептание происходит помимо них еще и с другими; и тогда

начинают нашептывать деньгодателям про своих конкурентов, нашептывать и «отводить»: эти – не годятся, они крайне правые; и эти неприемлемы – они среднеправые; и этих надо гнать – они недостаточно демократы; а эти совсем не федералисты и т. д. Слушаешь, читаешь эти нападки, следишь за всей этой суетней, за всеми этими эмигрантскими «выдвижениями» и «задвижениями»: жалобами, опорочениями, дезавуированиями (чтобы не сказать, доносами) – и душа наполняется скорбью и стыдом. Скорбью за Россию. Стыдом за этих «русских» людей, которые уверили себя, будто спасение России состоит в том, чтобы их субсидировали и чтобы они фигурировали.

Но на что же тогда надеяться? Нельзя же без надежды!

У нас две надежды. И прежде всего на Бога, что не до конца прогневался и помилует. Во-вторых, на духовное оздоровление русского народа во всех его племенах, – и там, под коммунистическим ярмом, и здесь, за рубежом, в неволе у иностранных народов, на то, что мы сами – здесь, все мы и наши братья-соотечественники – там – сможем сделать, сердцем продумывая, ответственно выговаривая и делами осуществляя русский великодержавный интерес. Россия может быть освобождена и возрождена только русскими!

А если кто-нибудь из суетливых выдвиженцев объявит это «непротивлением», то мы признаем за ним свободу несправедливого, неумного и безответственного слова. И возражать ему не будем.

О воспитании в грядущей России

Нам не надо знать, когда и в каком порядке закончится революция в России. События разворачиваются медленно, слишком медленно для одного поколения. Мы не можем и не должны делать себе иллюзий: предстоят еще сложные, ответственные и мучительные события, смысл которых будет состоять в том, что всероссийское крестьянство овладеет изнутри государственным и военным аппаратом страны, сбросит или отодвинет устроившийся у власти слой международных авантюристов и начнет строить новую национальную Россию. Возможно, что из наших, старших поколений лишь немногие доживут до освобождения родины и лишь совсем немногие смогут принять участие в ее возрождении. Но именно это предвидение обязывает нас смотреть вперед и вдаль и готовить для новых русских поколений тот материал выводов и руководящих линий, который мы выстрадали и выносили за эти десятилетия и который поможет им справиться с их претрудной задачей. Мы должны высказать и письменно (по возможности, и печатно!) закрепить в отчетливых и убедительных формулах то, чему нас научила история, чем нас умудрила наша патриотическая скорбь.

Грядущая Россия будет нуждаться в новом, предметном воспитании русского духовного характера; не просто в «образовании» (ныне обозначаемом в Советии пошлым и постылым словом «учеба»), ибо образование само по себе есть дело памяти, смекалки и практических умений в отрыве от духа, совести, веры и характера. Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно-выгодные возможности, технические умения, которыми он, – бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, – и начинает злоупотреблять. Надо раз и навсегда установить и признать, что безграмотный, но добросовестный простолоудин есть лучший человек и лучший гражданин, чем бессовестный грамотей, и что формальная «образованность» вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации.

Новой России предстоит выработать себе новую систему национального воспитания, и от верного разрешения этой задачи будет зависеть ее будущий исторический путь.

Мы видели, как русская интеллигентская идеология XIX века подожгла Россию, вызвала великий пожар и сама сгорела в его огне. Мы знаем также, что русский народ жив и будет восстанавливать свое государство на пепелище революции. Мы же, русская

интеллигенция, кость от кости русского народа, дух от духа, любовь от его любви и гнев от его гнева, – мы, никогда не верившие ни в какую «послепетровскую» пропасть, якобы отделившую нас от нашего народа, и ныне не верящие ни в какой «разрыв» между внутренней и зарубежной Россией, – мы обязаны осознать причины нашего государственного крушения, найти его истоки в строении и укладе русской души, обрести и в самих себе эти больные уклоны и преодолеть их (все эти национальные заблуждения и соблазны, все это больное наследие уделов, татарщины, сословности, крепостничества, бунтов, заговорщичества, утопизма и интернационализма), – преодолеть и вступить на новый путь.

Россия выйдет из того кризиса, в котором она находится, и возродится к новому творчеству и новому расцвету – через сочетание и примирение трех основ, трех законов духа: свободы, любви и предметности. Вся современная культура сорвалась на том, что не сумела сочетать эти основы и блюсти эти законы. Она захотела быть культурой свободы и была права в этом, но она не сумела стать культурой сердца и культурой предметности, – и это запутало ее в противоречии и привело ее к великому кризису. Ибо бессердечная свобода стала свободой эгоизма и своекорыстия, свободой социальной эксплуатации, а это повело к классовой борьбе, к гражданским войнам и революциям. А беспредметная и противопредметная свобода стала свободой беспринципности, разнуздания, безверия, «модернизма» (во всех его видах) и безбожия. Все это связано взаимно, все это есть единый процесс, приведший к великому кризису наших дней. Реакцией на это явился зажим бессердечной и беспредметной свободы в государственно-партийные, диктаториальные тиски – то коммунистические, то буржуазно-националистические. Этот бюрократически организующий зажим должен был бы, казалось, устранить известные антисоциальные проявления свободы, злоупотребления ею и водворить большую социальность при несвободе. На самом же деле несвобода (отрицательная функция) ему удастся вполне, а большая социальность (положительная, творческая функция) – не удастся ему: на место прежней свободной несоциальности водворяется новая несвободная антисоциальность и народ попадает в наихудшие и наитягчайшие условия жизни, известные в истории. Социализм и коммунизм отнимают у людей свободу и не дают им ни социальной справедливости, ни духовного творчества.

Это объясняется тем, что осуществить социальную справедливость могут только люди с сердцем и с предметною волею, ибо справедливость есть дело живой любви и живого совестного созерцания, т.е. предметно настроенной и устроенной души. Ошибочно принимать справедливость за равенство, ибо справедливость есть предметное неравенство людей. Наивно воображать, будто достаточно последовательной доктрины и последовательного рассудка для того, чтобы справедливость была найдена и водворена и чтобы люди начали новую социальную жизнь. Ибо рассудок без любви и без совести, не укорененный в живом созерцании Бога, есть разновидность человеческой глупости и черствости, а глупая черствость никогда еще не делала людей счастливыми.

Из трех великих основ всякой человеческой жизни и культуры – свободы, любви и предметности – ни одна не может быть упразднена или упущена: необходимы все три и все три обуславливают одна другую взаимно. Если бессердечная свобода ведет к несправедливости и эксплуатации, то беспредметная свобода ведет к духовному разложению и социальной анархии. Но бессердечная и беспредметная несвобода ведет к еще более тяжелой рабской несправедливости и глубокой деморализации. Свобода необходима человеческому инстинкту и духу, как воздух телу. Но она должна быть наполнена жизнью сердца и предметной воли. Чем больше сердца и предметной воли у человека, – тем менее опасны ему соблазны свободы и тем больший смысл она приобретает для него. Спасение не в отмене свободы, а в ее сердечном наполнении и предметном осуществлении.

Именно этим определяется путь грядущей России. Ей нужно новое воспитание: в свободе и к свободе; в любви и к любви; в предметности и к предметности. Новые поколения русских людей должны воспитываться к сердечной и предметной свободе. Эта директива –

на сегодня, и на завтра, и на века. Это единственно верный и главный путь, ведущий к расцвету русского духа и к осуществлению христианской культуры в России.

Для того чтобы выяснить это до конца, необходимо сосредоточиться на идее предметности.

События последнего века показали нам, что свобода совсем не есть последняя и самодовлеющая форма жизни, она не предопределяет ни содержания жизни, ни ее уровня, ни направления. Свобода дается человеку для предметного наполнения ее, для предметной жизни, т.е. для свободной жизни в Предмете. Что же есть Предмет и что такое предметная жизнь?

Каждое существо на земле и каждое тело человеческое имеет некоторую цель, которой оно и служит. При этом можно иметь в виду чисто субъективную цель, зовущую человека к удовлетворению его личных потребностей и ведущую его к личному успеху в жизни. Но можно иметь в виду и объективную цель, последнюю и главную цель жизни, по отношению к которой все субъективные цели окажутся лишь подчиненным средством. Это есть великая и главная цель человека, осмысливающая всякую жизнь и всякое дело, цель, на самом деле прекрасная и священная, – не та, ради которой каждый отдельный человек гнется и кричит, старается и, богатеет, унижается и трепещет от страха, но та, ради которой действительно стоит жить на свете, ибо за нее стоит бороться и умереть. Для животного такую целью является продолжение рода, и в служении этой цели мать-самка отдает свою жизнь за детеныша. Но у человека есть более высокая, духовно верная цель жизни, на самом деле и для всех драгоценная и прекрасная или если собрать все эти определения в простой и скромный термин – Предметная.

Человеку стоит жить на свете не всем, а только тем, что осмысливает и освящает его жизнь и самую его смерть. Всюду, где он живет нестоящим, – пустыми удовольствиями, самодовлеющим накоплением имущества, кормлением своего честолюбия, служением личным страстям, – словом, всем, что непредметно или противопредметно, – он ведет жизнь пустую и пошлую и всегда предаст свою цель, как только встанет выбор между этой пустой целью и самой жизнью. Ибо он сейчас же рассудит так: спасу жизнь – останется надежда на удовольствия и приятности; погибну за удовольствия и за богатство – утрачу и их, и жизнь. Но если у человека есть предметная, священная цель жизни, то он мыслит обратно: если предам мою предметную цель, то потеряю и самый смысл жизни, а на что мне жизнь без смысла и святости?.. – такая жизнь мне не нужна, а предметная цель священна и необходима и тогда, если моя личная жизнь на земле прервется...

* * *

Жить предметно – значит связать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст моей жизни высший, последний смысл. Мы все призваны к тому, чтобы найти эту ценность, связать себя с нею и верно осмыслить ею наш труд и направление нашей жизни. Мы должны увидеть оком сердца предметное значение и назначение нашей Жизни. Ибо в действительности мы все служим некоему высшему Делу на земле, – Божьему Делу, – «прекрасной жизни», по слову Аристотеля, «Царству Божьему», по откровению Евангелия. Это есть единая и великая цель нашей жизни, единый и великий Предмет истории. И вот, в его живую предметную ткань мы и должны включить нашу личную жизнь.

Мы найдем свое место в этой ткани, увидев с силою очевидности, что жизнь русского народа, бытие России, – достойное, творческое и величавое бытие, – входит в это Божье Дело, составляет его живую и благодатную часть, в которой есть место для всех нас. Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, – от крестьянина до ученого, от министра до трубочиста, – я служу России, русскому духу, русскому качеству, русскому величию, – не «маммону» и не «начальству», – «не личной похоти» и не «партии», не «карьере» и не просто «работодателю», – но именно России, ее спасению, ее строительству,

ее совершенству, ее оправданию перед Лицом Божиим. Жить и действовать так значит жить и действовать согласно главному, предметному призванию русского человека, это значит жить предметно, т.е. службу превратить в служение, работу в творчество, интерес во вдохновение, «дела» освятить духом Дела, заботы возвысить до замысла, жизнь освятить Идеей. Или, что то же самое, – ввести себя в предметную ткань Дела Божия на земле.

Предметность противостоит сразу и безразличию и безоглядному своекорыстию, – этим двум чертам рабского характера.

Воспитать к предметности значит, во-первых, вывести человеческую душу из состояния холодной индифферентности и слепоты к общему и высшему; открыть человеку глаза на его включенность в ткань мира, на ту ответственность, которая с этим связана, и на те обязательства, которые из этого вытекают; вызвать в нем чутье и вкус к делам совести, веры, чести, права, справедливости, церкви и родины. Поэтому стать предметным человеком – значит проснуться и выйти из гипноза бездействия и страха, растопить свою внутреннюю льдину и расплавить свою душевную черствость. Ибо предметность противостоит прежде всего безразличию.

Воспитать к предметности значит, во-вторых, отучить человека от узкого и плоского своекорыстия, от того «шкурничества» и той беспринципной изворотливости, при которых невозможно никакое культурное творчество и никакое общественное строительство. Стать предметным человеком – значит преодолеть в себе примитивный и безоглядный инстинкт личного самосохранения, тот наивный и циничный эгоизм, которому недоступно высшее измерение вещей и дел. Человек, не обуздавший своего животного себялюбия, своего практического эгоцентризма, не открывший себе глаза на свое призвание – служить, не научившийся преклоняться перед высшим Смыслом и Делом, перед Богом, будет всегда существом социально опасным. Так, Предметность освобождает не только от душевного безразличия, но и от скудости и пошлости личного эгоцентризма.

В этих двух требованиях содержится азбука предметного воспитания. И надо признать, что вне ее – всякое вообще воспитание мнимо и призрачно и всякое вообще образование мертво и формально. Самое важное, что должны дать человеку семья и школа, – это предметно– открытый взор, предметно живое сердце и предметно готовую волю. Человек должен видеть и разумеет ткань Божьего Дела на земле, чтобы знать, как можно войти в нее и как следует включать себя в ее жизнь, – чтобы сердце его отзывалось на явления и события в этой ткани, как на важные драгоценные, вызывающие радость и горе, чтобы воля была способна и готова жертвовать этой ткани своим личным интересом и служить ей не за страх и не за долг, а за любовь и за совесть.

Ныне, как, может быть, еще никогда, Россия нуждается в таком воспитании. Ибо ранее в России была жива религиозная и патриотическая традиция такого духа и такого воспитания. А ныне старые традиции порваны, а новые еще не завязались и не сложились. Завязать и укрепить их должна система предметного воспитания.

Духовная предметность души является, как сказано, выходом из безразличия и своекорыстия. Но этим преодолением, которое имеет лишь отрицательное, а не Положительное значение, предметность не определяется и не исчерпывается. По существу же идея предметной жизни и предметного человека может быть описана так.

Преодолев свое безразличие, человек должен найти себе настоящее и достойное содержание жизни. Он должен целно полюбить нечто такое, что на самом деле заслуживает цельной любви и преданного служения. Это значит, что настоящая предметность имеет два измерения: субъективно личное и объективно ценностное. Первое измерение, субъективно личное, определяет, действительно ли я предан моей жизненной цели, искренен ли я в этой преданности, целен ли я в этой искренности и, наконец, действую ли я согласно этой преданности, искренности и цельности. Второе измерение, объективно ценностное, определяет, не ошибся ли я в выборе моей жизненной цели, действительно ли мой «предмет» Предметен, действительно ли моя цель священна и правда ли ею стоит жить и за нее стоит бороться и, может быть, умереть. Ибо в жизни возможны разные пути и перепутья.

Так, возможно, что человек субъективно «предметен», а объективно нет. Это значит, что он страстно, искренно и деятельно предан ошибке, напр., какому-нибудь вредному, обольстительному учению, ложной политической цели, нелепой и лукавой вере... Тогда возникает страстное и искреннее кипение в пустоте или соблазне. Но возможно и обратное, – когда человек высказывается в пользу верной цели, которую действительно стоит жить и за которую стоит бороться до смерти, но сам он относится к ней холодно, не имея для нее ни любви, ни жертвенности, ни борьбы. Тогда возникает верная формула Предмета, не больше, а, может быть, еще и аффектированная декламация о Предмете, верная по содержанию, но фальшивая по чувству и скользко-предательская в жизни. В-третьих, возможно и такое положение дела, при котором субъективно-холодный человек холодно разговаривает о Предметно неверных или соблазнительных целях жизни. Однако верна и духовно значительна четвертая возможность, когда человек искренно, цельно и деятельно предан Предметной цели, т.е. делу Божьему на земле, например, церкви, науке, искусству, духовному воспитанию своего народа, организации справедливой жизни, спасению своей родины, выработке свободного и справедливого права. И эта возможность есть единственно верная.

Тогда душой человека владеет двойная или подлинная Предметность. Она захватывает его душу, осмысливает его жизнь, делает его цельным и огненным и придает его жизни религиозный смысл даже и тогда, когда он сам себя не считает ни верующим, ни церковным, ибо сокровенная религиозность глубже явной и незримая церковь обширнее зримой. Такой человек переживает свой Предмет – сразу – как далекую цель, как объективное-будущее-желанное событие и в то же время – как близкую реальность, как вдохновляющую его силу, как подлинную ткань бытия, которая захватывает и его личные силы. Настоящий человек ищет в своей жизни прежде всего – Предметности, т. е. Дела Божьего на земле, он углубляет до него каждую жизненную задачу, каждое жизненное отношение, он освещает из него все дела, исходит из него, как из задания, и восходит к нему, как к цели.

Все это придает ему особый дух – дух искания, ответственности и служения, без которого человек остается обывателем или карьеристом, слугою своих страстей или медиумом чужих влияний, а может быть, и хуже – лисой, хамелеоном и предателем. По духу искания, ответственности и служения предметные люди легко и быстро узнают друг друга, и тот, кто раз приобщился ему, быстро научивается без ошибки узнавать его: он узнает его и у Конфуция, и у Сократа, и у Марка Аврелия, и у Вильгельма Оранского, и у Карлейля; а у нас в России – он узнает его и в православном старце, и в Петре Великом, и в Суворове, и у праведников Лескова и будет прав, ибо этот дух действительно создавал и строил Россию. И вот каждое такое открытие, каждое такое знакомство будет ему духовной радостью и будет вызывать в нем желание – включить узнанное в свою жизнь, а если это живой человек, то связаться с ним крепко и надолго полнотою доверия и братским сотрудничеством. Предметные люди – братья перед лицом Божиим; они суть как бы живые нити Божией ткани на земле; или – живые струи Его потока; граждане Его медленно возрастающего Царства. И именно этим объясняется присущее им стремление – пробудить в других чувство Предметности, сознание Предмета, искание Предметности, чувство предметной ответственности.

Вот почему Предметность можно было бы описать, как включение себя в Дело Божие на земле, или как вплетение себя в Его ткань, или как вхождение в Его поток, как отождествление своего дела с Его Делом, своего успеха с Его успехом, своей силы с Его силою. И этому соответствует измерение его мерилami и его успехами – своей жизни, своей ответственности, своих решений, своей правоты, своей удачи и победы. Ткань этого Дела реально присутствует во всем: в природе и в человеке; в самом человеке (в теле, в душе и в духе) и в его культуре; в индивидуальной жизни и в народной жизни; в семье и в воспитании; в церкви и в вере; в труде и в хозяйстве; в праве и в государстве; в науке и в искусстве; в деяниях воина и в деяниях монаха. Надо научиться воспринимать ее, видеть ее,

радоваться ей, пребывать в ней и служить ей. И воспитание человека тем лучше и глубже, чем больше оно сообщает ему это умение.

Можно было бы сказать, что Предметность есть единый и общий источник всех благих побуждений человека, ибо все они определяются словами «хочу Божьего Дела» и «служу Божьему Делу». Все благие дела и побуждения человека суть видоизменения Предметности; и любовно-творческое отношение к природе, и самовоспитание, и строительство семьи, и дружба двух людей, и хозяйственное вдохновение, и чувство ответственности и вины, и социальное чувство, и правосознание, и верный патриотизм, и совестный акт, и научная совесть, и художественное созерцание, и молитва, и церковное сознание – все это разновидности «божеского» подхода к Божьему Делу на земле. Это есть то, в чем нуждается всегда все человечество, но чего ищут и чем владеют только лучшие люди. Все великие религии хотели и донныне хотят этого; все монашеские ордена, все организации братства, чести и служения (начиная от университета и кончая армией), все они ищут именно Предметности в своей сфере. И духовный уровень каждого такого человеческого союза определяется именно тем, поставлены ли в нем на должную высоту – воля к Предметности и организация Предметности. Ибо есть своя особая Предметность в церкви, и своя особая Предметность в науке и преподавании, и своя Предметность в суде и управлении, своя Предметность в искусстве, своя Предметность в армии. И все это, что называется в жизни – лицепрятием, nepoтuзмoм, cвyтoкyпcтвoм, взыткoю, криводушiem, гpаждaнcкoю тpycocтью, пoлитичecкoй пpодажнocтью, завистью, лectью, пpедaтeльcтвoм, бeccчecтiem, кapьepизмoм, лyкaвcтвoм, интpигoю или жe, выpажaяcьpyccкими лeтoписными cлoвaми, – «кpивдoю» и «вopовcтвoм» – все это, что разлагает нравы и создает растленную культуру и больную государственность, сводится к отсутствию Предметности в душе и в жизни. Но надо сказать и обратное: нет более крепкого и плодотворного единения на земле, как единение людей в духовной Предметности – в совместной молитве, в духовной близости брака и дружбы, в настоящем академическом сотрудничестве, в воинском братстве единой армии, в предметно-политическом единочувствии, в патриотическом подъеме.

* * *

Тот, кто испытал влияние Предметности на человеческую душу, тот сразу поймет, если я скажу: Предмет есть некая живая и священная стихия, субстанция или «эссенция» духовной жизни, которая несет человеку множество драгоценных даров. И прежде всего она дает ему чувство предстояния: «есть нечто высшее и большее, нежели я сам, такое, что я вижу и к чему я стремлюсь, что мне светит и зовет меня и с чем я связан благоговением и любовью». И далее – чувство ответственности, ибо это предстояние связывает меня, возлагает на меня обязанности и полномочия, за осуществление коих я отвечаю. Отсюда новый дар: чувство реальной силы, которая призвана к действию, так, что решения ее небезразличны и усилия ее не бессильны, но необходимы и драгоценны в плане Божьего Дела. С этим связан новый драгоценный дар – чувство служения, т.е. уполномоченного и призванного самостоятельного делания перед лицом Божиим, чувство несения бремени, разрешения заданий, – словом, творческого участия в деле мироустроения. В естественной связи с этим стоят новые дары Предметности: с одной стороны, – неподдельное смирение, ибо предстоящий духовной субстанции мира чувствует свою малость и беспомощность, и ответственный знает, за что и перед Кем он отвечает, и несущий служение учится скромности и смирению, – а с другой стороны – Предметное служение дает человеку уверенность в своей правоте, которая свободна и от самомнения, и от гордости, – и некую духовную строгость и властность, которые проистекают непосредственно из чувства Предметной наполненности, призванности и силы. Человек, живущий ответственным Предметным созерцанием, есть вдохновенный человек, а настоящее вдохновение есть именно проявление Предметности и ее дар; человек во вдохновении дышит законом самого Предмета, выговаривает Его содержание, осуществляет Его ритм, и так обстоит везде – в

искусстве, в науке и в политике. Именно поэтому Предметному человеку присущ дар верного целеполагания, ибо цели, которые он видит и ставит, имеют всегда далекую силу и высокий смысл; они бывают верны и в земном, эмпирическом плане, но никогда не ограничиваются им и не исчерпываются, потому что их главная сила и их главный смысл – в «небесно-земном» плане, т.е. в том, что они включены в ткань Божьего Дела. Предметный человек, – знает он о том или не знает, а иногда он об этом и не знает» – есть орудие или орган Дела Божьего на земле, а потому и судьба его небезразлична в высшем плане бытия, и сам он спокойно поручает себя Руке Божией, – вот так, как Пушкин выговаривал это в своем «Арионе» и как Тютчев выговаривал это о самом Пушкине («Ты был богов орган живой»...). Такой человек не считает свой земной конец «гибелью» и не верит в неуспех или поражение своего земного дела, ибо он знает, что «его» дело не есть только «его» дело, а есть Дело Предметное и потому – Божие, что неудача его есть лишь видимая неудача и что конечная победа его обеспечена высшею Силою. Образно это можно было бы выразить так: он всю жизнь как бы держится правой рукой за небо. Во всяком случае, он твердо знает, где находится его главная опора и Кто в конечном счете решает его судьбу.

Все это можно было бы выразить так, что Предметность дает человеку верное чувство собственного духовного достоинства.

Напрасно современные безбожники полагают, будто Бог есть фантастическое существо, пребывающее где-то «за облаками», о коем мы воображаем всякие страхи и перед которым мы все время унижаемся. На самом деле вера в Бога не унижает и не обессиливает человека, а напротив – возносит его, преображается и укрепляет.

Это объясняется тем, что Божие присутствие и веяние мы воспринимаем в нас самих, и притом не страхом, а любовью, не протестом, а радостью и не унижением, а преображением и вознесением. Эта любовь и радость, это восприятие и созерцание Божьего веяния сердцем и волею, это осуществление Его воли, как своей, и признание всего этого мыслью несколько не унижают человека, а преображают и возносят его. Безбожники представляют себе отношение человека к Богу, как отношение маленькой и слабой вещи к огромной и сильной, т.е. как внешнее отношение, – какое-то «внестояние» и «противостояние», страшное, угрожающее... – вот-вот обрушится гора и раздавит... На самом же деле все это обстоит совсем иначе. Это есть внутреннее отношение, – отношение восприятия и любви, присутствия и радости, откуда и возникает своеобразное и таинственное единение человека с Богом.

Человек воспринимает дыхание Божие в глубине своего личного духа – не слухом и не словами, а сердцем: тем таинственным и глубоким, чувствилищем, которое мы называем «верую» и «молитвою», а также – вдохновением, совестью, очевидностью или иным актом созерцающей любви. Испытав что-либо из этого, – одним актом или многими, долго или кратко, – человек обновляется. Сущность этого обновления состоит в том, что человек, по слову Евангелия, научается быть и жить на земле в качестве земного «сына» Божия. Для этого надо, чтобы человек любил Бога и вместе с Богом любил то совершенное, что Бог любит, и желал Бога и вместе с Богом желал того божественного, чего Бог желает, и созерцал Бога и Его творения лучом своего сердечного созерцания и стремился узреть то, что Бог зрит в людях и в мире. Пережив это, человек осуществляет и утверждает свою способность – «быть с Богом заодно», любить Его и любить с Ним вместе, желать Его и желать с Ним вместе, созерцать Его и созерцать с Ним вместе. И если человек раз осуществил эту способность, оценил ее смысл и значение, на деле доказал ее и утвердил за собою, то это значит, что он вошел в ткань духовной Предметности мира, приобщился ей и включился в нее. Это значит, что он стал к Богу в отношении «сына» к «Отцу, стал человеком-сыном. Он перестал быть человеком-волком или просто – «человеком-сыном земного отца». Он стал человеком, воспринявшим своего Небесного Отца, – искрою Его огня, каплею из Его предвечного водомета, ценным камнем из Его сокровищницы, дыханием Его уст, Его органом, Его носителем, Его жилищем или храмом, Его сыном, имеющим призвание и право говорить Ему «Отче наш!»...

Вот откуда родится то основное, без чего нет духовной личности, – чувство собственного духовного достоинства, это не самомнение, не самоуверенность, не тщеславие, не честолюбие и не гордость, а именно чувство собственного духовного достоинства, в котором уважение к своему духу есть в то же самое время смирение перед лицом Божиим, – и это даже не «чувство», ибо чувство неустойчиво и скоропреходяще, это предметная уверенность, доведенная до очевидности, до убеждения, до основы личной жизни. Это не есть повышенная или преувеличенная самооценка, всегда голодающая по чужому признанию; здесь дело не в оценке своего земного состава, но в способности утвердиться в своем сверхземном составе, т.е. установить в себе алтарь Божий и поддерживать на нем огонь Божий (по древнему гимну: «Тебе в сердцах алтарь поставим»...), и обратиться к Богу со словом «Отец» и с делами «сына».

Всякому человеку доступно, и достойно, и необходимо поставить в своем сердце этот молитвенный алтарь, внимать зовам совести и чести и сделать свою волю орудием Воли Божией, – и тем утвердить в себе духовное достоинство как основу личной жизни, как верное мерило людей и их поступков, как чувство личного, общественного и политического ранга. От этого у человека делается непроезжимое устно и словесно, но вечно живое «рассуждение» или волевое решение вроде следующего: «как совершу я это злое дело, я, предстоящий моему Богу и освещаемый Его огнем?» или «как войду я сегодня в единение с Богом, покрывив душой?», или «как соблазнусь я взяточню, если я призван ткать ризу Божию?», «как оправдаю я эту жизнь притворства и лжи перед живущим во мне сыном Божиим?», «как уроню в себе носителя Духа?», «если совершу эту низость, – то куда я денусь от живущего во мне дыхания уст Его?», «что останется от меня, если угашу в себе Его огонь?»... И все это есть не что иное, как голос собственного духовного достоинства, дающий человеку живую совесть, повышенное чувство ответственности, непрерывное предстояние, верное и спокойное хождение по Его путям, прилежное ткаение ризы Его. А если выразить все это в общей, осторожной и скупой философской формуле, то это есть Предметность сердца, воли и дел.

Вот к чему надо воспитывать новые поколения русских людей. Вот в чем нуждается свободный, достойный, гражданственный русский человек. Вот в чем спасение и расцвет грядущей России. И о том, как нам создать на этих основах новое русское воспитание и образование, – должны быть все наши помыслы.

Кризис демократии обостряется

Когда двадцать лет тому назад автор этих строк выступил в печати с рядом статей, вскрывавших кризис современной демократии, то он встретил слева явные признаки раздражения, обиды и гнева. Это было понятно: эта критика оскорбляла политическую «веру», подтачивала мирозерцание людей, покушалась на усвоенные ими «нравственные» основы. «Демократия», как «знамя жизни», была тогда, да для многих осталась и теперь, – «священным догматом» бытия, критерием добра, заветным идеалом, той высшей целью, которой они посвятили свою жизнь, ради которой они боролись, приносили жертвы и гимнами провожали в могилу своих товарищей, героически «павших в борьбе роковой»... Она заменяла людям утраченную религию, и их «демократическая гуманность» с ее фальшивой сентиментальностью, обращенной исключительно налево, составляла последний искаженный остаток христианства. От демократии ждали, да и теперь ждут, – ждут с уверенностью, с пафосом, с инквизиционной нетерпимостью, – «спасения» для будущей России. Кто приемлет эту веру, тот «человек», деятель, строитель будущего, ему открыты «двери», «салоны», газеты и издательства, он будет приглашен во всевозможные «координирующие» «субординации», а в «решающие дни российской эмиграции» (как теперь заносчиво и глупо выражаются) ему позволят сесть за один стол с болтливо-претенциозными «вождями» и получить «свою долю» в распределении добытых «нумизматические коллекции»... Но кто не приемлет эту веру, тот будет беззастенчиво

оклеветан, извергнут, изолирован и демократически казнен по системе организованного «замалчивания».

Так было двадцать-тридцать лет тому назад, так осталось и теперь. На свете существует и сплоченно работает демократическая инквизиция. И чем она настойчивее и активнее, тем больше жертв, мук и крови потребуется в будущем для того, чтобы люди отрезвились и образумились от этого демагогического угара... Однажды эта инквизиция будет, конечно, изжита наподобие того, как изжилась и угасла католическая инквизиция, но до тех пор мы, все мы, не разделяющие эту слепую веру и обладающие другими, религиозно-духовными основами мирозерцания, должны быть готовы ко всякой клевете и ко всякой интриге. Недемократ должен знать и помнить, что законы чести, порядочности, права и свободы в применении к нему будут истолкованы в самом превратном и для него вредном смысле, что демократическая инквизиция всегда будет требовать «гуманности» – налево, даже для заведомого и избличенного атомного шпиона, но никогда не вспомнит о «гуманности», когда дело коснется патриотов и героев правого умонастроения. Последние десять лет дали тому более чем достаточно иллюстраций и доказательств!

Но все это относится к «идеологам» демократии. А между тем исторический процесс развивается сам по себе, независимо от этих фанатиков и инквизиторов, и свидетельствует недвусмысленно о том, что кризис демократии все углубляется и обостряется... Основные черты его могут быть описаны так:

1. Исторически демократия выступала с протестом против «дурного» управления и «дурных» правителей старого режима. Ее претензия состояла в том, что именно она призвана указать прекрасных правителей и справедливое управление. Демократия претендовала на выделение нового, истинного политического отбора: новой «аристократии» свободы, справедливости, честности и характера; и все это должно было осуществляться периодически всеобщими и равными выборами. И вот эта претензия слишком часто не оправдывается. Выборы стали выделять слишком много партийных честолюбцев; «деятелей», лишенных политического и хозяйственного опыта, людей с интернационально подорванным патриотизмом; «политиков», радеющих не о государственном деле, а о классовых и партийных завоеваниях; демагогов вроде Гитлера, Геринга, Геббельса, Тельмана, Тореза, Тольятти, Дмитрова, Бивэна и Джона Льюиса, международных нырял вроде Парвуса-Гельфанда, Радека и Леона Блюма, авантюристов-предателей вроде Альфреда Розенберга, Пьера Лавалья и норвежского Квислинга; спекулянтов-приобретателей вроде Ставицкого; близоруких политиков вроде Макдональда и Чемберлена-мюнхенского; и многое множество парламентских карьеристов. Таким образом, демократические выборы не обеспечили нового качественного отбора и выдвигали людей небольшого государственно-мирового масштаба.

2. Далее, кризис демократии вызывается тем, что ее форма обезволивает государство и государственную власть. За последнее столетие сложность и ответственность государственных задач все возрастала. Культурная, хозяйственная и национальная жизнь народов дифференцировалась (т.е. становилась все сложнее и многограннее), а единство и сила государственной власти шли в демократиях на убыль. Демократия несет государству расслоение, самоутверждение корыстной особи, идею классовой борьбы, партийную непримиримость и волевой застой. Демократия хочет строить все на «сговоре» и в то же время развязывает центробежные силы. Она не желает сильной власти и задвигает крупных, волевых и сильных людей. Она принципиально вовлекает всех в политику и будит в людях честолюбие, властолюбие и жажду фигурирования. Ее политика очень легко приобретает черты беспринципного ловкачества, демагогии, интриги и торговли. Этим она растрачивает время и энергию и попирает принцип экономии сил. Демократия лишь с большим трудом добывается государственного единения, она презирает начала авторитета, субординации, водительства и принуждения и не понимает, что за этим скрывается тяга к революции и анархии. Единая, сильная, прочная, устойчивая и ответственная власть нежелательна ей и не дается ей – и в этом заложено начало кризиса и распада. Преуспевать она может только в

малых и притом невоюющих государствах, подобных федеративной Швейцарии, или же в государствах с устойчивым благосостоянием (Соединенные Штаты, прежняя Англия).

3. Итак, вовлечение всех в политику, в голосование, в избирание и в кандидирование – входит в самую сущность демократического строя. Но всякая подача голоса есть суждение о судьбах народа, о государстве, о строении власти, о национальной культуре, о церкви, об армии, о финансах, о школе, о воспитании, о праве, о суде и о хозяйстве страны. А так как «все» отнюдь не компетентны во всех этих великих делах и ответственных задачах, то почти все эти изъявления оказываются превышающими личную силу суждений у голосующего. Люди судят и решают о том, о чем понятия их отнюдь не позволяют им судить. Поэтому они отвечают не на тот вопрос, о котором их спрашивают, они подменяют ответственный и претрудный вопрос – безответственным и легким. Их спрашивают о едином и общем благе народа и государства, а они отвечают о своем личном или партийном интересе. Им не хватает правосознания, знаний и гражданского мужества. Поэтому демократическое голосование пытается извлечь публичное спасение из множества ошибочных и недоразуменных суждений, из вороха шкурных ответов. Вот почему мудрый Томас Карлейль восклицал с неподдельным отчаянием: «Мир изобилует слухами, а вы добились всеобщего голосования!»

Поэтому демократии слишком часто выбирают не лучших и не компетентных людей, а массовых «угодников», обещателей, льстецов, демагогов, крикунов и честолюбцев. Голосование здесь безответственно, а тайная процедура «хоронит все концы в воду». Остальное доделывает арифметический подсчет голосов: он решает, которая из партий, проламывающаяся к власти всеми правдами и неправдами, «победила» и в данный момент «имеет право» захватить государственную власть.

Итак, принцип демократии есть безответственный человеческий атом и его лично заинтересованное и некомпетентное изволение. В этом уже заложено начало кризиса.

4. Демократия строится механизмом выборов. Этот механизм якобы оказывается на «свободе мысли» и «воззрений», и именно в силу этого он представляет в государственном деле каждому неучу право на невежество, каждому бессовестному человеку право на интригу, каждому неразоблаченному предателю право на предательство. О воспитании ответственности и о прикреплении личного голоса к основам здорового правосознания формальная свобода не позволяет и думать. Об умственном и нравственном ранге людей принцип равенства не позволяет и заикаться. Зато слепая и мстительная партийность часто развертывается во всей своей вредоносности.

Но партийная работа требует прежде всего личного честолюбия и денежных средств. И вот оказывается, что демократия напрягает и развязывает в народе силы честолюбия и ставит их в зависимость от финансовых ассигнований. Наивно было бы думать, что партийные денежные средства, необходимые на издание газет и брошюр, на пропаганду и агитацию, на содержание организационных центров, на разъезды ораторов и на подкуп нужных лиц могут быть собраны партийными членскими взносами. Эти средства поступают обычно из непроглядной кулисы, из источников, которые, например, в современных Соединенных Штатах то и дело подвергаются заподозрению и безнадежной «проверке»: ни партийные деньгодатели, ни партийные деньгополучатели не заинтересованы в публичной и недвусмысленной отчетности, и все тонет во тьме. Наиболее яркими образцами партийного «субсидирования» являются сношения между Лениным и Людендорфом (через Парвуса-Гельфанда), широкое излияние валюты национал-социалистами по всей Европе и та бесконечная растрата русских национальных средств, которая вот уже 36 лет практикуется советскими коммунистами во всем мире для оплаты партийцев и избирательных голосов во всех странах света... Само собой разумеется, что кроме таких явно иностранных источников в каждой стране имеются еще свои внутренние: то полумеждународные, то национально-капиталистические, то правительственные, то конфессиональные...

Во всяком случае, история устанавливает как факт, что демократические выборы требуют больших партийных средств и расходов и что источники этих «дотаций» тонут в

международной мгле и не встречают достойного разоблачения и отпора в демократиях. Таков четвертый главный источник кризиса демократии: партийная зависимость от непроглядных «дотаций», то внутренних, то прямо вражеских, нередко просто корруптивных...

* * *

Тот, кто внимательно продумает указанные мною опасности, раскрывающиеся для демократического режима на каждом шагу, тот поймет без труда политические события последних двадцати лет и сумеет верно предусмотреть и предстоящую политическую эволюцию.

Государство есть начало – волевое и действенное. Его нужды и пользы требуют зоркого видения и решимости. Режим, неспособный к волевым решениям, будет неизбежно погрязать в партийной торговле и интриге, растрачивать время, упускать спасительные возможности и разочаровывать своих граждан. Вследствие этого голосующие граждане давно уже начали охладевать к своему «праву голоса», и чем чаще их тревожат призывом к урнам, и чем сложнее жизнь страны, и чем сильнее волевые колебания и нерешительность правления – тем острее становится кризис демократии, особенно тогда, когда последние остатки гражданственной жертвенности иссякают в войнах, а левые или правые демагоги манят «спасительными» программами, льстят массовым страстям и обещают волевою политикой. Демократические массы самых передовых государств не в силах разобраться в лживости и несбыточности этих демагогических посулов: это превышает их силу понимания и суждения. Помимо этого они дорожат частным прибытком и закрывают себе глаза на несовместимость этого вожделенного прибýtка с национальным благом или даже публичным спасением. К этому их особенно неумоимо и систематически приучают социалистические партии, мыслящие по схемам классовой программы и интернациональной солидарности: «зачем вооружаться, когда в крайнем случае можно интернационально брататься?», «что нам колониальные владения, когда пробил час для экспроприации стальной промышленности?», «не к чему затрачивать деньги на постройку флота, когда лучше повесить рабочим заработную плату и тем привлечь их голоса на выборах!», «нельзя увеличивать бюджет на авиацию, когда несколько миллионов партийной полуинтеллигенции требуют себе доходных мест в рядах социалистической демократии!», «а может, быть, бесплатная выдача очков, париков и корсетов гораздо важнее для народного здоровья, чем надлежащий импорт жиров и мяса?»...

Во всех таких постановках вопроса смысл государственного бытия утрачивается совершенно; демократический режим начинает заживо разлагать государство и вступает в период острого кризиса (современная Англия).

Иной путь того же самого кризиса ведет через машину парламентаризма. Партии думают не о государстве и его судьбе, а о своих избирателях. Избирателям надо угождать, иначе грозит провал на следующих выборах. Но угождение это состоит в предоставлении им реальных благ: свои вождения у крестьян, свои у рабочих, свои у городского мещанства... Все обременительное для них – надо предотвратить; всякие облегчения и подачки им надо проташить через парламент. А тут, как назло, выступают конкурирующие партии, которые того гляди обещают и продвинуто больше. Отсюда эта специфическая «парламентская» атмосфера: «Я ни за что не дам тебе провести такую-то реформу, потому что я ее сам хочу провести, реформа нужна и хороша, но она должна идти не от тебя, а от меня, если же и ты мне тоже не дашь провести ее, то пусть она проваливается»... И еще: «всякое министерство, спасающее страну не по моему рецепту, должно быть провалено!»... Или еще: «вы мое министерство провалили, хорошо: за это я провалю всякое ваше министерство, будь оно хоть семи пядей во лбу и предлагай оно хотя бы одни мудрые и справедливые реформы»... Парламент превращается в какую-то спортивную площадку, совершенно лишенную «спортивного джентльменства». «Лес» забыт, остаются одни «деревья», и люди, цепляясь за

деревья, стараются нанести друг другу обессиливающие удары палками. И только в одном враги готовы солидаризироваться: не пускать впредь людей с сильным, независимым характером, хотя бы мудрость и правота была всецело на их стороне. Есть такие шумливые и скучные машины, перетирающие тяжелые камни в гравий; они не строят, а только переламывают. В такой законодательной машине ни одно государство не нуждается; и если парламент начинает молотить гравий, то он разочаровывает народ и губит государство.

Третий путь этого кризиса ведет прямо к диктатуре. Это путь безволия и творческого бессилия средних партий и обманной демагогии со стороны крайних партий – то левых, то правых. Опыт истории показывает, что народные массы ценят в демократии не свободу, а прибыль. Свобода нужна тем, кто ведет духовную жизнь; безмерная свобода особенно желанна честолюбцам, карьеристам и демагогам. Широкие же массы мечтают о легком и быстром улучшении своего материального состояния: меньше налогов, меньше повинностей, меньше работы, отсутствие сословных (а по возможности – и образовательных) ограничений, легкое обогащение, легкое карьерное возвышение, прочность «социальных завоеваний», комфорт и удобство (автомобили, мотоциклетки, велосипеды) и поток развлечений. С самой древности, выдвинувшей лозунг «хлеба и зрелищ», изменилось немного; точно формулировал это мне недавно итальянский подросток, сводивший все к лозунгу «хочу развлечений» («io volo divertirsi»).

Подобно этому наивно и неверно воззрение, будто народные массы стремятся к равенству; совсем нет, они хотят неравенства в свою пользу («ote toi de la que je m'y mette») и считают это «справедливостью». В основе же этого мнимого «эгалитаризма» лежит жадность и зависть.

Вот почему в периоды исторической нетерпеливости (после стихийных бедствий, эпидемий, войн, во время экономических кризисов, революций и гражданских войн) слух народных масс оказывается особенно обостренным и отзывчивым для всяких «волевых» программ имущественного сдвига, передела или просто грабежа. И надо признать, что демократический строй, приучающий массы не к служению, а к приобретательству, не к жертвенности, а к притязаниям – готовит сам себе крушение именно в этом направлении. На всякого «обещателя» найдется более беззастенчивый конкурент; на всякого социального демагога найдется превосходящий его проповедник уголовного грабежа (Ленин: «грабь награбленное»). И если демократия, организует сущий «аукцион» государственной власти, то ее сметет революция, разрешающая «вольную экспроприацию» – и народ отдаст «свободу» за прибыль и «равенство», за вольное захватное неравенство в свою пользу. И тогда все это увенчается левым или правым тоталитаризмом...

Эволюция демократического режима совершается за последние 20 лет именно в этом направлении. На наших глазах демократическая Германия организовала правительственное безволие, накопила 6 миллионов безработных, отреклась от свободы и голосования и рухнула в правый тоталитаризм Гитлера, увлекая за собою всю восточную половину Европы (1933-1945). На наших же глазах разложился демократический Китай Сун Ятсена и провалился в кровавый тоталитаризм Мао Цзэ-дуна. На наших глазах совершается распад английской империи, метрополия которой предалась демагогическому социализму; и надо еще знать, что за первую половину 1953 года Эттли и его партия настолько полевели, что выставили в своей программе новое возвращение к социализму (новый захват промышленности, вмешательство в строение кораблей и воздушных аппаратов, в дело продовольствия, возврат к бесплатному лечению и т.п.): они ничего не забыли и ничему не научились...

А ныне все указанные нами опасности надвигаются на Францию и на Италию.

* * *

Поучительно, что тревога за устойчивость демократии, вызываемая указанными нами опасностями, обнаруживается и в кругах самих «верующих» демократов. Приведу несколько

показательных выдержек из современной прессы.

Вот что писали, например, за последний месяц авторитетные демократические газеты объективной Швейцарии.

Франция «со своим парламентом, совершенно, не поддающимся ни руководству, ни предусмотрительному учету, с этим парламентом, выбрасывающим из седла всех претендентов на пост министра-президента, одного за другим, – опустилась на самый низкий уровень своего политического развития». «Из двадцати политических кризисов, разыгравшихся после освобождения страны от оккупации, современный кризис является самым злостным, грозящим скорее всего развернуться в кризис государственный»... Этот кризис «гасит всякую надежду на скорую нормализацию нынешних хозяйственных и платежных отношений... И та отчаянная политика отчаянных мер (*desperado-politick*), которая стала ныне неизбежной, скоро отомстит за себя всему французскому хозяйству».

Еще гораздо резче прозвучали слова председателя французского парламента Эррио: «У нас всякая политика уперлась в мертвую точку. В глазах всего мира мы оказываемся неспособными наладить собственные внутренние дела. Никогда еще Франция не страдала подобным малокровием. Наша угрожаемая, ославленная и презираемая страна гибнет от того, что каждый требует жертв от другого, но не желает принять их на себя»... Тот, кто просматривал за этот месяц французские газеты «*l'aurore*», «*le figaro*», «*le monde*», находил в них слова настоящего политического отчаяния. Что делать? Где спасение? В роспуске парламента? В обновлении конституции? Мы отвечаем: в обновлении и облагораживании национального правосознания...

Слова эти были только что написаны, как телеграф принес из По текст последней речи французского президента Венсена Ориоля. Приводим буквально выдержку: «Демократия есть труднейший из всех режимов. Она требует от граждан и от их представителей большого гражданского мужества, соглашений и единомыслия! Иначе она вырождается в анархию и бессилие. Поэтому необходим государственный авторитет для того, чтобы бороться с этой болезнью, которая грозит всем свободным режимам и в особенности режиму во Франции. Государственный авторитет необходим для того, чтобы защищать национальный суверенитет от нападений со стороны различных интересов, которые желают оказывать давление на парламента. Необходим пересмотр французского государственного устройства, но еще неотложнее реформа политических нравов во Франции». В заключение Ориоль вспоминает завет великого французского короля Генриха Четвертого (первого из Бурбонов, 1553-1610): «Мы родились не только для себя, но прежде всего для того, чтобы служить родине»... Мудрые и верные слова Ориоля, увы, конституционно бессильного и беспомощного главы государства!

Еще в более серьезном тоне обсуждаются итоги последних выборов в Италии. За последние годы казалось, что осторожная, но мудрая и социальная политика Де Гаспери консолидирует финансовое, хозяйственное и международное положение страны. Но июньские выборы 1953 года дали неожиданные результаты; ослабление центральных, созидательных партий и радикализации крыльев; мощное укрепление левого крыла и некоторое, небольшое укрепление правого крыла. Коммунисты и их оруженосцы, левые социалисты Ненни, имевшие в 1948 году 8,1 миллионов голосов, получили на этот раз 9,6 миллионов (прирост в Полтора миллиона). Католики («христианские демократы»), получившие ныне 10,8 миллионов голосов, потеряли за пять лет два миллиона. И вот люди встревожены спрашивают себя: что же будет, если такое явление возобновится на следующих выборах 1958 года? Тогда коммунисты соберут 11 миллионов голосов, а католики всего 9 миллионов – и Италия станет на путях легальной демократии провинцией Коминтерна!

Необходимо учесть при этом следующее. Голосовали и мужчины, и женщины. Процент активно участвующих был необычайно высок, выше 1948 г. Подано было из 30,2 миллионов голосов 28,3, что составляет почти 94,7%. Из мужчин воспользовались правом голоса 93,5%, из женщин – 94,7%. Возрастной ценз для выборов в сенат был 25 лет, для выборов в

парламент – 21 год. Эти 4 года дают в общем те 2 миллиона голосов, которые и были отданы крайним партиям. Важно отметить, что конфессионально итальянцы считаются католиками почти на 99% всего населения. Марксисты являются в Италии отлученными от церкви. Огромные вспомогательные организации были пущены в ход католиками, чтобы привлечь голос к католической партии, но выборы показали, что всего 40% католиков пошли за церковь, тогда как остальные не посчитались ни с ее запретами, ни с ее угрозами. Падение политического авторитета Ватикана оказалось катастрофическим, а тайна голосования сокрыла массовый государственно-религиозный грех.

В результате Италия повернула налево. Обманные призывы коммунистов к «международному миру», к «социалистическому благополучию» и т.д. превозмогли. Слабость политического суждения у итальянских баб и ребят и свобода коммунистического лганья – пошатнули все здания итальянского государства. И швейцарская демократическая печать делает такие выводы: «Опасность, которая ныне грозит Италии, состоит в возможности, что демократия во имя демократических принципов разрушит демократию, т.е. себя самое». До первой войны не было никаких коммунистических и фашистских партий, а парламентские выборы и образование правительства были действительно демократическими процедурами. Ныне, по опыту последних 35 лет, всякий знает, что коммунисты суть политические шулера. Но если шулер предлагает кому-нибудь играть в карты, то тот имеет только две возможности: или избить шулера его собственными картами, или, еще лучше, совсем не садиться с ним за стол. Применительно к теперешней Италии это означает, что необходимо покончить с прежней близорукой и сверхтерпимой политикой по отношению к коммунистической партии. Терпеть дольше от лица демократии и смотреть, как сила, враждебная демократии, разрушает демократию – было бы самоубийством демократии. И вся судьба Италии, а с тем вместе и судьба свободной Европы зависят от того, поймут ли это де Гаспери и другие демократические партии, включая и социал-демократов Сарагата, и сумеют ли они найти в следующее пятилетие перед лицом необычайно серьезной коммунистической опасности новые и более смелые решения или нет».

Трудно сказать, какие «более смелые» решения могут найти принципиальные демократы, еле-еле располагающие большинством в стране? Нельзя же запретить коммунистическую партию, владеющую почти десятью миллионами голосов в стране и представленную 70 депутатами в сенате и 218 депутатами в парламенте; да и правые социал-демократы на это не пойдут, ибо им выгоднее опираться на своих крайних левых «братьев». Не могут же «истинные демократы» решиться на гражданскую войну! Но они не могут также лишиться права голоса итальянских баб и ребят... Решиться же на радикальные социалистические реформы в стране – значило бы отречься от своей программы и начать «увертюру» к коммунистической «опере»... Остается правофашистский переворот, осуществляемый католиками... Но фашистская карта в Италии уже отыграна, скомпрометирована и бита.

Эта тревога швейцарских газет за устойчивость демократии в Европе вполне обоснована. Люди, подобные Бенито Муссолини, имеющие мужество открыто признать свои левые ошибки, оторваться во имя социальной программы от социалистической доктрины и начать новый политический отбор на формально недемократических основах, – редки и задача их, как показала история двадцатого века, чрезвычайно трудна. Демократия подняла и расшевелила повсюду человеческую гущу, а коммунизм раздражил и мобилизовал из этой гущи человеческий отброс, который ныне готов затопить собою всякий новый политический отбор. История фашизма в Италии и национал-социализма в Германии доказала это наглядно.

Вот почему мы имеем полное основание утверждать, что кризис демократии обостряется. И невольно спрашиваешь себя: неужели народам Европы недостаточно тех потрясающих социально-политических уроков, которые явлены в России, в Польше, в Восточной Германии, в Венгрии, в Румынии, в Болгарии и в Китае? Неужели только то, что испытано на своей собственной «шкуре», способно открыть людям глаза? Неужели

необходима школа коммунистического рабства и отчаяния?

Что за люди коммунисты?

Нет никакого сомнения в том, что двадцатый век выдвинул, мобилизовал и сплотил новый «сорт» людей, именуемых «коммунистами». Все остальное, некоммунистическое человечество в высшей степени заинтересовано в том, чтобы верно распознать их душевную установку, их умственный и духовный уровень, их происхождение, их сильные и слабые стороны. Ибо нам очень важно знать, что породило их? чего можно ждать от них? и что надо делать в будущем, чтобы люди такого сорта или совсем не возникали, или же своевременно обессиливались. Достаточно подумать о том, что три главных атамана современного коммунизма – Ленин-Ульянов, Троцкий-Бронштейн и Сталин-Джугашвили – родились и выросли в дореволюционной России, чуть не половину своей жизни действовали в ее пределах и неоднократно арестовывались ее полицией, с тем чтобы опять оказаться на свободе и подготавливать свои предательски-дьявольские планы к осуществлению. И Россия не сумела им помешать...

Компетентные люди исчисляли, что в 1917 году к началу октябрьского переворота людей коммунистического уклада и настроения насчитывалось в России не свыше 50000 (в том числе и люди, ввалившиеся из-за границы, а также люди, приобщившиеся немецкому золоту). Правда, рядом с ними стояли еще три социалистические партии, – меньшевики, социалисты-революционеры и народные социалисты, – так или иначе составлявшие их авангард, соглашавшиеся заседать с ними в совдепах и психологически подготавливавшие им их «социальное ристалище». Программно и тактически эти люди не были коммунистами, но идейно они состояли с ними в «братстве», и именно поэтому они не сумели противостать им, ни подготовить им отпор. Это были их «путерасчищатели» и «совздыхатели». Но смешивать их с коммунистами было бы несправедливо и неосновательно.

А мы сосредоточим наше внимание исключительно на коммунистах и начнем с России.

Будет справедливее всего, если мы предоставим самим коммунистам ответить на наш вопрос, помятуя, однако, что те нравственные и умственные мерилы, которые они прилагают к себе и к своим сторонникам, очень невысоки и соответствуют их умственному и моральному уровню. Это есть суд своих над своими. Действительность может быть только хуже этих отзывов.

Начнем с Ленина, наwerbовавшего этих людей, снабдившего их немецким золотом, поручившего им управлять Россией и присмотревшегося к их деятельности. Берем эти отзывы из его речей, произнесенных в последние годы его вменяемости (1921-1923). Вот его суждения через пять-шесть лет после захвата власти.

Коммунисты захватили власть в России, совершенно не подготовленные ни к управлению государством, ни к ведению хозяйства. Это были подпольные «интеллигенты», «старые нелегалы», «коммунистические литераторы» и «профессиональные журналисты» (1921.1.25), привыкшие разговаривать, писать партийные статьи и сидеть по тюрьмам. «Нас в тюрьмах торговать не учили! А воевать нас в тюрьмах учили? А государством управлять в тюрьмах учили? А примирять различные наркоматы и согласовать их деятельность? Нигде нас этому не учили»... Отсюда у нас всеобщее, повальное неумение вести дела. «Ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны сейчас учиться» (1922.ii.27). Необходимо «воспитание нас самих», необходимо «изучение практического опыта», «деловая проверка» и «деловитое исправление» (1921.1.25). «Несомненно, что мы сделали и еще сделаем колоссальное количество глупостей» (1922.xi.13). «Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны»... «Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суетня», «засоряющая наши учреждения и наши мозги»... (1923.iii.4). «Буржуазные деятели знают дело лучше, чем наши лучшие коммунисты, имеющие всю власть, все возможности и ни одного шага не умеющие

делать со своими правами и со своею властью» (1922.iii.27). Именно поэтому буржуазные спецы могут дурачить коммунистов: «если сколько-нибудь толковый саботажник встанет около того или иного: коммуниста или у обоих по очереди и поддержит их – тогда конец. Дело погребло навсегда» (там же). Поэтому «построить коммунистическое общество руками коммунистов – это ребячья, совершенно ребячья идея»; управлять хозяйством мы сможем тогда, если коммунисты сумеют построить хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому хотят» (там же).

Итак, способность коммунистов пугать, мучить, развращать и убивать людей – общеизвестна, но управлять и хозяйствовать они не умеют. «Что такое наши заседания и комиссия? Это очень часто игра» (1922.Ш.6). «У нас направо и налево махают приказами и декретами, и выходит совсем не то, чего хотят» (1922.Ш.27). «Надо поменьше играть в администрирование» (1921.П.21) и «научиться бороться с волокитой» (1922.Ш.6), ибо «волокига и взятки» – это «такая болячка, которую никакими военными победами и никакими политическими преобразованиями нельзя вылечить» (1922.Х. 19-22). Так же обстоит дело и в ведении хозяйства: «мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем», «ответственные и лучшие коммунисты хуже рядового капиталистического приказчика» (1922.Ш.27). «Не заботятся о том, чтобы сберечь копейку, которая им дана..., а составляют планы на миллиарды и даже триллионы советские» (1922.Ш.8); «у нас живую работу заменяют интеллигентским и бюрократическим прожектерством» (1921.П.21); «до какой степени мы в торговле дьявольски неповоротливы» мешковать!» (1922.Ш.27); «а купцы над коммунистами смеются – раньше были главноуговаривающие, а теперь главноразговаривающие» (1922.Ш.6).

В основе всего этого, по мнению Ленина, лежит личная некультурность и массовая некультурность коммунистов. «Чтобы вылезти из отчаянной нужды и нищеты, для этого надо быть обдуманным, культурным, порядочным», а этого «коммунисты «не умеют» (там же). «Не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет» (там же). «Если взять Москву – 4700 ответственных коммунистов, – не оказались ли они подчиненными чужой культуре» (т. е. русско-национальной, дореволюционной!), «как побежденный навязывает свою культуру завоевателю?». Правда, «культура у побежденных» (т.е. у русского народа) «мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас, чем у наших ответственных работников-коммунистов» (1922.iii.6). «Образование в нашей стране минимальное» (1922.xi.13); «нам необходимо прежде всего учиться читать, писать и понимать прочитанное» (там же). «Мы люди вроде того как бы полудикие» (192 i.x.i 7), «безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке» (там же)... «А мы болтаем о пролетарской культуре» (1923.1.4).

При этом низком умственном и нравственном уровне коммунисты, по свидетельству Ленина, отличаются крайне повышенным самочувствием: таково «невежественное самомнение» коммунистических «сановников» «интеллигентское самомнение коммунистических литераторов», их пристрастие к «мишуре, к торжественному коммунистическому облачению», их «коммунистическое чванство» (Ленин. Соч. XVIII, ч. I, 82, 384; ч. II, 37). Среди коммунистов имеется множество «мазуриков», «обюрократившихся, нечестных, нетвердых», таких, «которые внушают отвращение человеку, в поте лица снискивающему себе хлеб» (1921.ix.21), «число таких измеряется сотнями тысяч» (1921.x.17), но все же в общем – это «лучшие представители пролетариата теперь управляют Россией» (1921.ix.21). И это значит, что все, что приведено выше, характеризует именно лучших.

Понятно, что основная затея Ленина и его клеветов – передать всю политическую, хозяйственную, культурную и общественную жизнь России в ведение таких диктаторски настроенных невежд, затея противоестественная и гибельная сама по себе, – получает особенно нелепый и гибельный характер вследствие такого качества партийно-человеческого материала. Любопытно отметить, что Дзержинский в своих трех предсмертных речах отмечал те же свойства коммунистического управления.

Таков был первый отбор большевистской революции. С этого началось: захватили власть переворотом, захватили потому, что она была расшатана и растрчена «временным правительством» – и посадили править лично непорядочных, чванливых невежд, жадных, жестоких и аморальных. Это продолжается и донныне.

* * *

Вот свидетельства других коммунистов об этом «качественном» отборе за двадцатые годы. Мы цитируем их собственные слова по стенографическим протоколам партии.

Коммунисты, заполнявшие собою кадры партии в двадцатых годах, а потом и в Тридцатых годах, – необразованны, малограмотны, некультурны. «Общий теоретический уровень этой основной массы членов нашей партии чрезвычайно низок» (Зеленский, Стеногр. хii съезда Компартии, с. 364,397; Рязанов, хiu съезд. Стеногр. с. 691). Таков же «уровень политической подготовки» (Резолюция хi съезда, с. 525). «Товарищи не знают азбуки коммунизма» (Зиновьев, хi, 363), но это еще полбеды, среди них множество просто безграмотных, что Троцкий приравнивал к «духовной вшивости» (хi, 262). Количество политически неграмотных коммунистов исчисляется в 50-70% всего партийного состава (Ногин, хii, 69; Сталин, хiii, 125, 132; Гнушенко, хiii, 194), у комсомольцев – до 67% (Бухарин, хiii, 549). Количество совсем безграмотных достигает в деревенском комсомоле 80-90% (Бухарин, хiu, 313, срв. у Зиновьева, хi, 448); однако и грамотный комсомол не учится и «поголовно совершенно ничего не читает» (Бухарин, хiii, 549).

Вот свидетельства других коммунистов об этом «качественном» отборе за двадцатые годы. Мы цитируем их собственные слова по стенографическим протоколам партии.

Коммунисты, заполнявшие собою кадры партии в двадцатых годах, а потом и в тридцатых годах, – необразованны, малограмотны, некультурны. «Общий теоретический уровень этой основной массы членов нашей, партии чрезвычайно низок» (Зеленский, Стеногр. хii съезда Компартии, с. 364,397; Рязанов, хiu съезд. Стеногр. с. 691). Таков же «уровень политической подготовки» (Резолюция хi съезда, с. 525). «Товарищи не знают азбуки коммунизма» (Зиновьев, хi, 363), но это еще полбеды, среди них множество просто безграмотных, что Троцкий приравнивал к «духовной вшивости» (хi, 262). Количество политически неграмотных коммунистов исчисляется в 50-70% всего партийного состава (Ногин, хii, 69; Сталин, хiii, 125,132; Гнушенко, хiii, 194), у комсомольцев – до 67% (Бухарин, хiii, 549). Количество совсем безграмотных достигает в деревенском комсомоле 80-90% (Бухарин, хiu, 313, срв. у Зиновьева хi, 448); однако и грамотный комсомол не учится и «поголовно совершенно ничего не читает» (Бухарин, хiii, 549).

Плохо обстоит дело и на верхах партии. На партийных съездах, где присутствует обычно весь партийный верх (1000-1500 человек), преобладает масса с низшим образованием, напр., на XIII съезде было 66,8% делегатов с низшим образованием; 17,9% – со средним, 6,5% – с высшим (Каганович, XIII, 5558). При этом делегаты, конечно, были склонны преувеличивать, а не преуменьшать свой образовательный стаж. Отсюда понятны эти вечные жалобы на «катастрофический недостаток квалифицированных сил» (Резолюция, хiii, 715, срв. у Курского, хiv, 92 и др.). Ибо «для того чтобы руководить той или другой губернией, величиной почти в целую европейскую страну, тут нужны крупные силы, крупные руководители» (Зиновьев, хiv, 461), а где их взять, когда даже в рабочем профессиональном движении коммунистические организаторы «смыслят меньше, чем некоторое животное в тех апельсинах, которых так мало в советской России (Рязанов, хi, 234). Поистине «нужна высокая квалификация для того, чтобы руководить миллионами» (Бухарин, хiv, 821), а у коммунистов, с самого начала лишенных «культурных и технических сил» (Орджоникидзе, хv, 396), уровень все падает и падает, ибо старшее поколение, чему-то с грехом пополам учившееся в дореволюционной России, сходит со сцены, а комсомольская «смена» растет невежественная и карьеристически настроенная: «скорее получить место», «быть забронированной», получить «целый ряд добавочных развлечений» – вот их желания

(Бухарин, хііі, 549). И Крупская-Ленина-Ульянова права, утверждая, что «от вступления в комсомол парень не делается всеведующим» (хііі, 486). Вот почему «укреплять теоретический уровень» в партии некому (Зеленский, хі, 398); вот почему «коммунисты, работающие в наших учреждениях», «никоим образом не могут пользоваться авторитетом среди рабочих», «они не могут быть руководителями и поднимать общекультурный уровень наших ячеек» (Зеленский, хі, 99). Вот откуда эти безграмотные приказы, идущие из сталинского секретариата Центрального Комитета партии (Ногин, хі, 60). Отсюда же и безграмотность в советской прессе (Яковлев, хі, 376).

Таковы же и самые видные коммунисты, за исключением нескольких людей. «Невежественные вы люди», – кричит Рязанов-Гольдендах Томскому, не вынеся его развязно преподносимых грубых ошибок (XIV, 798). Вот правая рука Сталина, Серго Орджоникидзе (впоследствии по приказу Сталина убитый Ежовым и Поскребышевым!); он не умеет отличить гражданского права от уголовного (Крыленко, XV, 546). Вот председатель Московского Совета – Угланов: он едет революционировать Германию, но читать по-немецки не умеет (Угланов, XV, 722)... Все эти вожди подписывают доклады спецов и хозяйственников, не читая: «мы не знаем, что делаем, а знают это другие и бумаги в наших портфелях» (Дзержинский, Речь 9, vii, 1926, с. 34). «Наши ответственные работники, в том числе и наркомы – слишком много подписывают чужого и очень мало вносят своего» (Рыков, xv, 1044); они говорят на съездах по шпаргалкам, которые накануне запрашивают у спецов, «чтобы несколько ориентироваться» (Кржижановский, хііі, 417), и, «руководя хозяйственными организациями, они в большинстве случаев не имеют технического образования», чем и «вносят в дело полную безответственность» (Рыков, xv, 1043).

При этом моральный уровень коммунистов значительно ниже умственного. Могло ли быть иначе, может ли это и доныне быть иначе, если принять во внимание, что в коммунисты люди шли и идут для предательства России, желая сытости и карьеры? Следуя своей партийной догме, коммунизм презирает нравственное начало, как таковое: «морально то, что в данный момент полезно партии», т.е. международному сброду предателей и нырял. Именно в связи с этим становится понятным то обстоятельство, что при партийных «чистках» и «Проверках» – «охотятся» за «чуждым», «хотя бы и честным» элементом «больше, чем за жуликом» (Шкирятов, хі, 334). Это означает, что честных людей терпят в коммунистической партии лишь постольку, поскольку их умственный и нравственный уровень позволяет им быть фанатическими коммунистами. Согласно этому в коммунисты идут или люди духовно и хозяйственно слепые, или же люди без совести. «Мы с вами, товарищи, ребята стреляные» (Ларин-Лурье, хіі, 101, срв. хіv, 508). «Шкуры у нас дубленые» (Каменев, хіv, 245). Эти люди отличаются «неумением работать, чванством, грубостью, хамством, некультурностью» (Вердин, хі, 401). Обычно это «командиры» диктаторы, стремящиеся создать себе карьеру, накопить политический капитал» (Сахат-Мурадов, хіv, 606). Карьера и власть для них все, угодливость и интрига – вернейшие пути. «Мы все чувствуем себя руководителями, обязательно руководителями, на мелкую работу коммунисты идти не хотят» (Афанасьев, xv, 442). Они изо всех сил держатся за свои, взятые с боя места (Беленький, хіі, 108). И когда перед хіv съездом (декабрь 1925) Зиновьев имел; неосторожность сказать, что «народная масса в наши дни мечтает о равенстве» (Угланов, хіv, 194), то коммунисты прежде всего испугались за свои оклады (Калинин, хіv, 319), квартиры и автомобили (Зиновьев, хіv, 443).

«Хищения, злоупотребления и бесхозяйственность» этих людей в «госаппарате» Куйбышев не взялся описывать: «вышло бы слишком много» (XIII, 303): одни обогащают своих родственников (Куйбышев, XIII, 305), другие поддерживают связи с шайками бандитов и налетчиков (Молотов, xv, 1084, декабрь 1927 года). Бывают такие случаи, что в центральном органе, заведующем внешней торговлей, «вычищаются» за злоупотребления (т.е. за взятки, продажность и черную спекуляцию) – все коммунисты (Сталин, хііі, 121). Они проповедуют «насчет изъятия» церковных ценностей, а сами «напяливают их на себя» и «цепочки» у них «блестят» (Кутузов, хі, 407). Словом, это люди, которые, по выражению

Иоффе (записка, написанная им перед самоубийством), «на все способны» (Ярославский, хв, 356).

И в дальнейшем они доказали это на деле. Революционной корыстью и революционным террором подмятые, они подчинялись своему диктатору, рабски исполняя все его противогосударственные, и хозяйственно бессмысленные повеления. Так, в 1929 году они, подобно тем шайкам бандитов и налетчиков, о которых говорил Молотов, бросились «раскулачивать» деревню и разорять крестьянство, – конечно, по приказу Сталина, и партии. И уже через несколько месяцев на окрик из центра и ввиду расправы, грозившей разбойным старателям (ибо диктатор не может быть не прав!), часть этих покорных рабов прибегла к самоубийству. Люди без всякого знания, без собственной мысли, без административного опыта, – они стали затем из года в год изводить русский народ набатносозидаемой промышленностью, спешной постройкой каналов, концентрационными лагерями, Соловецкою каторгою, сибирскую золотопромышленностью, колхозным разорением и всегда и повсюду унижать его страхом, голодом и подлейшей системой взаимных политических доносов и насильственного «заагентуривания»...

Коммунист есть невежда и «противоестественник» (выражение Аристотеля). Коммунист есть раб чужой химеры, вечный трус перед «начальством» и вечный мучитель народа. Из этих людей и вылезли в дальнейшем Ежов, Вышинский, Поскребышев, Маленков, Берия, Булганин и множество им подобных. Из этих людей выбрались на военные верхи и те сталинские «генералы», которых так ярко и правдиво показал М. Соловьев в своей статье «генеральский инкубатор» («Возрождение», 1953, № 27). Из этих людей отобрались и те гнусные «следователи» и «следовательши» советской политической полиции, которые описаны, например, в книжке «Смерш»: эти особы с крашеным лицом и с маникюром, ругающиеся сквернейшими словами и забивающие допрашиваемого резиновой палкой по лицу...

Но надо признать и выговорить недвусмысленно, что и люди первого советского ранга стоят своих последователей во всех отношениях. Отчетливее всех это выговорил коммунист Красин. «Болтунами они были и болтунами остались, а когда дело шло не о том, чтобы произносить речи и громить статьями, а что-то создать, эти строгие вожди мирового пролетариата только и пригодились на то, чтобы совершенно без надобности, бессмысленно и жестоко проливать кровь (своих сограждан)» (письмо от 11 июля 1917 г.). «Так велико невежество на верхах, так плохо ведутся дела, что теряю всякую надежду» (письмо от 21 сент. 1922 г.) «Небольшая группа лошаков и идиотов уничтожила все, что я сделал, точно мальчик, смахнувший всю ткань паука» (8 окт. 1922 г.) До октябрьской революции никто из них не был известен ни как выдающийся писатель, ни как экономист или ученый или что-либо другое в умственном и художественном мире» (письмо без числа). «Все переживаемые нами трудности проистекают из того факта, что компартия состоит на 10% из убежденных идеалистов, готовых умереть за ее идеалы, но неспособных жить для них, и на 90% из подхалимов, вступивших в партию только с целью устроиться» (заявление Красина в ЦК компартии).

Справедливость требует прибавить, что если есть среди коммунистов «убежденные идеалисты», то убеждения их несут унижение и гибель всему человечеству, а так называемый «идеализм» их – свиреп и аморален.

Нет никакого сомнения, что за последние двадцать лет умственно-образовательный уровень компартии повысился, а моральный уровень понизился. Первое потому, что в партию стала входить и впускаться столь нужная ей интеллигенция – и техническая, и военная, и работающая в области искусства (организация «зрелищ» для революционной массы), и даже церковная (группа так называемого «патриарха» и его последователей). Эта новая большевистская интеллигенция (уровень которой несравненно ниже прежней, русско-национальной) не обновила, однако, ни партию, ни ее программу: юна служила за страх, приспособлялась, всячески страховалась и утрясалась, наконец, в несколькокомиллионный кадр чиновников, спасающих себя и губящих Россию и церковь. Но

именно поэтому морально, патриотически и, конечно, религиозно – ее уровень таков, какого Россия никогда еще не имела. Эти устроившиеся бюрократы не верят в партийную программу, не верят своим властителям, не верят и сами себе. И назначение ее состоит в том, чтобы верно выбрать близящийся ныне (1953 г.) момент, предать партию и власть, сжечь все то, чему поклонялись эти долгие годы, и поклониться тому, над чем надругивались и что сжигали доселе.

Но возрождения России она не даст: для этого у нее нет ни характера, ни чувства собственного достоинства. Возрождение придет только от следующих поколений.

* * *

Долгие годы непосредственного наблюдения и изучения подлинных материалов убедили меня в том, что русские коммунисты мало чем отличаются от западноевропейских: это явление общечеловеческого религиозного кризиса, это люди одной эпохи, одного поколения, одного идеологического уклада, сходного душевного настроения, сходного социального происхождения, сходной морали и единой политики. Недаром на верхах русской коммунистической партии было так много иностранцев и полуиностранцев, недаром руководители советской революции еще до ее наступления то и дело «удирали» за границу, посиживали в библиотеках, послушивали кое-какие лекции, напитокывались Марксом, Энгельсом, Каутским, Бебелем и «развязывали себе руки» чтением о французской революции и почитыванием Ницше (последнего периода).

Но главное, что единит их всех, – это полная неспособность к самостоятельному мышлению. Это относится к ним ко всем: русским, полякам, немцам, французам, итальянцам и англичанам. Они совершенно не способны к самостоятельному наблюдению и исследованию. Они получают свое «учение» в готовом виде, в качестве «догмы», которую они принимают раз и навсегда на веру. По существу, это догма Маркса, теоретически обоснованная им в «Капитале», практически развернутая им в статьях и брошюрах: Подготовка коммуниста состоит в усвоении этого чуткого готового умственного препарата и в натаскивании ума на революционное толкование его (эволюционное толкование даст «социал-демократа», меньшевика). Самому партийцу не позволяется думать об основах, умственная самостоятельность немедленно породит должное толкование, «уклон» или ересь.

Итак, коммунист воспитывается на дедуктивном мышлении. Из дедукции, индукции и интуиции – он раз и навсегда присягает дедукции: это мышление, особенно если оно исходит из чужой мысли, является самым легким, самым пустопорожным: отвлеченным, мертвым и пассивным. Индукция наблюдает действительность, собирает единичные данные и пытается найти законы бытия. Интуиция созерцает живую жизнь, вчувствуется в нее и пытается узреть ее основы и истоки. Дедукция знает все заранее: она строит систему произвольных понятий, провозглашает «законы», владеющие этими понятиями, и пытается навязать эти понятия, «законы» и формы – живому человеку и Божьему миру. Сначала они навязываются в истолковании явления и в понимании жизни; а потом (революция) они навязываются людям и народам в порядке властных велений насилия и террора.

Такое дедуктивное мышление есть величайший соблазн в человеческой культуре: соблазн отречения от живого опыта; соблазн самоослепления и мыслительной пассивности; соблазн умственного порабощения, покорности и унижения. Тот, кто хочет верно понять современную революцию, тот должен увидеть, что в основе ее лежит власть дедукции. Так, Ленин всю жизнь думал дедуктивно, усвоив догму марксизма в ее революционном истолковании, и последнее крупное сочинение его, писанное в 1917 году во время укрывания на крейсере «Аврора», – «О государстве» – поражает читателя своей бесплодностью и беспредметностью: оно посвящено дедуктивному издевательству над теми, кто смеет толковать Маркса не революционно, а эволюционно... Эта книга написана умственным рабом, о котором пророчески сказано у Аристотеля: «раб от природы тот, кто приобщен разуму лишь настолько, чтобы понимать чужие мысли, но не настолько, чтобы иметь

свои»... И вот Ленин, раб от природы, высиживая на «Авроре» последние сроки и готовя русскому народу и всему миру невиданное в истории нападение и государственное порабощение, является нам как одержимый волевым зарядом и жаждою власти политический разбойник. Вот откуда у коммунистов это возвеличение Спартака, раба и гладиатора, предводителя 70000 восставших римских рабов, который наделал римскому правительству столько хлопот и погиб вместе со своим войском в 71 году до Р.Х.

Ленин много читал, но «многознание не научает иметь ум» (Гераклит). Ленин много читал, но не учился наблюдать и созерцать: и все чтение его было бесплодно и насильственно. Он был типичный полуинтеллигент, усвоивший себе уклад сектанта-начетчика. И если ум есть сила суждения (самостоятельного суждения), вырастающего из индукции и интуиции, то ум его всю жизнь спал. Он жил чужою озлобленною и противоестественною химерою, которая родилась из зависти и властолюбия и которую радикальные полуинтеллигенты Европы вот уже сто лет принимают за последнее слово социальной мудрости. Нужен был провал во всероссийский голод и хаос 1920–1921 года, нужно было восстание кронштадтских матросов, чтобы был поставлен растерянный и беспомощный вопрос о «новой экономической политике». И вот «ум» Ленина «проснулся» только под самый конец его жизни, когда люэс головного мозга «развинтил» его твердокаменные трафареты. Тогда он бессвязно признался, что нелепо вводить коммунизм в жизнь пролуграмотного народа, что «головка» его партии ничего не стоит, что социализм есть просто «кооперация» + «электрификация», и ушел из жизни недопроснувшимся к мысли и к духовной жизни злодеем.

Дедуктивное мышление срослось в этом злополучном человеке с сифилитической паранойей. Паранойя есть тяжкая душевная болезнь, при которой человек не видит внешнюю живую действительность, как она есть, а пребывает в химерах и галлюцинациях. О паранойе у Ленина московские ученые говорили до его открытого заболевания. Один видный экономист писал ему в 1919 году в Кремль: «вы сифилитизировали Россию спирохетами лени и жадности». Другие говорили открыто, что Ленин живет марксистскими бредовыми идеями, что он хорошо понимает только шкурника и деморализованного негодяя в человеческой душе и на них-то и «делает ставку», но что здоровой, творческой, религиозно осмысленной и духовно мощной стихии человеческой души он не видит совсем. «Мир», с которым он считался, был его бредовый мир, выкроенный по Марксу. В этом мире не было ни добра, ни чести, ни благородства. И сам он жил звериным чутьем, волевым властолюбием и выдумками Карла Маркса. И нужна была вся духовная слепота наших дней, чтобы объявить его «планетарным гением» или провозгласить его (подобно католику Гуриану) «величайшим педагогом истории».

Тот, кто жил под большевиками и наблюдал, тот, кто проходил через коммунистические пайки, распределители и уплотнения, кто на собственном опыте изведal чекистские допросы и тюрьмы – тот чувствовал себя непрерывно во власти неистовой догмы, рожденной из безбожия, зависти, нигилизма и властолюбия. Доктрина мести, уравниения и коллективизации пронизывает и донныне всю эту революционно-бюрократическую машину. Доктрина же эта должна быть принята на веру, вслепую. А для этого первым и основным условием было сложившееся и окаменевшее безбожие в душах людей, вера в Бога угасла, вера осталась пустою и ждала нового «откровения», и это новое «откровение» пришло в виде дедуктивной человеческой выдумки, подброшенной ослепшим народам в образе «научного марксизма», «диамата», «истмата», «ленинизма», «сталинизма» и прочих противоестественных и гибельных изобретений, – сущее торжество глупости над мудростью...

Понятно, что веровать во все эти выдумки ни один человек с живым духом и образованием не мог. Это есть вера для полуинтеллигента или почти не интеллигента, для «раба от природы». И изумление коммунистов на съездах, подсчитавших свои умственные силы и пришедших к самым плачевным выводам (см. «Н.З.», с. 152, 161), производит донныне трагикомическое впечатление... Не могли же эти полуобразованные фанатики воображать,

что за их озлобленными и разрушительными теориями пойдут духовно живые и образованные люди!.. Конечно, «сила солому ломит», и с самого начала находились такие, которые ради прокормления или карьеры притворялись коммунистами и бормотали или даже выкрикали громко их пошлости. И как быстро все менялось в таком человеке: вот он уже избегает встреч с нами и не смотрит нам в глаза; на окаменевшей шее не повертывается свободно лживая голова; слова его стали партийно-трафаретными поступки – двусмысленно-фальшивыми; он внутренне презирает сам себя и скрывает это от себя самого, и боится, что мы заметим в нем эти добровольно принятые им рабские черты. А партийные не верят ему, не уважают его, отнюдь не считают его «своим» и только пользуются им как полезным наймитом – впредь до неожиданного ареста и расстрела. Но такие перебежчики – не коммунисты: они симулянты из корыстных побуждений, холопы поработителей, человеческие обмылки... И их образованность только оттеняет низкий умственный уровень настоящего коммунистического «кадра»...

Итак, вот общая и основная черта, свойственная коммунистам в России и на Западе: это люди, утратившие веру в Бога и неспособные к самостоятельному мышлению, исследованию и мирозерцанию. Их мышление авторитарно, полуобразованные или почти необразованные, эти люди раз и навсегда заполнили свою умственную пустоту чужими трафаретными формулами. В этом их жуткое сходство с национал-социалистами, заучившими формулы Гитлера. Но за этим на западе стоит еще многостолетняя подготовка католицизма, принципиально приучавшего своих адептов к мышлению авторитарному, гетерономному (т. е. чужезаконному) и покорному.

Вторая, общая и основная черта всех коммунистов: это люди, чувствующие себя обойденными, неустроенными, подавленными и не прощающие этого никому; они предрасположены к зависти, ненависти и мести и ждут только, чтобы им указали, кого им ненавидеть, преследовать, истреблять и замучивать. Католики учили таких людей столетиями: истреблять и замучивать надо инославных (мавров в Испании, протестантов повсюду, православных, где только возможно) и еретиков. Маркс указал на буржуазию, как на класс Гитлер перевел направление на евреев и на людей «низшей расы». Итак, коммунисты суть люди с изголодавшимся чувством мести и окаменевшим от ненависти сердцем.

Третья общая черта всех коммунистов: это люди, жаждущие власти, господства, командования, социального и политического первенства. Эта потребность в них настолько сильна, что они освобождают себя от всяких законов и удержей. Политическая лояльность для них не существует: на то они и революционеры. Уголовные законы им не импонируют; преступления их не пугают (вспомним убийство С.Т.Морозова; экспроприации Сталина на Кавказе; вечные похищения людей в Европе; самовольный расстрел Бенито Муссолини и др.). Законы о собственности составляют главный предмет их революционного нападения. «Морально» для них то, что полезно их партии (партийный утилитаризм). Патриотическая верность им смешна. И государственное правление их, построенное на терроре, попирает все законы совести, чести и человечности. Все это можно было бы выразить так: это люди, инстинктивно разнузданные и дерзающие, душевно ожесточившиеся, а духовно омертвевшие. Или иначе: биологически это индивидуализированные люди, а духовно – полулюди, опустившиеся на, низшую ступень первобытного всесмешения.

Естественно, что тоталитарное государство становится для них основной формой политического бытия. Оно дает им сразу: плен мысли, порабощение воли; развязание зависти, ненависти и мести; упоение грабежом и произволом; санкцию безбожия и всяческое первенство. Оно дает им иллюзию всемогущества, за которую скрывается подлинное рабство – рабство вверх и рабовладение вниз.

Устанавливая это все, мы отнюдь не закрываем себе глаза на то, что среди коммунистов можно найти салонных болтунов, беспочвенных снобов, сентиментальных глупцов, доверчивых слепцов, извращенных мужчин и женщин, устраивающихся «попутчиков», временно примкнувших представителей национальных меньшинств, людей

без убеждений, неистово симулирующих фанатическую убежденность и т. д. Но это все – человеческий наплыв, полая вода революционной эпохи. Это не они «делают коммунизм», они только «примазываются» и «обслуживают». Главный кадр партии терпит их, но не ценит.

А главный кадр партии вербуются из претенциозных полуинтеллигентов и неудачников всех сортов и классов. Сюда идут «обиженные» народные учителя, мелкие газетные сотрудники, бездарные писатели (вроде Луначарского), не устроившиеся техники; извергнутые из сана священники (вроде Горева-Галкина); скомпрометированные полууголовные типы; верхний слой честолюбивых рабочих; содержатели дурных заведений; недоучившиеся студенты и т. д. Словом, вся та отбившаяся и выброшенная социальная пыль, которую создает капиталистический строй, пролетаризируя людей и не устраивая их, раздражая их властью, комфортом и роскошью и оставляя их в лишениях. К этой «социальной пыли» принадлежит и ее дополняет тот кадр профессиональных преступников, который в Америке носит название «гангстеров», во Франции именуется «апашами», в советском государстве – «урками». Русская императорская уголовная полиция успешно боролась с опасностью, которую этот кадр представлял собою в общественной жизни, коммунистическая революция впитала в себя обширный состав, этого кадра. И только позднейшая история установит размеры его участия в злодеяниях коммунизма, как в России, так и в Европе.

Германия возрождается

Каждая страна может потерпеть поражение в войне: ее войска могут быть разбиты, ее народ может временно утратить волю к победе и силу сопротивления. Такое поражение может сломить и истощить жизненную энергию народа, но может и не сломить ее. И в конечном итоге судьба народа, даже после самой страшной войны и после самого тяжелого поражения, решается именно тем, найдет ли он в себе и скоро ли он найдет ту жизненную энергию, которая заставит его временно «списать понесенные убытки» и приняться вновь за неутомимый мирный труд и за государственно-хозяйственное строительство.

В истории иногда бывает и так, что армия разбита, война становится невозможной, территория занята неприятелем, – и тем не менее к концу войны страна оказывается «победительницей» в силу своей союзнической принадлежности к победившей коалиции. Таково было положение к концу первой мировой войны в Польше, в Румынии, в Сербии и в Бельгии, на таком же пути возникли самостоятельные Чехия и Венгрия (правда, в результате расчленения пораженной Австрии). Но замечательно, что и для таких стран вопрос конечного итога решается отнюдь не покровительством победивших союзников, не их кредитами и совсем не собственной политической самостоятельностью, а творческой энергией самого народа, его жизненной волею, его верою в свои силы, нравственным состоянием общества и народа к концу войны, его любовью к труду и его национальным чувством.

Так, ныне, озираясь на пройденные десятилетия, мы должны сказать, что Версальский мир, проявляя всю политическую близорукость, свойственную доктринерам демократии, накроил в Европе целый ряд карликовых государств, не обладавших теми свойствами и способностями, которые мы только что указали. Это были почти сплошь малые, внутренне расколотые народы, лишённые творческой энергии и веры в свои силы, не имеющие великодержавного самочувствия и благоприятных стратегических условий борьбы (оборонеспособных границ, военной промышленности, жертвенного подъема и др.). Версальский мир как бы нарочно накроил государственных «кроликов» для временно ослабшего, но «переводящего дух» и имеющего неизбежно окрепнуть «крокодила». Эта операция расчленения Европы, произведенная в Версале мировой закулисою, в полном непредвидении германского возрождения была до такой степени стратегически нелепа,

политически близорука и опасна (чтобы только не сказать – «насыщена политическим самопредательством»), что нам теперь трудно даже представить себе психологию этих господ, рыкавших за Версальским столом раскатами львиной ярости и в то же время готовивших Адольфу Гитлеру его легкую добычу. Жизненный заряд германского народа был совершенно недооценен в Версале; «победа» Франции и Англии была, наоборот, безмерно переоценена: насчитали неосуществимую по размерам контрибуцию, урезали территорию, отняли колонии – и вообразили, что дело кончено и что остается только наслаждаться плодами побед и варить свое закусное политическое варево...

А между тем контрибуция требовала валютных кредитов и кредиты пришли из-за океана. Те же Соединенные Штаты охотно помогли Германии встать на ноги. Урезанная территория только дразнила национальное чувство немцев, а «польский коридор» был равносителен непрерывному позорящему наказанию, вызывающему в гордом народе мечты о реванше. Что же касается лишения заокеанских колоний, то оно как бы прямо указывало на будущие поиски в новом направлении: колоний надо искать на востоке того же самого европо-азиатского континента, т.е. в России. Главное же, что было просмотрено и упущено премудрыми всеевропейскими версальцами, это то, что Европа невозможна без Германии и что германцы народ трудолюбивый, жаждущий торговой экспансии и воинственный; и к тому же склонный к росту населения. И вот возникло непредусмотренное: там, где «союзники» требовали «лавров», господства и контрибуций, – проигравшие войну германцы стиснули зубы, добыли заокеанские кредиты и взялись за работу. Их социал-демократы оказались врагами коммунизма и патриотами; промышленность расцвела, военная подготовка была законспирирована штабами, а политическая эволюция (от умеренной левизны к крайней правизне) определялась их готовностью к военному реваншу. Гитлер пришел к власти потому, что реванш стал осуществим, что о реванше мечтал весь народ, а осуществить его могли только крайние правые. И реванш, при лукавой провокации Иосифа Джугашвили, начался.

Медленнее, чем в двадцатых годах, прикровеннее и благоразумнее возобновился ныне тот же самый процесс. Он потребует, по-видимому, более долгой подготовки; им руководят доселе другие силы (не социал-демократы, а католические демократы); он встретит немалые трудности в состоявшемся расчленении Германии – на «западную» и «восточную», а также в значительно большей разоруженности Германии, в послевоенном состоянии ее городов и промышленности и в гораздо большей численности жертв второй войны (погибал ведь цвет нации). Но это возрождение движимо в Германии теми же свойствами народа и теми же настроениями, и процесс его становится с каждым годом все отчетливее и недвусмысленнее.

К концу второй мировой войны германские большие города были полуразрушены, и на эти развалины нельзя было смотреть без тайного ужаса. Один мусор, оставшийся от домов, определялся размерами в 300-400 миллионов кубических метров. Разрушено было во время войны 2,3 миллиона жилищ (больше одной пятой всего довоенного квартирного запаса), но и этот запас не пополнялся в последние годы перед войной (собирались разрушать чужие города – Варшаву, Лондон, Роттердам, Белград, и было не до своих построек!), а во время самой войны вся стройка просто стала. А между тем после войны Западная Германия должна была принять еще около 10 миллионов германских граждан с востока, что увеличило недостаток квартир еще на 2,5 миллиона. В общем, Западной Германии не хватало около 6 миллионов квартир. 1928 год считается самым энергичным и продуктивным в смысле жилищного строительства: он дал на всю Германию 200000 новых жилищ *.

В 1949 году было построено 215000, в 1950 году – 360000, в 1951 году – 430000, в 1952 г. – 440000 квартир. Эта последняя цифра превосходит все то количество жилищ, которое построили за этот год Великобритания, Франция и Италия вместе. Еще четыре года тому назад никто не решился бы ни выдвинуть такого плана строительства, ни предсказать его. За три последние года в это дело было вложено свыше 14 миллиардов марок. Строили частные предприниматели (54% всего числа), коллективные предприятия (40%), а остальное – города и государство. При этом отметим немедленно, что германская марка принадлежит ныне к

самым прочным европейским валютам и наиболее охотно приемлется на всех иностранных рынках.

Эта картина выясняет сразу очень многое. Жилищная Германия восстает из развалин, обгоняя другие страны. В хозяйственном отношении она вся вообще кипит. Ее валюту ценят. Ей верят. Качество ее продукции возрастает год от году, достигая прежнего уровня. Ее вывоз растет и будет дальше расти, поднимая темп. Вот показательные данные.

За годы 1948-1952 добыча каменного угля, измерявшаяся в 1928 году цифрой в 150 млн. тонн, поднялась с 87 млн. тонн до 123 млн. тонн. Производство чугуна (в 1928 году – 11,8 млн. тонн) поднялось с 4,7 млн. тонн до 12,8 млн. тонн. Производство стали (в 1928 г. – 14,5 млн. тонн) поднялось с 5,6 млн. до 15,8 млн. тонн. Уровень 1936 года превзойден этим во всех отраслях.

Национальный доход Германии и общее количество национального продукта превысило ныне уровень 1936 года на 40%, а уровень 1950 года на 20%. Эта тенденция подъема будет несомненно продолжаться.

Уровень жизни (реальная заработная плата) находится в подъеме. На продукты питания уходило в 1936 году 19,5% заработной платы, в 1949 году – 22,5%, в 1952 году – 19,2%. Уровень вложений в хозяйственный процесс также поднимается. В 1936 году вкладывалось в хозяйство 17,9% всех внутренних затрат; в 1949 году – 20,7%, в 1952 году – 25,7%. И все это в порядке свободного рынка и свободного оборота, без всяких авантюрно-социалистических экспериментов наподобие Англии.

В тесной связи с этим стоят: бурный рост вывоза, активный баланс внешней торговли и лихорадочно быстрое судостроение.

Надо отметить, что современная Западная Германия крепнет и богатеет не сельским хозяйством, а промышленностью. Она ввозит продукты питания и сырье (семь десятых всего ввоза), а вывозит продукты и полуготовые продукты своей промышленности (девять десятых вывоза). И вот, оказывается, что Германия вывозит в 1952 и 1953 годах несравненно больше, чем в 1937 году, т.е. в последнем году до второй войны: ископаемых почти вдвое больше, металлических полупродуктов почти вдвое больше, стали и вагонов втрое больше, экипажей и автомобилей почти втрое, машин больше чем вдвое, кораблей в два с половиной раза больше; в подъеме находятся также отрасли: электротехническая, утонченно-механическая, оптическая и керамическая. На уровне 1937 года держатся текстиль, игрушки и украшения. Особенно увеличился вывоз стали и кораблей. Достаточно сказать, что когда в 1948 году проф. Эрхард стал директором западногерманского хозяйства, вывоз доходил до 200 миллионов марок в месяц, а ныне Германия вывозит ежемесячно на сумму в полтора миллиарда марок. Стихийно растет моторизация страны: с 1948 года по 1952 число мотоциклов поднялось с 327 тысяч до 1965 тысяч, а число пассажирских автомобилей с 217 тысяч до 1102 тысяч.

В общем, картина бурного восстановления промышленной Германии может считаться установленной с несомненностью.

Не подлежит никакому сомнению, что промышленное возрождение Германии будет продолжаться, что вывоз ее до поры до времени будет все более интенсифицироваться и благосостояние ее будет расти. Мы имеем при этом в виду, конечно, только западную, свободную Германию. Восточная часть ее, с таким непростительным легкомыслием отданная Рузвельтом и Черчиллем в порабощение и развращение коммунистам, в этом подъеме участвовать не может; она будет коммунистически эксплуатироваться и хозяйственно хиреть вплоть до самого воссоединения. Свободная же Германия, имевшая в своем составе сначала 68 миллионов населения (1914), потом около 60 миллионов (1919) и имеющая ныне вместе с восточногерманскими беженцами 50 миллионов граждан, чувствует себя «субстанциальной» частью европейского германизма и идет навстречу огромному подъему, который через несколько лет (знатоки считают – через 10 лет) залечит страшные раны второй войны. И что тогда? Что предпримет отъевшийся и разбогатевший народ?

Понятно, что уже теперь Франция, сильно отстающая (даже от Италии) и в

трудолюбии, и в правосознании, и в строительстве, с тревогой и даже со страхом следит за новой нарастающей волной германского подъема и распространения. Англия, издавна привыкшая отделять себя от континента и заменять сотрудничество с ним весьма ловкими интригами против его государств, следит за Германией со смешанными чувствами: с «одной стороны, она так сильно пострадала от войны и от коммунистически растравляемого колониального распада, что принимать на себя бремя третьей возможной войны у нее нет ни малейшей охоты; с другой стороны, вывозная и особенно морская торговля возрождающейся Германии сулит ей мало приятного. Нельзя забывать, что второе поражение Германии стоило обеим союзным державам огромных жертв – людьми, и расходами, и материальными разрушениями, и снижением хозяйственного и потребительского уровня. Ни настоящей валюты, ни настоящей великодержавной армии нет ни у Франции, ни у Англии; их колониальное могущество колеблется до самого основания; их патриотическая жертвенность истощена, а жажда частных (классовых и партийных) «компенсаций» перенапряжена. Надо прямо сказать, что «управы» на возрождающуюся Германию у них самих нет. Такую «управу» им надо искать или за океаном (в Соединенных Штатах), или на востоке (в Советии). Отсюда» например, это периодическое проявление противоестественных симпатий Черчилля к Маленкову.

Но Соединенные Штаты отнюдь не хотят новой войны, бремя которой им придется брать на себя. Они опасаются этого. Но опасения их относятся не к Германии, а к Советии. Они остро чувствуют ту брешь, которая пробита в Европе крушением Германии: брешь хозяйственную, политическую, дипломатическую и особенно военную.

В самом деле, за Гитлером числится множество преступлений. Одно из главных состоит в том, что он, видя мировую чуму коммунизма и понимая могучую аванпостную позицию частнохозяйственной и военной Германии в обращении на восток, предал и Германию, и Европу своею бессмысленною и безнадежною попыткою завоевать Россию и добиться мировой гегемонии. Стоя как бы «на часах» европейской свободы и культуры, он предпочел во имя личной химеры и личного славолюбия сокрушить Германию, раздрать ее территорию, попытаться отодвинуть Россию в Азию и открыть дорогу дьяволам Коминтерна в самое сердце Европы. История однажды оценит роль этого истерического честолюбца и окружавших его авантюристов в деле разорения Европы как раз накануне новой (атомной) исторической эпохи.

Эта неумная и злодейская авантюра Гитлера превратила Германию в великую европейскую брешь, которая с 1945 года угрожает всей вселенной: крепостные ворота выломаны, бывший передовой и необоримый редут (вооруженная Германия) перестал существовать, среднеевропейские сателлиты поглощены Советией, Англия и Франция никак не опомнятся от своей непосильной победы – и европейскую брешь держат Соединенные Штаты. Чтобы отвлечь их от этой бреши, Сталин и затеял три года тому назад корейскую войну, которая должна была сразу грозить Японии и Тихому океану, систематически «выматывать» военные силы и деньги Соединенных Штатов, отвлекать внимание американцев от Европы и делать прямую вылазку из Западной Германии на восток совершенно невозможной. За время, прошедшее после второй войны, многое изменилось: запад выиграл борьбу в Греции, укрепил Турцию, не дал в обиду Австрию и отстоял в воздушном состязании Берлин; Германия опомнилась, взялась за восстановление и нашла (в сентябрьских выборах 1953 года) – свое прочное политическое русло. Но германскую брешь на восток по-прежнему «держат» американцы – не столько солдатами, сколько готовностью «не потерпеть» и противостоять (готовностью политической, дипломатической и военно-технической)...

И вот ныне перед всею Европою и перед всеми антикоммунистическими государствами ставится все с большей отчетливостью вопрос: не подлежит ли передать хранение этой бреши возрождающейся Германии? Не умнее ли, не выгоднее ли, не безопаснее ли это, – с точки зрения географической, экономической и стратегической? Не вздохнут ли Америка и Европа с облегчением в тот момент когда «ворота» на восток будут заняты настоящей и

верной германской армией? Не противоестественно ли затыкать еще долгие годы германскую стратегическую пустоту американскими волеизъявлениями? Что мудрее и дальновиднее – ослаблять Германию, как о том мечтают французы, или укреплять ее, как уже делают североамериканцы, только что решившие, например, вернуть немцам 382 корабля из состава военной добычи? О том, чтобы держать Германию в скудности и бессилии не может быть уже речи: этот вопрос разрешен самими германцами – и хозяйственно, и политически. Держать Германию в состоянии расчленения будет в дальнейшем все труднее и труднее: голод в советской Германии уже поднимает рабочие массы; бегство на запад уводит оттуда наиболее энергичных и волевых людей; советско-германская «народная полиция» может взбунтоваться каждый день, а Западная Германия, руководимая умным и дальновидным иезуитом Аденауэром, крепнущая и процветающая, молча и дальновидно подготавливает момент своего воссоединения. Этот момент совсем не обусловлен войною, как думают некоторые: чем дальше идет время, чем глубже охлаждение у свободных народов к коммунизму, чем более Соединенные Штаты подготовлены к отражению мирового врага, чем бедственнее положение сателлитов и чем более весит слово русской армии в Советии – тем менее вероятна третья атомная мировая война вообще. Конечно, к ней надо изо всех сил готовиться, – именно для того, чтобы ее не было. И не следует изображать и воображать ее как некую фатальную неизбежность: она грозит такими разрушениями, что все сделают все, даже в последнюю минуту, чтобы избежать ее. «Советчики» знают это не хуже американских сенаторов.

Но мы, русские национальные патриоты, умеющие всматриваться в далекий горизонт, должны спросить себя: что обещает нам, подлинной и свободной России, восстановление и вооружение национальной Германии? Чему могла научиться умная, иезуитски-католическая Германия за эти две войны? Постараемся сформулировать это вкратце.

1. Эпоха всемирной колонизации, разбросанной по всем континентам, идет к концу. Первобытные народы не чувствуют себя запуганными и перестают покоряться. Не имея ни культуры, ни военной промышленности, они начинают жить национальным инстинктом и честолюбием и желают политической самостоятельности, не сознавая, сколь она опасна для них без культурного и стратегического самостояния. Торговля с ними будет возможна и впредь, но колонизация будет становиться все более затруднительной.

2. Германия изживает период этнического империализма, покоряющего чужие народы ради их эксплуатации. Национал-социалисты формулировали иную цель: они возмечтали о территориальном империализме, который желает пустых земель, лишенных чужеродного населения. «Мы – народ, лишенный пространства: нам нужны обезлюдненные страны для заселения их германцами». Куда же девать наличное население в завоеванной стране? У «национал-социалистов» предлагались разные способы, как, например: массовое выселение; вымаривание голодом и холодом; принудительная стерилизация всего мужского населения; провокация восстаний с нещадными расправами; система нещадного заложничества; ашвицкие газовые «бани». Почти все эти способы были экспериментально испробованы во время второй мировой войны (от Орадура во Франции до лагерей с русскими военнопленными, где погибло около 4 миллионов людей; от Риги и Варшавы до Киева и Харькова и т. д.). Это есть новая колонизация, не эксплуатирующая население, а искореняющая его.

3. Государство, владеющее разбросанными колониями, несравненно слабее, чем государство с большой монолитной территорией, если она заселена однородным, одноязычным, единоверным населением. Это воззрение соответствует старинной германской практике, применявшейся еще при Карле Великом: завоеванный народ «обезглавливался», т. е. его ведущая элита вырезалась, после чего народ систематически денационализировался. Так были изведены и денационализированы германцами почти все западные славяне, занимавшие нынешнюю Германию (абодриты, линоны, родарии, лютичи, хевелы, поморяне, сорбы, полабы, украине и множество других племен, от коих, за исключением вендов в Шпревальде, не сохранилось подчас даже и имен). К этому присоединилось принудительное

обращение завоеванных в католическую веру, причем принятие католицизма считалось признаком государственной покорности и лояльности. Путешествующий по Пруссии находит и ныне множество славянских названий у городов и сел, а на острове Рюгене находит развалины древнего славянского храма, обозначаемого у немцев безымянно, как «остатки язычества».

Наша историческая память не должна скудеть и обманывать нас. Россия блюла свои народы, отнюдь не посягая ни на их язык, ни на веру, ни на одеяние, ни на вкус и быт. Германия же всегда денационализировала свои народы, онемечивая все их достояние. Ныне она додумалась до искоренения их.

Как сейчас помню одну беседу, при которой мне пришлось присутствовать в 1943 году. Группа американцев и европейцев добивалась исторического прогноза от одного вдумчивого русского ученого: «чем кончится война?» Он отвечал им: «Германия будет разбита наголову, доведена до полной сдачи; затем немцы первые оправятся от последствий войны, обгонят союзников, разовьют промышленность и торговлю, сомкнут свои национальные кадры и начнут медленно, но упорно готовить третий поход на Россию, карту и климат которой они изучили за эту войну; поход этот будет направлен на Украину, Кавказ и Прибалтику и будет добиваться обезлюдненной территории для окончательного заселения ее германцами... Это потребует времени, но запас времени у истории велик»...

С тех пор прошло десять лет. И что же мы видим теперь? Никто ничему не научился и ничего не понял. Снова идеи «свободы», «демократии» и «прогресса» связываются с планами расчленения государств, так, как если бы версальская глупость никогда не состоялась и ничего не доказала. Но на сей раз дело идет уже не о Западной Европе, а о России. Главная забота мировой закулисы состоит опять в том, чтобы обеспечить государственному крокодилу побольше политических кроликов.

И что особенно замечательно, что в русской эмиграции находятся круги, которые только о расчленении России и думают, и говорят. Хлопочут. Радеют. Заседают. Стараются.

Координируются. Докладывают кому надо не надо и чего-то спрашивают. Какая-то политическая слепота владеет этими людьми. Им бы только накромсать из России государственных «малюток», беззащитных, но заносчивых, обреченных, но «свободных». И одна малая народность за другой, забыв, что они доселе спасались только единой и неделимой Россией, спешат записаться в кандидаты на завоевание и обезлюдение...

Кого судьба обречет погибели, у того отнимет разум!...

Почему сокрушился в России монархический строй (продолжение)

Мы уже не раз ставили этот вопрос в «Наших задачах», но ни один ответ свой мы не считали исчерпывающим и всесторонним. А между тем русскому человеку, если в нем живут национально-патриотические чувства, естественно возвращаться к этому вопросу и добиваться исчерпывающего ответа.

Одна из основных формул этого ответа должна быть выражена так: русский народ имел Царя, но разучился его иметь. Был Государь, было бесчисленное множество подданных, но отношение подданных к их Государю было решительно не на высоте. За последние десятилетия русский народ расшатал свое монархическое правосознание и растерял свою готовность жить, служить, бороться и умирать так, как это подобает убежденному монархисту.

Знаем, что это относится далеко не ко всем русским людям. Помним и никогда не забудем те доблестные воинские подвиги, которые были совершены русской гвардией, армией и флотом в борьбе со смутой 1905 года и со вторгающимся в Россию неприятелем – от рядового до главнокомандующего.

Однако «умение иметь Царя» знает не только форму воинского подвига, но еще и форму гражданской доблести, государственного разумения, политического такта и политической сплоченности. И вот в этом отношении русский народ оказался в роковые

часы истории не на высоте. Знаем, что и это относится не ко всем русским людям. И на верхах и в народных низах были люди искренней преданности и служения. Не будем называть имен; укажем лишь на традицию А.Д. Самарина и П.А. Столыпина и вспомним целые кадры русских сенаторов, дипломатов и членов Государственного Совета. Служение их и государственные заслуги – незабываемы.

Но единой и организованной монархической партии, которая стояла бы на страже трона и умела бы помогать монарху, – не было. А те, которые пытались выдавать себя за такую «партию», вели линию не государственную, а групповую и не понимали своих исторических и государственных заданий.

Спросим нашу историческую память – где была и что делала эта «монархическая партия» в трудные минуты колебания земли и трона, в мучительные, а потом трагические часы жизни Государя?

Когда вкрадчивый и с виду добродушный лукавец Сухомлинов, назначенный военным министром в 1909 году и чуть-чуть не назначенный Главнокомандующим Русской Армией в 1914 году, пытается несколько лет подряд уверить Государя, ссылаясь на телеграммы приамурского генерал-губернатора Унтербергера, будто война грозит совсем не с Германией, а с Японией, когда он вслед затем, к ужасу Столыпина, пытается упразднить привисленские крепости (Варшаву, Новогеоргиевск, Иван-город); когда он затем начинает демонстративно вымогать у министерства финансов сотни миллионов на якобы вооружение русской армии, с тем чтобы не использовать эти кредиты (к началу войны 1914 г. им было не использовано 250 миллионов рублей!) и оставить русскую армию без подготовки и без снарядов, – что сделали эти «монархисты», чтобы открыть глаза доверчивому монарху и спасти армию? Ничего! Когда тень мнимого «богомольца» появилась у трона, распространяя губительный яд распутства, хвастовства, сплетен, клеветы и коррупции, – что делала эта «партия» для того, чтобы грудью прикрыть чистоту трона и оберечь его всенародный ореол? Когда и где они дерзнули, спасая Россию, заслужить себе немилость Государя открытою правдою, так, как это делали в свое время Филипп Митрополит и князь Яков Долгорукий, а впоследствии Столыпин, Коковцов, Джунковский, Самарин, Тютчев и другие? Ибо последнее деяние В.М. Пуришкевича было не партийным, а личным... Нет, они не дерзнули произнести открыто достойную и спасающую правду, но держали себя, как «незнайки» и «хороняки»...

А когда они увидели, что гвардия легла костью на полях сражений и потеряла свой первоочередной состав, подумали ли они о том, что императорский трон потерял основной кадр своих ближайших защитников и что необходимо заполнить эту страшную брешь новым, идейно непоколебимым отбором?. И сумели ли они убедительно доложить об этом самоотверженному Государю или продолжали успокаивать его пусто-хвастливыми извещениями о «многомиллионном Союзе Русского Народа», не разумея ничего в событиях и подготавливая февральскую беззащитность трона?!..

А когда саботаж Сухомлинова, приписываемый почему-то его «легкомыслию», довел дело в 1915 году до великого крушения фронта, осмелилась ли эта «партия» представить Государю, что в неудачной войне бремя и ответственность главнокомандования не должны падать на Монарха, что большая стратегия требует воли, волевого мышления, опыта, знания и особенно полководческого таланта, а не только личного обаяния и благостного благородства, что всякая война есть только одна страница в истории народа, а государь призван обозревать все ее страницы и не должен отдавать трон, этот вековечный источник национального правосознания, в залог успеха именно этой войны? Кто из тогдашних «партийных» монархистов был достаточно зрел, государственно дальнорочек и независим, чтобы «прямить» Царю, не думая о личных последствиях?

Когда же совершилось неизбежное и Ставка не оказалась необходимым для войны волевым стратегическим центром (вспомним хотя бы отказ генерала Эверта от наступления на западном фронте в 1916 году!), несмотря на то, что армия была богата доблестными, опытными и вдохновенными полководцами, когда Государь почувствовал себя

переутомленным и, видя бунт петербургской черни и поведение Думы, заколебался о троне, – где оказались тогда представители этого якобы «многомиллионного Союза Русского Народа»? Поспешил ли их организационный круг к подножию трона, чтобы укрепить нервно переутомленного и семейно озабоченного Государя, чтобы дать ему хотя бы двадцатитысячный резерв верных и непоколебимых монархистов всех видов оружия, или же он сокрылся в безответственности и неизвестности, предоставляя Государю одиноко решать страшный вопрос? Кто из них решился сказать ему, что русские Основные Законы не знают права на отречение, что Помазанник вообще не отрекается от своего трона в час всенародной беды; что преемство трона в данный час не подготовлено и не обеспечено; что необходимо отстаивать трон как залог единства России; что отречься – значит развязать всю страну от трехвековой присяги и повергнуть ее в анархию, что есть еще верные люди и что они готовы исполнить свой долг до конца?! Таких верных и мужественных советников не оказалось у трона. Трон был ими изолирован, покинут, предоставлен своей собственной судьбе. Были командующие, советовавшие Государю отречься. Почему же не было мудрых офицеров и политиков, которые умолили бы не отречься, а бороться за трон, как источник национального спасения?!..

А потом, когда Государь и его семья остались одиноки в Царском Селе, – что сделала эта «партия»? Ринулась ли она на спасение трона? Пыталась ли она заставить членов Временного правительства и советский сброд – спасти Государя и увезти его за границу; найти те средства, которые оказались бы действительными и побудили бы революционеров чтить и беречь жизнь Государя и его невинных детей? Куда девались эти люди, умевшие дотоле расходовать только на один свой убогий журнальчик «Земщина» двести тысяч рублей ежегодной казенной субсидии? А потом, когда Государя увезли в Тобольск, сумели ли они поставить вместо предателя Соловьева хоть одного своего верного человека для связи? А трагедия Екатеринбурга? Что они сделали для ее предотвращения? Где они все в это время находились? Переодевались? Укрывались? Спасались? И предавали своего и всероссийского монарха?.. И, наконец, когда опасность стала угрожать всем членам Династии, кто из этих «монархистов» пытался уговорить каждого из Великих Князей беречь себя не для себя, а для России? Кто из них сумел поставить династический вопрос на должную высоту, при которой быть членам Династии не значит иметь «право» на произвольное отречение и не значит готовиться к пассивному революционному мученичеству, но значит быть обязанным занять трон в положенный час, готовиться к этому и считать себя органом общенародного спасения? И если никто из «верных» монархистов не подумал тогда об этом, то о чем же они думали? Да и думали ли они о чем-нибудь, кроме личного спасения?

Мне известно, что были героические исповедники, подобные московскому протоиерею Восторгову, шедшие на смерть и принимавшие ее; или подобно тому монархисту Матусову, которого я видел в подвале «Чеки», где он во всех служебных орденах и в своих партийных значках вызывающе требовал себе расстрела за верность Государю. Но сколько бы ни было таких, – они не составляли того, в чем нуждалась Россия, т. е. продуманной, организованной и отстаивающей национальный трон политической партии. Такой партии в России не было.

История удостоверяет нам, что имелась партийная «головка» постоянно добивавшаяся от правительства то избирательных, то пропагандных субсидий, довольная обильным получением и отзывавшаяся грубыми выходками на недостаточное получение или на прямой отказ (см.: Коковцов В.Н. «Из моего прошлого», СПб., с. 164-165 и др.). Но это и было не служение, а личное устройство, не партия монархистов, а группа вымогающих просителей, это была не опора трона, а собрание льстецов. И те из них, которым удалось впоследствии спастись за границу, промышляли этим и в эмиграции: «если от вас не будет субсидии, то возьмем из другого источника, но тогда уже будем работать против вас».

От таких людей – ни тогда, ни теперь не следует ждать для монархии ничего, кроме вреда. Монарху нужны люди дальнозоркие, умеющие разуть знаки истории и верно предвидеть зарождающиеся опасности. Монарху нужны люди правдолюбивые, а не рисующие угодливо оптимистические горизонты там, где история нависает над людьми

черной тучей. Государю нужны совестные советники, а не ловцы субсидий. Государю нужен кадр непоколебимых стоятелей, знающих, разумеющих, волею твердых, за которых дела говорят громче лукавых и лстивых слов.

России нужна была настоящая монархическая партия, а ее тогда не оказалось. Почему? Как объяснить это?

* * *

Настоящей, ответственной монархической партии, с глубоко продуманной программой и верной, активной политической тактикой – в России перед революцией не было. Потому монархисты и не могли ни поддержать трон и династию, ни выдвинуть в роковые дни свой крепкий кадр, ни отстоять неприкосновенность и жизнь отрешенного Государя. Русские монархисты полагали, что они призваны восхвалять, поздравлять, ждать распоряжений, угождать, демонстративно повиноваться, испрашивать субсидии и уверять в своей преданности; но самостоятельное политическое мышление, но государственная ответственность, но смыкание верного, активного кадра, но создание реальной, силовой опоры для трона – все это «не входило» в призвание «русской» монархической партии. Монархисты как бы «висели» на троне», но не составляли его социального и политического фундамента. И в тот момент, когда трон формально «замолк», оказалось, что монархисты рассыпались прахом и сошли на нет.

Монархический строй сокрушился в России потому, что русский императорский трон имел в стране историческую традицию правосознания, но не имел идейного и волевого кадра, дальнзоркого, сплоченного и способного к активным выступлениям. Русские монархисты обязаны осознать это, с горечью и скорбью признать это, осудить себя и не возвращаться более к этой «политике» пустых фраз и хвастливой пропаганды. Реальная политика не делается ни словами, ни резолюциями, ни восторгами, ни поздравлениями, тем более она не делается пустословными и заведомо неправдивыми уверениями, будто «нас тьмы, и тьмы, и тьмы»... С этим надо покончить: монархист повинен своему Государю не хвастовством и обманами, а правдою и грозно-честным служением.

Монархической партии в истинном смысле этого слова в России не было уже вследствие того, что самая политическая культура страны была в этом отношении первобытна, она только еще начинала завязываться, крепнуть и находить свои формы. Самая идея «политической партии» находилась вплоть до 1905 года под запретом. До тех пор русские политические партии могли существовать и работать только нелегально, без разрешения или даже в запрещении, и те из них, которые вступили на этот путь раньше, могли бы уже иметь, казалось бы, некоторый организационный опыт. Однако и их опыт оказался скудным, беспомощным и бездейственным. Достаточно вспомнить, например, что социал-демократы-меньшевики и социалисты-революционеры, давно уже возившиеся в своем подполье, нисколько не подумали о защите своего «учредительного собрания», не имели в запасе никаких партийно-силовых кадров и разошлись по домам чуть ли не на цыпочках, когда вооруженный матрос посоветовал на ушко их председателю и главному храбрецу Виктору Чернову кончить эту учредительную «канитель» «добровольно».

Русский человек просто не умел еще строить партию и приводить ее в движение. Правда, революционеры научились устраивать небольшие конспиративно-террористические группы и развивать их активность: тайно сговариваться, добывать деньги, подделывать паспорта, уклоняться от полицейской слежки, менять конспиративные квартиры, давать нелегальные ночлеги и явки, обходиться с револьвером и бомбою и устраивать побеги из тюрем. Но напрасно они воображали, что, усвоив все эти разбойничьи приемы, они научились политической деятельности. Ловкий «ассасин», вроде Савинкова, совсем еще не политик, и вся его суетня имеет только тот смысл, что она силится помешать другому, делающему живую государственную работу. Это политическое неумение, это непонимание здоровой государственности и обнаружилось у левых партий во время того демагогического

«аукциона», в который они превратили выборы «учредилки» и во время их суточного «правотворчества». После этого провала им оставалось только вернуться к своей прежней тактике: к покушениям (на Урицкого, на Володарского, на Ленина) и к поместным восстаниям (Ярославль, Тамбов, Кронштадт).

Этим я совсем не хочу сказать, что «искусство партии» далось одним большевикам... Напротив, надо признать, что их организация всегда была заговорщической и тоталитарной, а не лояльно-партийной. Они начали с уличной вербовки и все время отбирали купленных наймитов, соблазненных жадников и расчетливых нырял. Они все время нажимали на массы – голодом, страхом, обещаниями и подачками, развращая человеческую совесть и правосознание и таким способом строили не партию, а тоталитарный государственный аппарат, осуществляя торжество политической полиции над не думающим, обманутым и беззащитным обывателем...

Но кому «искусство партии» совсем не удалось – это русским монархистам. Они совсем не понимали, в чем же именно состоит призвание монархической партии в России, где правит «абсолютная» власть монарха... Одно из двух: или монархисты лояльны и приемлют эту «абсолютную» власть, но тогда им нечего предаваться – ни самостоятельной мысли, ни самостоятельным действиям; или же они ее не приемлют – и тогда их партии лучше не существовать...

Здесь мы находим самую главную причину их политического провала.

Русские партийные монархисты по своей политической наивности всегда были склонны смешивать самодержавие монарха с абсолютизмом и воспринимать власть законного Государя как абсолютную. А между тем это далеко не одно и то же и власть законного монарха не может быть абсолютной.

Термин «абсолютной» власти происходит от латинского глагола *absolve*, что значит развязываю, разрешаю, все позволяю. И вот абсолютизм утверждает, будто монарх стоит выше всякого права и закона, будто власть его не знает никаких границ; будто ему все позволено, – всякое произволение, бесправие, противозаконие и преступление.

«Самодержавие» монарха указывает как раз на обратное: на правовую и законную природу его власти. Самодержавный монарх есть высший правовой орган государства; его верховенство устанавливается правом и есть правовое верховенство. Власть монарха не дается ему ни от иностранцев, ни от внутригосударственных сил (например, от армии, от гвардии, от народного голосования, от дворянства, от финансовых кругов); нет, она принадлежит ему в силу закона и возводит его ответственность к высшим источникам правосознания – к совести, к патриотизму, к Богу. Осуществляет же он ее независимо от всякой чужой воли, именно постольку, поскольку закон присваивает ему его основные полномочия – законодательные, исполнительные, судебные и воинские. В этом его «самодержавие».

Это необходимо продумать и понять раз и навсегда: самодержавие отвергает, осуждает и исключает абсолютизм, а абсолютизм отвергает основное в правах Государя, ибо он не признает его законным монархом, он отрицает его высокое звание верховного субъекта права, он снижает его звание до звания тирана, он разлагает и разрушает самую правовую форму монархии. Именно поэтому абсолютизм несовместим с самодержавием, этим высшим проявлением законности на троне, правосознания у Монарха, чувства обязанности и ответственности у верховного в государстве лица.

Тиберий, Калигула, Нерон и другие римские тираны – не были самодержавны: они получали свою власть «милостью легионов» и, всходили на трон, не признавая ни закона, ни права, ни границ своей власти. Как тираны, они развращали свой абсолютизм, правили страхом и злодейством, прикрывали все это своей мнимой «божественностью» и рушились в преступность и позор. Людовик XI, Людовик XIV, Иоанн Грозный шли по их следам и несли бедствия своим народам и государствам.

Абсолютный монарх, «все смеет» и «все может», чего желает его политическая или иная похоть («*son bon plaisir*»). Но самодержавный Государь «смеет» далеко не все, а лишь

законное, законами предоставленное, правое, правовое, государственное, совестное, честное, Богу угодное. Тирани не связаны правом и законом; они призваны к разнузданию и осуществляют его в самых фантастических и свирепых формах. Именно этим они роняют и позорят свое звание монарха. Напротив, самодержавный Монарх знает законные пределы своей власти и не посягает на права, ему не присвоенные; он знает, что Государь, не блюдуший право и закон, сам подрывает свою власть...

Всякому, не усвоившему эти основы монархического строя, мы советуем внимательно прочесть и продумать хотя бы римского историка Светония («Жизнь 12 цезарей»), «Анналы» Тацита и «Культуру итальянского Возрождения» Якоба Буркхарда. Необходимо понять и усвоить, что есть «абсолютизм», что он вносит в душу монарха и к каким поистине ужасным последствиям он ведет. Напротив, все государи, постигшие опасность абсолютного произвола, не унижали, а возвеличивали звание монарха. Так, Фридрих Великий, уступивший мельнику в Сан-Суси – по приговору судьи – право на мельничный шум, Петр Великий, искавший во всем и всегда писаной законности и всегда напоминавший людям, что законы требуют соблюдения.

Александр I, умевший отказывать людям в случаях, когда он чувствовал, что «закон выше него»; и все Государи, умевшие не тяготиться законными формами своего правления, – оставались на высоте своего трона.

Отсюда уже понятно, что законный монарх будет ценить всякое свободно-ответственное слово, всякое честное возражение, всякую государственно-творческую инициативу своих подданных. Петр Великий говаривал: «Полезное я рад слушать и от последнего подданного»... «Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему Государю правду, вот чему надо учиться у англичан» – (после посещения инкогнито палаты лордов). Но тиран не потерпит в своих подданных ни самоличного размышления, ни независимого мнения, ни свободного слова (Джугашвили!).

Поэтому подданные самодержавного Государя отнюдь не должны внушать, – ни себе, ни ему, – будто он является «абсолютным» властелином, который требует славословия, лести и безоговорочной покорности и не терпит ни самостоятельного мнения, ни творческой инициативы. Вспомним, что главной заботой Петра Великого было – пробудить в своем народе творческую инициативу и подсказать ей верное направление. Напротив, предреволюционные партийные монархисты в России считали своей единственной задачей – славословие, слепое повиновение, угождение, предупредительность и недерзание иметь свое суждение... Именно поэтому их «партия» не имела ни самостоятельного суждения о происходящем, ни организационного кадра, ни плана действий, ни соответствующих решений и выступлений. Здесь не было зрелого политического мнения и не было борьбы за трон. И Государь с Государыней, неосторожно полагаясь на заверения этой «партии», оказались изолированными и выданными врагам. Это не было сознательное «предательство», но это была пассивность от неумения иметь Царя, это была выдача от бессмыслия, безволия и бессилия. Ожидания были обмануты, надежды не оправданы. И высокие пленники остались невырученными...

Если русские монархисты желают участвовать в дальнейшем в созидании русской истории, то они должны прежде всего пересмотреть и осудить свое прошлое, обновиться, переродиться, вступить на новые пути и не воображать, будто в происшедшей трагедии русского трона повинны все, кроме них. Они – повинны первые, ибо выдавали себя за верных и преданных.

Политическое наследие революции

Двадцатый век нашей христианской эры, этот последний и страшный век, далеко еще не закончил свое течение. Мы только вступили в его вторую половину. Но политические тенденции его достигли такой зрелости, и зрелость эта доведена до такого предела, что мы можем уже говорить о его своеобразии.

Конечно, третья (атомная) мировая война, если она состоится, вызовет к жизни совсем новые, невиданные и небывалые последствия, но это будут военные события, способы разрушения и истребления, формы гибели и опустошения, а не политические формы. Политически же человеку остается только завершить некоторые способы дальновидения, дальнослышания и химического воздействия на человеческую душу, для того чтобы обеспечить водворение на земле последних унижений, последней бессмыслицы и предельного насилия.

Нам не надо дожидаться водворения этих последних практически применительных выводов безбожия для того, чтобы уже теперь подвести некоторые основные итоги тому политическому наследию, с которым следующие за нами поколения вступят в жизнь.

1. Первое и основное, чем отличается государство XX века, это сознательный, планомерный и последовательный отрыв его от тех духовных корней, которыми оно доселе держалось и питалось: от религии, от нравственности и от национально-патриотического чувства.

Итак, прежде всего – от религии. Отделение «церкви» от «государства» было бы не ново; западные государства работают над этим уже давно. Новое же государство отделяет друг от друга не учреждения и не финансы двух организаций, но отрывает правосознание своих граждан от религиозного чувства, не только от христианского, но и от всякого другого. Оно тщится погасить в душах чувство Бога, память о Боге, идею божественного, священного, благодатного, сверхчувственно-потустороннего; отнять у гражданина потребность в молитве, дар молитвы, повод для молитвы, всякий свет духовного совершенства и всякий луч святости. Отсюда поругание святынь, разрушение храмов, истребление или унижение духовенства, система кощунства и запрещение книг Св. Писания. Это есть некое грубое вторжение в исторически и свободно сложившийся строй души: запугивающее, насильственное, мучительное подрезание и засушивание религиозных корней правосознания. И самый «компромисс», допущенный коммунистами впоследствии с внешней видимостью церковности (московская «псевдопатриархия»), был попыткой использовать остатки униженной, запуганной псевдорелигиозности для служения антихристианскому государству и стерилизованному в безбожии разбойному правосознанию.

История знает эпохи постепенного засыхания и выветривания религиозного чувства у народов. Но это состояние возникло само, оно поражало народ как крадущееся бедствие и всегда вело к государственному кризису (смуты Древнего Китая, разложение Греции в Пелопоннесской войне, великие смуты и гражданские войны Рима, современная Франция). В XX веке тоталитарное государство впервые пытается намеренно обезбожить правосознание подмятого им народа. Это есть политический эксперимент в чистом виде. Мы предсказываем ему жалкий исторический провал.

2. С этим тесно связана попытка погасить в душах людей религиозно-совестное чувство добра и зла, т. е. намерение деморализовать граждан, чиновников и самую государственную форму. Мораль, как совестный призыв, как чувство долга, как система обязанностей, как живая дисциплина, владеющая человеком, – презирается, осмеивается, попирается и объявляется контрреволюционным предрассудком. Человек должен «освободить себя от добра, чтобы стать способным ко всяческому «полезному» злу. И вот провозглашается и систематически внедряется новый критерий добра и зла: «то, что в данный момент полезно интересам революционного пролетариата (т. е. коммунистического правительства и его политической полиции), – то и морально, то и обязательно; все остальное есть буржуазный предрассудок, измена пролетариату, наказуемое преступление»... Но так как каждый «данный момент» может потребовать иного, противоположного, ибо история, по учению марксистов, развивается якобы «диалектически», то вырабатывается специальная доктрина «жестоковейшего раболепства» («диамат, т.е. диалектический материализм, или «истмат», т. е. исторический материализм), доктрина, которая декретируется сверху, подавляет всякое личное наблюдение, соображение и постижение и приучает людей быть покорно готовыми к

совершению любых жестокостей, мерзостей и предательств. Государство поощряет и возвращает в человеке угодливого и деморализованного раба, награждая его, привилегируя его, застрашивая и дисциплинируя его в слепом повиновении. Этот раб покорствуется до тех пор, пока боится и пока чувствует силу своего поработителя. История покажет нам, к чему он окажется склонным и способным в тот момент, когда он почувствует своего «владыку» ослабевающим и осмелится побороть свой страх. Это будет жестокий урок для коммунистов во всем мире.

История человечества есть постепенное освобождение его от рабства и воспитание личности к свободе, достоинству, самостоятельности и чести. В XIX веке никто не предвидел, что декорации демократии вдруг раздвинутся и что из-за них выступит тоталитарный поработитель. Но если бы даже этот поработитель принес людям не принуждение к бессовестности, а строгую порядочность в личной и гражданской жизни (подобно строю Кальвина в Женеве), то и тогда его строй был бы фальшив и подлежал бы отвержению, ибо начало добра должно быть свободно избрано человеком, а не навязано ему.

Всей этой деморализованной и деморализующей государственности мы предсказываем жалкое и позорное крушение: кто возвращает злого раба, тот будет злобно низвергнут этим рабом и сам погибнет от насажденного им рабства и зла. И Рим, и Византия явили тому достаточно примеров...

3. И третья основа здорового государственного правосознания, – национально-патриотическое чувство, – подрывается современным коммунизмом совершенно так же, как и первые две. Любовь к своему родному языку, к отцовской вере и духовной культуре; хранение национального духовного акта, национальной независимости и чести – все это отвергается как буржуазный предрассудок и как «измена международному пролетариату». Многоплеменные государства известны в истории; антинациональное и интернациональное государство, покушающееся на вселенский объем, появляется впервые. Здесь дело не в примирении племен и народов, а в угашении их своеобразия, в обезличении, в нейтрализации и всесмешении. Так, Джугашвили имел развязную глупость сказать, что у всех народов будет со временем один «общий язык», более похожий на немецкий, чем на русский (бедные китайцы, японцы, арабы, греки и французы!.. да и другие народы!). Все эти драгоценные и могучие источники жизни должны быть отвергнуты, должны иссякнуть; их должен заменить противоестественно-обезображенный хозяйственный интерес (солидарная покорность эксплуатируемых государством рабов), раз и навсегда закрепленный массовой нищетой и политическим террором. И только в час величайшей военной опасности был и здесь допущен лукавый демагогический компромисс: интернационалисты, ведущие государство в войну, решили воззвать к национально патриотическим чувствам русского народа, ибо сначала почувствовали, а потом убедились воочию в том, что лицемерный «пафос» социализма и тоталитаризма не поднимает народные массы на защиту новой «государственности». Вторая мировая война явила в явном виде крушение интернационального государства, порывающего со здоровым инстинктом национального самосохранения.

4. Из этого уже видно дерзновенное и противоестественное новшество, которое лежит в основе всего этого принудительного безбожия, аморализма и антипатриотизма: презрена и попорана грань, ограждающая индивидуальную человеческую душу. Государственная власть не считает личную душу человека самостоятельным источником воли, мысли и дел. Человек не есть для нее более «субъект права» с непрекосновенными правами и гарантированной свободой: он есть объект произвола, повинный беспрекословным послушанием; он есть трудовой механизм, подлежащий в любой момент – унижению, насилию, изоляции, пытке и казни.

Мало того, ему предписывается, во что верить и во что не верить, как и о чем думать; самая последняя тайна его лично-интимного бытия признается нерушимой и подверженной произвольному воздействию. Таковы все применения длительной пытки, начиная с пытки стоянием, страхом, унижением, голодом, холодом, грязью и побоями и кончая впрыскиванием обезволивающих и обезличивающих химических веществ. Тело человека

рассматривается при этом не как естественное ограждение души от внешнего вторжения, а как естественная дверь, ведущая к изнасилованию души и духа. Медицинская химия становится здесь гнуснейшим орудием духовной фальсификации и душевного порабощения. Такое же значение злодейского изнасилования приобретает и гипнотическое воздействие на душевно-духовный строй личной души. Такое же значение приобретает и всесторонняя государственная монополия – монополия работодателя (входящая в самую суть социализма-коммунизма, монополия продовольственная, монополия печати, слова и агитации).

Внутренняя жизнь личной души, к неприкосновенности и ненарушимости которой взывал в XIX в. А.С. Пушкин, рассматривается теперь, как подлежащая «перевоспитывающему» воздействию. Она подобна как бы «государственному тротуару», по которому волен ходить и которым волен злоупотреблять всякий по требованию тоталитарной полиции: один подслушивает, другой доносит, третий томит в «собачнике», четвертый допрашивает и грозит, пятый выпытывает, «врач» впрыскивает, следовательно добивается «чистосердечного признания», а другие ссылают, изводят работой и замучивают насмерть. Мучительства первых христиан и приемы католической инквизиции – не просто «вернулись»; они принципиально включены в самый строй нового государства. Демократия левела, левела до тех пор, пока не были угашены идеи духа, свободы, личности, совести, субъекта права и гражданина; пока человек не был приравнен дрессируемому животному с применением голода, страха, соблазна и мучений.

Такова идея нового государства. Но этим она еще не исчерпывается.

5. Новое, социалистически-тоталитарное государство отличается, далее тем, что оно обдуманно, принципиально и последовательно заменяет идею правосознания идеей рабочувствия. Правосознание имеет свои аксиомы: 1) чувство собственного достоинства и уважения к себе и своему духу; 2) способность управлять собою и свободно строить свою жизнь – как внутреннюю (духовную личность), так и внешнюю (субъект права с хозяйственной инициативой); 3) взаимное уважение и доверие правительству. Чем строже и полнее соблюдаются эти аксиомы в жизни, тем выше и благороднее государственность в стране. Тоталитарный строй попирает эти аксиомы. Соблюдающий свое достоинство – идет на пытки и смерть; самоуправление угашается и внутренне и внешне; недоверие всех ко всему, подозрение и презрение во все стороны – становятся системой жизни. Верный коммунист есть раб власти; и в то же время он есть рабовладелец по отношению к некоммунистам; шпион-предатель по отношению к своим сокоммунистам и кандидат в палачи для всех. Коммунизм как система жизни держится на страхе и предательстве. Боятся все – и застрачивающие, и застрачиваемые; и каждый должен быть всегда готов купить себе жизнь ценою симуляции, отречения, предательства и доноса. Застрачивающие боятся мести своих рабов, и в то же время они боятся расправы со стороны «начальства». А тоталитарное «начальство» охотно казнит не только своих соучастников (Зиновьев, Каменев, Бухарин, Пятаков, Рыков, Максим Горький, Орджоникидзе), но и своих палачей – за то, что слишком старались на службе и слишком много знают (Ягода, Ежов, Берия и др.).

Что же касается граждан, то новое государство считает взаимное недоверие среди них и взаимный шпионаж – лучшей гарантией своей прочности; и не только в низах, – ибо какой же возможен политический заговор среди привычных доносчиков, – но и на партийных верхах. И сами коммунисты не раз жаловались печатно, что из двух «доверительно» побеседовавших коммунистов – по крайней мере один наверное донесет из страха, как бы другой его не предупредил в этом.

6. Одна из самых жутких особенностей нового государства состоит в открытии «безмерности нажима». Казалось, опыт столетий установил уже, что есть «мера» террора и вымогательства, мера порабощения и голода, до которой режимы держатся, а после которой народное возмущение сбрасывает деспотизм. Даже римские «императоры» и итальянские тираны эпохи возрождения находили эту меру и падали. Опыт тоталитарного коммунизма показывает, что эта «мера», по-видимому, может быть растянута и отложена до

«безмерности». Весь вопрос в страхе, в организации полицейского аппарата, в голодно-холодном хозяйственном режиме, в монополии печати и, главное, в пренебрежении к смертности населения. Страх парализует мысль и волю; голод и холод довершают этот паралич; полицейский аппарат, отделяющий мужа от жены, детей от родителей и друзей друг от друга развращает и истощает нравственные силы народа; монополия печати убивает общественное мнение; а умелая вербовка палачей с «идейно» задрапированной готовностью не считать казнимых и погибающих – дает тоталитарному государству средства «Гулага», «Катыни» и «Аушвица».

Новая государственность не знает меры в принуждении, предела в вымаривании населения, удержу в казнях, стыда и совести в изнасиловании и погублении человека. Она создала новый способ каторжного правления, новый тип злодейского государства, осуществимость которого зависит от целого ряда условий. А именно. Оно тем легче может быть осуществлено, чем больше в народе наивной доверчивости и преувеличенных надежд, чем меньше у него образования и характера, чем неустойчивее его правосознание; оно предполагает в организаторах завершённое безбожие, законченную безнравственность, неутолимое властолюбие и неисчерпаемый садизм; для осуществления такого строя необходима крайняя самоуверенность невежд, не понимающих природу человеческой души и слепо уверовавших в противоестественную доктрину социализма; необходима и школа палачей, организующих террор и политическую полицию. Но, что имеет еще особое значение, это поддержка такого злодейского начинания со стороны людей, лишенных национального и патриотического чувства: здесь очень важно участие людей других наций и рас, неспособных одуматься, а может быть, даже озлобленных, мстящих и зложелательных. Понятно, что введение такого строя непременно поведет к массовому вымиранию и убиванию, которое примет характер «геноцида» (т. е. национального истребления); и если введение этого строя будет осуществляться изнутри авантюристами чуженационального и интернационального порядка и поддерживаться извне, – по соображениям страха, корысти или завоевания, – другими государствами, то борьба с ним может стать особенно трудной. Именно такой «геноцид» происходит вот уже 36 лет в России при участии многих народов и почти всех других правительств, охотно прикрывающихся на словах своею «неосведомленностью» и «нейтральностью».

7. Понятно, что такое государство, как система насилия, доведенного до национального истребления, может позволить себе все и не останавливаться ни перед чем. Такова планомерная экспроприация и пролетаризация народа, составляющая самую сущность социализма и коммунизма. Наивные меньшевики были склонны истолковывать программу Маркса в смысле эволюции: капитализм будет все больше и больше пролетаризировать массы, и когда пролетаризированные граждане окажутся в большинстве, тогда они «экспроприруют экспроприаторов» и введут райскую «свободу» добренького социализма. Совсем иначе у большевиков: капиталисты и средняя буржуазия экспроприруются немедленно: естественное голодание и казни помогают их исчезновению. Вслед за тем экспроприации подвергается мелкая буржуазия, включая сюда и крестьянство; и опять-таки ее исчезновению помогают голод, казни и ссылки в концлагеря. Нищета становится лучшей гарантией беспомощности и покорности. Однако история показала уже, что из этого возникает не «всеобщая и равная» нищета, а имущественный передел, новое классовое строение общества, новая классовая дифференциация (политическая и имущественная): слагается партийная верхушка (число около 2000 человек), абсолютно привилегированная в командовании и в потреблении благ, – это повелевающие, угрожающие и приговаривающие; во-вторых, партийно-покорная бюрократия (числом в несколько миллионов, иные исчисляют ее состав в 10-15 миллионов «совчиновников»), – это исполнители, передающие террор по всей стране, вымаривающие, казнящие и тихомолком накапливающие новое имущество; и в-третьих, остается ограбленная, неимущая масса народа из всех прежних классов и сословий (число в 170-180 миллионов изнасилованных жертв нового «геноцида»). Именно в таком порядке погибли и крымские татары, карачаи, приволжские немцы и ныне

доканываются эстонцы, латыши и некоторые другие российские народности. В общем и целом возникает невиданное еще в истории издевательство над равенством: здесь отбирается кверху весь худший элемент страны – люди с рабской психологией, угодливые, нравственно и религиозно слепые; элита противодуховности, бессмыслия, продажности и жадности. Если «аристос» значит по-гречески наилучший, а «какистос» – наихудший, то этот строй может быть по справедливости обозначен, как правление наихудших или «какистократия».

8. Да и могло ли быть иначе, когда с самого начала большевизм – разнуздывал людей, а коммунизм их порабощал. Программа Ленина с его призывом «гробь награбленное», с его разлагательством религии, патриотизма, семьи и правосознания сводилась именно к этому: разнуздать, чтобы поработить. Из этого могло выйти и вышло неслыханное по всей гнусности «государство» – явление антиправовое, противоорганическое, заменяющее правопорядок механизмом страха и насилия – явление мирового рабовладельчества. И замечательно, что это новое псевдогосударство с самого начала выступило с мировой программой для всех остальных государств, с готовым разбойничьим штампом, который и донныне навязывается всем остальным народам – то уговором, то заговором, то восстанием, то завоеванием, то вторжением, то тихой сапой. И нет таких порочных и подлых средств, которые не пускались бы при этом в ход.

9. Вот почему весь этот новый способ организовать видимость государства должен быть охарактеризован так: система лжи и система насилия во имя вызывающей и законченной пошлости.

Тоталитарный социализм строится ложью и обманом: лживыми обещаниями для масс, систематической ложью в монопольной печати, обманными договорами и обязательствами, обманными призывами и перспективами. Лгут слова, лгут льстивые пресмыкательства, лгут улыбки при подаче избирательных бюллетеней, лгут каменные лица на неповоротливых шеях, лгут «чистосердечные признания», лжет статистика, лжет огромное большинство ученых и их книг, лжет продажное искусство, лжет приспособившаяся к «отцу лжи» псевдопатриаршая «церковь»...

Наряду с этим тоталитарный социализм строится страхом и насилием, – сверху донизу; и если бы было возможно погасить в душах страх перед этим насилием, то весь этот злодейский строй расползся бы в одну неделю.

И все – это во имя величайшей и невиданной в истории пошлости. Произнося это слово, разумею не «банальность» и не просто низкий уровень коммунистических познаний и идей, а воинствующее посягательство на все великое, чистое, божественное и благородное, что доступно земному человеку. «Идея» нового государства есть безбожное мировоззрение, механическое миропонимание, выдуманный сослепу материализм, отвержение Евангельского учения, попрание философии и науки, презрение к совести и чести, издевательство над самодовлеющим искусством, практика предательства и убийства или, короче, утверждение на земле дьяволова духа и дела; а этот дух и есть слепота для Божественного и культ ничтожного.

И все это вместе взятое именуется тоталитарным социализмом. Господа социалисты! Вы еще не уразумели этого? Вы не поняли еще, что это вы снесли это сатанинское яйцо, высиженное ныне большевиками? Вам еще не жутко? Вы еще настаиваете на ваших затеях? Будьте же уверены, что кара истории не минует вас...

Ненавистники России

Мы не должны забывать о них никогда. Нам не следует воображать, будто они «успокоились» и «бездействуют», удовлетворившись, тем, что они подкинули нам коммунистов, другие 36 лет поддерживают или разыгрывают их в свою пользу... Этого им мало: надо еще унижить и очернить русскую культуру, изобразить русский народ, как

рабский народ, достойный своего рабства, надо подготовить расчленение русского государства и завоевание русской территории, надо исказить, унижить и покорить его христиански-православное исповедание. Усилия в этом направлении не прекращались за все время большевистской революции. Они продолжаются и теперь. Причем, одна из излюбленных форм этой пропаганды состоит в том, чтобы залучать в свои сети чисторусских или недообрусевших писателей и побуждать их, как, якобы, «знатоков» вопроса, выступать в печати со статьями или с целой книгой очернения и оклеветания. Ученым за это обещается (а иногда и фактически устраивается!) кафедра; писателям открываются «тайные двери» и источники, пути к радиовещаниям, паспортным облегчениям, вознаграждениям и лекционным разъездам. Скажем прямо: кто хочет делать карьеру в эмиграции, тот должен идти к врагам России и с невинным лицом становиться в их ряды. Автор этих строк знает этот прием «зазывания» и по другим, и по себе самому, ибо ему не раз делались подобные (иногда совершенно обстоятельные!) предложения. Ему известны также «русские» люди, открыв в себе польское, или шведское, или балтийское, или хотя бы туранское естество, вступали на этот путь и делали карьеру в эмиграции.

Мы отнюдь не хотим сказать этим, что всякий, критикующий Россию, русский народ и русскую культуру – «продался» и заведомо клеветает. Нет, возможны люди, ненавидящие Россию и готовые сказать о ней любой вздор и любую мерзость, не будучи подкупленными: что же с ними делать, если Россия им не нравится, например, католикам, – однако, не только им!). Вспомним хотя бы непристойный памфлет, выпущенный в свет некоей госпожой Бертой Экштейн, в 1925 году, под псевдо-английским псевдонимом «сэр Галахад». Памфлет назывался «Путеводитель идиотства по русской литературе». Здесь все – сплошное невежество, все искажено, поругано, перевернуто и притом с каким-то апломбом развязного всезнайства!.. Здесь русские (буквально!) уподобляются грязным собакам, обдeldывающим стенку и заранее визжащим от страха, что их ткнут носом в содеянное (28). Русский – это жестокий, злобный, тупой, лишенный достоинства, сексуально извращенный «эксгибиционист» (29); немзыкальный, антипоэтический (51, 88-89, 111 и др.) «секретин» вроде Кутузова и Платона Каратаева (44), неспособный ни к какому творчеству (47), но всегда готовый к разрушению (38), все равно будь это «татарин Тургенев» (102, 142), «Иванушка Страшный» (99, 101) или «Ванька Привратник» (50, 61). Словом: Россия есть творческая «пустота» (47, 109, 119), а русский народ – «мировая чернь» (100). Не довольно ли? – Вспомним тут же книгу о России католика Гуриана, вышедшую через несколько лет в Германии, незадолго до водворения Гитлера в качестве поддержки для рейхсканцлера Брюнинга и прелата Кааса с их просоветской политикой. Он, между прочим, изображал Ленина, как великого воспитателя в истории человечества... И мы не имеем доказательств для того, чтобы заподозрить его в «неискренности»: кто знает, может быть и он, и его предшественница верили в свои соблазны и были «убежденными сторонниками» своих слепых и злобных глупостей? Разве человеческая глупость имеет свою меру? Нельзя же всякую слепоту и всякое невежество уверенно приписывать нарочитой лживости или подкупности автора! Возможно еще и простое отсутствие силы суждения, убожество духа, фанатизм иноверия или, наконец «конфессиональная дисциплина»...

Однако, нам гораздо труднее поверить, что те вороха неправды и клеветы о России, о русских Государях и их национальной политике, которые напечатаны в книге русского профессора Гогеля (1927, по-немецки) и в статьях г. А. Салтыкова (1938г., в Бельгии) свидетельствуют именно о их духовной слепоте и о малой силе суждения, ибо они, как люди (не скажу «русские»), но выросшие в России и совершившие там всю свою карьеру, могли и должны были знать, где кончается правда и где начинается ложь.

Мы не будем возражать г-ну Гогелю, состоявшему до 1912 года помощником статс-секретаря Государственного Совета, на его выходки против русских Государей и Великих Князей, против русской бюрократии и русского народа в целом, особенно против великороссов. Но когда он, например, сообщает об Императоре Александре III, будто у него «из-за голенища сапога всегда торчала бутылка водки» (стр. 42, 51)! когда он рассказывает о

небывалых «попойках» Императора Николая II (стр. 53); когда он выдумывает, будто Великий Князь Николай Николаевич, как Главнокомандующий русской армией, «работал хлыстом» (117), и будто русская армия вообще держалась «дисциплиной кнута и палки» (135); когда он характеризует русскую бюрократию как «стаю волков», как бессовестную «банду», как «ползучий рак» (59, 107, 34, 125, 49, 120, 126), как секту духовных скопцов (66, 114); когда он отказывается говорить вообще «о великороссах, как о народе» (139, 143 и др.), – то читая все эти лживые непристойности, невольно спрашиваешь себя, куда он ведет и для чего от старается? И лишь постепенно начинаешь понимать скрытую тенденцию всей этой «композиции»: только люди другой крови могут дать русскому хаосу истинную дисциплину и государственную форму... Вера в Россию утрачена; ей нужен иноземный хозяин... в лице немца. Вероятно, эта книга и вышла потому в серии, выпущенной «немецким обществом для изучения Восточной Европы», один из председателей которого профессор русской истории в Берлине Хеч в двадцатых годах спровоцировал профессора С.Ф. Платонова в «доверительной» беседе и затем выдал его советскому послу Крестинскому.

За Гогелем пришел Салтыков с его учением о том, будто Православие не пробудило в русском народе ни любви, ни жажды истины, ни чувства красоты и ранга: наш народ остался детищем небытия, вечной смерти и хаоса; русская душа нигилистична, чужда порядку и иерархии и ненавидит государственный авторитет; она «лишена любви» и «ненавидит всякую форму»... Но, именно, эти слова публичного самооплевания, помещенные в католической печати, заставили нас усомниться, в самостоятельности салтыковских суждений и вспомнить о его главном предшественнике Чаадаеве... Выяснилось, каким путем идут враги Православия – католики, и откуда следует ожидать их дальнейшего нападения. И вот, несколько лет тому назад эта новая атака, подготовленная ненавистными выходками господина Федотова против России и Православия, против русских Государей, русского чиновничества и русского народа, к поруганию которых Федотов как бы приглашал в своих клеветнических статьях, состоялась на немецком языке: ненавистники России давно уже перекликаются друг с другом.

Мы разумею увесистую книгу русско-шведского католика Александра фон Шельтинга «Россия и Европа в русском историческом мышлении» (1948 г., стр. 404), написанную на немецком языке человеком, знающим хорошо по-русски, с точными цитатами и с претензией осветить «до корня» всю историю России. Он, якобы, знает основной недуг России и может указать ей путь к спасению. А именно, все дело в том, что России не следовало принимать христианство от Византии: спасти Россию от бед мог только римский католицизм, который равнозначен для автора европейской культуре и цивилизации.

Для этой мысли г. Шельтинг имеет два основания: во-первых, свою католическую веру (источник, ни для кого, кроме католиков не убедительный!), а во-вторых, мнения своего авторитетного наставника, которого он сам называет своим «вождем» (стр. 130, 170, 213), а именно, Петра Чаадаева (1793-1856). Ему он наивно приписывает «энциклопедическую начитанность», от которой он в восторге (46, 185); он все время «учится» у него, превозносит его, восхваляет, вопрошает его как пророка (45, 54, 87, 138, 142, 144, 198). Незаметно Шельтинг «тонет» в Чаадаеве и становится его навиной и верной «тенью»; Чаадаев же не признает на земле никаких ценностей, кроме римского католицизма...

Откуда же могла быть такая универсальная осведомленность у Чаадаева? Ведь он выносил ее уже к началу тридцатых годов, когда он еще не имел возможности овладеть ни историческими источниками о католической церкви, ни большими научными сочинениями по сему вопросу. Это относится и к историкам Европы и Германии, за исключением Нибура. Историческая наука ходила тогда еще в детских башмачках; научные исследования или отсутствовали, или же были примитивны; первоисточники были еще не напечатаны...; а для протестантизма, в особенности, Чаадаев никогда не имел никакого понимания: он мог только слепо верить тому, что выдумывала католическая пропаганда о своей церкви и о средних веках и повторять затверженное.

Что же касается истории России, то надо признать, что здесь сила суждения Чаадаева

была совершенно беспредметна. Первые тома истории Карамзина, повествователя патриотического, но в смысле исследования источников беспомощного, вышли в 1818 году и в дальнейшем были доведены только до Смутного Времени. С тех пор прошло 130 лет. За эти десятилетия русское историческое исследование, также как и вся русская культура, переживала эпоху великого расцвета и плодоношения; то, что создали в России литература, музыка, театр, живопись, архитектура, скульптура, наука, религиозное исследование, фольклор, раскопки, предыстория, опубликование источников – все это постепенно обреталось и поднималось из глубины народного духа и все это представляет собой величайшее богатство. 130 лет назад все это можно было бы только предчувствовать, прозорливо предвосхищать подобно Пушкину, как «уже наличное» и в то же время – только еще «грядущее». Вот два примера.

1. За это время, например, собирали и изучали те самые народные песни, которые тогда «просто пелись»; и чем дальше шло это изучение, тем более и русские и нерусские люди (например, профессор Рудольф Вестфаль (1826-1892) одинаково изумлялись и богатству мелодий, и творческому ритму этих песен, и выражению их, и особенно их совершенно своеобразным тональностям и гармониям; и до сих пор никому еще не удалось ни свести это сокровище национальных песен к западно-европейским формам, ни музыкально классифицировать их виды.

2. Что же касается русских исторических исследований за эти 130 лет, как в детальном изучении материала, так и в окрыленных синтезах, – то надо просто признать, что выдумки Чаадаева были совершенно вздорны и беспочвенны, и давно уже ниспровергнуты и рассеяны. В начале XIX века Россия стояла непосредственно перед великим расцветом своей культуры, а Чаадаев не видел ни одного бутона, ни одной завязи из всего богатства и проклинал все естество русского духа, предсказывая ему засыхание на корню и гибель. Но проклятие его поразило не Россию, а его самого.

* * *

Итак, суждения Чаадаева, составляющие «закон» для его ученика Шельтинга, оказались на самом деле беспредметными и парадоксальными выдумками; а с точки зрения современной науки они являются до смешного устаревшими, наивными и размашисто-претенциозными. И тот, кто ныне читает его пресловутые письма, начинает грустить, негодовать и стыдиться за него; так мало знать и так самоуверенно и беспредметно разглагольствовать было непозволительно и тогда уже! Но католику Шельтингу это разглагольствование близко и попутно, и он не стесняется воспроизводить его как «истину» вопреки всякой правде и всякой обличенности.

Когда, например, Чаадаев говорит, что русский народ есть «ничто», «пустота», *tabula rasa*, без истории, без национальности, без традиции и без самопочинной деятельности, – то на самом деле это он сам не знал ничего о своем отечестве, над которым он надругивался; – не знал ничего, не мог знать, да и не хотел. Это «пустота» жила в нем самом; это «ничто» – выражало только его собственное невежество. Это он растерял все традиции своего народа, чтобы отречься от Православия в презрительных словах и поставить католицизм мерою совершенства. Однако к римской церкви он окончательно не примкнул, как это сделали Печерин, князь Гагарин и еще кое-кто из тогдашней интеллигенции. Его «литературная» деятельность состояла в том, что он писал выдающимся иностранцам – по-французски и в поучающем тоне письма, которые у него дома переписывались. В этих письмах он поносил свой народ и свое отечество; а когда выдающиеся люди того времени, как, например, философ Шеллинг, не удостоивал его Ответом, то он изумлялся и негодовал. Так он и остался – беспочвенным корреспондентом, католическим снобом, невежественным поругателем своей родины, самодовольным парадоксалистом...

Если, например, читаешь у Чаадаева, что «порядки» европейского средневековья походили более всего на Царство Божие на земле (51, 53, 54, 58, 109), то невольно

спрашиваешь себя, что это – полное невежество, заведомая ложь или больной бред? Или, когда читаешь у него, что вся реформация является плачевным событием (57); или, что Европа целыми веками жила как настоящая федерация (57); что история вообще есть лишь тогда история, если во всех делах господствует единый принцип (50 и др.) и т.п., то видим перед собою беспочвенного фантазера с давно уже преодоленной необразованностью. И становится стыдно.

Но Шельтинг является его учеником и последователем; и нетрудно себе представить, куда это ведет. То, что у Чаадаева есть апломб, основанный на невозможности настоящего знания, оказывается у Шельтинга нежеланием знать историческую правду, ибо он нуждается во всех этих фантазиях, ошибках и нарочитых наивностях для того, чтобы внушить своему читателю свою собственную доктрину, которая в общем имеет такой вид.

Шельтинг стремится внушить читателю, что современный тоталитарно-коммунистический режим со всеми его опасностями и планами завладеть миром – выражает настоящую духовную субстанцию русского народа. Россия и большевизм едины. Мы уже слышали это и до Шельтинга от современных полурусских недоумков или предателей. Но в целую «чаадаевскую доктрину» эта ложь разворачивается впервые. Русская история, видите ли, была сплошным потоком унижения и рабства. Именно поэтому русский, как раб, ищет себе компенсации в виде завоевания мира: этому рабу снится сон о всемирной деспотии и эксплуатации других народов. Агрессивность сидит в русской крови, как воля к экспансии. Так было уже у славянофилов: вся их доктрина, их восхваление русского народа и особенно греческого Православия, коренится не в какой-нибудь религиозной вере, и не в искреннем патриотизме, но в необузданном честолюбии, в «мании грандиозе», которая выросла, как у древних иудеев, из унижений и жажды компенсации. Русская интеллигенция вообще не умеет веровать; она пытается только, подобно Шатову в «Бесах», насильно завладеть верою, чтобы злоупотребить ею политически и националистически (см. у Шельтинга стр. 299-313 и во всей остальной книге).

Вся книга Шельтинга наполнена такими искажениями, умолчаниями или поношениями. Так, он уверяет, будто Петр Великий «ненавидел, преследовал и разрушал» «все русское» и добивался полной европеизации России (14, 41, 45, 59); эта нелепая выдумка совершенно не соответствует действительности, зато превращает гениального человека в тупого фанатика. Читаешь эдакое и думаешь: чего здесь больше – невежества, ненависти или развязности? – Известная патриотическая отповедь Пушкина, данная Чаадаеву, замалчивается совсем: «Клянусь Вам моею честью, что я ни за что не согласился бы переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Господь»... Этим искажен духовный облик Пушкина, с его дивною прозорливостью и патриотизмом: ибо он ведал духовным опытом такую глубину России, которая оставалась недоступной духовному изгоя Чаадаеву. – А вот Шельтинг, цитируя слова Шатова из «Бесов», приписывает их смысл самому Достоевскому, тогда как на самом деле Шатов вместе с Кирилловым, Верховенским и Ставрогиним стоит в ряду соблазняющих Россию «бесов»... – Вот чистый духом и глубокомысленный А.С. Хомяков изображается как «одержимый» «честолюбец» и предшественник большевиков... Шельтингу и его всеискажающей католической пропаганде нужно изобразить религиозно-лирические мечты славянофилов, как «беспримерную» претензию (299) русского раба, как предел национальной и религиозной гордыни. Но зато о германском империализме, подготовлявшемся у Фихте Старшего («Речи к немецкому народу»), у Гегеля («Философия права»), у других публицистов и генералов, и, наконец, осуществленном в 1914-1918 году (Вильгельм II), а потом 1933-1946 годах (Гитлер), он» не имеет ничего сказать. Кто такие «славянофилы»? Это – известные русские империалисты-завоеватели. А большевики? Это – последователи славянофилов, перенявшие у них: 1) социализм; 2) панславизм. – Таков уровень образования и правдивости у этого новейшего (но далеко не последнего) ненавистника России.

О России же нам надо признать, что история, действительно, принесла русским много

страданий и унижений. Страдания преодолевались национальной верностью, молитвою, терпением, трудом и юмором, унижения же чужеземного ига ликвидировались активным, всенародным воинским напряжением. Но об этом самоосвобождении русского народа – ни Чаадаев, ни Шельтинг не желают знать: они нуждаются для своих ложных конструкций только в бывших унижениях. Спросим, однако, какие же такие иностранцы освободили Россию от татарского ига? Какие такие чужеземные «благодетели» прикончили Смуту? Какие «дванадцать языков» выбросили из России наполеоновщину? Какие «завоеватели» погасили в России сословно-крепостной строй и дали в XIX веке великие реформы? Но если Шельтинг знает хотя бы эти основные факты, т.е. что все было как раз наоборот, то зачем же он пишет глупости? Самоосвобождение есть единственный, достойный человека способ прекращения зависимости и вся история России есть не что иное, как самоосвобождение, а кто в этом сомневается, тот в скором времени в XX веке получит новое веское подтверждение этого.

Да, татарское иго задержало в России культурное развитие на 250 лет. Однако крепостное право существовало и в Европе, везде кроме Швеции. Европейское крепостное право со всем его бесправием и уродливостью начало угасать в 1788 году (Дания) и процесс этот завершился в Австрии в 1850 году. Россия отстала в этом от Европы всего на одиннадцать лет (1861) и погасила свое крепостное право на таких выгодных условиях для крестьян, которым был бы рад любой европейский крестьянин. Но освобождение крестьян могло осуществиться в России лишь тогда, когда русский Император после семи дворцовых переворотов (1725-1825), при которых три государя погибло (Иоанн VI, Петр III, Павел I), сумел утвердить свою независимость от сословно-реакционного дворянства (свое «самодержавие»). Знания и понимания этого трагического и длительного процесса Шельтинг не обнаруживает совсем. Ему важен католицизм и поругание русского народа, остальное ему безразлично. Ему важно показать, что русская душа есть душа раба, жаждущая завоевания мира.

Спросим же: когда в 1917 году русские солдаты оставили фронт и разбежались по домам, – было ли это проявлением русской всенародной агрессивности? В чем проявилась воля русской души к экспансии, когда русская армия в 1939 году позволила маленькой финской армии наносить себе поражение за поражением? Или, может быть, мечта о завоевании мира стала особенно актуальной в русской душе, когда в 1941 году от 4 до 5 миллионов русских солдат складывали оружие перед немецкими агрессорами и вместе со своими уходили в немецкий плен в порядке пораженчества? Или все эти исторические проявления, в свое время предвиденные и предсказанные у Достоевского, остались неизвестны католическому памфлетисту? Или он настолько презирает своих европейских читателей, что считает возможным навязывать им «во спасение» любую ложь, и такую ложь?

В истории иностранной литературы о России имя Александра фон Шельтинга будет занесено на черную доску наряду с другими именами вроде маркиза Кюстина, подозрительной мадам Экштейн, нациста Розенберга и других ненавистников нашего народа и отечества. И это состоится совершенно независимо от того, разбирается в такой «литературе» современная эмиграция или нет. Ибо вот, совсем недавно один эмигрантский журнал нашел возможность «рекомендовать» этот конфессиональный памфлет как «обстоятельный и объективный труд» «особенно иностранцам, желающим ознакомиться с русской мыслью XIX века»...

Положение дел в Израиле

Юлий Марголин, независимый журналист, польский гражданин с постоянным жительство в Палестине, был захвачен в сентябре 1939 года Красной Армией на территории Польши, арестован и сослан в Сибирь в лагерь «48-й квадрат», где и пробыл без малого шесть лет. До этого времени он занимал, вместе с великим множеством

«прогрессивной» и «радикальной» европейской и еврейской интеллигенции, позицию «благожелательного нейтралитета» по отношению к СССР. «Конечно», говорил он себе, «для нас в Европе это не годится. Но все же это строй, который, по-видимому, соответствует желаниям русского народа. Их дело, их добрая воля!»... А для других народов это великий социальный эксперимент. «Пусть их живут, пусть работают на здоровье. Пожелаем им успеха».

Через семь лет наблюдения, лишений и непосредственных бесчеловечных унижений в советском концлагере он радикально изменил свою позицию. Сначала, еще в Польше, он понял, «как делается плебисцит и как население приводится в состояние энтузиазма и советского патриотизма», а потом он «понял секрет устойчивости и силы советского строя». К концу своего плена он писал: «Я ненавижу этот строй всеми силами своего сердца и всей энергией своей мысли. Все, что я видел там, наполнило меня ужасом и отвращением на всю жизнь. Я считаю, что борьба с рабовладельческим, террористическим и бесчеловечным режимом, который там существует, составляет первую обязанность каждого честного человека во всем мире». Там, в лагерях, гибнет в муках и унижениях некоммунистическая Россия. «Россия № 2» – «это огромная помойная яма, гигантская свалка, куда выбрасываются, в случае надобности, целые группы и слои населения. Это настоящая преисподняя, выдумка дьявола, организованная по последнему слову полицейской техники». Там томится до 10-15 миллионов страдальцев и все время посылаются новые «полчища»... «Людей, которые в ответ на это пожимают плечами и отговариваются ничего не значащими словами, я считаю моральными соучастниками преступления и пособниками бандитов» (См. «Соц. Вестник», 1946 г. № 12).

Услышали ли эти правдивые и достойные слова господина Черчилль и Иден и особенно господина Трумэн, Ачесон, Уайт, Алжер Хисс и другие деятели и правители некоммунистических государств, и, услышав, поверили ли, или продолжали свое гласное и негласное содействие этому адскому действу, одни, сдавая большевикам из стратегической любезности пол-Европы и предавая сотни тысяч русских беженцев на пытки Смерша под флагом «репатриации», другие, отдавая им на муку весь Китай, третьи осведомляя коммунистов о секретах атомного погубления или радарной самозащиты? Нет, они совсем не слышали голос Марголина, который уже «через два с половиной года (концлагеря) был превращен в калеку, в жалкое и вечно голодное существо, которого при встрече не узнали бы самые близкие люди». Зато он сам понял, что коммунизм «не ошибка, а система, особый способ управления государством» (см. «Соц. Вестник» 1949 г., № 4, «На сорок восьмом квадрате») и осознал свою мировую миссию – сказать всем соучастникам этого преступления и всем пособникам бандитов, – открыто, печатно, в лицо, – кто они и что они делают...

И вот теперь этот самый честный и мужественный Марголин рассказывает нам о положении дел в государстве Израиля («Новый журнал», XXXI, стр. 280-296). Мы читаем его описания и выводы с полным доверием.

«Если считать возникновение Еврейского государства у подножия Сиона победой сионизма, то надо сказать, что это горькая победа, плоды которой ничем не напоминают первоначального замысла», – так начинает он свою статью. «Сионизм построен на пепле костей» «шести миллионов» евреев (несколько более трети всех евреев в мире), но, в действительности, эти 6000000 представляли центральное ядро, живую сердцевину, невознаградимый резервуар народных сил и энергий»... Прежнего еврейского (доленинского и догитлеровского) народа «больше нет». Сионизм привел в Сионе «к военному столкновению и бегству сотен тысяч арабов из их городов и деревень». «Границы еврейского государства» суть (ныне) «границы ненависти»; «все без исключения пограничные государства бойкотируют Израиль и желают ему гибели, как если бы Гитлер воскрес на его рубежах». «Руководители арабов говорят открыто: «Израиль – гвоздь в сердце Ислама»... А для Израиля есть «кровоточащая рана», отрыв от исторического Иерусалима, интернационализации которого требуют Объединенные Нации и Католическая Церковь.

Израиль имеет только то, что «евреи вырвали силой». Он есть «осажденная крепость», его парламент находится «в нескольких стах метров от цитадели врага», а от Тель-Авива до границы всего 17 километров.

Хозяйственно Израиль ввозит в несколько раз больше, чем вывозит; и потребляет больше, чем производит. Его спасают доселе те «огромные ресурсы», которыми он может располагать «вне пределов государства», однако для этого необходимы соответствующие «эмоциональные мотивы – неизраильских граждан» и «добрая воля иностранных правительств, в первую очередь Соединенных Штатов»... Вот почему «день объявления независимости 14 мая 1948 года был днем торжества и ликования для еврейских масс во всем мире и днем печали и траура для всех тех, кто понимал, как далеко реализация сионистской идеи отошла от цели»...

«Существование Израиля не только не обеспечено», но «полно смертельной опасности». «Сионизм играет ва-банк; в его опасной игре ставкой являются жизнь и смерть еврейского народа. Здесь – последний исторический шанс рассеянных еврейских масс удержаться в мировой истории». «Сионизм концентрирует все жизненные силы, все материальные ресурсы, всю наличную волю к самосохранению в одном пункте. И, однако, успех в этой игре, как и во всякой игре, зависит не только от умения, но и от удачи, от судьбы».

Первая опасность – оккупация Израиля советскими коммунистами: тогда весь человеческий актив сионистского движения (несколько сот тысяч человек) был бы увезен вглубь советской Азии; все языки и наречия еврейского рассеяния были бы «уровнены в правах», жизнь приняла бы ход подвластного Советам Биробиджана и коммунизм погубил бы сионизм. – Вторая опасность есть торжество противоеврейского и противоизраильского фанатизма арабов магометан. Этот исламо-арабский фанатизм един в своем отрицании; он ненавидит Израиль как «форпост Европы... на стыке трех континентов», как европейское государство, вдвинувшееся в чужеродную ему азиатско-арабскую территорию. И может быть ведущим государствам Европы и Америки «придется сделать свой выбор» между неудавшимся умиротворением и прочной поддержкой Израиля.

Однако среди самих евреев есть враги Европы и европеизации, а именно коммунисты, мечтающие превратить Израиль «в кантон Советского Востока и переименовать Иерусалим в «Кагановичград»; есть и «религиозные фанатики», желающие «Великого Израиля» от Нила до Ефрата и готовые в качестве националистов-империалистов к террористическим актам.

Сегодня же Израиль «очень бедный и мало живописный край». Это «страна убогих бараков, железобетонных построек и примитивного быта». Тель-Авив «теперь один из самых грязных и скученных городов на средиземноморском побережье». Толпа, напоминающая еврейскую Варшаву, не имеет «ни времени, ни средств на эстетику». Новоприбывший иммигрант сначала умиляется на свою древнюю родину, а потом предается «жестокому разочарованию и озлоблению». «Неумелость самой молодой бюрократии мира в соединении с ловкостью самой древней торгово-деляческой касты мира доводят его до отчаяния... до желания бежать на край света»...

Страна за чертою города это «своеобразный Wild West»... Пыль от перегруженных автобусов... «Ищут нефти, учатся летать и плавать, живут в палатках и развалинах, прокладывают трубы, строят дороги и питаются по карточкам. Всюду армейские мундиры всех видов оружия. Черный рынок, частые конфликты труда и резкий рост преступности. Нет мяса и картофеля, но есть опера и университет». «Не каждый в состоянии переносить качество израильского питания и тель-авивской оперы». Каждую ночь в страну «прокрадываются» сотни контрабандистов, бродят шайки, нападая на дома, уводя скот и закладывая мины на пограничных дорогах. Это часто «арабские беженцы», «ищущие дороги обратно».

При этом Израиль «самое партийное государство мира», с партийными деревнями, партийными пригородами и партийным заселением целых районов. Здесь «партии предшествовали народу и государству»: это не государство, делящееся по разномуслию

своих граждан, а совокупность многообразных партий, возникших в разных странах, не сложившихся в единый государственный организм и нетерпимо добивающихся политического водительства. Особенно достопримечательны здесь социалисты: они владеют огромными предприятиями и капиталами, так что «не тресты родят пролетариев, а пролетарии образуют тресты», ведомые «пролетарским капитализмом», вследствие чего «еврейский капитал из-за границы опасается идти в Израиль»... Особое затруднение представляют собою так наз. «кибуцы» – «новый тип коммунистической общины», в которой царит равенство и дисциплина. За этой жизненной формой уже сорокалетний опыт в разрешении проблемы еврейского земледелия. Еврейское рассеяние не имело крестьян-переселенцев: кибуцы-колхозы вербовались из неземледельческой молодежи и субсидировались из всемирных еврейских «сбережений». Эта сионистская молодежь училась жить и работать на земле. Однако из новых переселенцев после 1948 года только 5% «нашло себе место в кибуцах» и тут-то и выяснилось, что «индивидуализм» этой новоприбывшей массы «противится жизни в кибуце» и «в результате национальное значение кибуцов падает: кибуц никогда не завоеует ни экономики, ни политической власти в Израиле».

Все это описание, помеченное 1952 годом, объясняет нам, однако, те на первый взгляд странные сообщения, согласно которым число евреев, покидающих Палестину, за 1953 год все возрастает: жизнь в Израиле очень трудна, беспокойна, опасна и для людей, связанных с установкой на индивидуальное обогащение, почти бесперспективна.

Чему нас учит современный опыт сионизма?

Нам, русским националистам, трагическая картина современного сионизма несет целый ряд драгоценных указаний и уроков.

1. Во-первых, прошло то время, когда народы и государства могли помышлять и промышлять только о себе или о своих ближайших союзниках, а) Современное хозяйство срослось в свободном обмене и стало мировым хозяйством, в которое, так или иначе, включены все производительные силы человечества. Шерсть есть мировой продукт; зерно составляет всегда вселенский запас; так же и нефть; так же и «уголь»; так же и металлы, простые и цветные и т. д. б) Политические недуги и опасности (революционность, анархия, коммунизм, тоталитаризм, тирания, терроризм, разложение правосознания, коммунистическое угнетение народов и др.) получили значение мировых эпидемий, распространяющихся, однако, не пассивным заражением, а активной, волевой пропагандой. в) Безбожие становится все более и более общечеловеческой опасностью и массовым душевно-духовным увечьем; оно прослыло признаком «ума» и образованности, стало модою и кажется людям не гибелью, а достижением; подрастают новые поколения, совсем не понимающие, что такое религия и молитва... Но «цивилизованное», европейско-американское человечество не понимает всего этого. Оно направляет заразу на других и воображает, что сохранит иммунитет. А между тем, кто «сеет ветер» у соседа, тот погибнет от бури в своей стране. Людендорф снабдил золотом каторжных авантюристов в России – и тем подготовил позднейшее крушение самой Германии. 36 лет поддерживает Европа коммунистическую чуму в России и тем размножает чумных крыс у себя. Разлагающий других разлагается сам. Марголин прав, доказывая европейцам и американцам, что судьба сионизма для них не безразлична, что здесь целое гнездо опасностей.

Что же касается нас, то мы давно уяснили себе, что нельзя безнаказанно вычеркнуть их из мирового хозяйства – ни Россию, ни Китай. Миру нужны все производительные силы. Списать половину их на то, чтобы организовать подрыв и разрушение остальной половины, есть безумие. А между тем именно к этому сводится мировая политика последних сорока лет. Вот почему фраза Ллойд-Джорджа о «торговле с людоедами» останется в истории памятником образцового безответственного легкомыслия. Вот почему страсть англичан к поставкам красной Советии и красному Китаю обличает доныне полную неспособность

Англии вести мировую политику: величайшая колониальная империя и донныне мыслит и действует провинциально и проваливается в разложении. Вот почему история навсегда свяжет с именами Рузвельта и Трумэна сдачу коммунистам половины Европы и всего Китая.

2. Трагедия современного сионизма учит нас, во-вторых, не связывать национальную идею с мечтой, не ориентировать мечту географически и не вносить в национальную программу элементов сущей утопии. За две тысячи лет национально-религиозная идея Израиля (а она с самого начала, издревле была именно религиозною!) была сохранена только у мистически-верного кадра рассеянного по миру еврейства. За две тысячи лет эта идея превратилась у них в стенающую мечту, но в осуществлении ее борьба за средства растянулась на политически невыносимо долгий срок, а цель подверглась психологически бесконечно-разнообразной дифференциации. Марголин прав, отмечая отсутствие единства в оформлении этой мечты, в сущности религиозно-утопической, но крепко связанной с географическими и историческими условиями. И чем теснее эта связь с территорией Палестины, тем менее строительство Израиля может согласиться на совершившуюся за века – арабизацию и интернационализацию «священной территории». И трудно надеяться на то, чтобы арабы, охваченные панисламистским брожением, и европейцы, претендующие на религиозно-христианское значение Палестины и Иерусалима, дошли до такого понимания древней сионской идеи, что согласились бы передать Израилю территорию его утопической мечты.

Что же касается нас, русских националистов, то мы должны научиться тому, чего совсем не умели до периода последних войн и революций: мы должны научиться крепко отличать политическую программу от мечты и от утопии. Нам нужна крепкая национальная программа, всегда верная себе, даже и тогда, если мы признаем неосуществимость мечты и жизненную исключенность утопии. Русская предреволюционная интеллигенция мечтала о последовательной демократии, тогда как русский народ не разумел ни драгоценности свободы, ни сущности гражданственного характера, ни смысла конституции, партии и программы. Наша интеллигенция не умела отличать насущной необходимости от мечтательной возможности и от утопической невозможности. И когда интеллигенция именно на этом провалилась в 1917 году, то прорвавшаяся к власти полуинтеллигенция и противоинтеллигенция начали попирать насущную необходимость (промышленную инициативу и аграрную реформу Столыпина!), насильственно проталкивая в жизнь утопическую невозможность (коммунизм и колхозный строй!).

Утопия не только не осуществляет мечту, но компрометирует и губит ее. Несвоевременно и нелепо вводимая мечта разлагает живой организм государства и ставит народ перед воротами каторжной тюрьмы. Тут есть чему поучиться сионистам у нашей русской трагедии. В политике опасно и вредно навязывать жизни утопию, подменять необходимость мечтой, пренебрегать насущным ради неосуществимого.

3. Политическая жизнь, вообще говоря, есть явление органическое, а не механическое: здесь целое создает свои необходимые органы, а не куски сдвигаются в насильственное единство в борьбе друг с другом. Не следует приводить в возражение лам возникновение таких федераций, как Швейцария и Соединенные Штаты. В обоих этих государствах органическое единство уже существовало и только постепенно входило в сознание и находило себе признание у людей; здесь не куски сдвигались, а живые общины уразумевали свою естественную сопринадлежность и смыкали свои силы. Можно было бы сказать, что духовная и естественная субстанция открывала людям и общинам свою цель и свою власть; и скрытое единство становилось явным и признанным. Центростремительность побеждала.

Марголин повествует о другом процессе. Две тысячи лет географического, климатического и политического рассеяния создали великое расхождение в рассеянном народе: расхождение религиозное (от Ветхого Завета до полного безбожия), политическое (от националистического империализма до советского раболепства), хозяйственное (от капитализма до нового «социалистического капитализма», от индивидуального хозяйства до строгостей Кибуца). Это расхождение насыщено нетерпимостью двухтысячелетней мечты и

фанатического пафоса. Преодолеет ли сионизм эту дифференциацию, возникнет ли народ из «предшествующих ему партий» – это дело самого Израиля. Но нам дается здесь урок: созерцать и строить Россию не от партии, а от целого; не играть в механическое распадение, а искать органического единства; не принимать всерьез эмигрантское баловство, приучающее нас к непримиримому обособлению за рубежом и к делимости России в дальнейшем. И мы ныне рассеяны, но отсюда наша обязанность непрерывно работать над преодолением этого рассеяния, и притом – не организационно-соглашательского, а ментального, душевно-духовного, мирозерцательного. Мы прежде всего – русские, помышляющие чувством, волею и делом о единой России. И мы отнюдь не должны соблазняться тем, что запад снабжает деньгами и издательскими возможностями тех расчленителей, которым в восстановленной России совсем не будет места. Лучше верно и честно говорить о единой России, чем кувыряться по всем столицам мира, истерически выкликая о необходимости и демократичности гибельного для нас расчленения.

4. Еще один урок дает нам трагедия современного сионизма. Всякое государство нуждается прежде всего в земледельце, инициативно и неумолимо инвестирующем свои личные силы в сельскохозяйственный труд. Нет этого – и государственная жизнь становится невозможной. Но для такого самовложения необходимо «согласие» инстинкта самосохранения, его доверие к окружающей природе, к другим, по соседству живущим людям, и к власти, организующей порядок жизни. Коммунисты, с их извращенным рассудком и свирепую волею, воображают, будто это инстинктивное согласие и инстинктивное доверие может быть вынуждено у людей в порядке голода и страха; и жестоко ошибаются в этом. Жизнь инстинкта имеет природу органическую и иррациональную: она протекает по особым законам таинственной внутренней целесообразности и не поддается никаким выдуманному аргументам. Доктрины здесь бессильны: партийная болтовня – мертва и бесплодна. Инстинкт ищет уверенности в том, что его самовложение в природу даст плод и вознаградит затраченные силы, – что другие люди не отнимут произвольно добытый продукт, – что порядок, выражаемый словами «кто посеет, тот и пожнет», обеспечен прочно и навсегда. Иными словами: трудолюбивый земледелец требует частной собственности на землю, – явление вековечное и в человеческой природе укорененное, отнюдь не отвергающее ни сотрудничества людей, ни их взаимопомощи, ни щедрости.

И вот, величайшее затруднение современного сионизма состоит в том, что иммиграция в Палестину не принесла ей необходимого слоя привычных и опытных, любящих и знающих свое дело земледельцев частных – собственников. Этот слой пришлось с самого начала воспитывать в Кибуцах. Сколь бы ни энергичны и даже героичны ни были эти усилия молодых сионистов: создать новый крестьянский дисциплинированный слой преданных своему делу земледельцев, – Марголин прямо отмечает в этом кадре отсутствие земледельческой традиции и неискоренимое тяготение еврея к индивидуальному владению. Страна не может строиться при отсутствии крестьянской массы, а крестьянская масса, способная к временной и условной кооперации, всегда будет тянуть в конечном счете к частной собственности на землю. Вот почему «кибуц никогда не завоеует ни экономики, ни политической власти в Израиле» (Марголин).

Таким образом, история дает нам два поучительных примера в деле устройства сельского хозяйства: 1) принудительно-каторжный колхоз в Советии с его непрерывными неудачами и 2) свободно-инициативный кибуц в Израиле с его великими, но не удовлетворяющими усилиями волевой дисциплины. Ни насильственный, ни добровольный аграрный коллективизм не разрешат великую задачу творчески-успешного сельского хозяйства и нам надлежит предвидеть в России частно-собственническую форму крестьянства.

Эти выводы отнюдь не исчерпывают всех тех поучительных уроков, которые нам можно и должно извлечь из кризиса современного сионизма. Но обойти их молчанием было бы невозможно.

О Государе

Когда прислушиваешься к современным политическим мнениям и толкам, то незаметно приходишь к выводу, что наши радикальные современники внушают сами себе и друг другу, будто эпоха монархии безвозвратно «минула» и наступила «окончательно» эпоха республики, и будто монархист есть тем самым реакционер, а республиканец есть друг всего «высокого и прекрасного», всякого света, свободы и просвещения. Воззрение это прививается и распространяется искусственно, из-за кулисы и притом в расчете на политическую наивность и слепоту массового «гражданина».

Не подлежит никакому сомнению, что в нашу эпоху (на протяжении XIX и XX веков) чувство зависти вырвалось в политике из подполья и люди, не стесняясь, предаются ему во всевозможных формах и видах, начиная от беспредметного свободолюбия и кончая последним воплем моды, начиная от модернизма в искусстве и кончая похищением детей у богатых сограждан, начиная от плоской и злобной доктрины равенства и кончая политической интригой или коммунистическим заговором. Особенно надо отметить, что естественное чувство собственного духовного достоинства, к сожалению, отжило и извратилось в ложное учение о мнимом «равенстве» всех людей, ослепляющее в делах хозяйства и политики. Именно этим прежде всего и объясняется отзывчивость массового «гражданина» на агитацию республиканцев. С тем вместе меркнет чувство ранга, столь существенное во всех делах духовной культуры и особенно в религии. «Просвещенное» безбожие стало обозначать «свободу» и «равенство», чувство зависти распространилось и на потусторонний мир и образ «демона-дьявола» оказался соблазнительнейшим из всех соблазнов. Замечательно, что это эгалитарное республиканство, внушаемое наивной массе и принимаемое ею, таит в самом себе свою опасность и свое наказание. А именно: заговорщическое и революционное свержение монархического строя быстро приводит совсем не к республиканским свободам и «радостям», а к персональной тирании очередного авантюриста или к партийной диктатуре. Всюду, где необходима и спасительна сильная власть, – а в революционный период смуты и разложения она особенно необходима повсюду, – слагается не многоголовая и многоголосая республика, а централизованный диктаториальный строй или персонально-деспотического, или партийно-тоталитарного характера, в котором не только отсутствуют столь вожделенные «республиканские радости», но в коих произвол заменяет собою право и возникает новое неравенство, открывающее двери всем сомнительным или худшим элементам страны. И вот лягушки, добивавшиеся республики, «от дел своих казнятся» (Крылов) и медленно, туго, с неискренними оговорками, начинают все же постигать назначение и благо монархического строя.

В этой связи становится понятным целый ряд особенностей нашего смутного времени. Люди отворачиваются от монархии потому, что утрачивают верное понимание ее. Просыпаясь к политической «сознательности», они смотрят на государственную власть жадно-завистливым глазом снизу и чувство собственной малости, подчиненности, приниженности гложет их обидою. Что же видит такой глаз в монархе?

Высочайшую «превознесенность», которую нельзя ни «принять», ни «простить». Он «велик», а я мал. Но чем же он так особенно «велик»? И почему же я так безусловно мал, до беззащитной покорности? Ведь справедливость требует равенства... А здесь строй торжествующего неравенства! Ему принадлежит «вся полнота власти», а я – «ничто», обязанное слепо повиноваться. Он один из самых богатых людей в стране, а я еле живу и кое-как перемагаюсь. Он может делать все, что захочет, и не подлежит никакой ответственности; во всей стране есть один единственный «свободный» человек, это он, а мы, остальные, – не больше, чем его «подданные». Он может сделать со мною все, что захочет,

вплоть до отнятия имущества и казни; а я обязан все терпеть. Вся жизнь его – сплошное развлечение и наслаждение... Какие роскошные дворцы, какая обстановка, какие наряды, коллекции, драгоценные камни, посуда, прислуга, лошади, автомобили... Какие пиры, какие женщины, какой почет! И никто его не выбирал. И ни в чем одобрении он не нуждается. Уверяют даже, что он не связан никакими законами и что каждое его желание – для всех закон. Словом, в монархии все устроено так, чтобы возмущать всякого «порядочного» человека и накапливать «общественное негодование». А наследственность этого звания имеет только тот смысл, что она увековечивает этот «возмутительный» строй и порядок.

Так смотрит и видит Государя завистливый и жадный взгляд снизу. Этот взгляд свойствен нашей эпохе особенно, и притом потому, что современное «просвещение» вот уже более полутора столетия насаждает в душах материалистическую установку, приучающую видеть внешнее, чувственное, общедоступное, поверхностное и отчуждающее видеть в жизни и делах – внутреннее, нечувственное, сокровенное глубокое. Духовные и религиозные предметы, – ради постижения и осуществления коих только и стоит жить на земле, – все меньше говорят современному человеку, так что, в конце концов, он вообще перестает с ними считаться и объявляет их несуществующими, реакционной выдумкой. Множатся люди духовно слепые, и притом в высшей степени довольные своей слепотой. «Все, чего им не взвесить, не смерить, – Все, кричат они, надо похерить! – Только то, говорит, и действительно, – Что для нашего тела чувствительно»... (А.К. Толстой).

Так у них обстоит во всем; и в политике. То, что их манит и удовлетворяет – есть формальная демократия, не требующая от гражданина силы суждения; это развязывающие человека «права», не связанные с правосознанием; это «самоопределение» и «самоуправление», не обеспеченные духовной самостоятельностью человека; это «глава государства», ничего не возглавляющий и никуда не ведущий – иллюзия права и государства и реальность лукавого карьеризма и закулисной интриги. Естественно и неизбежно, что люди, живущие таким духовным актом, в котором нет ни духа, ни сердца, ни разума, ни совести, ни созерцающего ока, а есть только поверхностные сведения, расчет, рассудок, изворотливость и внешнее наблюдение, – не имеют внутреннего органа для восприятия Государя и для живого монархического служения. Они теряют Царя и в сердце, и в голове; – не понимают монархии и произносят о Государе те поверхностные глупости и пошлости, которые мы только что охарактеризовали.

Сравнительно недавно еще, в эмиграции, один поверхностный и сумбурный публицист, наивно считающий себя «историком», на мой прямой вопрос, «монархист ли он», ответил со злобою: «я не холуй», как если бы только одни холуи могли быть монархистами... Но так уж они духовно ушиблены, эти болтуны.

Современный исторический опыт показал нам, что они готовят себе и своим народам. Мы же обязаны показать им, что есть истинная идея Государя, которую они утратили своим завистливым сердцем и формальным рассудком.

Но при этом мы не делаем себе иллюзий: они вряд ли увидят показываемое, вероятнее всего не поймут того, что мы имеем в виду и, наверное, не примут его в смысле согласия. Что увидит человек с завязанными глазами? Что поймет тот, кто отрекся от разума во имя плоского рассудка? Как примет человек сердцем, если он исключил свое сердце из жизни и поставил себе свое бессердечие и пустосердечие в особую доблесть? Музыка не скажет ничего глухонемому. Радость чести и честности остаются недоступными тому, кто ищет жизненного и политического успеха во что бы то ни стало. Все это мы предвидим. Но это несколько не меняет сущности вещей.

Чтобы верно увидеть идею Государя, надо понять, что принадлежащая ему в государстве верховная власть отнюдь не безгранична, а связующие его верховные обязанности возлагают на него такое бремя, с которым человек может справиться, только принося себя целиком в жертву, испрашивая благодатную помощь Свыше и опираясь на всенародное верное служение в своей стране.

Это означает, что дело Государя есть самоотверженное служение, и что служение это

состоит в государственно-верховном властвовании. Такое единство властвования и служения имеет существенное, определяющее значение; оно не может и не должно расторгаться. Гражданин, видящий одно только властвование монарха, становится на путь протеста, легко переходящего в возмущение, в заговор, бунт и революцию. Монарх, разумеющий свое дело лишь как властное произволение, незаметно впадает в противогосударственный «абсолютизм», презирает право и закон, становится деспотом и тираном, начинает править террором и вырождает всю государственную жизнь. В действительности же, властвование Государя должно быть осмысливаемо – и им самим, и гражданами, – как служение и притом в каждом совершаемом акте; а служение его состоит именно в том, что он возглавляет, а во многих случаях и воплощает начало власти в государстве.

Государь властвует. Но не потому, что он «властолюбив», а потому, что он к этому призван и обязан: в этом его служение. И нет ничего более нелепого, как если ему начинают ставить в укор это властвование. Государь, не способный к власти, есть явление болезненное, опасное и может быть губительное для всего народа. При безвластном монархе в государстве начинается смута и замешательство: источник строя, законности и дисциплины, источник организованной государственной воли – иссякает; все колеблется, волевая жизнь государства останавливается, престол окружается честолюбивыми и властолюбивыми интриганами, всюду появляются вспышки произвола и анархии, начинается быстрая смена министров, растрата и расхищение драгоценной власти и лояльности. Или же рядом с безвольным Государем появляется его незаконный волевой «двойник», – иногда в лице его супруги или родственника, иногда в лице «временщика», избранного самим Государем, или ловко выдвинувшегося интригана...

Власть есть функция воли и Государю подобает быть волевым человеком. Безвольный или слабовольный Государь, вечно колеблющийся или меняющий свои решения, «пресекает» сам себя и оказывается своим опаснейшим врагом. Он мертвит и разлагает жизнь государства и готовит сам себе печальный конец. Ему лучше заранее отказаться от своего права и не вступать на престол. Ибо к самой сущности монархии относится решающее единоволение, противопоставляемое «многогласию», «разноволению» и необходимости бесконечных «дискуссий», голосований и многодушных, но не искренних соглашений. Монархия нуждается в единой воле, а не в колеблющемся безволии, в персональном и ответственном несении власти, а не в благодушном уклонении от решений и решительных мер.

Поэтому, надо признать, что безвольный и безвластный монарх является только видимостью Государя: он есть, но так, что его как бы и нет. И все, что творится при нем – приписывается монархии и монархическому строю без достаточного основания: ибо в стране начинается республиканский хаос; и этот республиканский хаос с его губительным разложением, с его смутой совершенно неосновательно считается «монархическим режимом».

Государь призван к власти; он обязан властвовать и вести. А для этого ему необходима самостоятельная воля и повышенное, всеобъемлющее чувство ответственности.

* * *

Итак, первое, что необходимо понять в положении Государя, есть ограниченность его власти и безграничность связующих его обязанностей. Власть Государя ограничена прежде всего законами природы и законами человеческого естества.

Государь вынужден считаться с климатом своей страны, с ее географическим положением, с ее пространством и объемом, с ее прошедшей историей. Для этого он должен изучить все это, видеть как бы издали возможности и невозможности своего государства, его нужды, потребности и опасности, грозящие ему судьбы и его державные задания. И вот, вся жизнь Государя есть изучение и научение, взглядывание, вчувствование и созерцание. И притом, не теоретически-отвлеченное, как у научных исследователей, и не

любительски-дилетантское, как у свободного обывателя, а практически-политическое, творческое, сопряженное с действенными замыслами и с величайшей ответственностью. Государь, не знающий своей страны и законов ее природы, не может и править: какие он проложит дороги: какие проведет каналы? культуру каких растений и животных подскажет он своему народу? какие насадит леса? какие отведет суховеи? какие осушит болота? какие оросит степи? Какие укажет металлы и минералы, ископаемые и горные породы? Великие Государи все это разумели и обо всем этом пеклись, начиная от императора Адриана, 28 лет объезжавшего свое государство, и кончая французским королем Генрихом IV и особенно гениальнейшим из Государей Петром Великим. Без этого – как подвинуть свою страну, как организовать ее оборону, как пробудить самодеятельность своего народа? А Государь за все это отвечает...

Далее, он должен разуметь законы человеческого естества и плодотворно считаться с ними. Он должен знать естественные потребности своего народа – в питании и в одежде, на суше и на море, в труде и в отдыхе, во время войны и во время мира. Он должен разуметь своеобразие тех народов, которыми он призван править, их характер, их веру, их обычаи, их национальную силу и слабости, их семейный быт и их способ прокормления, чтобы каждому из них подсказать лучший труд и лучшее самоуправление и чтобы каждый из них чувствовал себя признанным, оцененным и нашедшим свое место в сердце своего Государя. Для этого Государь должен всю жизнь неустанно изучать свое наследие, чувствовать себя как бы учеником своего государства и притом учеником, обремененным властной ответственностью, – согласно той штемпельной печати, которую заказал себе и жизненно применял двадцатипятилетний Петр Великий, отправляясь за границу: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую».

Отсюда видно, сколь велико трудовое бремя познания, лежащее на Государе. Образование его должно начинаться в детстве, чтобы закончиться лишь с его смертью. Особенного внимания от него потребует история человечества, которая раскроет ему выношенный народами и монархами опыт правления, политическое и дипломатическое искусство, и, наконец, стратегию, как обязательную науку царей и полководцев. Государь, не разумеющий этого, – как управлять своим государевым делом? Какую реформу сможет он задумать и провести? Как распознает он людей? Каких назначит министров? Какую войну он сумеет обдумать и подготовить? Каких полководцев избрать? Какие победы одержать? – Ясно, что жизнь Государя насыщена ответственностью и трудом, как никогда и ни у кого другого. Ибо обыватель отвечает за себя и за свою семью; чиновник за препорученное ему дело; а Государь за все, за всю жизнь и судьбу своего народа.

Но на нем лежит еще многое другое и особенно – великая ответственность за свой царский род и его продолжение, а также за всю династию. Государь, получающий свой трон в порядке кровного преемства, должен иметь хорошую наследственность в естественно-органическом отношении. Телесно – или душевно больной монарх не сможет нести бремя своего призвания и трона. Несчастье, конечно, может постигнуть каждого человека и от заболевания (телесного или душевного) оградить можно далеко не всегда. Но достаточно вспомнить двух сыновей баварского короля Максимилиана II (XIX век), – Людовика и Оттона, страдавших душевной болезнью, чтобы понять, какие государственные затруднения могут отсюда возникать. Государь естественно и неизбежно отвечает за здоровье своих наследников и должен предвидеть все поддающееся предвидению. Брак, заведомо грозящий больным потомством, недопустим ни в смысле родительского разрешения, ни в смысле взрослого самостоятельного произволения. А это означает, что каждый член династии должен быть готов к тому, чтобы отречься во имя законов «евгенетики» (наука и практика здорового потомства) от своей самой сильной любви и влюбленности. Здесь жертвенность монарха не знает пределов. В вопросах брака Государь столь же мало свободен, сколько и в вопросах образования и быта, ибо брак царя есть дело династическое и государственно-всенародное; и поэтому лучше отказаться от престола во имя «всепоглощающей» личной любви, чем ввести больную наследственность в

династическое преемство.

В этом порядке слагается вся жизнь Государя. Она имеет свой «царственный облигаториум», т. е. систему обязанностей, диктуемых престолом и связывающих монарха. Совершенно независимо от того, соответствуют эти обязанности личным склонностям Государя или не соответствуют, он должен стать «мастером» в их выполнении.

Он должен знать военный строй, уметь командовать, разуместь состав армии и современное оружие; он должен верно ценить наличный резерв своих армий, полководцев и командиров и уметь выбирать способных. Бремя разводов, парадов, смотров и упражнений никогда не снимается с него.

Он должен разуместь строение национального суда снизу доверху, понимать аксиому его независимости, добиваться повсюду суда «скорого, правого и милостивого» и мудро располагать принадлежащими ему правами помилования (прощение осужденных) и аболиции (прощение до суда), милуя везде, где возможно, и мужественно отказывая в помиловании, где это необходимо.

Он должен разуместь смысл и значение народного представительства; – его введения, расширения и ограничения, смысл созыва и роспуска палаты; значение, пределы, соблазны и опасности избирательного права. Он должен исключить из народного представительства элемент «соперничества» с тронem, и организовать его на основах взаимной верной помощи и лояльного сотрудничества; а это потребует от него великого терпения, такта и мудрости.

Он должен зорко и верно ориентироваться в положении международных дел и разуместь все хитросплетения дипломатической работы и среды. Он должен выработать в себе тот «шарм» обхождения, тот незаметный такт, ту легкую осторожность в словах и делах, которые никогда не станут «фальшивыми» и всегда останутся естественными и мудрыми проявлениями властного патриотизма. История всех стран изобилует примерами того, как международная бестактность Государя обрушивалась на его народ бедствиями.

Далее, Государь есть призванный и ответственный воспитатель своего народа. Он должен верно разуместь его характер, уровень его правосознания и его национальную идею. Он должен удостовериться в том жизненном бессилии, в котором пребывает невежественный народ; – в опасности, исходящей от полуобразованности и «полунауки» (выражение Достоевского) и в том вреде, который несет с собой разрыв между интеллигенцией и простым народом. Словом, глубокие и руководящие идеи народного образования министры народного просвещения должны получать от своего Государя.

Воспитание же народа есть воспитание в нем патриотизма, чувства собственного достоинства, силы суждения, чувства ответственности – и в результате этого способности к самоуправлению. Воспитывать народ – значит воспитывать его к свободе, к этому высокому искусству, сочетающему воедино самостоятельность бытия и верность предмету. И призвание Государя состоит не в том, чтобы подавлять свободную веру и свободное творчество в своем народе, но в том, чтобы растить и укреплять их. Полновластие дается монарху не для тоталитарного правления, как иные толкуют «абсолютизм», смешивая его с «самодержавием», а для освобождения своего народа к свободной религиозности и самостоятельному творчеству. Именно так понимал свое полновластие Петр Великий.

Понятно, что в вопросах политических убеждений и религиозной веры от Государя требуются величайший такт и сущее искусство.

Государь ни при каких условиях не может мыслить партийно и быть членом партии. Партий много, а народ один и Государь один. Партий много, но беспартийных гораздо больше, чем партийных (в Швейцарии, например, 86% голосующих не записаны ни в какой партии). «Широко цареве сердце»; в нем есть место всей стране. Партийный царь с партийным значком есть снижение и искажение. Орлий взор Государя должен глядеть в «солнце» своего народа и предоставить обывателям коситься на партийную программу и добычу.

Еще глубже и тоньше отношение Государя к исповеданиям. Государю естественно иметь, кроме своего монаршего патриотизма, два источника вдохновения – религиозную

веру и всенародную любовь. Вера наверное приведет его к известному, национально выношенному исповеданию и в соответствующую церковь, в которой он был рожден и духовно вскормлен. Но это не значит, что он может и должен утопить силу своего монаршего суждения в мнениях современного ему духовенства: ни светская власть не должна посягать на церковь и на церковное дело, ни духовенство не должно посягать на власть Государя, на ее подчинение и поглощение. Взаимной совет и взаимная поддержка образуют здесь предел совместной свободы. Такова была древняя православная традиция на Руси. Обратное осуществлялось в Англии при Стюартах, где, например, король Иаков ii, католик и приверженец иезуитов, оказывался в силу своих монарших прав главой протестантской церкви... Но это не означает также, что государственный и притом именно монаршей власти подобает свойственная католикам нетерпимость к другим исповеданиям: конфессиональная принадлежность не должна становится (как это было при императоре Карле v) синонимом государственной лояльности, так, что все не католическое объявлялось непокорным и подвергалось возмездию. Напротив, монархическое государство призвано к веротерпимости по отношению к другим исповеданиям и может делать исключение из этого только для извращенных и нелояльно-агрессивных исповеданий.

Наконец, одно из важнейших призваний Государя и Династии состоит в том, чтобы иметь верную, творческую и устойчивую социальную, отнюдь не социалистическую, идею, т. е. план ведения государственных дел в неуклонном направлении свободной духовности, справедливости и хозяйственной продуктивности. Государь, не имеющий творческой социальной идеи, будет править от случая к случаю, от наущения к наущению, а, может быть, и по отжившей и государственно-вредной традиции, а, может быть, от каприза к капризу. А между тем он призван к своего рода социальному ясновидению: его прозорливость и дальновзоркость должны верно видеть, что именно (и именно у его народа) может развязать творческие силы, подвигнуть его к хозяйственному и культурному расцвету и пробудить в нем волю к справедливости. Для этого Государь призван стоять над всеми сословиями, классами и над всякими партиями: он должен быть свободен от заговорщиков, его выдвинувших, от легионов, его провозглашающих, от банкиров, его финансирующих, и от «мировой закулисы», пытающейся связать его государственную волю. Так, Императрица Елизавета Петровна и Императрица Екатерина Алексеевна не были свободны от своих заговорщиков и от ведомого ими сословия, и поэтому не имели всенародной социальной идеи. К ней пытался пробиться Петр iii и не сумел, и не успел. О ней мечтал Павел i, но убийцы его опасались этой идеи, и история не дала ему времени. Настоящие поиски ее жили в душе Александра i; он начал с них, но войны и заговоры слишком обременили его царствование. Подготовительные работы были начаты при Николае i (освобождение трона от давления дворянства как реакционного, так и революционного; творческий замысел отмены крепостного права властью Государя – у Жуковского, Пушкина и Гоголя; кодификация Сперанского; подготовительные комитеты 1826, 1835, 1839, 1840, 1848 и 1849 годов) и осуществлены Императором Александром ii, которому за них отомстило подлым убийством революционное мещанство. Драгоценное время было затем упущено до 1906 года, когда революционные посягательства всенародной черни побудили, наконец, Императора Николая ii принять социальную идею П.А. Столыпина...

Воплощенным носителем социальной идеи был Петр Великий. Из истории других стран мы могли бы указать, напр., на социальные замыслы и меры Октавиана Августа, императора Адриана, Генриха IV Бурбона, консолидатора французской революции Наполеона Бонапарта («Code Napoleon») и многих других Государей (начиная с древних, социально мыслящих царей Греции и Рима).

Невозможно исчислить здесь все обязанности, несомые государем, и описать все их бремя. Но нам достаточно сказанного и пора обратиться к основным выводам, вытекающим из верного понимания престола.

* * *

После всего нами здесь сказанного и установленного трудно представить себе человека, у которого хватило бы невежества или политической наивности для того, чтобы разглагольствовать о «привилегированности», или тем более о «безответственной привилегированности» Государя. Настаивать на этом могли бы только люди, изнемогающие от честолюбия, зависти и жажды равенства, или просто тупые от природы: они будут, по слову Козьмы Пруткова, рассуждать о том, о чем их понятия им это не позволяют и суждения их будут совершенно неосновательны и глупы.

Граждан много, а Государь один. И от каждого из граждан идет к Государю нить правовой подчиненности; и эта нить обязывает и связывает Государя. Государь один в стране и от него идет к каждому гражданину нить власти; и эта власть связывает и обязывает Государя. И так, во всем и всегда, он связан чужой подчиненностью и своею властью, даже и тогда, когда в данный момент и в отношении к данному гражданину ни власть, ни подчиненность ни в чем определенном, по-видимому, не выражаются.

Об этой связи своей с каждым гражданином в отдельности Государю прекрасно знают; они пользуются ею всегда и повсюду в ту меру, в какую им это нужно, – и тогда, когда выходят к бунтовщикам (холерный бунт, декабристы), и тогда, когда надписью на документе решают участь провинившегося (резолюция Александра III об освобождении «этой дуры Цебриковой»), и тогда, когда подобно Императору Николаю II, проезжая мимо, отдают честь не кланяющемуся человеку в студенческой форме (Арцыбашев). Нить Государя, связующая его с подданным, не порывается и в отсутствие его (портреты, молитвы о Государе, «Зерцало», Гимн, поголовное отдание чести в войсках, дворцы, почтовые марки, царские ложи в театрах, формы свиты, оклики экипажей, и многое другое, рассеянное по всей жизни монархической страны). Дело не обстоит так, что человек, всю жизнь не видавший своего Государя непосредственно, прожил «в отрыве» от него. В пространстве встреча двух людей может быть и не осуществилась, но нити правосознания имеют нематериальную природу и живут незримо и неосознано: они не прекращаются от того, что остаются без настоящего жизненного напряжения и не теряют своего бытия оттого, что о них не думают. Ведь солнце светит и из-за облаков, и есть немало людей, которые трудно переносят лучи солнца без всяких покровов. И тем не менее солнце, с которым народное сознание так охотно сравнивает Государя, светит и через облака; оно сохраняет в своей власти и ночную спящую природу.

Поэтому надо признать, что в служении Государю нет «перерывов»: в каждую минуту своей жизни он несет все бремя своего служения и своей ответственности. С раннего детства он должен принять всю «нагрузку» своих подготовительных работ, занятий и изучения, независимо от того, что его, может быть, привлекают совсем другие предметы. С раннего детства воспитатели будут вырабатывать в нем ту всезаинтересованную наблюдательность, ту особую милостивую любезность, тот находчивый такт, которые необходимы ему в соответствии с его призванием. Он представляет собою начало национального единения, синтеза, органического центра, в котором все должно сходиться и примиренно сочетаться. Поэтому ему необходим особый диапазон видения, особый горизонт далекого расстояния, и особое искусство интенсивного сращения, которое нуждается в живой активности и неутомимой проницательности. Без этой проницательности он не будет узнавать и выделять лучших людей: его окружают люди вкрадчивые, люди льстивые, люди «забавники» и «анекдотчики», опытные симулянты, порочные актеры, карьеристы.

Звание Государя, его обязанности и служение требуют от него, далее, памяти, но не механической, а органической, а также творческого воображения, в тишине выращивающего новые «плоды», новые планы и преобразования. Понятно, что это дело посягает на всю его личную жизнь, вовлекая ее в себя целиком.

Поэтому Государю естественно и необходимо приучить себя к тому, что просто «личной» жизни, «частной» жизни, как таковой, которая «никого, кроме него, не касается», у него – нет и не будет. Можно было сказать, что Государю проводят свою жизнь, как бы в

большом стеклянном помещении, стены, пол и потолок которого состоят из огромных увеличительных стекол, так что весь народ все время смотрит в эти стекла, видит все, – и излишнее, и ненужное, и нередко наоборот, не видит самого главного; и всегда остается готов к всевозможным пересудам и кривотолкам. Личная жизнь Государя есть во всем и всегда достояние его народа: ее нельзя выделить из этого великого исторического потока, невозможно объявить ее «безразличной» во всенародном масштабе. Сказать, «что до этого никому нет дела», значит высказать неверное и совершить целый ряд ошибок в жизни.

Тот бесчеловечный разврат, которому предавался на Капри кесарь Тиверий, был, конечно, проявлением его «личной жизни», но в то же время он составлял центральное гноище всенародного римского существования. Личный уклад характера голландско-английского короля Георга III навеки вписан в историю английского народа. Милостивые Царь Алексей Михайлович строил милосердие своего народа; Петр Великий творил своею храбростью, волею и предвидением русскую национальную стратегию; личная жизнь Императрицы Екатерины II Алексеевны органически-политически отражалась на жизни и судьбе ее народа. Личная жизнь праведника Марка Аврелия разливала вокруг себя чистоту и духовное благоухание.

И так – везде, всегда и во всем. А это означает, что духовная и политическая ответственность Государя всеобъемлюща и непрерывна. Все, касающееся Государя лично и его семьи, все есть достояние его народа, все входит в ореол его государственного облика, или, наоборот, в затемнение и искажение его обличия. Низкие уличные компании роняли императора Нерона. Византия знала гнусных временщиков, одно появление коих у трона уже губило престол. Монарх есть вечный центр всенародного внимания; на тысячах незаметных путей каждое слово его, каждое деяние его передается во все стороны, как любопытная или даже драгоценная новость, как нечто подлежащее обсуждению, а, может быть, и подражанию, как своего рода событие, дня или образец. И таким образом, вся честная и личная жизнь Государя остается органически включенной в его публичное служение.

Чтобы удостовериться в этом, достаточно только дать себе хотя бы приблизительный отчет в том, какое количество духовных, политических, дипломатических и иных бестактностей каждому Государю приходится выслушивать и отражать и, отражая, обезвреживать... Какая находчивость ему необходима, какая ширина воззрений, какая снисходительность и благородная доброта!.. А между тем каждый неосторожный ответ рискует породить вредные толки и пересуды.

Так, например, на съезде русских зарубежных писателей в Белграде Зинаида Гиппиус сочла приличным, сидя за ужином рядом с рыцарственным Королем Югославии Александром I и кокетливо поигрывая своим пресловутым лорнетом, задать ему вопрос: «а скажите, Король, Вы в самом деле стоите за монархию?». Сколько раз представители итальянской аристократии являлись в эпоху Муссолини к королю Италии Виктору-Эммануилу изливать свои антифашистские чувства и никак не хотели понять, почему он выслушивал их молча и только в конце аудиенции давал понять, что наговорено «*troppo molto*»... А, ведь, есть и неосторожные ответы, которые могут прямо погубить Государя...

С другой стороны, какие обширные возможности открывают перед Государем его сердечная чуткость и творческий такт в непосредственной жизни, особенно в силу присущей придворным подражательности. Простого внимания и сочувствия Государя бывает достаточно, чтобы выручить и поставить на ноги порядочного человека... Государь, как благодетель, как покровитель литературы и искусства, как утешитель страдающих, как источник справедливости и заслуженных наград имеет перед собою необозримое поле для добрых дел. И его благородное сердце не может не обретать в этом тихих радостей.

Ввиду всего этого надо признать, что Государь, усвоивший свое призвание и всю полноту своей ответственности, начинает чувствовать себя пленником, а нередко и мучеником своего престола. Он всю жизнь призван жить не по своему вкусу, желанию и выбору, а по зову трона, то подготавливая себя к будущему, то пронося данные

обстоятельства и предстоящих людей, то жертвуя всем, главным и любимым, то заставляя себя преодолевать во имя своего народа сущую муку жизни, от которой ему нельзя отказаться.

Имея это в виду, нетрудно понять, что у Государя, стоящего перед престолом, отдающего себе полный и ясный отчет в своей ответственности и не чующего в себе призвания к власти, могут быть часы, и дни и годы, когда он будет мечтать о неприятии трона, об освобождении своей личности и своей частной жизни от этого плена и мученичества; в особенности, если ожидающий его трон окружен дурными, низкими и развратными людьми. В этой связи нельзя не вспомнить замечательного и глубокого прочувствованного письма Великого Князя Александра Павловича, которое он написал 10-го мая 1796 года своему другу Виктору Павловичу Кочубею.

«Да, милый друг, повторю снова: мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего Характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах» медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями; а между тем, они занимают здесь высшие места, как напр., З..., П..., Б... оба С..., М... и множество других, которых не стоит даже называть, и которые, будучи надменны с низшими, пресмыкаются перед тем, кого боятся. Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим образом... Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совести ставлю первым для себя законом, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дело не по моим силам?»...

Кто раз вчувствуется и вдумается в Государево дело и призвание, тот убедится в жертвенности его служения. Дело обстоит совсем не так, что его ждет участь, исполненная развлечений, наслаждений и всяческих самоугождений, как воображают иные легкомысленные авантюристы, честолюбцы и завистники. Должно прямо признать, что чем ближе сам претендент на престол к такому воззрению, тем менее он понимает свое призвание, тем менее он вообще способен стать Государем, тем более он исказит свое служение и навредит своему народу. Напротив, Государь должен быть готов пожертвовать всеми своими силами, своим досугом, своими пристрастиями, своим личным счастьем (в любви и браке), своим здоровьем и своей жизнью. Великий прообраз этого дан в истории всеми воистину великими монархами, особенно же Петром Первым. Государь, вступая на престол, становится не просто властелином, но пленником и мучеником своей власти. Так разумел это дело и Император Николай Павлович, отвечая своей матери Императрице Марии Федоровне при вступлении на престол от Константина Павловича: «Это еще вопрос, которую из двух жертв в этом случае должно считать выше – со стороны ли отказывающегося или со стороны принимающего»... – Достаточно помыслить о том, сколь великое число монархов пало от руки убийц, чтобы погасить раз навсегда завистливые разговоры о привилегиях Государя и его звании и увидеть все это по-новому, из глубины и в верном величии.

О моральном обновлении человечества

Моральный уровень человечества необычайно снизился за последние десятилетия. Это было неизбежно; это надо было предвидеть. Так всегда бывает после повторных войн и длительных переворотов. Войны всегда уносят из жизни наиболее доблестных людей, цвет войска и народа; а ловчицы, бегуны и хороняки по большей части умеют спастись... и приспособливаются ко всему. И войны, и перевороты разнуздывают людей и целые народы. Забываются границы права и бесправия, добра и зла, дозволенного и запрещенного. И чем

ожесточеннее войны, – чем разрушительнее, тем труднее бывает отделить «оккупацию» чужой земли от мародерства, истребление чужой армии от насилия над мирным населением, насилие от изнасилования женщин, лихую разведку от продажного шпионажа, «реквизицию» от грабежа. И еще хуже обстоит во время революционных переворотов: водворение нового, якобы, «лучшего» правительства требует устранения прежнего, а это ведет к гражданской войне и террору. В гражданской войне господствует стратегия ненависти, мести, озлобления и устрашения: конфискации вызывают оскудение и голод, во время голода развертывается черный рынок и беззастенчивая спекуляция; политическое и уголовное перемешиваются до неразличимости; худшие элементы общества становятся во главе; люди обирают и предают друг друга, чтобы спастись самим. Запретное оказывается единственно-целесообразным; дисциплина исчезает, страх гонит людей в пропасть. И все это неизбежно; и все это надо предвидеть. Во время французской революции, напр., «шоферами» назывались придорожные разбойники, вымогавшие от проезжающих деньги посредством поджаривания ног. Тридцатилетняя война и советская революция доводили людей до людоедства, а коммунисты и нацисты изобретали неслыханные виды пыток и доходили до истребления целых наций (геноцид).

Понять, что человечеству всегда необходимо бороться с этой деморализацией и в наше время в особенности, ибо эпоха повторных войн и длительных переворотов, по-видимому, еще не изжита, а к чему способны деморализованные народы, отвыкшие от честного труда и волевой дисциплины, мы видим ныне воочию.

И вот, оказывается, что западные европейцы имеют такие замечательные организации, которые взялись за это дело. Уже в период между первой и второй европейской войной возникло так называемое «Оксфордское» движение, собиравшее людей на массовые митинги и побуждавшее их публично каяться в совершенных ими дурных делах, произнося клятвы самоисправления. Вставали почтенные дамы и рассказывали, при всеобщем подъеме, доходившим иногда до экстаза, как они поговорили невежливо с прислугой и как это постыдно. Вставали убежденные сединами старцы и клялись в том, что они в молодости украли кусок колбасы. Овые рассказывали о совершенном прелюбодеянии; овые – о ссорах с женою; овые еще о жестоком обхождении с собакою. Распространялись соответственные листовки; готовились необходимые публичные «покаянщики»; бывало умилительно до слез и, к сожалению, никто не вспоминал о том, что в средние века и в эпоху Возрождения такие публичные покаяния сопровождалось еще и самобичеванием. Однако постепенно более умные почувствовали, что выходит что-то не совсем умное: сентиментально-нарочитое усилие из-за пустяков. Появились протесты в печати и движение стало глохнуть.

Теперь взялись за дело иначе. Начали с локализации движения, с разрешения финансового вопроса, с вождя и с доктрины. Движение получило свою оседлость в дивной местности, над женеvским озером, с незабываемо прекрасным видом; отсюда озеро видно, как из высокой ложи: красота природы явно призывается на помощь моральному очищению людей. В 2,5 километрах от Монтре, на высоте 1054 метров в местечке Ко (саух), связанном с озером и зубчаткой, и лифтом, снято несколько отелей, вмещающих ежегодно на целый ряд месяцев «одумывающихся» гостей, стремящихся к самоусовершенствованию. Пребывание организуется по принципу самообслуживания: овые чистят картошку на кухне, овые убирают комнаты или метут коридоры, овые работают в саду. Кающиеся как бы «приспускаются» в низший социальный ранг, приемля подвиг «опрощения» и «смирения», причем подвизаются здесь люди всех сословий и состояний. Дух Толстого и Ганди уравнилительно приемлет всех в свое лоно. «Всех», т. е. закулисно избранных и приглашенных людей всех национальностей, всех рас, материков, стран и островов. Отбор этот есть результат долгого наблюдения, высматривания и взвешивания. И в самом деле, чего же бы было созывать туда людей, неприемлющих основную идею, – людей самостоятельных, упрямых, противленцев, несклонных к смирению и покорному умилению: ведь это значило бы сорвать все дело с самого начала, потому что все перессорились бы и все развалили бы.

Ведь и коммунисты, и наци, и иезуиты не пускают к себе толпу с улицы, как это пыталось делать оксфордское движение. Ныне туда съезжается не людская «всякая всячина», а отбор преднамеченной и предрасположенной элиты, «гандианствующих моралистов»; так возникает этот интернационал добродетели, где негр работает рядом с греком, индус рядом с турком и самоеду есть место возле папуаса: «моралисты всех стран, соединяйтесь!»

И вот, эти моралисты, берущие на себя важную и ответственную задачу водворения совершенства и братства на земле, должны обнаруживать совершенно определенное настроение и принадлежать к совершенно определенному направлению. Это и обозначается именем их «вождя».

Бывают «вожди», которые выдвигаются сами, – своей идеей, талантом, умом, дерзновением, волею, успехом. Таков был Юлий Цезарь; таков был Наполеон Бонапарт; последним из них был Муссолини. Современная эпоха практикует охотно другой путь: люди сговариваются выдвинуть такого-то, невыдающегося человека, который сам по себе прошел бы незамеченным в жизни, и затем, заговорщически группируясь вокруг своего «выдвиженца», начинают восхвалять его, «изумляться» его невыдающимся словам, готовить всех к его признанию, распространять о нем легенды и поклоняться ему. Иногда все это срывается, как было с теософским «мессией» «Кришна-Мурти», который вдруг честно и открыто заявил, что он несколько не «мессия», ни к чему не призван, а желает предаваться лаунтенису. Иногда из этого, наоборот, возникает «творимая легенда»: мнимая величина принимается за «в самом деле» «величину» «пророческого» или «цезаристского» характера и новый путеводительный «стахановец» расцветает. Социальный гипноз обнаруживает всю свою силу, и люди начинают думать, что состоялось явление «великого человека». Понятно что таких людей, величие которых не говорит само за себя, приходится обычно возносить преувеличенными словами или обрядами. Так создали Гитлера, публичную истерику, коего искусно обставили государственно-раболепными обрядами; так «вознесли» пресловутую Эвиту Перрон, приравнивая ее после смерти чуть ли не Богоматери; так до сих пор известные круги то ли безвкусных, то ли наивных людей продолжают культивировать Бердяева, как «авторитетного прозорливца» со всеми его беспочвенными и сумбурными писаниями.

От всех этих выдвиженцев весьма выгодно отличается вождь новейших моралистов Франк Бухман. Скромный швейцарец американизированного уклада, он выдвинул весьма наивно примитивную мораль; и мы вряд ли ошибемся, если допустим, что ему самому бывает неуютно и неправдиво, когда его заставляют выслушивать такие превознесения: «история человечества распалась на две большие эпохи: до Франка Бухмана и после Франка Бухмана» (из публичной речи цюрихского профессора Теофила Шперри, произнесенной в саух в 1951 году). Непосредственный свидетель, передававший нам об этой речи, сам, по-видимому, держался все еще не за «бухмановское», а за христианское летоисчисление (до воплощения Сына Божия и после Его воплощения). Но опытный оратор, по-видимому, считал, что лучше пере-превознести, чем недопревознести. Не знаем, сообразил ли он, что такие формулы внезапно освещают вне-христианскую, а, может быть, и противохристианскую закулису нового движения; новый «бог» зачинает собою новую «эру» в истории человечества.

Это и был бы первый тезис новой доктрины: в деле морального очищения человечества можно обойтись и без религии. Добрые дела возможны во всех религиях и исповеданиях: нужна только личная добрая воля, а совсем не выработанное религиозное мирозерцание. Поэтому люди этого движения и говорят о «моральном перевооружении»: религиозная вера была старым и ныне стала устаревшим «оружием» человеческой морали; теперь предлагается новое оружие: покаяние, обличение (двое, обрабатывают одного) и волевой подъем. Этого достаточно для того, чтобы сделаться внутренне «святым». Богословие не культивируется; оно остается «под запретом». Стоит самому человеку захотеть и решить, – и все силы страстей, жадности, себялюбия, греха и соблазна, и все слабости духовной слепоты, инстинктивных влечений, извращений и бесхарактерности будут преодолены. Поэтому

можно и должно требовать от людей «с места в карьер» морального совершенства. Пусть другие интернационалы, – «экумена», «христианский союз молодых людей» (пресловутая «ИМКА»), трезвенники, анабаптисты, – зовут Бога на помощь и говорят об искупительной жертве Сына Божия. Толстовцам, гандианцам и «перевооруженцам» это не нужно; это им только помешало бы. Они самосвяты и уверены в том, что справятся сами. Поэтому им предъявляют сразу четыре абсолютных требования: во всех положениях и состояниях жизни, – будь ты врач или купец, фабрикант или рабочий, дипломат или шофер, парламентарий или нищий, – ты должен всегда действовать с абсолютной откровенностью-правдивостью, вести абсолютно честную жизнь, проявлять абсолютное самоотвержение и абсолютную любовь к ближним. И перед этой подъемлющейся волной самосвятства уже начинает трепетать грешное человечество...

* * *

В этой доктрине надо выделить две стороны: 1. – учение о быстрой и легкой доступности добродетели вне религии, и 2. – требование абсолютной праведности или святости всякого «зауряд-человека».

1. Естественно спросить, откуда берется такой моральный оптимизм, на чем он основывается: на верном ли знании человеческого инстинкта? на трезвом ли учете человеческих страстей – эротики, жадности, честолюбия и властолюбия, на зависти, злобе и мстительности? на изучении ли исторического процесса со всеми его эксцессами, провалами, крушениями, интригами, войнами и революциями? Ведь история оставила нам в наследство (от Китая, Индии, Персии, Греции и Рима вплоть до последних событий XX-го века) великий опыт страстей, соблазна, посягания, греха, лжи и коварства, ряд страшных, возобновляющихся картин отрицательного опыта. И никогда еще люди не доходили до таких низин, до таких злодейств, как в наши дни (от Аушвица до Гулага, от фосфорных бомб до застенков Смерша...). За все века истории – это есть великий опыт моральных надежд (от Конфуция, Будды, Зороастра до альбигойцев и квэкрбов) и падения; тут и ошибки слепоты, и самообман, и фальсификация, и обычные страсти, и извращения, и религиозное и безбожное изуверство. И мы никак не можем допустить, ни на минуту, чтобы весь этот трагический опыт человеческой моральной немощи остался неизвестным руководителям нового движения... А за последние десятилетия они были еще осведомлены современными психопатологами и криминалистами о жизни бессознательного в человеке (об истерии, о неврозах, психозах, шизофрении и эротических извращениях)... И вдруг новое «откровение»: стоит только захотеть, отложить веру и религию, и съездить в саух, и добродетель расцветет в сердцах... Невольно спрашиваешь себя, что это – ребячливая наивность и самообман, или демагогическое лукавство, предназначенное для простецов «всех стран»? Что же, воля человеческая, исторически доказавшая свою удобопревратность ко злу, оказалась на самом деле столь же удобопревратной и к добру? Или, может быть, она совсем свободна («индетерминирована») и не обременена ни наследственно, ни биологически, ни климатически, ни социально, ни патологически? И то, что все еще не состоялось через 2000 лет после откровения Иисуса Христа Сына Божия, нуждалось только в ребячливой наивности Франка Бухмана и в нескольких отелях по близости от Монтре? Но если «стоило только захотеть и приступить», то что же представляли из себя те сотни и тысячи миллионов исторически существовавших людей, которые так-таки и не захотели и нисколько не приступили? И если до сих пор это было просто «нежелание», то не свидетельствует ли это о том, что добродетель не манит людей, что она решительно не легка и не близка, и что твердая надежда на посещение названных отелей и на прослушивание тамошних рефератиков и интимных обличений – наивна детской наивностью?

Опыт истории, напротив, научил нас скромности в оценке своих сил; и смирению. И чем больше мудрости в человеческом сердце, тем больше смирения. Самые великие праведники знали свои слабости и неустанно просили о Божьей помощи; все Апостолы

признавали себя грешными... А самосвяту, видите ли, один шаг до совершенства? Напротив, если что-нибудь обличено и осуждено историческим опытом, то это именно посягание на самосвятость, особенно в христианскую эру – начиная от Симона Волхва до Амальриха Бениского, объявившего себя и своих последователей «совершенными» и насаждавшего поэтому свальный грех... И нам ли, по православному совершающим таинство Покаяния и не раз измерившим покаянным сердцем свою слепоту, грешность и немощь, – нам ли принимать всерьез этот наивный лепет?.. Если только это наивный лепет, а не лукавое искушение...

Когда впервые познакомишься с этой моральной программой, то чувствуешь легкое головокружение: как если бы тебя поставили перед самым крутым обрывом и сказали бы тебе «доверься своим крыльям и прыгай!»... – «Но разве у меня есть крылья?! – «Если нет, то попросись в Саух: пока ты будешь чистить картошку, мести коридоры, слушать рефераты и обличения, тебе их приделают!..» – Но, может быть, это не шутка, а воспроизведение «искушения на кровле храма»? Кто же они, эти искушающие? И каким ответным словам научило нас Евангелие?..

Но ведь это фривольная шутка! А такими вещами не шутят!

2. Необходимо остановиться еще на требовании абсолютной праведности. Ибо то, к чему это движение зовет, не есть медленное самовоспитание или постепенное самоусовершенствование, которое должно продолжаться с переменным успехом всю жизнь, но немедленное вступление в сферу «абсолютного поведения» согласно четырем догматам.

I. Начнем с абсолютной откровенности-правдивости. Действительно ли мы повинны друг другу этой сообщительностью? Для чего это надо жить с расстегнутыми душевными пуговицами? На самом деле ничего, кроме болтливости, ненужной откровенности и бестактности из этого преувеличенного, аффектированного «правдолюбия» не выйдет. Все наше мирно-дружелюбное общение и всякая организационная работа возможны только при условии уместной сообщительности и уместного умолчания. Сколько ненужных неприятностей, ссор и скандалов возникает у людей, страдающих «недержанием речи»! Сколько лишней ревности, зависти, подозрительности, обиды вызывают болтливые люди!

Но и этого мало. Бывают в жизни положения, которые прямо обязывают к неоткровенности, к скрытности, к скрыванию правды и произнесению неправды. Умиравшему не говорят о его безнадежности. Не срамят человека за совершенную им непоправимую ошибку. Не растерзывают сердце матери рассказами о предсмертных муках или грехах ее детей. Сплетни и доносы бывают очень часто проявлением ложного или даже гнусного «правдолюбия».

Однако и это еще не все. «Абсолютная правдивость» потребует от нас именно того предательского, позорного «чистосердечия», которого добиваются на допросах полицейские следователи тоталитарных государств: «всех назови, все про всех сообщи, помоги обнаружить врагов и шпионов из вашей среды!». В наше время как никогда еще (разве в эпоху инквизиции) всякий «абсолютный правдолюбец» обречен на то, чтобы стать кадровым доносчиком.

Нам скажут, вероятно, что новое движение совсем не имеет этого в виду. Но тогда зачем же аффективно пустословить об «абсолютной откровенности-правдивости»? Слушая эти призывы, всякий честный и мужественный человек должен спросить: «что, это, недомыслие или соблазн?»..

II. Далее, от «морального перевооружения» требуется «абсолютное самоотвержение». Действительно ли мы повинны этим друг другу? И как это может выразиться во вне? Раздать все свое имущество или отдать его просто господам «перевооруженцам»? Служить без вознаграждения? Не заботиться о прокормлении себя, жены и детей? Не строить ни сельского, ни промышленного хозяйства? Отречься от всякого участия в жизни государства и в организации власти? Не болеть душой о своем народе и отечестве? Словом, погасить в себе всякую индивидуальную предприимчивость (ибо это было бы самоутверждением, а не самоотвержением) и всякое личное творчество? Если все это не входит в «абсолютное

самоотречение», то в чем же оно состоит? Ибо маленький огоролик есть уже мелкобуржуазное самоутверждение; так же и сапожная мастерская; так же и забота о передаче детям своих жизненных сбережений; так же и литературная собственность; так же и чистка сапог на улице...

Идеал жизни состоял бы в том, что все стали бы отдавать друг другу, и от самоотвержения ничего не брать, и от сентиментального умиления обниматься, плакать, голодать и вымирать..., если... если только их не спасет во-время коммунистически-тоталитарная власть, обратив их в рабство и посадив в концлагерь на принудительно-минимальный паек.

Нам скажут, вероятно, что новое движение совсем не стремится к тому, чтобы открыть настежь двери коммунизму. Но тогда мы спросим: «Что же это за моральное и социальное недомыслие и не имеет ли оно все-таки каких-нибудь тайных целей, осуществляемых под флагом аффективно-сентиментального псевдохристианства»? Ибо христианство призывало к этому только Апостолов, а не всех обывателей...

III. Остановимся еще на «абсолютной любви» и предоставим нашим читателям-единомышленникам додумать от себя и для себя остальное. Необходимо строго отличать глубинную доброту, искреннее всеобщее доброжелательство – от «абсолютной любви». Абсолютная любовь, во-первых, неосуществима; это есть пустое слово, ибо из 2,5 миллиардов людей, живущих ныне на земле, мы приходим в случайное и мимолетное соприкосновение всего с несколькими тысячами и тех полюбить мы часто не успеваем. Любовь состоит в художественном вчувствовании в чужую душу и жизнь; она выражается в живом сочувствии и участии, в понимании, совете и помощи. Любовь индивидуализирует человека и отношение к нему. И потому об «абсолютной любви», т. е. о полноте любви ко всем людям – могут говорить только холодные и неискренние фантазеры, которые вообще никогда никого не любили. Во-вторых, абсолютная любовь, как сочувствие и помощь всем людям, есть фальшивый и аморальный подход к жизни, не отличающий добра и зла и устанавливающий не то наивную, не то лукавую доктрину; содействие всякому чужому начинанию, – доброму и злему, полезному и вредному, умному и глупому, искреннему и коварному, низкому и злодейскому.

На свете есть много людей, сочувствовать и помогать которым могут только слепцы или бессовестные и бесчестные люди. Попробуйте сочувствовать и помогать ростовщикам, хулиганам, разбойникам, детопокупателям, продавцам девушек, интриганам, гешеукам, гештапистам, тоталитарным поработителям, садистам-палачам, шулерам и другим подобным профессионалам – и вы сразу увидите, что сентиментальные моралисты навязывают вам профессиональное бесчестие и злодейство. Абсолютную любовь к злодеям могут проводить только недоумки или полужлодеи. Такая любовь неизбежно приведет наивных к предательству, порабощению и соучастию... А в наше время она отдаст вселенную тоталитаристам на унижение, поругание и мучительство...

Нам скажут, вероятно, что новое движение совсем не имеет этого в виду. Но зачем же тогда пустословить об «абсолютной любви»? Зачем навязывать людям сентиментально-лицемерные настроения, не имеющие ничего общего с моралью и добродетелью? Можно было бы понять, если бы руководители нового движения советовали не мстить тоталитарным поработителям ни погромами, ни казнями, но от мужественной и благородной не-мстительности до «абсолютной любви» – целая бездна.

Здесь обнаруживается с полной ясностью тот аффективный максимализм который присущ всему этому движению. Мы слышим в нем претензию повести и обновить человечество, но за этой претензией скрывается или большая наивность или жуткое «себе на уме». Мы видим моральную позу, но не воспринимаем ни нравственного опыта, ни духовной мудрости. Мы знаем, что из этого движения уже выходят морализующие фильмы и пьесы, что делаются опыты мирного посредничества между предпринимателями и рабочими, что главная забота направлена на то, чтобы захватить возможно более широкие интернациональные круги закулисной элиты. Так, летом 1953 года в съезде принимали

участие до 8000 человек из 79 стран, в том числе парламентарии из 18 государств, 117 делегатов из Африка, 74 японца, «представители» населения из Бирмы, Формозы, Кореи, Филиппин, Сиам и Вьетнама. И всем им сервировались обрисованные выше доктрины и призывы. Только ли эти доктрины или еще что-нибудь? Мы не знаем.

Мы знаем только, что есть логическое правило: кто пытается доказать нечто преувеличенное, тот подрывает все свое доказательство. Так обстоит и в сфере нравственности: кто требует чрезмерного, тот сам подрывает свою проповедь, он готовит неминуемое разочарование и притом в той сфере, где необходимы скромность, смирение, искренность и религиозная почвенность. И когда это неминуемое разочарование настанет, то искренние люди уйдут, а останутся одни лицемеры, и тогда обнаружится, чего они искали и добивались. По плодам их узнаем их.

Что такое конспирация?

Отзываясь на просьбы, высказанные одновременно с разных сторон, формулировать хотя бы некоторые основные правила политической конспирации. Редакция обратилась к одному опытному и осторожному политику с просьбой исполнить это пожелание и помещает присланный ей текст.

Предварительные замечания

1. К конспиративной (т. е. тайнозаговорщической) деятельности способен далеко не всякий человек. В истории человечества провалилось многое множество заговоров вследствие участия в них людей не способных, не призванных, не вышколенных, легкомысленных и неосторожных. В наше время, в эпоху изоощренных физических и психических пыток, применения нового оружия подкожных и интравенозных впрыскиваний, а также гипноза, конспиративная работа требует особой подготовки, особой школы и сильной воли. При отсутствии этих условий всякому человеку и всякой организации обеспечены сплошные провалы.

2. Поэтому, прежде чем браться за такого рода деятельность, необходимо удостовериться в своей личной способности к ней, а затем непременно пройти особого рода техническую, телесную и душевную школу подготовки. Людям разговорчивым, экспансивным, эмоциональным, впечатлительным, наивным и глупым, забывчивым, рассеянным, доверчивым, откровенным и искренним (это не одно и то же!), пугливым и робким (это не одно и то же!), не умеющим сдерживать свою фантазию, органически неспособным притворяться и лгать, не переносящим долгого одиночества, простудливым, нетерпеливым, легко поддающимся внушению и телесной боли – лучше совсем не браться за такие дела.

3. Это предупреждение относится в особенности к людям тщеславным и честолюбивым. Им надо раз навсегда сделать выбор между удачей их дела и их личным успехом. К тайне и заговору люди вообще прибегают тогда, когда этого требует удача их дела; значит эта удача требует от них молчаливости, незаметности, скромности, т.е. именно того, чего их тщеславие решительно не переносит. Тщеславный человек желает фигурировать, превозноситься, славиться. Он хвастун от природы. Он всегда наврет о себе, о своей партии или организации лишнего, припишет себе чужие дела и подвиги, в уверенности, что от хвастовства, так же как и от клеветы, всегда «что-нибудь останется»: всему не поверят слушатели или читатели, так хоть частицу с собой унесут. А в дальнейшем так легко смешать, он ли сам рекламировал себя и свою партию, или похвала шла от посторонних. Хвастовство тщеславного человека незаметно вырастает в «общественное мнение», или, по крайней мере, в передаваемые из уст в уста слухи, оно входит похвалою в это общее и безответственное «говорят»; а если «говорят», так это уже «полславы»; еще немного – и чествовать начнут, а от «чести» до «власти» рукой подать. Глядишь, а хвастун уж карьеру сделал.

4. Так, тщеславные и честолюбивые люди совсем не замечают, как их болтовня и их

вызывающая манера держаться вредят их делу и проваливают их конспирацию. Скромно-молчаливые конспираторы трудно находимы; их надо отыскивать, ими надо дорожить, их головой нельзя рисковать. Чтобы в этом убедиться, стоит только понять и усвоить, что возглавители величайших мировых заговоров держались и держатся в полной неизвестности. Ленину было легко: черную работу «экспроприации», подделки денег, добывание золота делали за него и для него другие (напр., Джугашвили-Коба-Сталин на Кавказе, Литвинов в Румынии, Евсей Таратута и Максим Горький в Москве, Парвус-Гельфанд в Берлине и в Швейцарии, генерал Гофман в германском штабе и другие); – до тех пор, пока не настала «благоприятная пора» (1917), ибо власть Керенского была в левом направлении нулевая, занять особняк Кшесинской и Смольный Институт можно было без конспирации и вся борьба велась уже «на улице». Мастеров конспирации легче найти в партии социалистов-революционеров, но и они иногда проваливались и гибли (за исключением разве Евно Азефа, доживавшего свой век в Берлине в качестве нажившегося рантье).

5. Одно упоминание этого последнего имени должно навести всякого на мысль о том, что в конспирации есть всегда нравственно-рискованный, скользкий и компромиссный элемент. Конспиратор должен быть мастером притворства, обмана и лжи, и не испытывать при применении своего мастерства ни отвращения, ни стыда, ни укоров совести. Это дается гораздо легче бессовестной и безнравственной душе, чем благородному и совестному духу. Там, где профессиональный шулер, мошенник и палач спокойно исполняют данные им конспиративные поручения, не считаясь с низостью и мерзостью этих заданий, там идейный борец должен еще найти те внутренние основания, которые успокаивали бы его душу в минуту отвращения, стыда или совестного укора. Он всегда должен помнить, что успех его конспиративного дела может завести его в тупик безжалостности, наглой лжи, преступления и предательства. И можно с уверенностью предсказать, что человек, не разрешивший верно этой проблемы компромисса, рано или поздно – или усвоит себе точку зрения профессионального негодяя, может быть – бессовестного раба, или же познает то жизненное изнеможение, которое несет с собою нравственное презрение к самому себе. Благая цель никогда не оправдывает дурного средства, даже самого целесообразного: злое дело, породив благие последствия, отнюдь не становится добрым делом: причинная связь между подлостью и желанным улучшением жизни могла быть предусмотрена верно, но совершенная подлость сохраняет все свои подлые свойства. Искусство же делать гадкие дела, не становясь злодеем, есть искусство трудное, которое требует не только большой внутренней школы и дисциплины, но и постоянного очищения души.

Конспиративное умение предполагает, в человеке умение хранить тайну и умение распознавать людей.

Умение хранить тайну

1. Если у тебя есть тайна и тебе надо сохранить ее, то пойми прежде всего, что сохранить ее можешь только ты сам: другому придется «хранить» ее тогда, когда ты ее ему выдашь. Не надейся на других, на их молчаливость и такт. Если ты сам не удержал свою тайну, как можешь ты требовать молчания от других?

2. Тайна имеет свои законы: кто их нарушает, тот ее разрушает. Сущность тайны не в том, что о ней знают, но не говорят («секрет полишинеля»). Сущность ее в том, что люди не знают ни того, в чем она состоит, ни того, что вообще что-то скрывается.

3. Поэтому, если у тебя есть тайна, то не имей таинственного важного вида: не шепчись по углам; не роняй многозначительных намеков; не рассказывай о своих «очень интересных» знакомствах; не выдавай себя за «посвященного» во что-то; не сообщай сенсационных новостей. Будь прост, естествен, скромен. Умей молчать без загадочности, не дразни чужого любопытства, а когда необходимо, умей быть разговорчивым о посторонних, общедоступных предметах. Будь как все. Будь малозаметен. И прежде всего умей владеть своим тщеславием; тщеславие есть главный источник болтливости. Приучи себя не дорожить суждением окружающих людей о тебе. Научись ради дела спокойно проигрывать в

их мнению: оно стоит немногого.

4. Явная – таинственность всегда пробалтывает тайну. Будь уверен: если люди узнали, что у тебя есть тайна, они узнают скоро и в чем она. Ибо всюду есть много досужих любознаек и профессиональных следопытов (разведчики! контрразведчики! любопытствующие слухоносы!). Поэтому, если самая наличность тайны стала притчей во языцех, то погаси ее совсем; и потом, если надо, завяжи ее снова, иначе и осторожнее.

5. Чтобы научиться беречь тайну, сделай так: утаи про себя твое первое серьезное огорчение или твою первую серьезную удачу. Сделай так, чтобы никто на свете не узнал ее от тебя.

Или еще сделай так: если узнаешь какую-нибудь волнующую «новость», заставь себя не рассказывать о ней никому. Если другой будет рассказывать о ней при тебе, – слушай и молчи; если неверно расскажет, – не поправляй, если сочтут тебя за неосведомленного человека, пусть считают, тем лучше.

Упражняйся в этом про себя; но не говори никому, что ты, мол, «упражняешься». Приучись быть наедине со своей тайной, чтобы она тебя не «распирала». Этим ты выработаешь в себе непроницаемость для других людей. Закрепи ее внутренне – безусловной прозрачностью души перед Богом и совестью.

6. Тайна есть бремя. Это бремя надо нести самому и одному. Приучи себя к этому и ты укрепишь свой характер: ибо сущность характера в духовной самостоятельности человека.

7. Чем меньшее число людей знает о тайне, тем она неуязвимее; и обратно – общеизвестность тайны делает ее всеуязвимой и убивает ее.

8. Интимные секреты, которые никому не нужны, хранить легко. Гораздо труднее хранить те тайны, которые должны быть известны лишь очень немногим, но до которых хотели бы добраться многие и притом враждебные люди. Начинай свои упражнения с личных секретов, и потом, лишь постепенно, переходя к важным тайнам.

9. Сообщать другому тайну следует не тогда, когда это можно сделать (он «не предатель», он «не сплетник», он «славный малый»), а тогда, когда она безусловно необходима для самого дела, а он уже доказал, что заслуживает безусловного доверия. Всегда лучше не договорить, чем сказать что-нибудь лишнее и опасное. При сомнении всегда лучше воздержаться. Не делай себе никаких попущений – ни по родству, ни по дружбе, ни по любви; помни Самсона и Далилу.

10. Не будь наивен: не думай, что другого можно связать «честным словом», или «клятвой», или «зароком». Многих людей тайна начинает «распирать» именно после того, как они дадут «честное слово» молчать. Никогда не обременяй другого тайною: она может вырваться у него незаметно и неожиданно, помимо его воли – в бреду, в опасности, в любовном угаре, в пьяном виде, в трансе гипноза. Только действительное неведение дает твердую гарантию. Поэтому осторожный молчальник может включить свою осведомленность в мотивацию своих дальнейших поступков: наблюдательные враги скажут потом: «если он так поступил, то это означает, что он знал то-то и то-то»...

11. Развивай в себе пристальную, мгновенную наблюдательность; неутомимое внимание; способность быстро сосредоточиваться и на ходу перерешать; искусство подвергать свою речь внутренней цензуре; умение верно различать оттенки смысла и выбирать слова. Это необходимо для блюдения тайны.

12. Приучи себя не торопиться с ответом на вопрос; всегда давай себе срок для выбора наименьшего ответа. Прежде, чем отвечать, обрежь внутренне все нити, ведущие к тайне.

13. Никогда не записывай своей тайны, ни всего того, что с ней связано; и нигде не храни. Не записывай ни имен своих сообщников, ни адресов их, ни явочных паролей. Помни все необходимое наизусть. А если не можешь, то сначала укрепи свою память мнемоническими упражнениями.

14. Если первое время будут неудачи – не унывай. Блюдение тайны есть дело трудное. Научись проверять себя после каждого разговора и отмечать свои ошибки, тогда ты сам скоро дополнишь эти правила. И помни: умеющий хранить тайну всегда сильнее не

умеющего.

15. И еще помни: в наше время враги почти везде и даже стены часто имеют уши.

16. И блюди общее правило: тот, кто экспонирован (общеизвестен, стоит на виду) – не должен вести конспиративной работы, ибо он как муха под стеклом и ему ничего не удастся скрыть; конспиративную работу должны вести по его указаниям и приказам незаметные люди. А тот, кто конспирирует, не должен экспонироваться, т.е. открыто фигурировать, рекламировать свою работу в газетах, опубликовывать свое имя, болтать о своей работе. Такая самореклама равносильна доносу на самого себя, поданному врагу: «я здесь, это я; можешь в любой момент похитить меня или убить»...

Умение распознавать людей

1. Тот, кто берется организовывать людей – должен распределять между ними полномочия и обязанности, устанавливать между ними сотрудничество и подчинение и, главное, ставить верных людей на подходящие для них места. Это значит, что организатор должен хорошо разбираться в людях, – кто чего стоит и кому что можно поручить. Он должен быть твердо уверен, что каждый из членов его организации а) искренно хочет сделать свое дело (не лукавый саботажник!), б) иметь для этого необходимые силы и способности (здоровье, силы телесные и душевные), в) умеет требовать и взыскивать, но умеет и сам подчиняться, г) понял данную ему задачу. Для всего этого необходимо прежде всего научиться распознавать людей; не способный к этому будет делать одни ошибки и губить порученное ему дело.

2. Это особенно важно для нашей будущей деятельности в России, где мы найдем целые кадры людей, воспитанных в злобе, лжи, робости, продажности и предательстве; множество людей с раздавленным самолюбием и сломанною волею, необозримое море людей с невоспитанным и неукрепленным характером; и сравнительно незначительное меньшинство людей крепких и верных. Их надо будет безошибочно распознавать, объединяться с ними и крепко вести дело спасения России.

3. Чужая душа есть тайна. Нет никаких рассудочных мерил или правил для ее механического измерения и определения. Но живая и проницательная интуиция может получить в виде подспорья ряд ценных указаний или советов, которые дают руководящую нить для душевно-морального диагноза. Ни одно из этих «правил» не самодовлеюще и только все вместе они могут помочь верному освещению чужих «потемок». Главное же состоит в том, что только доброкачественный человек может установить и изучить чужую доброкачественность, ибо только у него имеется живое мерило личной совести. Для злодея все указания наши бессильны и бесплодны.

4. Каждый человек произвольно, от природы как бы «зашифрован» в своем теле и обнаруживает сам себя в своих поступках; и при том так, что в них прикровенно дана вся его душа. Надо научиться «дешифровать» ее верно и точно.

Отсюда первое правило для распознавания человека: дело и тело значат больше, чем слово. Не суди о человеке по его разговору или по его высказываниям. Не верь словам, сопровождаемым хитро рыщущими глазами, или презрительной миной. Требуя дел и сравнивай их со словами. Всматривайся во внешнее обличие человека и сличай его с его словами и делами. Подлое, злое дело может обличить и слова и лицемерно-сладкое выражение лица... Лицемерие же сейчас распространено в мире, как еще никогда...

5. Итак, важнее всего реальные поступки человека и его личное присутствие в них: его намерение (чего, именно, он хотел), и мотив (почему он хотел именно этого) и энергии вложенной им воли. Слова человека ясно освещаются и осмысливаются только лучами, идущими от его поступков и от всей его личности. Сколь бы «яркими» и «убедительными» ни были его слова, нельзя судить по ним окончательно, не зная его дел. Дела же человека узнаются только через сотрудничество с ним (и то не всегда и не сразу; вспомним Азефа, Гапона, Федорова-Якушева). Ясновидящая интуиция присуща только гениальным людям (так, только П.Н. Врангель с первого же взгляда определил Федорова-Якушева, как провокатора и запретил с ним входить в сношения).

Отсюда: во всякой организации необходима известная постепенность оказываемого доверия, как бы лестница приобщения. Мало-знаемому человеку поручают сначала только ясные, маленькие и безвредные дела; и притом всегда с последующею проверкою. В лишнее же не посвящают никогда никого. Осведомленность очень часто тяжелое бремя для осведомленного и большая опасность. С одной стороны, я не могу сообщить о том, чего действительно не знаю: с другой стороны, тоталитарные организации нередко не награждают, а убивают своего «слишком много» знающего сотрудника, даже верного, послушного и очень полезного... – «выдаст», «перебежит», «проболтается», «начнет шантажировать»...

б. В теле человеческая душа вся скрыта и вся проявлена: в строении головы, в чертах и в выражении лица, в формах руки и ноги, в глазах и в смехе; в пожатии руки, в почерке и в походке. Ныне кое-что из этого уже исследовано научно и установленные обобщения могут быть практически использованы. Но продумать их, усвоить и применять каждый человек должен, сам (см. особенно поучительные рассказы А.Ф. Кошко, начальника всероссийской сысской полиции, т. i «Дактилоскопия», т. ii «Сысской аппарат» и т. iii «Иван Егорович»). Здесь можно дать лишь несколько намеков.

а) У каждого лица есть свое преобладающее, устойчивое выражение. У данного человека – какое? Как изменяется оно в минуту гнева, испуга, неудачи, растерянности, наслаждения, торжества, смеха? Становится ли лицо глупее, грубее, злее? Обнаруживаются ли в нем трусость, безволие, жадность, пошлость, сосредоточенность, растерянность, спокойствие, презрение – или наоборот? Достоевский указывает на то, что черта, вносимая в выражение лица смелом, особенно существенна для души смеющегося..

б) Надо научиться распознавать человека по глазам. Глаза откровенного человека смотрят совсем иначе, чем глаза скрытного. Кто не уловит хитрости и злобы в глазах Ленина? Кто не уловит беспредельной самоуверенности и тупой жестокости в глазах Джугашвили? Человек, призванный повелевать и человек внутренне сломленный, смотрят совсем иначе. Пролганный человек избегает смотреть в чужие, наблюдающие глаза: он все время смотрит то вниз направо, то вниз налево, скользя по чужому лицу только ради встречного наблюдения. Есть глаза верные и предательские, добродушные и скрытно-злые, хищные, безжалостные, чувственные, глупостеклянные, сосредоточенно-думающие, лицемерно-сладкие, огненно-бесовские и т.д. Человек, неспособный к физиогномике, всегда будет проваливаться в оценке людей.

в) Научись замечать, что делает человек с твоею рукою при рукопожатии: берет ли твою руку (волевая натура), или дает свою? коротко, выразительно, определительно, или держит твою руку вяло, долго и нерешительно? дает ли одни свои пальцы, торопясь отнять их у тебя, или – всю руку до конца? может быть берет одни твои пальцы, и ускользает, чтобы ты не узнал слишком много секретов? жмет сам или предоставляет жать? как бы желая что-то выразить (что именно?) или что-то скрыть (что именно?)... Научись этому и ты скоро начнешь уверенно отличать волевого и безвольного, цепкого, жадного, эгоиста, лживого, льстивого, целомудренного и развратного, прямодушного и интригана...

г) Много дает изучение почерка. Здесь все имеет свое значение: стояние и наклон букв, их размер, их дописанность и недописанность, их хвосты под строкой и над строкой, слабый и сильный нажим, ровный и неровный, перерывы между буквами, расстояние между строчками, закрытость букв, завитки, обрывы, подчеркивания и росчерки. Здесь не надо фантазировать, надо наблюдать, изучать, копить опыт, интуитивно вчувствоваться и проверять. Начинать же надо с почерков хорошо известных тебе людей.

д) Научись подмечать походку людей: легкомысленно подпрыгивающую, безвольно шмыгающую, категорически ударяющую, вкрадчиво-пролазную, мелко-семящую, растерянно оступающую, деловито уравновешенную, подозрительно обертывающуюся, угодливо расшаркивающуюся и т. д.

е) Научись расценивать манеры людей – то развязно-самоуверенные (иногда от преодолеваемой большой застенчивости), то ковано-сдержанные, то хвастливо-рисующиеся,

то льстиво-вкрадчивые... Как часто законченная фальшь скрывается за наигранным смирением и. сентиментальным «благочестием».

Ряд существенных указаний дает нам хирология, т.е. научное изучение руки.

ж) При разговоре всегда сажай человека лицом к свету и старайся как можно меньше сообщать о себе и как можно больше узнать о нем. Всегда обращай внимание, не подведены ли у него глаза, не нарумянены ли у него щеки, таких «мазанных» мужчин теперь развелось многое множество; они особенно проникают в министерство иностранных дел, пролезая и разнюхивая... Чем меньше с ними встречаться и разговаривать, тем лучше, ибо каждый из них есть готовый предатель.

7. Важнее всего установить верность человека, т.е. его искреннюю убежденность и стойкость в убеждениях.

Есть множество людей – а в наше время, в эпоху тоталитарного террора, их становится все больше – людей вообще Неспособных к убеждениям. Они или помалкивают от робости; или готовы врать в любом направлении; или же приписываются тайно к какой-нибудь закулисной организации, чтобы молчать и врать под ее руководством и за ее обороною. Таких людей нетрудно распознавать; они, в сущности, ко всему теплопрохладны; для них все «условно» и «относительно»; они ни в чем не цельны и не окончательны; зло их пугает, но не возмущает; добру они сочувствуют только тогда, когда оно побеждает; они отличаются особою «терпимостью», которую они сами выдают за «справедливость» и «многосторонность»; они любят «примирять противоположности», охотно «разговаривают» с людьми враждебных лагерей и выдают эту полупредательскую болтовню за какую-то высшую «диалектику». Убежденные люди раздражают и обижают их своею убежденностью. Их ум, если он вообще имеется, лишен воли; их чувство – беспринципно; они не верят ни во что и спешат «застраховаться» и у Бога, и у дьявола.

В частности: не верь аффектированным людям, которые склонны проявлять больше чувства, чем имеют его на самом деле (лгут сами себе и другим); избегай гомосексуальных: их духовный фарватер может всегда измениться неожиданно для них самих. Всегда проверяй, склонен ли человек иронически отнестись к своей собственной святине; полезно бывает поставить человеку в лоб роковой вопрос, мягко, но неожиданно, пристально глядя ему в глаза; полезно бывает дать ему почувствовать, что ты ему «не очень веришь», и спокойно, не обижая, но и не помогая, следить, как он будет выкарабкиваться из своего щекотливого положения; полезно бывает спросить его, что он сделает, если ему в порядке организации прикажут совершить «полезную гнусность».

8. И всегда помни: фальшивый тон ответа может обессилить всякие дальнейшие клятвы и уверения. Человек виден не в состоянии душевного равновесия, а в страсти и в волнении. Слушай человека своею совестью и верь больше всего тем «осадкам», которые всплывут в твоей душе по окончании разговора.

9. Старайся установить волевою силу человека. Воля не вспышка и не порыв; вспышкой и порывом живут эмоциональные люди. Воля не цепкий и инертный инстинкт. Воля есть способность – убежденно, стойко и долго ломиться в одну сторону, борясь с препятствиями. Волевым человек всегда склонен к наступлению; он всегда как будто заряжен и прицеливается; он обычно смотрит в будущее, собираясь на него наложить свою печать. Если он пессимист, то пессимизм его не робок и не растерян; если он оптимист, то оптимизм его скрывает за собою план действий; он скучает с безвольными людьми и слегка презирает их.

Признаки безвольного человека: он не подчиняет себе обстоятельств, а приспособляется к ним, принимая их за «события» и всегда готовясь изогнуться и шмыгнуть под них («фактопоклонство»); он всегда склонен отложить неприятное дело и не берет за него с самого начала; он боится ответственности и предпочитает не брать ее на себя; он сомневается бесплодно и колеблется долго; в сомнении и в трудную минуту он ищет авторитета. Такие люди нередко засиживаются в гостях («прилипнет» и никак не может уйти); откладывают все в долгий ящик; чинят карандаш не от себя, а на себя; не

проталкивают нитку в иголку, а надевают иголку на нитку.

10. Старайся верно оценить ум человека и его интуицию.

Ум есть начало творческое; поэтому у умного человека всегда много своих мыслей. Ум есть способность к различению и к расплетанию (анализ!); поэтому ум вносит во все ясность, точность и определенность. Ум есть сила суждения (синтез); поэтому он всегда ищет и находит верные объяснения и жизнеспособные комбинации.

Однако, ум не самодовлеющ; без интуиции (созерцания и видения) он пуст, слеп и заносчив, беспочвенный выдумщик и логический фразер. Именно опытом и интуицией человек берет (воспринимает) предметы и реальную жизнь, предвидит и творит. Полуинтеллигент не понимает этого и именно поэтому он впадает в рассудочность и носится с отвлеченными доктринами; он верит в полунауку и не верует в Бога.

Итак, ум не самодовлеющ: без совести он циничен; без веры – пошл и растлевающ. Ум без чувства сух, мертв и свиреп; ум без воли пассивен и бесплоден. Лишенный всего этого, ум оказывается ограниченным и тупым, неспособным по настоящему ни к творчеству, ни к «расплетению», ни к суждению.

Признаки глупого человека: он быстро удовлетворяется первым впечатлением и своим собственным суждением; он не подозревает пределов своего собственного ума и легко впадает в самодовольство; он не переоценивает свою интуицию и часто говорит общеизвестности и притом с апломбом; он не видит сложности и все упрощает; он не дальновиден, легкомыслен и лишен чувства познавательной ответственности; он не изобретателен и часто обнаруживает наивную доверчивость; в сомнении и в трудную минуту он растеривается, ищет авторитета или же впадает в трафарет. Глупые бывают часто хитры. Хитрость – не ум, а суррогат ума; она есть инстинктивная изворотливость: отсюда ее неблагородство, ее беспринципность и интриганство. Настоящий ум не интригует: он слишком благороден и ясен для интриги и слишком уважает себя. Поэтому интриган лишен настоящего ума; он мелок, низок и ограничен.

Замечательно, что человек с оригинальным и сильным умом всегда создает «свои» слова и формулы. Человек с хорошей интуицией всегда и сразу отличает главное от неглавного, и поэтому говорит, по существу с верными и осмысленными интонациями. Человек, много хвастающий и все разговоры сводящий к себе, не видит предмета из-за себя самого и суждения его о предметах бывают слабы. Резонер всегда ограничен. Настоящая интеллигентность определяется не памятью, не учеными словами, не апломбом; не велеречием и не ловкой «диалектикой», но способностью к самостоятельному, зоркому наблюдению и анализу событий.

11. Человеческую душу нельзя ни определить, ни исчерпать; именно поэтому настоящий организатор должен непрерывно наблюдать за ее проявлениями, вникать и улавливать характерные особенности разнородных людей.

В частности, выбирая верных, энергичных и действенных людей, полезно иметь в виду следующее.

Сентиментальные люди часто бывают совсем не добры, а только прикрывают фальшивой добротой свои обиды и свою злобу.

Люди, таящие свои чувства в глубине («аффективные»), обычно бывают молчаливее, вернее себе, устойчивее и выдержаннее тех, которые бурно изливают свои чувства («эмоциональные»).

Заряд активности бывает обыкновенно сильнее в тех, кто не изживает своего темперамента в чувственно-эротических похождениях.

Люди, обладающие живой фантазией, легче поддаются страху, ибо страх усиливается в душе от конкретного представления «опасных возможностей». Поэтому искусство храбрости состоит прежде всего в умении не думать об опасности и не воображать себе «худший из исходов». Боятся все; но храбрецы владеют своим воображением; и подавляют его волею.

Люди, художественно одаренные (особенно к поэзии, к музыке и к живописи), менее приспособлены к решительному и безоглядному действию.

Люди, мнительно относящиеся к своему здоровью, не суть люди действия. Они слишком зависят от своих ощущений и от своего самочувствия.

Люди забывчивые и неаккуратные – не уравновешены в своих душевных ассоциациях и зависят от своих мечтаний и страстей; поэтому они менее пригодны к долгой, волевой борьбе. Лжец на словах – обманет и предаст на деле.

К власти призваны не честолюбивые: с честолюбия и тщеславия начинается первая, часто неуловимая продажность человека, ибо его личный успех всегда может оказаться для него важнее и дороже Дела. К власти призваны люди, излучающие силу внутреннего веления, направленного на служение Делу.

Проталкивающийся вперед всегда подозрителен, но это совсем не значит, что искусно держащийся в задних рядах тем самым заслуживает доверия.

Люди, легко уязвляющиеся, затаивающие свои обиды и накапливающие подпольные чувства – не заслуживают доверия и всегда «чреваты» сюрпризами. Впрочем, большая обидчивость и мстительность часто скрывают за собою ограниченность и даже глупость.

Всегда спрашивай о человеке: «от чего он приходит в состояние волнения или аффекта?» – и в этом направлении ищи его главную движущую страсть. Страстный игрок и пьяница – всегда подлежит отводу при обслуживании важных поручений. Не суди о человеке окончательно, пока не узнаешь и не оценишь характера его жены (или возлюбленной).

12. И еще одно: не верь в окончательность и безошибочность твоих собственных суждений о людях. Всегда утончай и углубляй свои наблюдения. Всегда проверяй свои суждения – чужими. Будь всегда готов признать свою ошибку, во всяком случае, терпеливо выслушивай противоположные мнения и возражения. Не позволяй подкупать себя похвалой, лестью, вкрадчивой угодливостью и женским кокетством. Блюда нужную меру недоверчивости, но не позволяй своей подозрительности стать чрезмерною и увести тебя в манию преследования.

13. Всякая борьба связана с риском. В наше время политическая борьба есть как бы сплошной риск. Тем осторожнее должен быть действующий. Тем более оснований имеет он, для соблюдения конспиративных тайн. Сообщить всей вселенной, что я, вот, действую конспиративно, что я возглавляю большую конспиративную организацию, подготовляющую «революцию» или «переворот» – есть безумие, свидетельствующее о полном непонимании конспиративной работы и о безнадежности всего начинания.

Когда же возродится великая русская поэзия?

Тот, кто просматривает наши русские зарубежные журналы, журналчики и газеты, наверное, не раз замечал, до какой степени русские люди изголодались по словесной гармонии, по поющему ритму стиха. Этот голод естествен и понятен. Вот уже скоро сорок лет, как русская поэзия, задавленная террором и поруганная циничными авантюристами вроде Демьяна Бедного, Маяковского и других им подобных, прекратила свое пение в подъяремной России. Допевали еще поэты предшествующего декадентски-эротического поколения, пока их терпела советская цензура или пока эмиграция спасала им жизнь. Но новых больших ясновидцев и певцов не появлялось ни в России, ни в эмиграции. Почему?

Казалось бы, теперь как никогда, потрясенные и раненые сердца русских людей должны быть открыты для новых вещей слов и песен, для этой поэзии большого созерцания и глубокого замысла, для настоящей поэзии. Именно эта поэзия и такая поэзия призвана совершить для грядущей России то самое, что совершили для дореволюционной России Державин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Языков, Тютчев, А.К. Толстой и другие. Казалось бы, именно теперь, когда скудные, декадентски-эротические содержания предреволюционной поэзии отжили свой век и русским людям дан новый опыт подлинного зла, подлинного страдания и предчувствия грядущего величия, следовало бы ждать от русской поэзии настоящих песен и пророчеств... Где же это все? Почему современные русские поэты молчат о великом и сокровенном и поют старые перепетые перепевы?

Чтобы ответить на этот вопрос надо обзреть пути и судьбы русского народа за последние десятилетия.

Если пересмотреть всю историю человечества, то обнаружится, что коммунистическая революция в России есть единственное в своем роде крушение и бедствие. Бывали времена тяжкие, мучительные, как Пелопоннесская война в Греции, гражданская война в Риме, правление жестоких и развратных Цезарей, эпоха Инквизиции, эпоха итальянского Возрождения, тридцатилетняя война, первая французская революция... Изучая эти эпохи, читая первоисточники и показания очевидцев, содрогаешься и ужасаешься; а порою кажется, что хуже этого не могло бы быть нигде и никогда. Но когда обращаешься к коммунистической революции наших дней, которую мы вживе и въяве переживаем вот уже 37 лет и притом на собственном опыте, быстро приходишь к убеждению, что ничего подобного человеческая история еще не видала.

В прежние времена люди хотели власти и богатства – и из-за этого впадали в преступления и злодеяния. В наше время коммунисты, добившись власти и богатства, заняты истреблением лучших людей страны: самая власть их есть злодеяние для всего мира; самое богатство их означает всеобщую опасность и нищету. Но им этого мало: они поставили себе задачу – уничтожить всех, кто мыслит не по-коммунистически, кто верует религиозно, кто любит родину; и оставить только своих рабов. Для этого они выдрессировали (и продолжают дрессировать) целый кадр, целое поколение палачей, садистов и садисток, которые и наслаждаются замучиванием невинных людей. И все это – во имя противоестественной химеры, во имя нелепой утопии, во имя величайшей пошлости, которая ничего не сулит людям кроме обмана, разочарования и атомной войны.

О русском народе надо оказать словами Тютчева: «невыносимое он днесь выносит»... И справляется он с этим потому, что идет по своим исконным путям, прошедшим его через все его климатические суровости, через все его хозяйственные трудности и лишения и через все его военные и исторические испытания. Эти средства, эти пути суть: молитва, терпение, юмор и пение. Все вместе они создавали и сообщали ему ту особенную русскую выносливость, ту способность приспособляться, не уступая, гнуться без слома, блюсти верность себе и Богу и среди врагов и в порабощении, сохранять легкость в умирании, накапливать ту силу сопротивления в веках из поколения в поколение, которая и спасала его в дальнейшем. Так и в современной революции, бесчеловечнейшей из всего исторически известного, русский народ обновляет это свое душевно-духовное умение, как бы унося свои святыни в таинственную глубину своего духовного озера.

Не подлежит никакому сомнению, что революция была срывом в духовную пропасть, религиозным оскудением, патриотическим и нравственным помрачением русской народной души. Не будь этого оскудения и помрачения русская пятнадцатимиллионная армия не разбежалась бы, ее верные и доблестные офицеры не подверглись бы растерзанию; совесть и честь не допустили бы до захватного передела имущества; Ленин и его шайка не нашли бы себе того кадра шпионов и палачей, без которого их террор не мог бы осуществиться; народ не допустил бы до избиения своего духовенства и до сноса своих храмов; и белая армия быстро очистила бы центр России. Это была эпоха окаянства, когда коммунисты выбирали окаянных людей для совершения окаянного дела, а народ, вместо того, чтобы молитвенно примкнуть к московскому Церковному Собору и внять отлучению и заклятию Святейшего Патриарха Тихона, разучился молиться и внимать совести, помышляя только о кровавой мести и темном прибытке.

Но вот, революции суждено было не удовлетворить вождения русских масс, а разочаровать и образумить их. Это разочарование пришло к ним в жесточайшем виде – в виде трехлетней гражданской войны с ее грабежами, эпидемиями, ожесточением; в виде массового расстрела лучших людей, искусственно организованного голода, доходившего до вымирания и людоедства, в виде террора, свирепой коллективизации и концентрационных лагерей. На открытое сопротивление решались только вернейшие и храбрейшие. Народные же массы предали безбожному ожесточению, и лишь медленно, очень медленно, после

распыления, разоружения и изъятия земли, начали понимать, что главный поход идет на них, что они сами обречены на небывалое рабство, на нищету и голод, или просто на смерть. Но возможность сопротивления была уже упущена: народ был уже обезоружен, а кадры партии, комсомола, бесчисленных доносчиков и политической полиции (Чека, Гепеу, НКВД, МВД) были уже сплочены и вели повальный террор, сами находясь под вечным страхом. «Гулаг» открыл свои необъятные недра; и русскому народу оставалось одно: уйти в себя, развернуть столь же необъятные недра своего терпения, научиться узнавать «своих» молча, организовываться полумолча, перетирать коммунистические цепи энергией своей выносливости и ждать исторической «конъюнктуры» для освобождения.

Всем этим и объясняется та смена путей, которую мы наблюдали за эти десятилетия: преобладание юмора в начале, переход к терпению в дальнейшем, и, наконец, возврат к вере и молитве. А поэзия (пение) ждет еще своего часа; для нее время еще не пришло.

Кто из нас не помнит этого неистощимого, отчаянного юмора, которым русские люди пытались преодолеть безумие и лишения первых лет? Тогда желтые тысячерублевые бумажки назывались на базарах «косыми» в издевательство над косым Лениным... Как поганки в гнилом лесу лезли отовсюду слова неслыханного на Руси жаргона, начиная с «совдепа» и «совнаркома» и кончая такими издевательскими перлами, как «помучкота» (помощник участкового комиссара трудовой армии) и «замкомпоморде» (заместитель комиссара по морским делам»). Тогда и новое гнусное название русского государства «РСФСР» истолковывалось по-своему: «Редкий случай Феноменального Сумасшествия Расы». Из уст в уста передавались хлесткие частушки; ходила по рукам бойкая «поэма»: «Маркс в России», кончавшаяся тем, что Маркс публично плевал своему огромному памятнику в лицо; и самая смерть обозначалась словами «сыграть в ящик»... Отовсюду подмигивал людям юмор висельника...

Но время шло. Террор становился все круче и безумнее. Дерзновенный юмор стал осторожнее, научился прятаться и первенство осталось за терпением: народ принял свое новое, неожиданное и неслыханное иго.

Ему «не хватало» свободного терпения для того, чтобы честно и твердо закончить войну: «похабное» прекращение ее казалось ему «спасением». Ему не хватило свободного терпения для того, чтобы довести до конца аграрную реформу Столыпина: захват и погром сулили ему «необозримые земли», а социалистические партии (социалисты-революционеры и большевики) уговаривали торопиться. Ему не хватало свободного терпения для того, чтобы верно и постепенно усвоить заливавший его поток всяческого, всестороннего образования; уровень этого образования казался ему слишком высоким, надо было отвергнуть веками выношенное, культурно-драгоценное, но невежде «ненужное» правописание, надо было довести гимназию до безграмотной толчеи, а высшие учебные заведения – до пропаганды коммунистического бреда и до усвоения элементарных технических навыков. Не хватило добровольного терпения для строительства России; хотелось «простоты», «легкости», «скорости»; хотелось не учиться, а наживать; хотелось не «устраиваться» и «обзаводиться», а схватить и завладеть; манило «несосветимое» богатство – которого не было, земельное, торговое, промышленное, денежное; лень нашептывала, революционная демагогия взывала, правосознание было очень скудно, а освобождение от государевой присяги развязало все удержки. И наказание не замедлило.

Замысел Ленина и его банды был таков: деморализовать солдата, матроса, земледельца и рабочего, ободрить захватчика, попустить разбойнику («грабь награбленное») – и затем задавить деморализованного, превратив его в голодного, запуганного и покорного раба...; подорвать свободное терпение народа, превратить его в бунтующую чернь и тогда возложить на него вынужденное терпение, рабскую терпеливость без конца и меры. Этот замысел удался. И вместо России стало строиться новое, безбожное, безнравственное, тоталитарное, коммунистическое. Ныне народу надо быть готовым в нем всегда и ко всему. В нем терпение перестает быть выражением духовной свободы, но становится проявлением страха и инстинкта самоохранения.

В замысле коммунистов неверно все: начиная от религиозного опустошения души, и кончая варварской попыткой строить культуру на страхе и порабощении; начиная от попрания личного начала и личной творческой инициативы, и кончая принудительным «мировоззрением»; начиная от пошлой цели и кончая порочными средствами». Здоровому, идейному человеку здесь все неприемлемо, все чуждо, все угнетающе; и потому все это должно было быть навязано ему. Со времени водворения этих людей у власти прошло 37 лет и никакие внутренние и внешние осложнения и катастрофы не могли доселе освободить русский народ. Другие народы не могут и представить себе ту степень унижения, с которой пришлось ему мириться, и тот запас терпения, который от него потребовался. Сколько раз русским людям казалось, что другие народы (немцы, англичане, поляки, американцы!) должны будут однажды вмешаться и «освободить» Россию; и каждый раз эти мечты оказывались беспочвенными. Русским людям надеяться не на кого, кроме Бога и своих собственных сил. Но чтобы найти в самом себе необходимые для борьбы силы и умения, необходимо отчаяться во всем и во всех, кроме Господа; необходимо восстановить свою религиозную веру, как таинственный и живой ключ духовной жизни. И все партии и организации без исключения, – как подъяремные, так и зарубежные, – которые не обратятся к этому источнику, могут быть заранее уверены в ожидающем их неуспехе.

Этот процесс возвращения к вере и молитве давно уже начался в России: против абсолютного зла, против неизбежного страха, против беспомощного отчаяния есть только одна единственная абсолютная опора – искренняя и цельная религиозность, несущая с собою силу молитвы и силу покаянного очищения. Это надо понять и прочувствовать до конца. Нечего братья за освобождение и восстановление России без совести; а совесть живет только в искренней и цельной душе, где она звучит как голос Божий. Надо смыть позор своих преступлений, сорокалетних унижений, и слезы вынужденного страхом приспособления; а для этого необходимо религиозное покаяние. Надо смыть в душе черное бесчестие прошлых лет и вновь поверить в свою собственную непоколебимую честь и полную честность, чтобы восстановить доверие к самому себе и научиться узнавать людей заслуживающих доверия; а это возможно только перед лицом и судом Божиим. После всего пережитого и выстраданного надо искать и найти путь к Богу. Пути безбожия, бессовестности, бесчестия и дьявольской лжи исхожены и изведаны: они обличены и оказались погибельными. Необходимо глубокое обновление душ; и никакие модные лозунги и никакое политическое пустословие его не заменят: ни «демократия», ни «федерация», ни «свобода», ни «равенство», ни «братство», ни иное что-либо.

И вряд ли Мы ошибемся, если скажем, что смысл происходящего ныне в России и состоит в конечном счете в этом прикровенном, тайном возвращении к вере и молитве. И лишь по мере того, как это религиозное возрождение будет совершаться, откроются и пути к воскресению русской поэзии.

* * *

Великая русская поэзия возродится тогда, когда в русской душе запоет ее последняя священная глубина, которая укажет поэтам новые, глубокие темы и дарует этим темам свою форму, свой ритм, свой размер и свои верные, точные слова. Эта священная глубина уже дана русскому человеку и обновлена в русской душе – и притом именно трагическим опытом последних сорока лет, но она еще не принята русскими людьми, русским созерцающим сердцем и поэтою еще не запела в русской поэзии. Однако это время близится...

Первое и основное в искусстве – это Предмет и его содержание: что именно ты чувствуешь? что ты видишь? о чем ты хочешь сказать? Все русские великие поэты сосредоточивали свой чувствующий опыт на том, что есть главное, важнейшее или прямо священное в жизни мира и человека. Они созерцали Божие; и взволнованное, умиленное сердце их начинало петь. Это поющее сердце приносило их поэзии все остальное, без чего стихотворение не есть стихотворение, и поэтою у них нередко делалось такое чувство, что и

слова, и размер строки, и ритм, и рифма приходят к ним «сами».

Надо постигнуть это и убедиться в этом раз и навсегда: поэзию творит сердце. Выдуманное стихотворение на манер Василия Тредьяковского или Валерия Брюсова не может петь; оно будет прозаично, сухо, мертво; оно не создаст поэзии; оно даст только рифмованные строчки. А размеренным и рифмованным строчкам далеко еще до поэзии. Поэзия требует совсем иного, гораздо большего: она требует поющего сердца. Поэтому и тому поэту, который попытается жить одним воображением, на манер Бенедиктова, не вкладывая в свой опыт сердечного вдохновения, удастся в лучшем случае создать верное и подробное описание природы или людей, но это описание не увидит и не покажет сокровенную глубину описываемого и не пойдет дальше хорошего протокола. Подобно этому и волевой опыт (Гумилев) не заменит опыта поющего сердца: сколь бы велика ни была напряженная решимость воли, она вызовет у читателя в ответ (в лучшем случае) волевое напряжение и будет восприниматься, как рифмованная проповедь, как властное поучение, но не как поэзия.

Это не означает, что подлинная поэзия не нуждается ни в чем, кроме поющего сердца. Наоборот – она требует всего человека: она вовлекает в жизнь чувства (сердца) – и волю, и мысль, ибо поэзии свойственно желать до воспламенения и мыслить до самой глубины. Но важнейшее и главное есть поющее сердце и все иные силы и способности должны подчиниться ему и проникнуться его живоносною струей, его пением, его мелодией.

Так было в русской классической поэзии и восемнадцатого, и девятнадцатого века. И это было тогда же осознано и выговорено Гоголем (гл. XXXI «Переписки с друзьями». «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»). Он пишет, между прочим: «Огонь излетел вдруг из народа. Огонь этот был восторг», и «восторг этот отразился в нашей поэзии, или лучше – он создал ее». Уже Ломоносов творил как «восторженный юноша»: «всякое прикосновение к любезной сердцу его России, на которую глядит он под углом ее сияющей будущности, исполняет его силы чудотворной»... Державин творил великое только в состоянии «одушевления», «напряженного силою вдохновения»... Даже у Капниста проявился «аромат истинно душевного чувства»... А вот «благочестивая задумчивость Жуковского» «исполняет все его картины» особого «греющего, теплого света»... А Пушкин был сам «точно сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечки, зажглись другие самоцветные поэты»...

Итак, великая русская поэзия была порождением истинного чувства, восторга, одушевления, вдохновения, света и огня, – именно того, что мы называем сердцем и от чего душа человека начинает петь (Веневитинов, Языков, Баратынский, Лермонтов, Тютчев, Хомяков, граф А.К. Толстой и другие). К сожалению, этот огонь сердца начал меркнуть во второй половине XIX века. Еще дают незабвенные Майков и Апухтин. Но уже холодным, словесным гарцованием веет от Бенедиктова: уже мыслью, волею и политическим напором слагает свои стихи Некрасов, а чувство Фета блекнет и все более принимает чувственно-эротическую окраску. Все бледнее становятся создания Полонского, Плещеева, Надсона; и место этой поэтической бледности уже торопятся занять последние предреволюционные эротически-декадентские поэты. Сердца поэтов все реже отзываются на величие, на божественный состав мира, на узрение его таинственного естества, на молитву, на трагическое; они все менее парят, исповедуют, дивуются и благодарят; наоборот, они все более предаются сентиментальности, жалобе, «гуманности», «социальности», протесту, скрытой политике, «народничеству», революционности... В них все меньше огня и пения, все больше утилитаризма, тепловатости, прозы, злобы дня, утомления и отвращения. Слагается поэтический тупик, из которого ищут прорыва предреволюционные декаденты.

Замечательно, что вместе с изживанием великого сердечного созерцания, мельчают и самые содержания поэзии: «сентиментальность» роняет слезу на быт повседневности и не преображает, и не раскрывает его; «гуманность» сосредоточивается на человеке и не парит над миром и не возносится к Богу; социальный протест получает свои задания не свыше, а от

политической партии; народничество уводит поэта в односторонние преувеличения и в отвержение, а революционность – к злобе и мести. Поэты теряют доступ к Божественному; остается одно человеческое; а из человеческого они начинают все более склоняться к чувственному эротизму.

Поэзия последнего предреволюционного периода почти уже не поет: она выдумывает вместе с Брюсовым, и мечтает, и декламирует в стихах Бальмонта, безвкусно лепечет или лопочет вместе с Андреем Белым, беспредметно и туманно фантазирует вместе с Александром Блоком, несет эротическую «третьяковщину» вместе с Вячеславом Ивановым, пытается утвердиться на «железной воле» вместе с Гумилевым и Кречетовым, и безвольно предается личным страстям вместе с Ахматовой и Городецким. А под конец она впадает в безграмотно-развратную манеру Игоря Северянина, в продажный и бесстыдный бред Маяковского, в шепелявое неистовство Волошина, и в хулиганское озорство Есенина. И только один имел еще доступ к Предмету и нередко получал от него и содержание и форму – это Федор Сологуб (Тетерников).

Все, или почти все остальные не творили поэзию, а предавались стихослагательству (талантливые импровизировали подобно Бальмонту, бездарные – высиживали, подобно Брюсову). Они выдумывали «изыски», изобретали небывалое, старались по меткому слову Ходасевича «идти как можно быстрее и как можно дальше», считая, что поэту все позволено; и потому предавали поэзию насилию и поруганию. И почти все не умели различать добро и зло; и почти все готовы были поклоняться дьяволу. И действительно, это была уже не поэзия, это было «вирше-плетение», подчас – беззастенчивая лаборатория словесных фокусов. Последыши всего этого течения, оставшиеся под советским ярмом, были сначала куплены и разыграны, а потом раздавлены большевиками... Русская поэзия последних десятилетий выдыхалась, вырождалась, гасла и исчезала.

Мельчали ее темы и содержания. Они мельчали потому, что пустому рассудку, разнузданному воображению и холодной воле великие предметы никогда не давались и не дадутся. Это все неверные «органы», не поющие «акты», безнадежные попытки создать «новое» и «великое» из собственной скудности или из бессмысленного праха вещей. Если «поэту» все позволено, то он становится безответственным болтуном. Безразличный к великому и божественному, он неизбежно делается наслаждением и кокетливым хвастуном: он начинает рассказывать про свою личную чувственную эотику и при том в формах все возрастающего бесстыдства. А если ему удастся найти себе властного покупателя, то у него остается одна забота – угождать своему «хозяину».

Поэтому, первая задача настоящего поэта углублять и оживлять свое сердце; вторая – растить, очищать и облагораживать свой духовный опыт. Это и есть путь к великой поэзии. Конечно, выше лба уши не растут и далеко не всякому дано иметь великий опыт для великой поэзии. Но надо помнить, что из скудности и праха повседневной жизни, из безответственности и тщеславия декадентства – вырастает только дурная поэзия. Невольно вспоминаются развязные строчки Анны Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора – Растут стихи, не ведая стыда». Конечно, бывает и так, но только это будет сорная и бесстыдная поэзия. Возможно, что именно такая поэзия и «нравится» кому-нибудь. Нашлась же недавно в эмигрантском журнальчике «Грани» какая-то Тарасова, которая написала революционную (!) апологию (защиту, прославление) безобразнейшему из хулиганов-рифмачей нашего времени Маяковскому, которого мы все знали в России, как бесстыдного орангутанга задолго до революции, и гнусные строчки которого вызывали в нас стыд и отвращение. Советский «вкус» – извращенный вкус; люди этого «вкуса» и не подозревают, что кроме чекистских, революционных критериев есть в поэзии еще и иной, высший, художественный критерий и что этот критерий решает не по тому, что кому «нравится», а по степени объективного совершенства. Когда-то Блок провозгласил двенадцать пьяных и развратных матросов-грабителей – «апостолами Христа» – и пожизненно стыдился своего мерзкого кощунства. Ныне Маяковский сам посмертно провозглашается «тринадцатым апостолом». И пока русские люди не научатся стыдиться

таких кощунств – великой поэзии им не видать. Пока им нравится болтовня Есенина, кощунственно написавшего на стене Страстного Монастыря слова «бог отелися!», до тех пор русская поэзия не сумеет оторваться от грязи и пошлости.

Великая поэзия ищет благоговейным сердцем Божественного, – во всем, и находит, и из него поет. Лучи этого Божественного можно и должно находить во всем, и найдя, надо в них пребывать и из них «говорить». Один из талантливейших европейских поэтов Йозеф фон Эйхендорф бы сказал это так: «В каждой вещи песня дремлет. – Мир, исполнен тайных снов, – Твоим зовам вещим внимлет – И запеть всегда готов»... Но зов должен быть именно «вещим», властным зовом сердца; при его звуке с вещей слетает прах и пошлость – и они начинают раскрывать свою священную сущность. Как бы перекликаясь с Эйхендорфом, русский незабвенный поэт граф А.К. Толстой поясняет: «Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков, – Много чудесных в нем есть сочетаний и слова, и света, – Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть, и слышать, – Кто, уловил лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово, – Целое с ним вовлекает создание в наш мир удивленный»... – И вот опыт революции призван возродить такое духовное созерцание.

В Евангелии повествуется о том, как Христос исцелил слепорожденного, возложив на его глаза некое «брение» и велев ему умыться в купальне Силоам; и, тот прозрел. Революция символически подобна сему брению: она возложена на наши глаза, чтобы мы прозрели. Но надо восхотеть этой духовной зрячести и молитвенно просить о ней: «чтобы отверзлись вещие зеницы, как у испуганной орлицы»... и чтобы нам подлинно увидеть тот смысл, что скрыт за этими тяжкими годами мучительства и позора...

Для этого русские люди должны прежде всего отрешиться от тех пошлостей, которые им натверживают коммунисты, – от революционных критериев, от классовых мерил, от безбожия, от «диамата», от фальшивого воззрения на родину, семью, науку и собственность. Все эти пошлости необходимо постигнуть, как мертвые и ничтожные, и вычистить их из души и из мирозерцания. Надо понять, что все это был соблазн, приведший к Гулагу и к Воркуте; что все это яд, впрыснутый нам врагами России; и что мы призваны, очистив от него душу, восхотеть в жизни Главного и Священного, и открыть ему сердце. Тогда оно запоет, но не раньше.

Тогда мы спросим себя, вместе с Ломоносовым, – откуда в мироздании эта дивная мудрость? Вместе с Державиным – как нам постигнуть Бога и к чему Он призывает государственных правителей? Мы признаем вместе с Жуковским, что человеческое сердце есть сущий источник благожелательства и нежности. Мы увидим, как Пушкин «исторгает из всего, как ничтожного, так и великого одну электрическую искру того поэтического огня, который присутствует во всяком творении Бога – его высшую сторону, знакомую только поэту» (слова Гоголя). Мы научимся восторгу у Языкова, мировой скорби у Лермонтова, ощущению бездны у Тютчева, патриотической любви у А.К. Толстого. И более того, грядущие русские поэты сумеют спросить историю о нынешнем крушении России, осветить нам как молнией исторические раны русского народного характера, показать своеобразие и величие русского духа и глубину Православной веры; и многое другое важнейшее и главнейшее в жизни человека. Все силы и все опасности, все дары и все соблазны русского духа ждут света и мудрости от великой русской поэзии. Ждут и дождутся.

Но что же это значит, неужели мы осуждаем и отвергаем всю современную русскую поэзию, столь обильно расцветающую во всех странах нашего рассеяния? – О нет, нисколько! Наоборот! Мы видим в ней залог грядущего. Мы видим сквозь нее, как изголодалась русская певучая душа по свободной, не навязанной и не контролируемой поэзии. Всюду, где слагается у нас поэтические строки, – а кто теперь не пытается запеть в русских дивно певучих и дивно богатых словах? – мы видим, тоску по родине, живое ощущение творческой национальной силы, мечту о новой России, потребность воскресить наше угасшее пение или хотя бы посылно возобновить его. У нас сейчас не все удачно, не все значительно, не все стихотворно на высоте, но зато (за редкими исключениями) здесь почти все идет из любящего и тоскующего сердца, все создает атмосферу для великой

грядущей поэзии. Надо только освободиться от обывательства и от подражания плохим поэтам, надо беречь огонь сердца, укреплять свое чувство ответственности и превышать требования, предъявляемые к самому себе.

О «мирном рядомжительстве»

(опыт политического диагноза и прогноза)

Формула найдена, выговорена и провозглашена... Остается только «уверовать» в нее и осуществлять ее. И вот уже с разных сторон заявляют о себе ее отвлеченные сторонники вроде англичан Черчилля и Идена, а также ее непосредственные осуществители вроде индуса Неру, усвоившего себе от Ганди «непротивленческий национализм», а от Чжоу-Энь-Лая ненависть к европейцам. Формула эта не новая: она выдвигалась советскими коммунистами каждый раз, как только истощалась их военная или хозяйственная мощь, – после первой войны с Польшей (неудача!), после коллективизации, сокрушившей русское сельское хозяйство, после войны с Финляндией (неудача!), после завоевания Китая (удача!) и т. д. Если припомнить всю военно-дипломатическую историю советского государства (1917-1954), то сразу станет ясным, что «мирное рядомительство» единого тоталитарно-дипломатического блока с «буржуазно-свободным» множеством государств есть лозунг лукавый, обманчивый и затрепанный. В переводе на честный язык он означает: «военное распространение для меня сейчас, пока что, неосуществимо; многое не готово, многого не хватает; мне необходимо время, чтобы все выправить и подготовить; мне необходим ввоз из других стран»; или еще (как теперь после второй мировой войны): «мне необходимо создать кадр вышколенных политических агентов, достаточно ловких и многочисленных для оккупации новых стран; и мне еще необходимо длительно пополнять мужской резерв российского народонаселения, столь жестоко растроченный во второй мировой войне»... Словом, каждый раз, как коммунистически изнасилованный организм России изнемогает и оказывается неспособным к военному нападению, так выдвигается эта лукавая формула. Причем, лукавое, «блюдение» этой формулы отнюдь не мешает советским коммунистам пускать в ход силы государств-сателлитов (например, Китая, Северной Кореи, Вьетнама или силы коммунистических партий в «мирно-рядом-жительствующих» странах (например, в Греции, Италии, Гватемале и т. д.). Такова советская дипломатическая практика за 37 лет. И казалось бы, европейские и американские дипломаты, среди которых есть настоящие «старожилы», призванные «запоминать» и учиться (хотя бы Уинстон Черчилль...), должны были бы знать, что означает этот затрепанный трюк. «К крестьянину вползла змея. И говорит: Сосед, начнем жить дружно!» А доверчивый крестьянин уже готов...

Впрочем, за последние годы военное соотношение сил переменялось и обновилось благодаря атомно-бомбному оружию: «мирное рядомительство» должно осуществляться при все возрастающем запасе атомных бомб у каждого из «мирных рядомжителей»...

Чтобы понять современное стратегическое положение дел, необходимо отступить на целый ряд лет назад. Вспомним времена Рузвельта и Трумэна. Рузвельт, как установлено литературой, вышедшей после его смерти в Америке, отличался тем, что не любил сложных ситуаций и совершенно не умел и не хотел вчувствоваться в них и разбираться в них аналитически, он выслушивал кое-каких, подобранных для этого из-за кулисы, советников и затем принимал решение единым «ахом» (см. книгу Гунтера: «Н. З.», т. 1, с. 335); это решение считалось последним словом всеамериканской «мудрости»... Но так как «кулиса», помогавшая ему «информацией», «освещением» и тому подобными способами, втайне сочувствовала русской революции и больше всего боялась бурного и радикального переворота в России, то у Рузвельта сложилось весьма благоприятное понимание большевизма: ему предносилось что-то вроде его возлюбленного «new deal», какие-то «социальные обновления» в сторону «демократической справедливости» и большевики стали казаться ему дерзающими, но вполне доброкачественными «мечтателями». Насколько в этом деле был повинен его менингит и насколько здесь влияла закулисная стряпня, об этом вряд ли будет раскрыта, когда-нибудь полная правда. Факт только тот, что трижды

«излюбленный» калека успел подыскать себе соответствующего заместителя, а заместитель этот (мистер Трумэн, специалист по галстукам и подтяжкам) успел подобрать себе такого статс-секретаря (Ачесона) и таких советников, которые все вместе тянули к советчикам и ныне в самой Америке чуть ли не публично обвиняются в предательстве интересов США. Самый главный «подвиг» их состоялся не в сдаче Китая коммунистам и не в увольнении гениального полководца Макартура, а в широком раскрытии дверей административного аппарата США для «салонных» коммунистов и прямых советских агентов. В это модное тогда течение «идеализирующего доверия» была вовлечена и Англия. Отсюда эти непоправимые последствия: 1) гостеприимная сдача коммунистам всей восточной Европы во время войны; 2) соглашения Ялты, Тегерана и Потсдама; 3) полная неспособность к удержанию атомно-бомбных секретов. 4) выдача русских белых воинов и беженцев («дипи») большевикам; 5) предательство в отношении оклеветанного и дезавуированного, некоронованного китайского монарха Чан-Кай-Ши; 6) развязание корейской войны со всеми ее осложнениями и последствиями; 7) утрата европейскими державами всякого колониального престижа (голландская Ост-Индия, французская Азия, английская Индия, Персия, Израиль, арабские государства Азии, Тунис и Марокко, национальное движение на Кипре, сдача Суэца англичанами, брожения на Мальте, в португальской Индии, в Судане, в Кении и даже в южной Африке)... И чем дальше, чем глубже все эти последствия, тем развязнее звучит фальшиво-аффектированный голос советского государства, доселе, по неисчерпаемой глупости западных дипломатов, смешиваемого с Россией: «сосед, начнем жить дружно!...»

Эта совместная «дружная» жизнь по мысли коммунистов должна бы сложиться так: полная лояльность западных, свободных держав, новая система советско-европейской безопасности, закрепленная торжественным советски-продувным словом и последовательная, до наглости доведенная нелояльность коммунистов. Все, чего коммунистам не хватает, запад должен ввозить частью в кредит, частью на наличные: таковы прежде всего «калибры», машины утонченной структуры, предметы оптики и корабельного строительства; однако не следует удивляться, если окажется, что советская страна готова закупать за границей и шерсть, и искусственные ткани, и мясо, и рафинированный бензин и даже зерно, и еще все то, что всегда имелось в России в изобилии, а ныне стало дефицитным товаром. Все эти претензии, надежды и расчеты могут быть выражены так: «мирное рядомительство будет состоять в том, что буржуазные государства помогут мне подготовиться как следует к новой агрессивной войне»... «так, как они доселе помогали мне поставками, инструкторами, а в последнюю минуту даже военным союзом» (германская политика эпохи Штресмана, Курциуса, Брюнинга и Риббентропа).

Однако, наряду с этим, такое мирное рядомительство будет состоять еще в упорном и коварном ведении так называемой «холодной войны». Она состоит прежде всего в наводнении свободных стран коммунистической агентурой: эти агенты разведывают, пропагандируют, подкупают, крадут секретные документы, похищают нужных им, или, наоборот, вредных им людей, производят обманные жесты и демонстрации (диверсии), организуют склады тайновезенного или украденного оружия, следят за противниками и ведут им списки, организуют ячейки сочувственников и распускают через них «полезные» лживые слухи, передают из центра распоряжения и деньги, организуют рабочих, соблазняют детей, невежественную молодежь и женщин, усиливают брожение в колониях, пробираются в буржуазную печать, связываются с «салонными» коммунистами и дают им шпионские и разлагательные задания, сеют клевету, изолируют сильных, берут на буксир слабых, разыгрывают в свою пользу гомосексуальных (всегда склонных к «перемене образа мыслей»), шантажируют преступных, заряжают своими планами порочных, нанимают беспринципных «ученых» и всегда состоят в тайном контакте с деятелями «мировой закулисы».

Все это вместе взятое равносильно систематической подготовке мирового вооруженного восстания, так, как это детально обрисовано по подлинным

коммунистическим первоисточникам в книге Alfred Normann. *Bolschewistische Welt Machtpolitik*. Gotthelf-Verlag. Bern. 1935. С появления этой книги прошло почти двадцать лет, но за эти двадцать лет основной план коммунистов ничуть не изменился, хотя и появились новые еще более утонченно-порочные и бесцеремонные приемы. В Европе всю совокупность этих приемов, защищаемых и прикрываемых советской дипломатией, называют «холодной войной», тогда как на самом деле здесь следовало бы говорить о предательском нападении или о криминальной подготовке всемирного восстания.

При этом невольно спрашиваешь себя: видят ли это господа западные премьеры, дипломаты и возглавители политической полиции, и, если видят, то разумеют ли они, к чему ведет эдакое «мирное рядомительство»? Тридцать лет тому назад они явно не понимали ничего. Потом началось медленное обучение, причем обучали их не наши эмигрантские разъяснения, которые они обычно ни в грош не ставили, а мероприятия самих коммунистов – всеобщие забастовки, вооруженные восстания, революционные брожения, гражданские войны с явным финансированием, участием и руководством коммунистов, случаи коммунистической пропаганды в западных армиях и флотах, организация так называемого «единого фронта», введение кулачных драк в парламенты и т. д. Это были фактические данные, неоспоримые, публично зарегистрированные события; оставалось воспринять их, продумать, осмыслить и сделать логические выводы политического характера.

Но здесь обнаруживалось что-то загадочное и труднообъяснимое: у призванных государственно-уполномоченных деятелей Европы и Америки обнаруживалось то, что в психологии, называется «явлением выпадения», какие-то очень важные душевные функции (осмысления и волевого решения) просто не составлялись. Министры видели, воспринимали, читали поданные им точные и честные доклады и вели себя так, как если бы все это были шутки и игры; незначительные эпизоды; любопытные, но «нормальные» проявления народной жизни и «свободы». Все это не принималось всерьез, а если встречало серьезное отношение, то это было сочувствие и содействие коммунистам. Так, немецкий рейхсвер не переставал мечтать о сближении с коммунистами, сделал им множество тайных одолжений и нисколько не возмутился, когда Риббентроп завершил эту мечту военным союзом. Так, швейцарское общественное мнение было отнюдь не на стороне генерала Франко во время туземной гражданской войны, но сочувствовало своим добровольцам, спешившим на помощь «освободительному» коммунизму. Так, Франция и Англия долгое время старались дезавуировать и опозорить испанского освободителя, генерала Франко. А европейская печать всех направлений и оттенков доселе старается рассказать, как можно больше «высокого и прекрасного» о достижениях своих «мирных рядомителей». Впечатление у нас всегда одно и то же: смотрят; видят; и не видят. Нельзя было не понять; и что же, поняли? Нет, не поняли. Надо решить и начать действовать; и что же, – приняли самое нелепое, самое слепое, самое непростительное решение. Впечатление такое, как если бы кто-нибудь надел им розовые очки; или уверил их в светлых намерениях коммунистов; или вынул им «из головы» всю главную думающую силу; или погасил в их душе все основные критерии добра и зла; или же, имея власть, запретил им думать и решать. Видел, думал и решил король Югославии Александр Караджордич, его убили. Видел, думал и решил русский финляндец Маннергейм; ему не дали своевременно власти. Созерцал, разумел и действовал архиепископ всея Латвии Иоанн Поммер, его убили и даже не позволили расследовать это злодеяние. Видел, думал и поступал умный швейцарец бундесрата Мотта, но полномочия его были не велики. Видел, думал и порывался действовать во время первой мировой войны Уинстон Черчилль, но с тех пор его окружение сумело его перековать по-своему и ныне он договаривает свои последние речи наподобие Ллойд-Джорджа. Увидел, уразумел и стойко держится спаситель Испании Каудильо Франко, но полномочия его ограничены его страной, а злобная клевета «мировой закулисы» годами делала все, чтобы лишить его авторитета и влияния в мире. Видит, разумеет и желает действовать замечательный человек и полководец Макартур, но его сумели «задвинуть» руками двусмысленного Трумэна. А остальные. Боятся. Боятся остаться в меньшинстве на выборах; боятся не угодить закулисе. И потому

говорят вредное и двусмысленное, или молчат. И вся «мудрость» их состоит в том, чтобы повысить экспорт своей страны и поскорее начать торговать с Советами...

* * *

Страны свободного запада хотят сразу двух вещей: во-первых, они хотят не подчиниться мировой диктатуре коммунистов, во-вторых, они хотят как можно скорее добиться активного баланса во внешней торговле, т. е. преобладания вывоза над ввозом, а вместе с тем и повышения своего производства, своей валюты и хозяйственного уровня народной жизни. Установим, что доселе в том и другом сразу ни одна страна еще не преуспела. Из больших государств хозяйственно процветают пока только Соединенные Штаты и Германия, но Соединенные Штаты вынуждены вести все обостряющуюся борьбу с коммунистической инфильтрацией, а Германия утратила свою восточную половину в порядке коммунистической оккупации и не сумела доселе оборониться надлежащим образом от всепроникновения советской агентуры (измена английского ставленника Джона!).

А «вывозить» свои продукты в страны советского блока хотели бы все, за исключением разве карликовых государств Андорры, Сан-Марино, Монако и Люксембурга, с которых нечего и взять.

Соединенным Штатам (дважды победившему государству) вывоз дается, конечно, легче всех, они вывозят помимо обычных предметов потребления – оружие и кредитную валюту, насыщая тем и другим все некоммунистические страны. Далее, поучителен необычайный хозяйственный подъем в Германии (дважды побежденном государстве): несмотря на огромные разрушения, военные «конфискации» (например, трест j.g. farben) и очень большие потери ранеными, убитыми и заморенными в плену, несмотря на чрезвычайную остроту жилищного вопроса (последствия бомбардировок!) и обеднение всего населения, несмотря на потерю всей восточной половины страны, с ее сельским хозяйством и промышленностью (Силезия! Саксония! Бранденбург!), несмотря на волны уплотняющих западную Германию беженцев с востока (число их уже перевалило за 10 миллионов), – западная Германия, которая только одна и заслуживает своего имени, переживает настоящее возрождение в делах производства и вывоза. Еще в 1948 году она вывозила в месяц на 200 миллионов марок, а в 1953 году она вывозила уже на полтора миллиарда марок в месяц; поэтому ее валюта так поднялась и окрепла, что превзошла швейцарскую и шведскую (не воевавших государств). За это же время число мотоциклеток возросло с 328 тысяч до почти двух миллионов, а число пассажирских автомобилей с 218 тысяч до одного миллиона ста двух тысяч. Главными предметами вывоза являются ископаемые (уголь), предметы кораблестроительства и машиностроения, тонкой механики и оптики.

Итак, вывозить хотят все страны; ни одна не может и не хочет примириться с временным пассивным балансом и с временным снижением уровня жизни ради того, чтобы не помогать коммунистам в их завоевании мира. Каждая говорит себе: «если я примирюсь с этим, то другие страны будут поставлять и богатеть; чего же ради?» И каждый спрашивает: если не в Советию, то куда же вывозить? Большие рынки захвачены Соединенными Штатами (так ли это?!), колонии отпадают (но разве это означает невозможность вывоза?!). Словом, все предпочитают двигаться по линии наименьшего сопротивления и зазывающей пропаганды; все не доверяют друг Другу и не желают дальнозоркого предвидения... А может быть, и не способны к нему? К тому же, советское золото, как и всякое золото, по древнеримскому выражению «не пахнет», а при товарообмене советское правительство имеет достаточно расчетливой сообразительности, чтобы вывозить приличное сырье...

И вот слагается поучительная в своем трагизме картина: мирное рядомжителство состоит в том, что противники добросовестно стараются помочь друг другу в подготовке к третьей мировой, атомной войне. Причем, можно быть уверенным, что западные державы исполняют свои обязательства добросовестно и не следуют совету прежнего германского министра торговли фон Раумера, который говаривал в тридцатых годах: «надо посылать им

бракованный товар, они все равно не разберутся в его качестве; эдак мы и вывозить будем и не усилим их ни в чем»... Но эти времена уже прошли и теперь бракованные и дефективные машины наверное не будут приняты советскими инженерами.

Что же остается западному миру? Поднимать уровень своего хозяйства, искать социального и колониального замирения, смыкать военные ряды, вооружаться, не выбалтывая ежеминутно всех военных секретов, крепить линию внешней обороны и проводить радикальную, неумолимую чистку в чиновничестве и в армии. Во всех этих заданиях без исключения западные державы будут наталкиваться на советские препятствия и интриги. Нет тех ухищрений, тех клевет и угроз, тех внутренних и дипломатических диверсий, которые не были бы пущены в ход советами для того, чтобы помешать разрешению этих заданий. Соблазнить выгодой, прижать к стене неудачной войной; сорвать социальный мир забастовкой; предложить и затянуть целый десяток мирных конференций; обещать призрачную уступку за реальный разлад; выкрасть все военные секреты и нанять к себе на службу их знатоков и изобретателей; а главное – прорвать линию западной обороны, сорвав через своих агентов чистку чиновничества и армий – все это делается непрерывно полным ходом в самых недрах западного мира, деятели которого то и дело видят себя беспомощными, одураченными, обманутыми в своих самых секретно-интимных учреждениях и доверенных чиновниках; видят и не знают, что начать...

Легко сказать: поднимайте уровень вашего хозяйства! Для этого нужно трудолюбие народа (которое нашлось у немцев и у итальянцев), согласие народа пройти сквозь неизбежный период полуголода, думать о производстве, а не о классовой ненависти (что итальянцам не удастся), и не ссылаться на «выигранную войну», которую народ может быть «выиграл» только силами своих союзников; для этого необходим тот крепкий жизненный и волевой заряд, который утомленная Англия находит лишь с трудом, а переутомленная Франция не нашла и доселе.

Не допустить социального замирения – на это марксисты первые мастера: классовое недоверие будет раздуто до размеров кровавожадной ненависти, а эта ненависть получит в руки контрабандное оружие. Два миллиона сто тридцать тысяч коммунистов недавно обновили в Италии свои партийные билеты на 1954 год (за год + 30000), итальянских комсомольцев насчитывается 423 тысячи, да новых баб удалось привлечь в партию 53000. А количество конфискованного у коммунистов оружия производит прямо жуткое впечатление, а сколько еще остается припрятанным и сколько ввозится вновь через Адриатическое море, не то из Албании, не то от Титоброза?

Что делается коммунистами в деле колониальных восстаний и отпадении, нет возможности подробно описать. План их ясен: лишить Европу ее колоний и соответственно колониального сырья и торговли и вызвать тем мировой хозяйственный кризис. Для этого им надо было наложить руку на Китай (это удалось при попушении Трумэна и Ачесона); а потом на японцев, малайцев, индусов, арабов и негров. Над этим они работают; это потребует еще немало усилий; и двух миллиардов долларов, ныне затрачиваемых ими в год на коммунистическую пропаганду, им не хватит. Особенно трудно им будет с японцами и арабами; и гораздо легче с индусами, над коими витает непротивленческая тень Ганди и от лица коих Неру уже совещался с Чжоу Энь Лаем, а ныне уже пытается провоцировать португальцев. Всех податливых азиатских и африканских туземцев ждет единая, одинаковая участь, указанная нами (см. «Н.З.», с. 104); они «освободятся» от «европейских империалистов», но, лишённые армий и военной промышленности, попадут в коммунистическое рабство, которое будут сами по слепоте и глупости обозначать как «русский империализм»...

Казалось бы, самое ясное и радикальное средство обороны должно было бы состоять в образовании единого американского-западноевропейского военного фронта. Но как создать его, когда Франция с ужасом думает о новом вооружении Германии, а военный союз европейских стран без Германии неизбежно урежет мощь этого союза и, вероятно, поведет к тайным соглашениям Западной Германии с Советией? Две первые мировые войны поселили

во французах сущую панику и даже угрожающие громы Даллеса не очень помогают в этом деле. Да и кто бы смог дать гарантию того, что через десять лет Германия не вернется к своей мечте о захвате и о планомерном обезлюдении русских территорий на востоке?.. В начале августа 1954 года и в Англии появились статьи («daily express и news cronicle»), тревожно предрекающие агрессивность новой Германии и решительно не доверяющих немецким неонационалистам. Тот же текущий август увидел вождей английской социал-демократии – правого Эттли, и левого Бивэна, – в Москве дружелюбно закусьивающими и перешептывающимися с Маленковым, Молотовым, Хрущевым и Вышинским: лавры Риббентропа, по-видимому, внушают им зависть, а страх перед Германией, жажда активного баланса и партийный подкоп под медлительного Черчилля пробуждают их предприимчивость...

О ежеминутном выбалтывании своих военных секретов, надо сказать следующее. Здесь имеются совсем особые трудности. Их две: во-первых, демократический строй, процветающий на западе; во-вторых, обилие всюду проникающих советских агентов.

Демократический строй по самому естеству своему есть строй дискуссии; он сам признает это и особенно дорожит этим неотъемлемым правом – публично обсуждать все государственные и общественные дела. Это «необходимо» ему и в порядке предварительного рассмотрения, и в порядке целесообразного осуществления, и в порядке последующего контроля. Можно ли решать, не обсудив? Можно ли осуществлять, не осветив в прениях самый порядок осуществления? Можно ли проводить контроль без гласного обмена мнений? Демократия к этому не способна. Для этого каждая газета окружает себя информаторами, а известно, что каждая сенсационная информация дает «обол»... Естественно, что информация и дискуссия в военных вопросах кажутся особенно существенными. Но понятно также, насколько это облегчает дело иностранных разведчиков. Где строится аэропланый или атомный завод; где открывается атомная лаборатория; какой сверхзвуковой быстроты достигают «наши» ракеты; где проходят линии радарной обороны – все имеют право все знать, обо всем рассуждать – устно и печатно. Внимательное чтение местных газет становится лучшим подспорьем для шпиона. И там, где тоталитарный строй все скрывает, изолирует, замалчивает и зажимает рты террором, в демократиях царит вольная словесность, тщательное разнохивание, печатная сенсация, конкуренция новостей. Военное дело требует молчания, тайны, конспирации. Государство, которое к этому неспособно, все время совещается, решает и строит в присутствии своих смертных врагов.

Можно ли помочь этому и как? Строжайшей личной дисциплиной. А если ее нет в народе и в прессе? Тогда придется выбалтывать все до конца и терять на этом позицию за позицией.

* * *

Но есть еще одно затруднение в этой борьбе «буржуазного» Запада с коммунистическим Востоком, затруднение, которое превращает все так называемое «мирное рядомительство» не то в иллюзию, не то в надругательство Востока над Западом. Это есть проникновение коммунистов во все не коммунистические страны, и особенно в их чиновничество и в их армии при полной неспособности демократических стран к политической чистке. На этом вся борьба Запада может сорваться.

Начнем с того, что коммунизм выработал особые формы неуловимости: таковы «криптокоммунизм», «салонный коммунизм» и «левая социал-демократия».

Криптокоммунист (скрытый, тайный) есть сотрудник и раб коммунистического центра: он только не берет партийного билета и не выступает публично; он помалкивает, где нужно и шепчет, где приказано. А доказательств, обличающих его, нет. Нередко он служит прямо разъездным агентом: перед гражданской войной в Испании – у него «спешные дела» в Мадриде; завтра он в Милане или в Лондоне; через неделю – он подвизается «паломником ко святым местам». А живет – приbedняется, одевается скудно, выпрашивает у родных и

знакомых.

«Салонный коммунист» печатается и разводит «идеологию», особенно на «экуменических» и закулисных съездах. Он проповедует «без пяти минут коммунизм»; изображает большевиков как «социальных мечтателей»; поносит историческую Россию; клеветает на «белых» и противленцев; «закапывает ров»; уговаривает эмигрантов ехать в Россию и, главное, научает иностранцев считать русскую историю только с 1917 года... В этом духе подвизался за последние годы своей жизни г. Бердяев.

«Левый социал-демократ», наподобие англичанина Бивэна, был бы совсем коммунистом, если бы только согласился называть себя так. Но он избегает этой непопулярной клички. Он не коммунист, а «сам с усам», со своей программой и с особой партией. Он, конечно, водится с коммунистами, а при случае слетает к ним, и погостит у них, и погуляет с очаровательным Маленковым в саду британского посольства. Но он не коммунист, а «лэбэрист»: неудобно ли его обличить и дезавуировать!..

Но если попытаться вывести на свежую воду и этих «неуловимых», и других, более уловимых, то закулиса начинает самую отчаянную оборону «свободы», «демократии» и отдельных обличаемых индивидуумов. Провозглашается, что свободны все мнения без исключения: не только консервативные, но и революционные и анархистские; не только патриотические, но и предательские; не только легально-лояльные, но и шпионские, и «гангстерские», и контрабандистские, и всякие. Какая же это демократия, которая смеет допрашивать граждан об их воззрениях, или обуславливать государственную и военную службу известным уровнем и направлением политических убеждений?! И если чью-нибудь коммунистическую или шпионскую свободу ограничивают, то надо оборонять этого «гонимого» всеми силами. Вспомним всемирные демонстрации в пользу двух проходимцев Сакко и Ванцетти в 1927 году. Вспомним такое же «мировое» движение за шпионов Розенбергов в 1953 году и особенно безобразную надгробную речь их защитника. Этим обеспечивается свобода коммунистической инфильтрации.

Но это еще поверхностная видимость обороны и сопротивления. Главная борьба со всякой антикоммунистической чисткой ведется незримо, «за кулисами, в кулуарах, клубах, салонах и министерствах. Вдруг образуется единый фронт за «свободу, демократию и гуманность», к которому примыкают не только «криптокоммунисты» и «салонные коммунисты», но и такие с виду «почтенные» деятели, которые никогда открытыми коммунистами не были, но они принадлежат к той партии, которая за последние 20 лет оказала коммунистам наибольшие поощрения или даже прямые услуги. И горе тому, кто попытается взять на себя от лица государства задачу радикальной чистки! Именно таково положение сенатора Маккарти в Соединенных Штатах.

Установим как бесспорный факт, что сколько-нибудь последовательная «чистка» проведена в Европе только в Португалии, Испании, Греции и Турции, причем Испания и Греция обязаны этим длительной гражданской войне; и в будущем не должны считать себя застрахованными от криптокоммунизма. В Германии этот процесс был начат и самым нелепым, зловредным образом сорван национал-социалистами. Ныне позорная история с перебежчиком Джоном вновь поставит эту проблему в западной Германии. Ни во Франции, ни в Англии о такой чистке нет речи: здесь инфильтрация совершается почти беспрепятственно, благоприятствуемая «демократическими» свободами, коммунистической наивностью англичан и самоуверенным «неопасением» французов. Не подлежит никакому сомнению, что торгово-дипломатические визиты Эттли и Бивэна (в Советии, в красном Китае) сделают такую чистку в Англии совсем не осуществимой. И только давление Соединенных Штатов заставило на днях (14 августа 1954 г.) англичан изъять блудение атомных секретов из ведения министерства снабжения, наивно взлелеявшего предателей Клауса Фукса и Бруно Понтекорво, и передать его особому отделу контрразведки. Но это совсем не означает начало чистки, напротив. Из других государств чистка имела бы особенное значение для Бельгии, Дании и Норвегии. Что же касается перезараженной через Титоброза Югославии и радикально мыслящей Италии, то здесь о чистке трудно и

заговаривать.

Но доведение чистки до конца имело бы кардинальное для дальнейшего хода событий значение именно в Соединенных Штатах. И вот почему.

В планы советских коммунистов отнюдь не входит разрушение Европы, но ее оккупация со всеми ее техническими и промышленными возможностями, и затем – тоталитарное порабощение ее населения. Советский союз несет Европе не войну, а революцию. Иное дело Соединенные Штаты, этот хозяйственный и политический колосс, который видит в Европе свою «передовую позицию» и стоит на страже ее политической свободы. Это главный, самый сильный и непримиримый враг Советии. Против него покажется война, а не революционная смена правительства, которая не была бы вовсе осуществима. Само собой разумеется, что эта война не была бы совсем невозможна, если бы Соединенные Штаты сумели сохранить в тайне свои атомные секреты и свое атомное вооружение. Но они не сумели сделать это: секреты их были похищены и международный сброд технических специалистов (особенно немцев и англичан), называемых «атомными учеными», разрабатывает на юге России военное использование этих секретов.

Итак, самое выгодное для Советии это разнести Соединенные Штаты и занять Европу. Но для этого необходимо подготовить победу над Америкой изнутри. Так как коммунистам до сих пор не удавалось инфильтрировать Америку, пробираясь в ее самые замкнутые и охраняемые производства и вербуя себе тайных «друзей» на высоких постах, так теперь им предстоит задача разложить персональный состав атомных заводов и воздушных опорных пунктов. Коммунисты не могут рисковать военной неудачей в грядущих столкновениях, ибо эта неудача означала бы не «отступление», и не «контрибуцию», и не территориальные уступки, а ликвидацию всего коммунистического движения во всем мире – от России и Китая до европейских сателлитов и Южной Америки включительно. Они сами отлично знают это и вот уже 7 лет работают над заострением этой мировой противоположности. Поэтому они начнут войну только тогда, когда будут считать себя победителями наверняка.

Победить же наверняка они могут только тогда, если в один прекрасный день советские атомные бомбовозы поднимутся и полетят, а американские и английские атомные бомбовозы и ракеты НЕ поднимутся и НЕ полетят. А это означает, что основная задача их сводится к внесению персонального разложения в мораль и дисциплину военных летчиков и атомных рабочих Америки и Англии. Вот почему американцы должны вспомнить обо всех случаях успешной «работы» коммунистов в Америке и особенно в западных армиях и флотах. Так, в 1927 году американцы были встревожены, открыв у своих негров коммунистическое движение. В сентябре 1931 года англичане были вынуждены считаться с брожением в своем флоте. В феврале 1933 года голландцы имели дело с матросским бунтом на своих кораблях (Ява). В августе 1933 года такой же бунт обнаружился в шведском флоте. В апреле 1934 года была раскрыта коммунистическая пропаганда во флоте Соединенных Штатов; в июне того же года – в английской армии; в сентябре того же года – в шведской армии и ряд саботажных поджогов на кораблях; в октябре того же года раскрыт коммунистический заговор во флоте Соединенных Штатов. С тех пор подобные вести шли отовсюду длинной гирляндой. И поэтому, когда мы теперь читаем о коммунистическом шпионаже, раскрываемом Гувером и Маккарти в Америке, о забастовке 3500 рабочих на американских атомных заводах (12 августа 1954 года) и о забастовке летчиков в Соединенных Штатах, то мы видим в этом не изолированные случайности, а скудно улавливаемые полицией данные о планомерной, давнишней и неумолимо проводимой системе действий.

Вот смысл «мирного рядомительства»: тянуть время до тех пор, пока воздушный флот Соединенных Штатов не утратит по персональным причинам свою боеспособность и пока победа не будет этим обеспечена коммунистам. Поэтому надо придавать особую важность доведению генеральной чистки в Соединенных Штатах до конца. Надо признать, что новый закон против коммунизма, только что (август 1954 г.) принятый в Соединенных Штатах, затруднит открытую циркуляцию коммунистов и ограничит их легальные права и

возможности, но отнюдь не помешает инфильтрации криптокоммунистов и нисколько не разрешит проблему очищения всех ведомств и организаций от той агентуры, которая уже просочилась повсеместно за последние десять-двадцать лет...

Нам трудно судить издали о работе сенатора Маккарти. Дело, за которое он взялся по поручению сената, требует огромной выдержки, осторожности, такта и совсем не терпит ни угроз, ни рекламы, ни преувеличений. Возможно, что политический темперамент вовлек его в неосторожные высказывания и мероприятия. Но тот поток ненависти, озлобленной клеветы и личной пачкотни, которым встретила «мировая закулиса» его чистку и который разлился по всей «демократической» прессе Европы, – обличает сам себя и отнюдь не заслуживает нашего доверия. Эту манеру отвечать на верное обличение злобной клеветой мы знаем давно, и тот, кто раз испытал ее на себе, узнает ее всегда при первом появлении.

Однако дело чистки совсем не связано, с одним лицом и одним именем. Не справляющийся, – если он действительно не справляется со своим делом, – может и должен быть заменен более способным и искусным, а таких Америка имеет в изобилии. Но надо помнить, что клеветники Маккарти хотят вообще погасить всякую политическую чистку в стране, опасаясь за «своих» и спасая их от разоблачения. Еще на днях (10 августа 1954 г.) почтенный старец Герберт Гувер, бывший президент Соединенных Штатов, произнес в день своего восьмидесятилетия речь, в которой утверждал, что «демократическая партия за 20 лет своего правления играла в руку Советам». На следующий же день доблестный американский генерал Клэрк, сподвижник Макартура, командовавший в Корее всеми силами НАТО, показал в докладе сенатской комиссии, что его настойчивое предложение послать бомбовозы за реку Ялу в Маньчжурию встретило своевременно в Вашингтоне категорический запрет, и что у него было «чувство, что начальники генеральных штабов поддерживают его план», но, что «государственный департамент Америки или кто-нибудь еще высший дает отрицательный знак». Он добавил: «я чувствовал, что при важных решениях откуда-то оказывается влияние»... Само собою разумеется, что со стороны демократов, криптокоммунистов и тому подобных элементов будет сделано все, чтобы не удалось установить, кто именно и почему сдал Китай и северную Корею коммунистам и не те же ли самые деятели провели ялтинское, тегеранское и потсдамское соглашения?..

При этом мы можем быть убеждены, что провал политической чистки в Соединенных Штатах чреват самыми грозными последствиями.

О чувстве ответственности

Когда будущие историки России захотят понять и осветить сущность белого движения, белой борьбы и белой идеи, – они должны будут усвоить себе то основное духовное побуждение, которое владело и двигало белыми сердцами. Это побуждение было – любовь к национальной России, живое, могучее чувство ответственности за все то, что в ней совершается и чувство собственного достоинства, чувство чести, уведившее людей в борьбу на жизнь и на смерть. Это были три главных источника, которым и в будущем суждено строить новую Россию, питая ее новое правосознание и созидая ее духовную культуру.

Скажем прямо и недвусмысленно: поколение безответственных шкурников и безответственных честолюбцев не освободит Россию и не обновит ее; у него нет и не будет тех духовных сил и качеств, которые строили подлинную Россию в прошлом, и которые необходимы для ее будущего. Русский человек, пройдя через все национальные унижения, беды, лишения и страдания, должен найти в себе духовное начало и утвердиться в нем, – постигнуть и принять свое духовное естество и призвание; и только тогда перед ним откроются двери в грядущую Россию.

Человек как духовное существо всегда ищет лучшего, ибо некий таинственный голос зовет его к совершенству. Он, может быть, и не знает, что это за голос и откуда он... Он, может быть, чувствует бессилие своей мысли и своего слова каждый раз, как пытается

сказать, в чем же состоит это совершенство и какие пути ведут к нему. Но голос этого внятен ему и властен над ним; и именно желание отозваться на этот призыв и искание путей к совершенству придают человеку достоинство духа, сообщают его жизни духовный смысл и открывают ему возможность творить настоящую культуру на земле.

А человек призван быть на земле именно Духом – не просто живым существом, наподобие животных и насекомых, и не только одушевленным созданием, удачно соображающим и желающим для себя всякой пользы, капризно и разнообразно чувствующим и нестесненно фантазирующим. Все эти душевные способности даются ему, но не для злоупотребления ими, а для благого и ответственного служения. И вот, первое, что необходимо каждому человеку, желающему творить культуру, это чувство своего предстояния, своей призванности и ответственности. Можно было бы сказать, что люди делятся на две большие категории: одни – безответственно ищут в жизни или своего наслаждения (это люди «поглупее»!) или своей пользы (это люди «поумнее»!); другие же чувствуют себя предстоящими чему-то Высшему и Священному, так, что даже не умея сказать, что это за Высшее и где обретается это Священное, они не сомневаются в самом своем предстоянии Ему. Мир не есть для них «вольное пастбище», данное им для личного прокормления и устройства; он не есть для них и случайное нагромождение «впечатлений», «явлений», удовольствий и неприятностей. Они чувствуют и прозревают великий смысл мирового вращения и своей собственной жизни; и не успокаиваются на том потоке «ничтожной суеты» и «мелкого сора» (А.К. Толстой), в котором тонут столь многие.

Это чувство предстояния и призванности сразу успокаивает их и тревожит; успокаивает, – ибо дает им ощущение некой высшей «водимости»; творческой основы, жизненного смысла и собственного достоинства; тревожит, – ибо вызывает в них живое чувство духовного задания, высшей ответственности и собственного несовершенства. Это возлагает на них обязанность не мириться со всем тем, что происходит в них и во внешнем мире, обязанность оценивать, искать верных мерил, выбирать, решать и творить. Это зовет их сразу к труду, к дисциплине и к вдохновению.

Такое удостоверение в собственной духовности и приятие ее есть первооснова живой религиозности. Ибо то Высшее, чему человек предстоит, есть Господь, Его зовы и Его божественные излучения. И призвание человека определяется именно свыше. И духовное измерение человеческой жизни и всех ее дел имеет тот же единый источник. И ответственность человека есть в последнем измерении всегда ответственность перед Богом.

Само собой разумеется, что человек не всегда отчетливо сознает это и редко может точно выговорить ощущаемое. Но это ничего по существу не меняет. Сознание есть не первая и не важнейшая ступень жизни, а вторичная, позднейшая и подчиненная. И закрепление в слове глубоких и священных жизненных сил дается не каждому человеку, дается не всегда и не легко. Здесь важно и драгоценно не умствование и не словесное описание, а твердое и глубокое укорененное чувство предстояния, призванности и ответственности. Духовность человека отнюдь не совпадает с сознанием, отнюдь не исчерпывается мыслью, отнюдь не ограничивается сферой слов и высказываний. Духовность глубже всего этого, могущественнее, богаче, значительнее и священнее.

Духовность человека состоит прежде всего в уверенности, что в пределах его собственной души есть лучшее и худшее, на самом деле лучшее; такое, качество и достоинство которого не зависит от человеческого произвола; такое, которое надлежит признать и перед которым подобает преклониться. К этому лучшему и высшему надо прислушиваться, сосредоточенно испытывать его, вникать в него, предаваться ему. И по мере того, как человек осуществляет это, он убеждается в том, что, это высшее и лучшее совсем не исчерпывается его личными пределами, но является в нем самом как бы излучением и энергией действительно Высшего и Совершенного Начала, которому он и предстоит на протяжении всей своей жизни. Приобщаясь, этому Началу, духовный человек не может не радоваться Ему, не может не возжелать Его и не полюбить Его. И очень скоро он удостоверяется в том, что это радование естественно и целительно, что это желание

драгоценно и жизненно необходимо, что эта любовь открывает ему настоящий доступ к жизненному свету, к истинной свободе, к подлинному бытию и личному духовному достоинству. В этом делании духовный человек научается преклоняться перед Богом, чтить самого себя, видеть и ценить духовность во всех людях и желать творческого раскрытия и осуществления духовной жизни на земле. Это и есть суцая культура.

Все это можно было бы выразить так: в основе подлинной духовной культуры лежит личная, искренняя религиозность культуротворящего человека. Религиозность есть живая первооснова истинной культуры. Она несет человеку именно те дары, без которых культура теряет свой смысл и становится просто неосуществимой: чувство предстояния, чувство задания и призванности и чувство ответственности.

Предстояние Высшему есть первый дар религиозности. Напрасно думать, что это чувство «унижает» человека или, придает ему «рабские черты». Такое мнение свидетельствует о том, что данному человеку далеко до истинной свободы: он боится попасть в «рабское» положение именно потому, что он все еще чувствует себя сам «недавним рабом», или «полурабом», или, если угодно «вольнотпущенником». Человек, нашедший свою свободу и утвердившийся в ней, знает, что никакие условия, ни внешние, ни внутренние, не могут отнять у него этой свободы: ибо от того, что другие люди будут обходиться с ним, как с рабом, его свобода не угаснет, а только углубится до пределов внешней недосыгаемости: сам же он никогда не усвоит рабскую установку. Свобода, вообще говоря, не дается», а «берется»: она берется духом, как его неотъемлемое достояние и соблюдается им, как неотчуждаемая святыня. Но для того чтобы это совершилось, свобода должна найти свой источник в том Высшем, которому она имеет счастье предстоять и от которого исходит всяческая духовность и всяческая свобода. Именно это имел в виду мудрый Томас Карлейль, когда писал: «В груди человека нет чувства более благородного, чем это удивление перед тем, что выше его»...; «человек не может вообще знать, если он не поклоняется чему-либо в той или иной форме»... * Надо сказать еще больше: человек, не может творить культуру, не чувствуя себя предстоящим именно тому, что он должен осуществить в своем культурном творчестве. «Творящий» без верховного начала, без идеала, перед которым он преклоняется, не творит, а произвольничает, «балует», тешит себя или просто безобразничает (наподобие Пикассо и других модернистов). Новые поколения, следующие за нами, должны признать, что поклонение Богу не унижает человека, а впервые довершает его бытие и возвышает его. Человек же, который «ничему не поклоняется», обманывает сам себя, ибо, на самом деле, он поклоняется себе самому и служит своей бездуховной и протаводуховной похоти. И культура его будет не культурой, а беспредметным посяганием и произволением, лишенным главного, не способным ни познать истину, ни создать художественное, ни совершить любовное, благое и чистое, ни узреть и раскрыть справедливое право.

* См. «Герои и героическое в истории», с. 37, 113.

Предстоящий измеряет себя именно тем, чему он предстоит. Именно это следует иметь в виду, читая Евангельские слова. «Будьте совершенны как совершен Отец ваш Небесный» (Матф. 5.48). Предстоящий Богу измеряет и оценивает себя лучами Божественности. Предстоящий совершенству судит себя высшим, доступным человеку критерием. Предстояние подымет сначала взор человека, потом сердце его и волю его; оно вызывает в нем новые мысли, новое понимание себя, других людей и всей вселенной. Строение его души, доселе бывшее как бы одноэтажным домиком, надстраивается и возвышается. Его око начинает видеть новые «пространства», усваивает их и приобщает их к своей жизни. Или можно сказать: душа его переживает некое священное окрыление. Сердце его воспринимает новые, горние лучи и научается радоваться им, ожидать их и трепетать от этого ожидания. Воля его научается выходить из всего чисто личного, мелкого и пошлого, и сосредоточивается на лучшем, на объективно-лучшем, на совершенном; она научается представлять себе это лучшее не только «вверху», но и «вперед»; она находит в нем жизненное задание для своего будущего. Так пробуждается и крепнет в человеке живая

совесть. Не совесть, угрызающая за несовершенство в прошлом добра или за совершение в прошлом зла, но совесть, как творческая энергия, энергия любви и воли, направленная вперед, в будущее, к предстоящим совершенствам. Она же и дает человеку то высшее счастье на земле, которое выражается словами духовное достоинство и призвание.

Духовное достоинство состоит в том, что «предстоящий» человек утверждает свою жизнь приятием Божественного, любовью к Нему и верностью к Нему. Он приемлет Его лучи и эти лучи проникают в его душу до самого дна. Он проникается ими, как бы питается и животворится ими, и они сообщают ему свой огонь, свой свет и свое тепло. В них он находит свое бытие; так, что самое существо или естество его личности определяется и освящается ими. В глубине его души как бы строится храм, и в храме этом утверждается алтарь и престол с неугасающим светильником. И не в том смысле, чтобы этот храм, и престол, и светильник – были бы «доступны» ему, как извне приходящему «прихожанину», но в том смысле, что этот храм есть его собственная обитель, и престол этот есть его собственная святость и светильник этот есть его собственное горение. Не только «в нем есть пламя», но он сам в полноте своего духовного бытия есть это пламя. И это пламя есть его Главное, от которого он не может отказаться, которым он дорожит превыше всего своего «прочего», и которому он не может изменить. И чувствуя это удостоверенно, он начинает постигать, что значит «читать самого себя» (Пушкин!) и что такое есть чувство собственного достоинства.

Вот где скрывается последний и безусловный корень духовной ответственности, без которой человеку достойно жить на земле и невозможно создавать духовную культуру.

Человек как свободное и зрелое существо отвечает за свою жизнь, за ее содержание и за ее направление. Это духовно-естественно и неизбежно. Дух есть живая сила, энергия, которая чувствует себя выбирающей, решающей и действующей; и это самочувствие его не иллюзия и не обман. Тайна свободы, – или как обычно говорят «свобода воли», – состоит в том, что сила духа способна сосредоточиваться, укреплять себя, увеличивать свою силу и преодолевать свои внутренние затруднения и свои внешние препятствия. Дух человека «свободен» не в том смысле, что на него «ничто не влияет», или что он не несет никакого бремени «воздействий» и «причин»; но в том смысле, что ему дан дар самоусиления, самоосвобождения, который он должен принять и в пользовании которым он должен искушаться и укрепиться. Обычная воля человека есть не более, чем потребность, влечение, страсть или упрямство. Но духовная воля человека есть дар освободить себя от всякого неприемлемого и отвергаемого воздействия, как внутреннего, так и внешнего. Человеческому духу присуще это живое чувство: «я мог в прошлом поступить иначе», и, соответственно, «я и в настоящем могу выбрать, решить и осуществить свое решение». Повторяю: это не иллюзия и не самообман, ибо эта мощь самоусиления своей мощи действительно присуща человеческому духу. Неискушенному – и не опытному может казаться, что он «не умеет», или «не знает, как начать»; что он «слаб» и «беспомощен». Но ему будет казаться это лишь до тех пор, пока он будет сохранять «душевную», а не «духовную» установку. Ибо душа человека может действительно «духовное не уметь» и чувствовать себя «духовно-слабой и беспомощной»; ей неизбежно пребывать «под давлением обстоятельств» и «влечений»; для нее естественно колебаться, откладывать, не дерзать, искать оправданий и ссылаться на «среду», которая ее «заедает». Но для духа все это неестественно, чуждо, странно и мертво. Дух есть живая энергия: ему свойственно не спрашивать о своем умении, а осуществлять его; не ссылаться на «давление» влечений и обстоятельств, а преодолевать их живым действием. Как сказал однажды Карлейль: «Начинай! Только этим ты сделаешь невозможное возможным».

Свобода духа состоит в том, что не его определяют «влечения» и «обстоятельства», а он определяет сам себя, то расценивая свои влечения и видоизменяя свои обстоятельства, то извлекая из себя решения и свершения, идущие наперекор всем обстоятельствам и влечениям. Свободы полной, тотальной, абсолютной нет и быть не может; и можно только радоваться тому, что человек лишен таких свойств и способностей. Ибо трудно себе даже представить, что за кошмарное создание представлял бы из себя человек, способный

ежесекундно к проявлению какого-то метафизического произвола, обреченный на такие свойства, как невоспитываемость, непредусмотримость в решениях и поступках, неменяемость, хаотическая капризность и способность в любой момент провалиться в невиданную бездну зла. Общение с такими людьми исключало бы всякое доверие, всякое воспитание, всякий порядок и всякое участие в прекрасном космосе и в Царстве Божиим. Можно только благодарить Бога за то, что такая свобода не дана человеку. На самом же деле свобода есть сила и искусство человека определять себя самого и свою жизнь к духовности согласно своему предстоянию, своему призванию и своей ответственности.

Вот откуда у человеческого духа эта бессознательная, но твердая уверенность: «я мог иначе, но не сделал того, что мог»; или: «я должен был совершить такой-то поступок и мог это сделать, но не сделал»; и соответственно: «многое в моем настоящем и будущем дается мне как готовое и неизменяемое, но мой личный образ действий зависит от моего выбора и решения, а следовательно, от моего призвания и от моей ответственности». При таком самочувствии и понимании явление зовущей совести и явление укоряющей совести получают свой полный смысл и значение. Призывы совести бесконечно расширяют горизонт человеческих возможностей, утверждая в каждом из нас способность найти путь к совершенству и вступить на него, возвращаться на него после ошибок и падений и, всегда созерцать ту даль, в которой это совершенство нас ожидает. А укоры совести освещают нам те ошибки и падения, которых мы не сумели избежать; мало того, они как будто указывают нам, почему именно эти ошибки и падения состоялись, каких именно усилий наша свободная воля не совершила «тогда» для того, чтобы избежать уклонений и неудач, и какие именно усилия надо осуществить «теперь», чтобы укрепить себя для будущего. И практический смысл христианского покаяния и исповеди «на духу» состоит именно в том, чтобы оживить в душе человека чувство предстояния, энергию совести, веру в свое призвание, жажду духовной свободы и чувство ответственности... Отсюда уже ясно, какое великое значение имеет «священное недовольство» человеческого духа самим собою, а также трезвое, честное, искреннее самоосуждение, которым «заболевает» духовно выздоравливающая душа.

Итак, предстоящий дух призван, а призванный человек ответствен; и в основе всего этого лежит дар к самоосвобождению, сообщенный человеческому духу свыше.

Как это просто, ясно и бесспорно: человеку подобает жить не состояниями, а действиями, и соответственно отвечать за эти действия. Дух человека подобен не воде, бесформенно растекающейся и безвольно плещущейся в своем ложе. Он не подобен и песку, пассивно лежащему, пока лежит, и пассивно осыпающемуся, «сползающему», когда потянет вниз. Дух человека есть личная энергия и притом разумная энергия; разумная – не в смысле «сознания» или «рассудочного мышления», а в смысле предметного созерцания, зрячего выбора и действия в силу духовно-достаточного основания. Так, созерцал; так возлюбил; так выбрал; так совершил; – и потому признаю это деяние моим деянием, поддерживаю его основания и мотивы и принимаю на себя ответственность за совершенное, признаю свою ошибку за ошибку, свое «заранее обдуманное измерение» признаю за таковое, – и вина моя, и заслуга (если она есть) моя, и последствия мною совершенного я готов нести и за них отвечать. Неспособный к этому не может считаться ни деятелем, ни человеком с характером, ни морально зрелой личностью, ни творцом культуры, ни воспитателем, ни врачом, ни священником, ни солдатом, ни судьей, ни политиком, ни гражданином. Он есть робкий обыватель, трус, карьерист или ловчила. Он сам себе не доверяет, а потому и ему не следует доверять. В старой Руси про таких людей говорили: «бегун и хороняка». Да и что может быть более жалкое, чем безответственный чиновник или политик, имеющий полномочия, призванный действовать, обязанный решать – и мечтающий об одном: занести себе «на приход» свои жизненные успехи и уклониться от «расплаты» по закону об ответственности?..

Отсюда уже ясно, что необходимо различать предварительную ответственность и последующую ответственность.

Предварительная ответственность есть живое чувство предстояния и призванности, и в

то же время – живая воля к совершенству. Человек не совершил еще деяния; может быть и не решил еще, что делать; может быть даже и не избрал своей высшей ценности и не наметил своей высшей цели. Он только чувствует в себе активную силу и волевою энергиею, он предвидит возможность и неизбежность будущих деяний – и связывает их намерением и внутренним обязательством осуществить «наилучше наилучшее». Он ставит себя перед Лицом Божиим и «предстоит»; он слышит призыв к совершенству и осмысливает его как свою «призванность»; он приемлет эту призванность и как бы «заряжает» свою душу волею к совершенству. Еще не совершив, он уже знает о своей ответственности. И это чувство своей ответственности – сразу дисциплинирует его, сосредоточивает его и вдохновляет.

Значение этой предварительной ответственности в культурном творчестве основополагающе и велико. Чтобы убедиться в нем, достаточно представить себе человека, который берется за какое-нибудь творческое дело и лишен предварительной ответственности. – Что создаст живописец, который не знает ничего высшего и священного над собою, не чувствует своей призванности сказать верное, зоркое и значительное, и нисколько не намеревается создать «наилучше наилучшее»? Он будет только тешить свою живописную похоть, писать кое-что и кое-как, капризничать, демагогировать или дразнить воображаемого зрителя, произволить и безобразничать. Не так же ли обстоит дело с поэтом, музыкантом, скульптором и архитектором? Именно отсюда возник весь современный «модернизм» в искусстве... – Что познает безответственный ученый, который не связал себя внутренне аскетической клятвой – созерцать неутомимо, исчерпывать все возможные средства и пути для удостоверения, не шадить опытных усилий, не выдавать гипотезу за истину и утверждать с силою окончательности только достоверное и очевидное? Страшно и гадко думать о том, во что превратится у него научная культура. – Чего можно ждать от безответственного судьи, не требующего ни верного правосознания от себя самого, ни очевидности в изучении факта, ни прозрения в душу подсудимого, ни точного знания, закона? Такой судья, не ведающий ни предстояния, ни призвания, ни желания осуществить «наилучше наилучшее» создаст режим произвола, коррупции и кумовства. Безответственный политик есть интриган и карьерист, деятель, столь же отвратительный морально, сколь пагубный в общественном отношении; а между тем современная государственность кишит людьми и в демократиях, и в тоталитарных государствах. Кто захочет лечиться у безответственного врача? Кто поручит своих детей безответственному воспитателю? Кто захочет принимать молитвы и таинства от безответственного священника? Какой полководец выиграет сражение, командуя безответственными офицерами, ведущими в бой безответственных солдат? – Люди, не ведающие, что есть чувство предстояния и призванности, и что есть воля осуществить «наилучше наилучшее», не способны творить настоящую духовную культуру. В этом приговор и им, и создаваемой ими лжекультуре...

Такова сущность, таков смысл ответственности – и предварительной и последующей – в деле творческого обновления и углубления грядущей духовной культуры. И тот, кто продумает это, тот примет на себя обязанность изъяснить это другим. А русский человек сразу поймет, что это всего важнее в деле возрождения России.

Именно отсюда росло и выросло российское Белое движение.

Долой политическое доктринерство!

Тот, кто желает служить России в сфере политики, должен прежде всего понять, что к этому служению необходимо умственно и нравственно подготовиться. Ибо, в самом деле, политика не только не легче любого ремесла, но гораздо труднее, сложнее, ответственнее, глубже и тоньше. Сапожники учатся своему делу, долго и старательно; учатся маляры, слесари, переплетчики, трубочисты, каменщики, столяры. А о политике в современном мире часто думают так: «Если у тебя есть досуг и желание фигурировать, то займись, пожалуй,

политикой... Это дело простое: надо только выбрать определенную доктрину (ее можно заимствовать, а можно и самому выдумать!..); потом надо примкнуть к какой-нибудь организации, которая захотела бы финансировать твое политическое «предприятие» (лучше – негласно, из-за кулисы!..); и затем надо познергичнее выдвинуться на первые места, провозглашая свою компанию «ведущим слоем»... А остальное – само придет... Чтобы издавать на субсидию какую-нибудь газетку или журнальчик, – кому ума не доставало? Не боги горшки обжигают... А раз начавши фигурировать, скоро привыкнешь и любого конкурента незаметно перефигурируешь»...

Конечно, лучше придумать для своей партии и для своей газеты удачное название, чтобы «влекло» и «обещало». Например, хорошо назвать партию «Дружинное Движение» – в самом названии слышен уже мерный шаг дружно марширующих Дружин; или «Грядущая сила» – сразу ясно, что это «Сила» и что «Грядущее» за тобою обеспечено. А газету можно, например, назвать «Русская Идея», особенно, если за ней скрывается антирусская и враждебная. Православию католическая пропаганда; или «Единая Россия», особенно, если в программу газеты входит незаметная подготовка умов к расчленению и распадению России. Но разве в политике важна правда или честность? В политике нужна предприимчивость, нахрап и ловкость рук. А если найдется много доверчивых глупцов, так на то им и глупость дана, чтобы «доверять» и плестись в хвосте более бойких болтунов.

И вот последствия этого: множество полуобразованных и дилетантов безответственно занимается безответственной политикой. Люди ставят неверные вопросы, решают их вкривь и вкось, пишут, печатают и фразерствуют... фразерствуют без конца. И доселе не понимают, что и февральская, и октябрьская революция родилась именно из такой политики, что именно к такому нахрапу сводится советская государственность, и что из такой эмигрантской политики не выйдет ни добра, ни спасения. Здесь все вопросы ставятся неверно; и уже в силу одного этого – решаются фальшиво и погибельно. Фальшивые решения незаметно въедаются в сознание, становятся привычными и распространенными воззрениями, создают незаметно атмосферу безответственной фразы, ошибочности и лжи, и искажают всю нашу политическую деятельность. А враги наши искусно играют на этом, чтобы одурачить нас окончательно...

Отсюда у нас в политике такое множество вредных предрассудков и тупого доктринерства. Ибо к доктринерству в политике склонен прежде всего тот, кто сам не умеет думать, а живет чужими готовыми мыслями. Это самые упорные доктринеры – доктринеры чужих доктрин. Наилучший пример тому доктрина марксизма и ее окаменевшие («твердокаменные!») последователи. Эти счастливые «обладатели истины» давно уже развернули осуществление своей программы, давно уже обнаружили ее тоталитарное безумие и ее трагические последствия. Давно уже все разумные люди, прикоснувшиеся к слепой прямолинейности «ленинизма» и к свирепой деспотии «сталинизма», поняли все противоестественное безумие этой доктрины; давно уж? все народы, подпавшие этой деспотии, ужасаются, изнемогают и гибнут; давно уже эта теория и практика стала символом рабства, унижения, муки и нищеты. Но доктринеры чужой доктрины продолжают «веровать» и собираются в будущем водворять повсюду вместо марксистского «коммунизма» – марксистский «социализм». Так, например, и заявляют: России больше не будет, а будет множество мелких государств, демократических и социалистических.

В этой связи выступает вторая политическая доктрина современности – демократизм. Везде и повсюду, при всех условиях – есть только одно политическое спасение, а именно водворение демократического строя. Чтобы быть «почтенным» и «признаваемым» деятелем, надо быть демократом, а это значит верить в демократию и требовать ее осуществления. Пусть введение демократии в России (1917) погубило нашу родину и стоило жизни ста миллионам русских людей; пусть введение демократии в Германии привело к национал-социализму со всеми его тягчайшими последствиями; пусть современная Франция заведена своей демократией в политическое безволие, в хозяйственное бессилие и в стратегический тупик; пусть в современной Италии демократический строй вырождается в

политику парламентских драк и коммунистических интриг, так, что министры называют коммунистических парламентариев в лицо «подданными чужого государства и продажными шпионами» (20.X.1954). Знаем, что все это неоспоримые факты и видим, что, несмотря на все это, «вера в демократию» продолжает быть критерием и требованием «мировой политики»... Демократиям надо сочувствовать, чтобы в них ни происходило и какие бы ни были последствия; дурное, превратное, больное и развратное в них надо замалчивать или объяснять коварными происками «анти-демократов». Критика – трезвая, зоркая, честная – недопустима. Правды не нужно! К чему она? Важно одно: чтобы всюду, водворилась демократия, к чему бы это ни привело... Да, именно: хотя бы к ее гибели, подобно тому, как это наблюдалось перед второй мировой войной, когда в Германии, Австрии, Венгрии, Польше, Советии, Румынии, Латвии, Литве, Эстонии демократия оказалась скомпрометированной и угасшей. «Да осуществится демократия – и да погибнет мир!» А мы призваны верить в нее и призывать ее во что бы то ни стало...

На то она и есть доктрина, а ее сторонники – «премудрые» доктринеры...

* * *

Наблюдая и учитывая все это, трудно отделаться от впечатления какого-то доктринерского безумия, овладевавшего народами за последний век и ныне торжествующего в массе. И пусть нам не говорят, что если в Швейцарии, Швеции, Голландии и в Соединенных Штатах демократический строй «справляется» с местными государственными заданиями, то он может и должен быть введен повсюду. Так эти вопросы не решаются. Все народы различны. Различны их территории, их климаты, их душевные уклады, их религии, их мораль, их культура.

Политическая «уравниловка» есть такая же нелепость, как и хозяйственная. Нелеп тот строй, который навязывает всем семьям один и тот же семейственный уклад. Ничего не стоит тот врач, который прописывает всем пациентам один и тот же режим, одно и то же лечение. Каждая армия строится по-своему: иначе прусская, иначе английская, иначе русская, иначе армия Соединенных Штатов. Какому воспитателю придет в голову воспитывать и наказывать всех детей одинаково? Какой глупый адвокат поведет одинаково все порученные ему процессы? Какой тупица-психиатр начнет лечить всех своих больных по единой схеме? Откуда эта нелепая мысль, что есть единое политическое устройство, всюду целесообразное и благотворное? Она понятна в устах гимназиста, она уже непростительна рядовому интеллигенту, но в устах серьезного политика она является безумным доктринерством.

Демократия может быть уместна, целесообразна и политически оправдана в одних государствах, и может быть совершенно неподходяща, прямо губительна в других. Политический режим не выбирается человеческим произволом; он не выдумывается по усмотрению; он не насаждается механически в зависимости от упрямства политиков. И в этом отношении он даже не похож на одежду человека, ибо ее можно менять по произволу. Политический режим («конституция») подобен скорее личному укладу человеческого тела («индивидуальной конституции», как говорят врачи): у каждого человека свое особое строение организма, своя сила и слабость, свои недуги, свои дары, свои пути. И потому каждому из нас полезен свой особый образ жизни. Каждому свое. Каждому по его силам и способностям. Политическое доктринерство отжило свой век. Мы не должны и не смеем превращать политическую доктрину в предмет веры, или в основу мирозерцания, или в критерий добра и зла! Не только в силу духовной терпимости («пусть каждая страна по-своему кует свое счастье!»), и не только в силу политического такта («в чужой монастырь со своим уставом не ходят»), но и в силу государственного опыта, наблюдения и разума. Мы можем уважать демократию в Швейцарии и в Англии, республику в Соединенных Штатах. И в то же время мы должны свободно и предметно ставить вопрос о России: имеются ли в России и будут ли в России после революции – необходимые предпосылки для

демократии? И если они будут налицо, то в чем же именно они будут выражаться? А если их не будет, то не явится ли безумием и предательством требование «демократической республики» в России?!..

Демократия медленно зрела и складывалась в Англии под покровом королевской власти и родовой аристократии. Море воспитывало характер англичанина; строгий климат и мореплавание шлифовали его. Мировая торговля давала людям имущественную самостоятельность, развивала личную инициативу, укрепляла правосознание. Страна оставалась по существу маленькой метрополией со свободным уходом людей в обширные колонии. Страна оставалась островом с возрастающей промышленностью и интенсивным хозяйством. Страна была образцом самодеятельного, медленного богатения, консервативного духа, культивировавшего законность и медленную демократизацию. И она научилась демократическому режиму. Значит ли это, что демократия уместна во всех государствах и у всех народов? Самая постановка такого вопроса не свидетельствует ли о том, что мы не уважаем силу суждения господ демократов, допуская с их стороны возможность такого обывательского легкомыслия?..

Швейцария сложилась на протяжении веков из маленьких самоуправляющихся общин. Здесь горы делили людей, а потом объединяли их, приучая их к свободолюбию и самоуправлению; горы воспитывали силу характера; горы обороняли свободных людей от завоевания соседями. Поколение за поколением выросло здесь в суровом труде, в дисциплине, в искусстве метко стрелять и отражать сильнее врага, в традициях братского договора («клятвотоварищества») и верной взаимной поддержки. Страна оставалась маленьким «горным островом»; она медленно богатела от пастушества и скотоводства, культурно одолевая свою природу, обслуживая воинственных соседей в порядке найма, и транзитную торговлю – в порядке пропуска. Она доселе изумляет всякого, кто внимательно изучает ее, своим консерватизмом, своим сочетанием религиозности, верности и свободы. Вследствие всего этого Швейцария умеет быть демократией и всякая попытка поднять в ней антидемократическое движение была бы проявлением глупости и измены. Но пусть не удивляются наивные наблюдатели: самые демократические кантоны Швейцарии обладают способностью незаметно выдвигать правящее меньшинство в непосредственном кантональном собрании; исследователь найдет в Швейцарии и мощное противодействие женскому равноправию и обычай телесного наказания в применении к взрослым людям из рецидивистов... Можно ли из всего этого заключить, что необходимые предпосылки для демократии имеются у всех народов и во всех государствах?!.. Не наивно ли это?..

Итак, нет «единого государственного строя», который был бы «наилучшим» для всех стран и народов. Ироническая русская поговорка говорит: «что русскому здорово – то немцу смерть». Эта поговорка сохраняет свою верную мудрость и при обратном изложении ее смысла: «что англичанину здорово, то русскому не по силам»; «что французу сходит безнаказанно, на том русский сломит себе шею»; «от чего Швейцария цветет, на том Россия может погибнуть»... И замечательно, что умнейшие и дальнорукые иностранцы знают это и понимают; и, беседуя с нами, русскими патриотами, они усердно советуют нам вернуться к русской монархической традиции, осуществляя ее по-своему, по-русски, и в то же время творчески и всенародно, в славном духе Императора Александра Второго.

Замечательно, что на введении демократии в грядущей России настаивают, во-первых, неосведомленные и лукавые иностранцы, а во-вторых, бывшие российские граждане, ищущие ныне разложения и погубления России. На самом же деле «демократия» совсем не есть легко вводимый и легко устранимый режим. Напротив – труднейший, о чем еще недавно гласно заявлял французский президент Венсен Ориоль. Демократия предполагает исторический навык, приобретаемый народом в результате долгого опыта и борьбы; она предполагает в народе культуру законности, свободы и правосознания; она требует от человека – политической силы суждения и живого чувства ответственности. А что же делать там, где всего этого нет? Где у человека нет ни имущественной, ни умственной, ни волевой

самостоятельности? Где все подготовлено для своекорыстия и публичной продажности? Где дисциплина не сдерживает личного и совместного произвола? Где нет ни характера, ни лояльности, ни правосознания? Все-таки вводить демократический строй? Для чего же? Чтобы погубить государство и надругаться над всеми принципами демократии? Чтобы все закончилось коррупцией, безобразной смутой, гражданской войной и разложением государства? И все во имя доктрины?!..

Именно такого воззрения держатся русские политико-доктринеры, доживающие свой век в эмиграции. В их политической словесности – термин «демократ» равносителен одобрению, комплименту, благонадежному паспорту, рекомендации; а термин «монархист» означает «реакционер», «черносотенник», «погромщик» и т. п. Не знаю, верят ли они сами своим словам, но доктринеры, не умеющие думать самостоятельно и живущие чужими готовыми мыслями, способны верить и не таким глупостям. И понятно, что вследствие этого глупое и вредное доктринерство торжествует над жизнью. И как часто мы видим, что люди торопятся объявить себя «демократами» ради признания со стороны недругов России и ради закулисных субсидий!..

Но мы-то должны быть свободны от этого. Пусть другие народы будут счастливы и несчастливы по-своему и пусть не мешают нам строить Россию по-русски, жизненно и исторически верно, без доктринерства и без слепого подражания Западу! А если демократический террор будет и впредь торжествовать в эмиграции, тогда

«Мы возбудим течение встречное –
Против течения!»

Граф А. К. Толстой

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке RoyalLib.ru](http://royallib.ru)

[Написать рецензию к книге](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)